

*Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)*

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 58

ПУШКИН И 1812 ГОД

**МАТЕРИАЛЫ
научно-практической конференции
«Золотой век французской книги в России»
(4–8 апреля 2012 года)**

**и Михайловских Пушкинских чтений
«Пушкин и 1812 год»
(15–19 августа 2012 года)**

Сельцо Михайловское
Пушкинский Заповедник
2013

Серия основана в 1996 году.

П 91 **Пушкин** и 1812 год : Материалы научно-практической конференции «Золотой век французской книги в России» (4—8 апреля 2012 года) и Михайловских Пушкинских чтений «Пушкин и 1812 год» (15—19 августа 2012 года) : [сб. ст.]. — Сельцо Михайловское : Пушкинский Заповедник, 2013. — 376 с. — (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 58).

ISBN 978-5-94595-069-6

В очередной выпуск «Михайловской пушкинианы» вошли материалы двух музейных конференций, которые прошли «под знаком» чрезвычайно важного для России юбилея — 200-летия победы русского оружия в Отечественной войне 1812 года и участниками которых стали музейные работники, историки, литературоведы, педагоги, прочие специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Пскова, Пушкинских Гор и других городов и посёлков Российской Федерации.

ББК 83.3 (2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-94595-069-6
(Пушкинский Заповедник)

Так получилось, что в 2012 году в Пушкинском Заповеднике главными событиями, посвящёнными 200-летию победы русских войск в Отечественной войне, стали две конференции. Одна из них — Михайловские Пушкинские чтения с более чем полувековой традицией. Темой этих чтений стало: «Пушкин и 1812 год», и другой в 2012 году, пожалуй, просто и быть не могло — так много в судьбе поэта и его ближайшего окружения значила победоносная война с Наполеоном, на какое-то время поставившая Россию во главе Европы («Мы очутились в Париже, / А русский царь главой царей»). Открытость темы сделала чтения доступными как для узких специалистов историков и литературоведов, для признанных пушкинистов, так и для энтузиастов, занимающихся Наполеоном и Пушкиным по зову души, вне связи с основной профессией. Это, может быть, снизило пресловутую «планку научности» в части выступлений, но сделало чтения гораздо более интересными для широкой публики, а также позволило развернуться горячим дискуссиям вокруг докладов. Зато единодушными оказались участники при обсуждении темы следующих чтений: музей просто «не имеет права пройти мимо» 400-летнего юбилея Дома Романовых, и поэтому Михайловские чтения в августе 2013 года будут посвящены отношениям художника и власти.

Вторые чтения были своего рода дебютом — впервые в апреле в Пушкинском Заповеднике была проведена конференция, посвящённая книжным собраниям России, точнее — французской части этих собраний. Называлась она «Золотой век французской книги в России» и была задумана, с одной стороны, чтобы установить контакты с весьма немногочисленными специалистами в этой области и возобновить обсуждение начатых ещё в советское время исследований французской книги, а с другой — чтобы представить научной общественности разработки

музея по этой теме. Круг участников оказался тесен, немного помешала проходившая в это же время в музеях Кремля конференция схожей тематики, из-за чего часть исследователей не смогла приехать в Пушкинские Горы. Но встреча получилась интересной и, по общему признанию, заслуживающей продолжения. Возможно, теперь апрельские чтения, посвящённые усадебным библиотекам России, станут регулярными. Во всяком случае, в апреле 2013 года они состоятся, и их название — «Календарь осьмого года», или «Человек есть то, что он читает». Организаторы предстоящей встречи снова сделали выбор в пользу того, чтобы провести её в формате чтений, не ограничивая участников строго сформулированной темой. Таким образом, любые доклады об истории формирования книжных усадебных собраний, об их бытовании, об их судьбе в непростом XX веке и о современном существовании в составе музейных фондов или государственных библиотек будут с радостью приняты.

Итак, продолжение следует!

*Елена Ступина,
заместитель директора Пушкинского Заповедника
по научно-музейной работе*

I. Материалы научно-практической конференции «ЗОЛОТОЙ ВЕК ФРАНЦУЗСКОЙ КНИГИ В РОССИИ»

Константин Жучков

КОЛЛЕКЦИЯ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННЫХ КНИГ ИЗ ФОНДОВ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА: К ПОСТАНОВКЕ ГИПОТЕЗЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ

В 1975 году С.С. Гейченко вывез в Пушкинский Заповедник из Государственного исторического музея коллекцию иностранных военных книг XVII — начала XIX века, в которой по актам приёма-передачи числится 784 тома¹. Акты свидетельствуют, что книжное собрание передано из обменного фонда ГИМ, однако какая-либо учётно-регистрационная маркировка на книгах о принадлежности их музею отсутствует. Объединяющим признаком для всех книг коллекции является наличие в них записи о принадлежности Военно-историческому музею (Москва), сопровождаемой регистрационным номером ВИМ, поэтому вся коллекция в ходе её изучения получила рабочее название «коллекция ВИМ».

Помимо записей ВИМ на некоторых книгах имеются штампы Книжного фонда Московского библиотечного отдела. Часть этих штампов сопровождается сделанной от руки записью о происхождении конкретного экземпляра из какой-либо дворянской библиотеки. Кроме того, большинство штампов Книжного фонда имеют номер, а в ряде случаев два номера, один из которых погашен. Наличие этих штампов свидетельствует, что каждый данный экземпляр был вывезен в Книжный фонд из библиотеки-источника.

Московский библиотечный отдел был образован 1 октября 1918 года в качестве подотдела (отделения) в составе школьного отдела Народного

---

¹ Списки №№ 1 и 2 книг, переданных ГИМ Пушкинскому Заповеднику, за подписью М.И. Струговой. Акт передачи № 665 за подписью главного хранителя ГИМ А.С. Корх.

Комиссариата по Просвещению¹. Тогда же в составе школьного отдела был образован и подраздел (отделение) книжного фонда. В декабре 1918 года библиотечное отделение становится самостоятельным отделом Наркомпроса, в состав которого переходит и Книжный фонд. Заведующим отделом становится В.Я. Брюсов, а его заместителем — И.А. Друганов². Библиотечный отдел располагается в доме № 36 по Новинскому бульвару, недалеко от Кудринской площади, в деревянном особняке князей Гагариных³. Здесь же находился и Книжный фонд.

Официально отдел назывался Отделом научных библиотек Наркомпроса. Однако уже в начале 1919-го к нему «пристало» уточнение — Московский. Это было связано не с «географическим ограничением» ответственности, а с целью отличить его от аналогичного ему Отдела научных библиотек Наркомпроса Союза коммун Северной области, прерогативы которого распространялись на северо-западные губернии РСФСР, включая и Псковскую. Поэтому сначала в обиходе, а затем, уже весной 1919 года, и в официальных документах один отдел стали называть Московским, другой Петроградским⁴.

Задачей отдела, помимо широкой библиотечно-организационной, научно-методической и культурно-просветительской работы, было, в том числе, и перераспределение книжных богатств страны, оставшихся от прежнего режима. Кроме учёта и распределения печатных изданий, находившихся в книжных магазинах, на книжных складах, в типографиях и издательствах, отдел занимался учётом, охраной и национализацией

---

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. А-2306 (Наркомпрос РСФСР). Оп. 30 (Библиотечный отдел 1918—1920, 1922 гг.). Пояснительная записка к описи.

² Фактически всей текущей работой отдела управлял И.А. Друганов. Все оперативно-распорядительные документы за 1919 год подписаны им. С подписью В.Я. Брюсова за 1919 год нами обнаружен едва ли не единственный документ: автограф конспекта лекции «Книга в прошлом, настоящем и будущем». Воистину большевистская синекура.

³ «Дом № 36 по Новинскому бульвару находится по левой стороне бульвара, если идти от Кудринской площади, то есть на том самом месте, где был выстроен в 1815 году». ГА РФ. Ф. А-2306, оп. 30, д. 70, л. 476. Дом построен О.И. Бове, главным архитектором Комиссии для восстановления Москвы после пожара 1812 года.

⁴ Для координации Московского и Петроградского библиотечных отделов был создан Президиум библиотечных секций. См.: ГА РФ. Ф. А-2306, оп. 30, д. 5, л. 8.

частных и общественных библиотек¹. Для вывоза специализированных книжных собраний отдел выдавал вновь образованным советским государственным и ведомственным библиотекам ордера на вывоз книг из имений, дворцов и учреждений напрямую². Библиотеки с широким репертуаром, а также собрания, которым угрожало уничтожение и вывоз которых требовался в спешном порядке, эмиссары отдела перевозили в Книжный фонд на Новинский бульвар. К лету 1919 года в Книжном фонде находилось 600 тысяч томов³ национализированных книг из 48 библиотек⁴, большинство из которых были вывезены из подмосковных имений⁵. Единственным отрицательным моментом в работе Книжного фонда, вернее в работе по передаче национализированных собраний в библиотеки, было то, что эти собрания разукрупнялись и расплывались в общей массе библиотечных фондов⁶.

В Книжном фонде постоянно работали две сотрудницы⁷, задачей которых было составление каталогов поступавших книг, разбор книг по содержанию, отбор книг для центральных московских библиотек, тематический подбор книг по заявкам, поступавшим от провинциальных советских библиотек и учреждений, составление актов на переданные книги, консультации и помощь командированным работникам в выборе

---

¹ Книжными собраниями подобного происхождения ведала вновь созданная Книжная палата. Именно она проставляла на своих национализированных книгах штамп «Государственный книжный фонд», который необходимо отличать от штампа Книжного фонда Московского библиотечного отдела.

² Так, например, библиотеки полковых музеев, количеством более ста, и Музея истории 1812 года вывезены прямо в ВИМ, минуя Книжный фонд Московского библиотечного отдела.

³ ГА РФ. Ф. А-2306, оп. 30, д. 70, л. 474 об.

⁴ ГА РФ. Ф. А-2306, оп. 30, д. 5, л. 410.

⁵ На 26 апреля 1919 года на учёт в Московском библиотечном отделе было поставлено: в Москве — 548 частных и общественных библиотек, на территории РСФСР, включая Московскую губернию, — 679. Из них на эту дату, помимо 48 библиотек, вывезенных в Книжный фонд Московского библиотечного отдела, через эмиссаров отдела напрямую передано советским учреждениям 277 библиотек. ГА РФ. Ф. А-2306, оп. 30, д. 5, л. 410.

⁶ За исключением особо ценных коллекций, поступивших в ГИМ, как, например, Синодальная библиотека.

⁷ К сожалению, нам сегодня известна только одна сотрудница фонда — Зинаида Германовна Крашенинникова, проживавшая 21 мая 1919 года в здании университета по адресу: ул. Б. Никитская, д. 6, кв. 66. ГА РФ. Ф. А-2306, оп. 30, д. 70, л. 488.

изданий. Очень часто работа по отбору коллекций проходила в авральном порядке¹. Отобранные коллекции для московских и провинциальных учреждений, включающие иногда десятки тысяч томов, сразу же вывозились. Поскольку времени у командированных было минимум, а задерживать организованный и обеспеченный вывоз книг в условиях Гражданской войны и разрухи на железнодорожном транспорте было нельзя, приходилось заниматься только передачей книг.

Большой объём литературы, малое число сотрудников и условия функционирования Книжного фонда не предполагали тщательного изучения состава вывезенных библиотек и составления подробных описей рассортированных книг. В первую очередь это относится к изданиям на иностранных языках. С нашей точки зрения, сотрудницы фонда могли выделить и описать только наиболее яркие русскоязычные издания. Что же касается военных книг, их регистрация произошла не в виде описей, а простым штампованием томов с внесением нумерации и указанием библиотеки-источника. По нашему мнению, иностранные военные книги после такой регистрации складывались особняком «в одну кучу».

Очевидно, так было сделано с иностранными военными книгами, составившими ныне «коллекцию ВИМ» в Пушкинском Заповеднике. Относительно небольшая нумерация этой коллекции, крайним номером которой на сегодняшний день является 861, свидетельствует о том, что эти книги были отделены от общего книжного массива собрания Книжного фонда и отдельно пронумерованы². Однако наблюдение над порядком нумерации книг внутри «коллекции ВИМ» свидетельствует о бессистемном составе коллекции. Книги в последовательной нумерации происходят из разных библиотек: Мусина-Пушкина, Олсуфьева, Голицыных, Остермана, Гудовича, Черткова, Бярятинского, Васильчикова, Брусилова, Бутурлина и ряда других, в том числе неустановленных собраний. То

¹ Как вспоминает М.И. Рудомино, осенью 1921 года организовывавшая Неофилологическую библиотеку, «таким же методом (т. е. пешком) таскали книги и с Новинского бульвара. Во-первых, их нужно было отобрать. Конечно, отбора тщательного не было: лишь бы скорее-скорее, чтобы побольше книг... Книжный фонд давал беллетристику. Из него снабжались библиотеки, но мало кто брал иностранную литературу. К декабрю мы набрали тысячи две книг». *Рудомино М.И.* Неофилологическая библиотека — Денежный переулок, дом 9/5 : Воспоминания // Арбатский архив. http://www.clow.ru/a-moscow/1/1/arb6_2_1.html

² На время написания этих строк нами изучено 650 экземпляров коллекции из 784. По-нашему мнению, при дальнейшем изучении собрания эта цифра значительно не увеличится.

есть, как и при попадании в библиотечный фонд, книги внутри коллекции распылены («перемешаны» между собой).

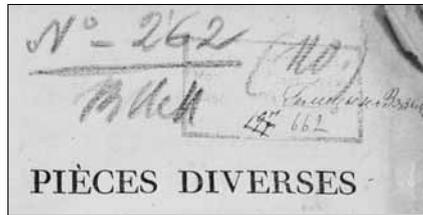
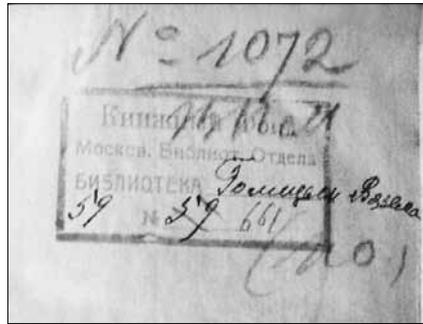
Однако если составить перечень этих же книг по вторым, погашенным на них номерам, то все книги от 1 до 261 номера погашенной нумерации составят только экземпляры из библиотеки Голицыных в Вязёмах¹. Это свидетельствует о том, что первоначальную часть коллекции составили книги из библиотеки в Вязёмах, к которым в последующем были присоединены книги из других библиотек по тому же признаку: военные книги на иностранных языках. Очевидно,

после присоединения книг из других библиотек коллекция была заново перенумерована. Это может быть связано, по-нашему мнению, с большой загруженностью помещений Книжного фонда, малым числом его сотрудников и невозможностью физически отделить (в отдельное помещение или шкаф) книги коллекции от общего состава Книжного фонда.

Изучение этой части коллекции — исключительно из вязёмской библиотеки — подтверждает, что эти книги являются цельной частью Голицынского книжного собрания. Всего по каталогу С.П. Шевырёва иностранные военные книги в библиотеке Д.В. Голицына в Вязёмах занимали 4-й и часть 5-го шкафов и составляли, за исключением пропущенных номеров и непрофильных изданий, собрание в количестве примерно 355 наименований, по нумерации С.П. Шевырёва с № 640 по № 1084, что отражено на печатных топографических ярлыках, наклеенных на сами книги². Книги с этими номерами находятся ныне в «коллекции ВИМ».

¹ Например, экземпляр под № 478 в первом списке стал под № 1 во втором, экземпляр под № 292 в первом списке стал под № 7 во втором, под № 511 в первом списке стал под № 9 во втором и т. д.

² Гос. заповед. «Захарово-Вязёмы». Инв. № 4017. Каталог иностранных книг библиотеки кн. Голицына. Л. 12—19 об.

Двойная нумерация Книжного фонда.

<i>Название книги</i>	<i>архив</i>	<i>Кол-во</i>	<i>авт.</i>	<i>В</i>
<i>Трактат о лечении болезней.</i>	636	1	3 ^ю	<i>Докторская</i>
<i>Медицина универсальная</i>	637	1	3 ^ю	
<i>Трактат о гонимых опричных.</i> <i>по архиву универсальному.</i>	638	5	3 ^ю	<i>(в 1724)</i> <i>Архив Гай-на-Кав.</i>
	639			
<i>Трактат о казачестве.</i>	640	1		<i>Москва 18.</i>
<i>Сказание об императоре гонимых</i>	641	1		
<i>Сборник планов сражений</i>	642	1		<i>Урадоп.</i>
<i>Трактат о военном искусстве в империи</i>	643	1		<i>Урадоп.</i>
<i>Трактат о войсках в атаке на</i> <i>плоской местности, в маневре</i> <i>и в горах.</i>	644			
<i>Трактат о фортификации, 1714.</i>	645	3.		<i>Урадоп. и прочее.</i>
<i>Планы и планы concerning</i> <i>кампанию в 1757.</i>	646	1		
<i>Трактат о фортификации</i> <i>в долине де Вилле</i>	647	1.		
<i>Меморандум</i>	648	1.		
<i>Трактат о фортификации</i> <i>1724.</i>	649.	32.		<i>Урадоп.</i>
<i>История о кампании в</i> <i>Фландрии в 1674. г.</i>	650.	1.		<i>Урадоп.</i>
<i>История о четырех последних</i> <i>кампаниях в Турции.</i>	651.	1		
<i>Кампания в 1690 г.</i>	652.	1.		
<i>О завоевании в 1690 г.</i> <i>короля Франции.</i>	653.	3.		<i>Урадоп.</i>
<i>Письма о принце Евгении</i> <i>в Сароф. 1729 г.</i>	654.	3.		<i>Арх. в Москве.</i>
<i>Трактат о военном</i>	655	3		<i>Д. Кавказ 1-й</i>
<i>Инструкции военные.</i>	656	2.		
<i>История о городе Рязани</i> <i>1701 г.</i>	657.	1		
<i>Об управлении государством</i>	658	1		

Каталог С.П. Шевырева. Л. 12.

В результате всех этих наблюдений можно сделать обоснованный вывод о том, что сотрудники Книжного фонда Московского библиотечного отдела при поступлении к ним библиотеки Голицыных из имения Вязёмы (в количестве 20 тысяч томов¹) изъяли из состава библиотеки целиком все иностранные военные книги, выделив их в отдельную коллекцию, затем присоединили к ней разрозненные иностранные военные книги из других частных и общественных библиотек, насквозь пронумеровали все книги вновь образованной коллекции нумерацией, отдельной от общего состава Книжного фонда, таким образом организационно-тематически выделив её из общего книжного массива фонда, и приготовили её для передачи в последующем в какое-либо советское учреждение. Такая передача состоялась в промежуток времени между летом 1919 и концом 1921 года².

Учреждением, куда была передана коллекция, оказался Военно-исторический музей. Этот фантом, летучий голландец русской культуры, был образован в 1918 году как хранилище экспонатов полковых музеев царской армии и Музея истории Отечественной войны 1812 года. Находился он в каменном двух-трёхэтажном доме № 9 по Трёхсвятительскому переулку у Красных ворот, во дворце Юсуповых, нижняя часть которого именовалась «палатами Грозного». Помимо книжных собраний полковых музеев, насчитывавших в общей сложности 12 тысяч томов, в ВИМ через Отдел по делам музеев Наркомпроса и Московский библиотечный отдел были переданы библиотеки ряда ликвидированных учреждений, как, например, библиотека Александровского военного училища³, ещё 12 тысяч экземпляров⁴.

В 1922 году хранилище было преобразовано в Военно-исторический музей, который открылся для посетителей 29 сентября 1923 года⁵. Штат музея составляли четыре человека: заведующий, его заместитель, научный сотрудник (хранитель), кассир⁶. Такое небольшое количество сотрудников музея ограничило возможности инвентаризации вновь

---

¹ ГА РФ. Ф. А-2306, оп. 30, д. 4, л. 26.

² Книжный фонд Московского библиотечного отдела был ликвидирован в 1921 году.

³ Научно-ведомственный архив Государственного исторического музея (далее НВА ГИМ). Оп. 1, д. 161, л. 70—93.

⁴ Там же. Д. 208, л. 2 об.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 270, л. 1—6 об.

образованных музейных фондов. Так, из 12646 предметов, находившихся на хранении в музее, на 1 октября 1926 года в инвентарную опись было занесено 8648 предметов, а в Книгу поступлений — всего 245 единиц хранения¹.

Ещё хуже дело обстояло с учётной регистрацией книг, поскольку в штате музея отсутствовал заведующий книжным фондом². С 1918 по 1923 год не велось никакой учётно-регистрационной документации о поступавших книгах. В музее отсутствовали каталог и инвентарная книга по учёту книжного собрания³. Даже книги из Книжного фонда Московского библиотечного отдела в музей принимали без инвентарной описи, общим количеством томов⁴. Соответственно, дублетировать книги было нечем. При регистрации книг происходило только визуальное дублетирование, отражённое в регистрационно-учётных записях ВИМ. Однако дублеты, отмеченные при регистрации, включали в состав общей нумерации ВИМ⁵. В конце 1923 года разбирать книжное собрание музея был нанят библиотекарь со стороны, который к 1 апреля 1924 года сумел проинвентаризировать (то есть разобрать, составить карточки и занести в каталог) 2,5 тысячи томов⁶. Однако на этом дело и закончилось.

В 1924 году было принято решение создать на базе ВИМ филиал ГИМ⁷, а уже в ноябре 1924-го — освободить особняк Юсуповых по Трёхсвятительскому переулку и вывезти коллекции ВИМ в ГИМ. Приём коллекций ВИМ в состав фондов ГИМ шёл с 11 ноября по 17 декабря 1924 года⁸. Сразу за приёмом коллекций последовала их упаковка для спешного освобождения помещений, занимаемых музеем, и последующей перевозки экспонатов в здание ГИМ на Красной площади. Упаковка всех коллекций, в том числе и библиотеки, в транспор-

---

¹ НВА ГИМ. Оп. 1, д. 268, л. 5.

² У библиотеки музея не было даже своего помещения. Пять комнат третьего этажа, которые первоначально планировались под библиотеку, занял музей имени А.П. Чехова. См.: НВА ГИМ. Оп. 1, д. 209, л. 3.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Д. 208, л. 4.

⁵ На сегодняшний день выявлено два таких экземпляра.

⁶ НВА ГИМ. Оп. 1, д. 208, л. 2 об.

⁷ В 1924 году ГИМ назывался ещё Российским историческим музеем (РИМ). Мы именуем его современным названием (ГИМ), чтобы не вносить ещё большую путаницу в музейные коллизии 1920-х годов.

⁸ НВА ГИМ. Оп. 1, д. 268, л. 1.

тировочные ящики была окончена 12 мая 1925 года¹. Библиотека ВИМ заняла 72 ящика. Однако, поскольку помещения ГИМ были и без того забиты вновь поступавшими в музей предметами и книгами, эти ящики оставались в особняке по Трёхсвятительскому переулку ещё два с половиной года: перевозка их была осуществлена только в октябре — ноябре 1927-го². Таким образом, библиотека ВИМ в количестве 24 тысяч томов, примерно две с половиной тысячи из которых были проинвентаризированы и учтены, физически поступила в ящиках в ГИМ, в здание на Красной площади, в самом конце 1927 года.

Однако библиотека ВИМ с этим переездом попала из огня да в полымя. Ситуация с регистрацией и учётом вновь поступавших коллекций и предметов в ГИМ была ещё хуже, чем в Книжном фонде и в ВИМ, вместе взятых. За 1917—1927 годы книжное собрание ГИМ увеличилось с 460000 до 1201770 томов³. Такое кардинальное увеличение книжного фонда музея вызвало катастрофическую ситуацию не только с учётом, но и просто с размещением и хранением книг. В 1928 году книги в ГИМ «хранились» штабелями по галереям, переходам, под лестницами и лестничными площадками, в чуланах⁴. Из этих запасов в 1925/26 отчётном году были разобраны только 25511 томов⁵. Даже при увеличении скорости инвентаризации книг до разбора большей части книг дело могло не дойти вовсе.

Дальнейшая судьба книг из ВИМ по архивным документам пока не прослеживается, но можно с большой долей вероятности предположить, исходя из положения ГИМ в те годы, что книги из незарегистрированной части библиотеки ВИМ были каким-то образом «натурализованы» — либо в составе библиотеки ГИМ, откуда могли попасть в Историческую библиотеку, что менее вероятно, поскольку они были непрофильными для музея; либо в составе Обменного фонда ГИМ, образованного в 1925 году, откуда могли быть переданы в другие библиотеки⁶.

Что касается той части библиотеки ВИМ, которая была инвентаризирована, то она в составе Обменного фонда ГИМ была выделена в отдельное хранение (правильнее — местохраниение). Об этом свиде-

---

¹ Там же. Д. 267, л. 1.

² Там же. Д. 324, л. 21—27.

³ Там же. Д. 344, л. 8.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 3.

тельствует отсутствие на книгах учётно-регистрационных знаков самого ГИМ. Однако в ГИМ эта часть коллекции ВИМ была пронумерована в рабочем порядке, о чём говорит нумерация книг без провенансных обозначений, сделанная простым карандашом в нижних правых углах третьих страниц форзацев или титульных листов. В таком виде, по нашему мнению, коллекция и хранилась до 1975 года.

Всё вышеизложенное позволяет сформулировать гипотезу, объясняющую происхождение «коллекции ВИМ» и её состав в том виде, как она существует сегодня в фондах Пушкинского Заповедника. В основу коллекции легла в полном составе военная часть иностранной библиотеки Голицыных в Вязёмах, отобранная в Книжном фонде Московского библиотечного отдела, к которой там же были присоединены разрозненные иностранные военные книги из других частных (дворянских) библиотек. В таком виде коллекция поступила в ВИМ, а оттуда перемещена в ГИМ, где в полном составе, за исключением естественных потерь при переездах, переупаковках и ненадлежащем хранении, хранилась в Обменном фонде без регистрации — до 1975 года.

Главным выводом из вышеизложенного является то, что «коллекция ВИМ» сформировалась не в результате дублетирования каких-либо крупных книжных собраний, в процессе отделения её из сформированного ранее книжного массива по тематическому признаку, и сохранилась в таком виде благодаря неурядицам и организационным трудностям первых послереволюционных лет в жизни советских музеев. По сути, она сама является памятником и дворянской культуры, и революционных преобразований в жизни русского общества. Это памятник одновременно и эпохи романтической русской усадебной жизни, и времён военного коммунизма в России.

Сделанное предположение является только рабочей гипотезой. Для установления всех перипетий «коллекции ВИМ» требуется её изучение по архивным материалам как столичных музеев и архивов, так и Пушкинского Дома. Мы выражаем надежду, что работа по изучению судьбы такого интересного и выразительного памятника русской культуры, как «коллекция ВИМ», будет продолжена.

ФРАНЦУЗСКИЕ ИЗДАНИЯ В ДНЕВНИКЕ М.А. КОРФА

Модест Андреевич Корф — фигура для пушкинистов небезызвестная: он был соучеником А.С. Пушкина по Лицею, общались они и после. Для Пушкина и Корфа, так же как и для других молодых образованных дворян не только второй половины XVIII, но и первой половины XIX века, французский язык, французская литература — неотъемлемая часть жизни. Так, П.-Б. де Барант, бывший послом в России с 1835 по 1841 год, отмечал в своих записках, что русские дворяне «читают только французскую литературу»¹.

К моменту поступления в Лицей Корф в совершенстве владел тремя языками, двумя родными (его отец был немцем, мать — русской) и французским. В Лицее французская словесность — в числе его наиболее любимых предметов во многом благодаря личности её преподавателя Д.И. де Будри, урождённого Марата, который, по мнению зрелого Корфа, оказал наибольшее влияние на развитие своих учеников, действуя «непосредственно и постоянно на способность правильного мышления»².

Влиянием другого преподавателя — А.П. Куницына, основным теоретическим источником лекций которого был «Общественный договор» Ж.-Ж. Руссо, объяснялось увлечение лицеистов идеями французских просветителей. В знаменитом «Словаре» В.К. Кюхельбекера больше всего выписок из Руссо и его последователей. В Лицее Корф одно время был почитателем стихов Кюхли и буквально ходил за ним по пятам, поэтому эти веяния не миновали и его: он берётся за перевод романа-трактата Руссо «Эмиль, или О воспитании»³, идеи которого намного опередили педагогическую мысль XVIII века⁴.

¹ Цит. по: *Партаненко Т.В.* Французские мемуары 40-х— 60-х гг. XIX в. // *www.russia – west.ru*. Сб. 29 авг. 2009. С. 2. Т.В. Партаненко — автор диссертации на соиск. уч. степ. канд. филос. наук «Образ России во Франции XV — начала XX вв.: по материалам мемуарных и дневниковых свидетельств» (СПб., 2001).

² *Гастфрейнд Н.* Товарищи Пушкина по Царскосельскому Лицею. Т. 1. СПб., 1911. С. 468.

³ *Корф М.А.* Дневники 1838 и 1839 годов. М., 2010. С. 227.

⁴ Роман был опубликован через два месяца после выхода в свет «Общественного договора», в нём впервые систематически изложена теория естественного воспитания, которое учитывает особенности физического, умственного и морального развития ребёнка на разных этапах формирования его личности (соответственно роман разделён на 4 части).

По выходе Корфа из Лицея французская литература по-прежнему остаётся в сфере его ближайших интересов, один из его любимых авторов в это время — Ф.-М. Вольтер. Известно об интересе Пушкина к «Истории России при Петре Великом» Вольтера. В архиве Корфа сохранились его заметки (на французском языке) по поводу той же «Истории...»¹. Тогда же Корф перевёл с французского первую часть романа В.-Ю. Крюденер «Валери, или Письма Густава де Линара Эрнесту де Г...», изданного в Париже в 1803 году. Написанный российской подданной, немкой по происхождению, этот роман стал фактом французской литературы, его высоко оценили Шатобриан, позже Бальзак (хотя сочинение не понравилось Гёте и де Сталь). Пушкин в «Евгении Онегине», перечисляя литературных героев, идеально влюблённых, беззаветно преданных предмету своей любви, которые преследуют воображение Татьяны, называет и де Линара, а в примечаниях пишет: «Густав де Линар, герой прелестной повести баронессы Крюднер»² (VI, 193). Вообще этот образ всякий раз проглядывает в романе, когда речь идёт об идеальной, безмерной, сопряжённой со страданиями любви³. Такие вот совпадения интересов бывших одноклассников!

Всё рассказанное выше о юношеских литературных пристрастиях Корфа — из его позднейших дневниковых записей. Он уничтожил свой дневник лицейского периода и ранней юности (случайно сохранился только небольшой его фрагмент за 1820 год); снова Корф начал вести

---

¹ ГА РФ. Ф. 728, оп. 1, д. 2286.

² Вот эти строки: «Любовник Юлии Вольмар, / Малек-Адель и де Линар, / И Вергер, мученик мятежный, / И бесподобный Грандисон, / Который нам наводит сон, / Все для мечтательницы нежной / В единый образ облеклись, / В одном Онегине слились» (VI, 55).

Здесь и далее в сборнике цитаты из произведений А.С. Пушкина приведены по: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М.: Из-во АН СССР, 1937—1959. Номер тома указан римской цифрой, страницы — арабской. (*Прим. ред.*)

³ Впоследствии Онегин отчасти уподобляется герою «Валери», оказавшись во власти невозможной любви к той, которая хранит верность другому. Сама Татьяна, страдающая от безответной любви, «страсти безотрадной», наделена сходством с Густавом. Юношеская идеальная любовь, «дух пылкий и довольно странный», «восторженная речь» делают весьма похожим на Густава и Владимира Ленского, тем более что его невинная возлюбленная с голубыми глазами и льняными локонами напоминает Валери. См.: По страницам Онегинской энциклопедии // Октябрь. 1999. № 6. Автор раздела Е.П. Гречаная.

дневник уже в зрелом возрасте. Он делал ежедневные или еженедельные записи в течение 14 лет, с 1838 до 1852 года. Потом стало не до дневника — всё время занимала Императорская Публичная библиотека, директором которой Корф был с 1849 по 1861 год.

Сведения о французских изданиях из дневника Корфа можно разделить на несколько областей. Прежде всего, это прямые заимствования опыта таких изданий. Примером может служить иллюстрированный альманах «Наши», подражание «*Le Français peintre par eux-même*» (то есть «Французы в изображении самих себя»), публикатором которого выступил А.П. Башуцкий — помощник статс-секретаря, служивший под началом Корфа в Государственной канцелярии¹.

Кроме того, речь шла и о совместных франко-российских предприятиях, например, о двуязычном, баснословно дорогом по тем временам издании, посвящённом Картинной галерее музея Эрмитажа: «Императорская Эрмитажная галерея, литографированная французскими *артистами*»². Это роскошное издание в двух составных переплётах, крышки которых были оклеены жёлтым перкалином с конгревным тиснением, а углы выполнены из светло-коричневой кожи. На крышках — тиснённые золотом художественные рамки и императорские короны, на корешке — золотым тиснением название, номер тома, виньетки орнамента, два бинта; зелёные крашенные обрезы. «Галерея» была отпечатана на толстой китайской бумаге. Первый том вышел в 1845, второй в 1847 году, а сама галерея открылась для публики только в 1852-м! Корф описал историю возникновения замысла этой книги. Идея её создания принадлежала владельцу парижской литографической мастерской Гойе-Дефонтену и родилась у него после посещения Петербурга. Эта «мысль», по словам Корфа, «нашла в России привет», вследствие чего Дефонтен в мае 1844 года перевёз в российскую столицу своё «заведение». Он уговорил приехать и «десять отличнейших парижских рисо-

---

¹ Башуцкий издавал альманах на собственные средства. К началу 1841 года вышло уже четыре выпуска «Наших».

² ИМПЕРАТОРСКАЯ ЭРМИТАЖНАЯ ГАЛЕРЕЯ, литографированная французскими *артистами*: гг. Дюпрессоаром, Эмилем Робильяром, Гюо и проч. / Печатаемая Полем Пети. Издание, посвящённое Ея Величеству Государыне Императрице Всероссийской под особым покровительством Его Императорского Величества : В 2 т. Т. 1—2. СПб.: Гойе-Дефонтен и Поль Пети. Т. 1. 1845. Т. 2. 1847 (*курсив мой.* — И.Р). В издании участвовали и русские гравёры.

вальщиков и литографов», рассчитывая пробыть в Петербурге не менее семи лет¹.

Немало страниц дневника Корф посвящает информации из французских газет и журналов о происходящем в России; иногда эта информация вызывает одобрение автора, однако чаще он сетует на недобросовестность французских журналистов.

Поскольку российское образованное общество непременно читало не только французскую прессу, но и вообще все сочинения, выходящие в этой западноевропейской стране, в дневнике мы находим характеристики книжных новинок, заинтересовавших Петербург. Так, книга «отчаянного коммуниста» Луи Блана о восшествии на престол и царствовании Луи Филиппа, основанная на воспоминаниях непосредственных участников событий и написанная в резко обличительном тоне, встретила в Петербурге одобрение: русский двор не принимал этого монарха². Император Николай I терпеть не мог Луи Филиппа, считая его нелегитимным. Это отмечал и уже упоминавшийся Барант, который писал, что в России враждебен Франции только император.

Корф повествует и о публикациях французов о России — сочинениях как широко известных, так и мало изученных. Большинство этих работ были запрещены в России, что, однако, не мешало всему аристократическому кругу их читать, а кто не успевал их прочесть, не сознавались в этом «из тона», писал Корф³. Знаковой стала работа Астольфа де Кюстина. Сведений о его пребывании в России у Корфа нет, но подробно рассказано о реакции Петербурга на выход в мае 1843-го книги маркиза «Россия в 1839 году»⁴. По мнению современной иссле-

---

¹ ГА РФ. Ф. 728, оп. 1, д. 1817, ч. 7, л. 262 об. — 263. К подобным совместным изданиям можно отнести и начатое в 1842 году «архитектурное, живописное и историческое описание Исаакиевского собора с картинками, виньетками и планами», иллюстрации для которого были выполнены «первейшими парижскими художниками, а текст напечатан там же вылитыми для него особыми буквами» (там же, ч. 5, л. 235 об. — 236). Инициатором издания выступил Монферран, обещавший, что оно выйдет через два года после освящения собора. Так оно и случилось: «История и достопримечательности Исаакиевского собора» была издана в 1858 году в Санкт-Петербурге.

² *Blanc L. Histoire de dix ans 1830—1840. 1—5 vol. Paris, 1841—1844.*

³ *Корф М.А. Дневник : Год 1843-й. М., 2004. С. 260—261.*

⁴ Речь шла, по мнению В. Мильчиной и А. Осповата, о втором издании книги, «которое и получило распространение среди первых русских читателей Кюстина». Однако в предисловии к этому второму изданию Кюстин упоминает о «яростных нападках со стороны русских», ссылаясь на брошюру «Реплика о

довательницы, это произведение представляло нашу страну «как царство зла, исправить которое невозможно и уничтожение которого стало бы благом для самих русских»¹. В подобном же ключе характеризовал работу Кюстина его современник, барон Корф: «общий характер этого сочинения — ругательства против русского правительства, русского народа, русской природы и климата, всех наших установлений, даже всех наших исторических имён, в том числе Петра Великого». Корф отмечал, что не помнит «книги, которая производила бы такой чрезвычайный эффект в Петербурге», поскольку она написана «французом высшего общества» и «предмет её близок» столичным придворным кругам. Он возмущён, что «принятый отлично во всём высшем обществе, облаканный государем и императрицей, Кюстин отблагодарил... самым злым пасквилом против России, вроде тех, которые не являлись уже со времён Екатерины». При дворе сочинение Кюстина было принято с «крайним негодованием» и, как полагал автор дневника, ещё больше «увеличит неприязнь государя против французов». Между тем, по мнению Корфа, трудно написать достойный ответ на эту работу, поскольку «много вздору, тривиальности и вещей, против которых смешно бы даже было возражать», в связи с чем ответ может напомнить «бой Дон Кихота с мельницами»². Тем не менее откликов на Кюстина вышло несколько, почти все они, по мнению В. Мильчиной, были инициированы русским правительством³.

В конце 1843 года появился первый русский «ответ» Кюстину: брошюра Ксаверия Лабенского, изданная в Париже на французском языке⁴. Корфу и его окружению произведение Лабенского понравилось, поскольку в нём «с необыкновенным искусством и остроумием не опровергнуты все вздоры Кюстина, на что потребовалось бы таких же четырёх частей, как у него, а покрыта вся его книга язвительною насмеш-

---

сочинении г-на де Кюстина». Поскольку Корф связывает издание «Реплики» с реакцией Петербурга на книгу маркиза, очевидно, что в России стала широко известна уже первая публикация «России в 1839 году», которая датируется маем 1843 года. О втором издании см. дальше в тексте статьи (*Кюстин А. де. Россия в 1839 году* : В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 5—6).

¹ *Партаненко Т.В.* Французские мемуары 40-х—60-х гг. XIX в. С. 12.

² *Корф М.А.* Дневник : Год 1843-й. С. 260—261.

³ О русских откликах на книгу Кюстина см.: *Мильчина В.* Несколько слов о маркизе де Кюстине, его книге и её первых русских читателях // *Кюстин А. де. Россия в 1839 году* : В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 392—396.

⁴ *Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine. Par un russe. Paris, 1843.*

кою, и весь он, так сказать, одурачен: лучший способ ответа, а особенно во Франции, где насмешка составляет такое опасное оружие!»¹.

В начале следующего года Корф возвращается к Кюстину: и он лично, и высшее петербургское общество оказались чрезвычайно довольными реакцией французской прессы на второе издание «России в 1839 году». Если при первой публикации «все французские журналы наполнены были хвалебными гимнами этому мнимому обогащению литературы, — писал Корф, — то теперь, спустя несколько месяцев, истина опять вступает в свои права». Если одни авторы винили Кюстина в том, что он слишком много места уделил своей семье, описанию собственных дел и чувств, другие выражали сомнение, как «человек, так бегло объехавший такую огромную державу, мог составить себе какое-нибудь основательное о ней понятие», и все в один голос заключали, что «от г-на Кюстина публика не получает никаких новых сведений ни о центральном, ни о местном управлении, ни об армии или флоте, а *что* он повествует о законодательстве, литературе, промышленности и торговле, *то* в высшей степени поверхностно и обличает величайшее неведение». Было и сравнение творения Кюстина с работами Ж. де Сталь и Ш. Массона² — не в пользу маркиза; были и утверждения, «что это вообще книга, которой не суждено оставить следа в серьезной литературе». Корф добавлял, что последнее «можно смело применить к большей части литературы подобных «туристов». Проживший всю зиму 1843/1844 года в Париже Н.И. Греч издал там ещё одно «опровержение» книги Кюстина на французском и немецком языках. Корф очень низко оценил этот труд, он вообще был невысокого мнения о литературных способностях Греча³. Эту работу сначала в России запретили, поскольку Греч прибегал к обильному цитированию первоисточника.

К работе Анри Мериме, троюродного брата писателя Проспера Мериме, посетившего Россию дважды, в 1840 и 1842 годах, и описавшего свои впечатления в книге «Один год в России»⁴, Корф отнёсся более бла-

---

¹ Корф М.А. Дневник : Год 1843-й. С. 338.

² Staël G. de. De l'Allemagne. Paris, 1810; [Masson Ch.] Mémoires secrets sur la Russie pendant les règnes de Catherine II et de Paul I. 1—4 Vol. London, Paris, 1802.

³ ГА РФ. Ф. 728, оп. 1, д. 1817, ч. 7, л. 143—144 об.

⁴ Mérimée H. Une année en Russie. Lettres à Saint-Mare girardin. Paris, 1847. Работа состояла из двух писем: «Лето» о Москве и «Зима» о Петербурге. Корф познакомился с этой работой по публикации в «Revue de Paris» в 1844 году.

госклонно, чем к труду маркиза. Согласившись со многими «горькими истинами насчёт России», он тем не менее полагал, что это произведение написано «совсем в другом тоне, нежели пресловутая книга Кюстина» и «проникнуто даже некоторою любовью к России», что, однако, не помешало запрету его у нас. В доказательство Корф приводил рассуждение Мериме о прекрасных качествах русского «простого народа», в котором французский автор находил «древнюю, коренную Русь, неизменную и не мечтающую ни о какой перемене». По мнению Мериме, жизнь русского мужика «конечно, тяжкая», но она подобна жизни работающего бедняка в любой стране мира. Но русский мужик даже счастливее своих зарубежных собратьев, потому что, во-первых, «он не может иметь собственности» и «ему чужда и та ненасытная и завистливая алчность», которая из европейских «поселян делает сварливых соседей». Во-вторых, «попечение о его потребностях лежит на его господине, сам он живёт и умирает с беззаботностью ребёнка». И, наконец, «блаженство его состоит в совершенном неведении лучшего положения»¹. Одобрение Корфа вызвало и утверждение Мериме, что «русского мужика обыкновенно смешивают с рабом», а в нём нет ни «участи раба», ни «даже названия, соответствующего имени раба: это просто — *крепостной*, которого зовут также *христианином* или *душою*... как бы напоминая господам, что власти их вверена не вещь, а духовный брат... сын той же Отчизны и того же закона, привязанный к родственной почве своими чувствами и воспоминаниями, гораздо более, нежели этими искусственными узами, которых он не ощущает»².

Не оставил автор дневника комментарии к пространным выпискам из работы Мериме о «распространении лихоимства между нашими судебными и правительственными властями»; он никак не оценивал и объяснение Мериме этого явления: «такое отсутствие или такое усыпление морального чувства в гражданской жизни есть, без сомнения, и тайна этого дивного, столько превознесённого покоя политического, с той минуты, как гражданин будет строже к своим обязанностям и подданный сделается щекотливее к требуемому от него повиновению, наконец, что от духа внутреннего самоуважения очень недалеко и до духа восстания». Эта скупость в оценках так не похожа на Корфа и свидетельствует о его согласии с выводами французского путешественника.

---

¹ ГА РФ. Ф. 728, оп. 1, д. 1817, ч. 7, л. 230.

² Там же.

Еще одним «неблагодарным», с точки зрения петербургского двора, оказался другой француз — молодой граф Сюзанне, побывавший на Кавказе и внимательно прислушавшийся там ко всем разговорам, которые велись вокруг него офицерами и гражданскими чинами, часто на французском языке, в том числе и во время дружеских застолий. Граф имел рекомендательные письма из Петербурга, поэтому «был принят на Кавказе многими как любознательный иностранец с неосторожною доверчивостью». Сначала Сюзанне опубликовал в ряде иностранных журналов «самые невыгодные статьи... насчёт Закавказья», и, таким образом, «все домашние коммеражи и неладицы вышли наружу и обличили многое, до чего нельзя бы было дойти никакими формальными путями», «он имел низость разгласить... пред лицом целой Европы все откровенные разговоры с ним жителей и местных начальников, назвав *каждого поимённо*¹. Тут оказалось много предосудительного, правого и неправого и о... новом образовании края, и о военных наших действиях и пр.». Работа Сюзанне произвела в Петербурге эффект разорвавшейся бомбы, и «высшему правительству не оставалось иного, как принять самые энергические меры». Император Николай I сам лично собрался ехать на Кавказ, однако в преддверии своей серебряной свадьбы и визита прусского короля послал туда военного министра с чрезвычайными полномочиями². Год ревизии — и структура управления Кавказом была полностью перестроена: там было введено наместничество во главе с князем М.С. Воронцовым.

В дневнике приведены и неизвестные ранее факты о процессе создания книги ещё одного французского литератора, Виктора де Арленкура³. По свидетельству Корфа, этот «знаменито несносный сочинитель... напыщенных, пошлых по изобретению и высокопарному слогу... романов, которые теперь остались в памяти лишь у самого их сочинителя... один из гениев посредственности», издав перед приездом в Россию своё «путешествие к экс-двору бурбонскому под жеманным названием «*Le pèlerin*», объявлял всякому встречному и поперечному, что намеревается в продолжение этого сочинения издать теперешнюю свою поездку

---

¹ Эти рассеянные по журналам статьи появились потом и в составе целой книги, вышедшей в Париже в 1846 году под заглавием «*Souvenirs de voyage les provinces du Caucase*». В диссертации Т.В. Партаненко этот автор не упоминается.

² ГА РФ. Ф. 728, оп. 1, д. 1817, ч. 5 (1842 г.), л. 278—278 об.

³ *Arlincourt V. de. Le Pèlerin. L'Etoile polaire* (Паломник. Полярная звезда). Paris, 1843. Т. 1. P. 192.

в Россию, и собирал для того всевозможные материалы, какие только попадались ему под руки, без всякой разборчивости, критики и толку, не имея никаких приготовительных сведений, не зная ни языка, ни местностей, ни нравов и думая схватить всё это на лету в несколько недель, как будто бы Россию и даже Петербург не труднее изучить и описать какой-нибудь испуганной туристами Швейцарии». Множество молодых людей «шутки ради воспользовались этою слабостью и наклали в его короб разных чудес и мистификаций о России», а он «выпрашивал визитные карточки своих мистификаторов, чтобы разом обессмертить и их в своём «Pelerin!»¹.

Тем не менее книга де Арленкура оказалась не так плоха, виконт показал себя довольно наблюдательным человеком, который верил далеко не всему, что «ему наклали в короб». Он отмечал, что «из русских очень трудно вытянуть то, что хочется узнать, в особенности если дело касается политики... не столько оттого, что там всё проникнуто варварством и деспотизмом, сколько оттого, что там ничто не подвержено гласности и обсуждению. Там не комментируют, а исполняют. Там не критикуют, а почитают». Тем не менее поэт-легитимист весьма благосклонно отнёсся к России: его восхищали и Пётр I, и Николай I. Понравилась ему и архитектура городов, он подчёркивал, что нашёл в России почти Францию, особенно при посещении театра. «Франция вездесуща», — говорил я себе и отказывался верить, что меня отделяет от неё огромное расстояние», — писал виконт². Однако вышедшая в Париже за два месяца до книги Кюстина, книга д'Арленкура «пропала в её тени»³. «Паломника» надолго забыли, во всяком случае его издание в России не вызвало никакого резонанса: так много писавший об Арленкуре до 1843 года, Корф абсолютно забыл о нём после.

Но были работы французских авторов о России, благосклонно принятые Петербургом. Одной из них стала книга «De la Russie et de la France. Entretiens politiques par un inconnu»⁴. Осведомлённый Корф сообщал, что «как очень малым здесь известно, этот «inconnu»⁵ некто Ambeylard, зять известного покойного сенатора Сиверса, живущий те-

---

¹ ГА РФ. Ф. 728, оп. 1, д. 1817, ч. 7, л. 252 об. — 253.

² Цит. по: *Партаненко Т.В.* Французские мемуары 40-х — 60-х гг. XIX в. С. 4.

³ Клод де Грев считает, что его незаслуженно недооценили. (Там же.)

⁴ *De la Russie et de la France. Entretiens politiques par un inconnu.* Paris, Dumont, Éditer. 1842. 313 с. Переизданий этой работы не было.

⁵ Неизвестный (франц.).

перь в Веве». Одна часть книги была «посвящена политическому и моральному в высшей степени верному взгляду на Россию, другая — доказательству необходимости для Франции теснейшего союза с Россией», идея, по словам Корфа, не новая, но новым образом развитая. Корф отмечал, что автор «против обычая иностранцев, очень приятный России, в его работе превосходно развиты состав, свойства и основные идеи нашего правительства и доказана необходимость настоящей именно формы его для преуспевания России, развитие основательное, умное, дельное, которое верно возбудит вопль западных идеологов, но вполне соответствует практическому убеждению каждого благонамеренного и понимающего дело русского. Государь отзывается об этой книге с чрезвычайною похвалою, и этого довольно, чтобы читали и хвалили её все приближённые»¹.

Но подобный взгляд на Россию не был типичен для французской традиции описания нашей страны, сложившейся после выхода книги Кюстина. Преобладал другой подход, связанный с различием политических обстоятельств двух стран и обусловленным этим отношением верховной власти Российской империи к правителям Франции. Автор диссертационного исследования о касающейся российских сюжетов французской мемуаристике 1840—1860-х годов Т.В. Партаненко полагает, что в первых двух третях XIX века «окончательно формулируется негативный, враждебный образ России», который «становится доминирующим не только во Франции, но и во всей Западной Европе, в неизменном виде он просуществовал до наших дней». И далее: «Книга Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» становится универсальным источником, с помощью которого западноевропейские страны постигают и объясняют любые явления и события в России, от глобальных до конкретных, от психологии сталинизма до событий, связанных с гибелью подводной лодки»². Последнее представляется явным преувеличением.

В связи с Кюстином вспоминается и имя очень популярного в России Оноре де Бальзака. Он восторженно отзывался о произведениях Кюстина и его даре создавать путевые заметки. Однако, оказавшись вместе с В. Гюго и А. Ламартином 5 марта 1840 года в числе первых слушателей фрагментов будущей «России в 1839 году», он уведомил

---

¹ ГА РФ. Ф. 728, оп. 1, д. 1817, ч. 7, л. 326—326 об.

² Партаненко Т.В. Французские мемуары 40-х — 60-х гг. XIX в. С.12.

Эвелину Ганскую, что «на улице Ларошфуко пишется страшная книга» и убрал посвящение Кюстину в переизданиях повести «Полковник Шабер»¹. Он посетил Россию в августе 1843-го, когда общество было взбудоражено книгой маркиза. По свидетельству Корфа, он приехал в разгар отпусков, именно поэтому внимание, оказанное ему, не совсем соответствовало его популярности в России. Что касается якобы устроенной ему в Петербурге обструкции в связи с работой Кюстина, Корф довольно скептически отнёсся к подобному предположению: слишком большое количество «обожателей» и особенно «обожательниц» Бальзака жило в России². Свидетельство о намерении русского правительства использовать знаменитого писателя для антикюстиновского выступления, о котором он писал своей польской невесте, подтверждается секретным предписанием Министерства иностранных дел с аналогичным предложением³. Как известно, этот план не был реализован.

Пройдёт несколько лет, и сочинения так называемых «туристов» войдут в созданное Корфом отделение иноязычных книг о России Императорской Публичной библиотеки. Библиографические изыскания в этом направлении Корф начал ещё в Лицее, а с середины 1821 года он трудился над составлением «полной библиографии всех не только книг и брошюр, но даже и журнальных статей, появлявшихся когда-либо о России в каком бы то ни было отношении и на всех притом языках» (в том числе и на русском). Одних заглавий Корфом было выписано «три претолстых книги», он «перелистывал все русские журналы от начала их издания, какие только мог найти и... даже объявления о продаже книг в иностранных газетах и журналах», не говоря уже о каталогах и библиографических словарях. После этого Корф приступил к собственному библиографическому труду, «при каждом сочинении» обозначая «время и место первого издания, формат, последующие издания и перевод на другие языки, а при некоторых разные записки биографические, библиографические и пр.»⁴. Существует письмо Пушкина к Корфу по поводу библиографических материалов (400 наименований) к «Истории Петра», которые Модест Андреевич прислал своему лицейскому

---

¹ См.: *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году : В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 527.

² *Корф М.А.* Дневник : Год 1843-й. С. 294.

³ Информация сообщена хранителем библиотеки Вольтера РНБ Н.А. Копаневым.

⁴ *Корф М.А.* Дневники 1838 и 1839 годов. С. 235—236.

однокашнику: «Вчерашняя посылка твоя мне драгоценна во всех отношениях и останется у меня памятником. Право, жалею, что государственная служба отняла у нас историка. Не надеюсь тебя заменить» (XVI, 168). Именно этот каталог был использован при создании в Императорской Публичной библиотеке нового отделения — отделения иностранных книг о России, так называемой Россики. Директором библиотеки Корф стал в октябре 1849 года, а уже 1 августа 1850-го им была представлена программа создания нового отделения, впоследствии носившего его имя.

Вообще современники характеризовали время директорства Корфа в библиотеке как «время блестящей реформаторской деятельности», а позднейшие исследователи отмечали, что эта деятельность Корфа «стала как бы эрой библиотечного летоисчисления: до Корфа и после Корфа»¹. Библиотека была переведена из ведения Министерства народного просвещения в ведение Министерства императорского двора, что не замедлило отразиться на поднятии её престижа и увеличении бюджета. При Корфе значительная часть библиотечных фондов была каталогизирована, большинство каталогов издано. Библиотека стала работать по вечерам и в выходные дни, её читателем мог стать человек любого звания.

Достижением Корфа стало и создание Россики, состав которой он обсуждал с крупнейшими учёными и библиофилами России и Европы: им рассылались списки изданий, которые они дополняли и возвращали Корфу. Невозможно точно установить долю французских книг в составе Россики (именно французских книг, а не изданий на французском языке), но то, что они составляют её большую часть, несомненно (на втором месте — издания на немецком языке). Сам Корф три раза — в 1851, 1856 и 1861 годах — лично приобретал за границей ряд работ для Публичной библиотеки, в том числе и для Россики. В 1856 году он специально поехал в Париж, чтобы за 5 тысяч франков приобрести редкое издание «L'imitation de Jésus-Christ»², а ведь в это время Россия находилась в состоянии войны с Францией!

---

¹ Императорская Публичная библиотека за сто лет. 1814—1914. СПб., 1914. С. 184.

² L'imitations de Jésus-Christ. Tradition Noevelle par Mgr G. Darboy. Paris, La Plase, 1855. Это было подарочное миниатюрное издание (2,75” на 3,75”) в кожаном переплёте, с золотыми тиснением и обрезом, с цветными и чёрно-белыми гравюрами, отпечатанное в количестве 100 экземпляров для Наполеона III. Большую часть тиража император раздарил.

Корф принимал активное участие в создании работы Поля Лакруа об императоре Николае I¹. Именно ему как председателю Комиссии для составления полной биографии и истории царствования этого монарха было поручено познакомиться известного французского историка с документами той эпохи и лично проконсультировать его по всем вопросам.

Таким образом, не только французские издания сопровождали Корфа по жизни и внесли вклад в формирование его мировоззрения и жизненной позиции, но и Корф, особенно на посту директора Публичной библиотеки, сыграл не последнюю роль в распространении французской книги в России и даже непосредственно участвовал в создании одной из них.

---

¹ Histoire de la vie et du règne de Nicolas I-er, Empereur de Russie, par Paul Lacroix. T. 1—8. Paris. 1864—1873.

*Валентина Ивлева,
Зинаида Колыбина*

БИБЛИОТЕКА КНЯЗЕЙ ГОЛИЦЫНЫХ ИЗ УСАДЬБЫ ВЯЗЁМЫ. ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ

5 августа 1918 года в Совнарком за подписью исполняющего обязанности наркома Комиссариата имуществ республики было направлено письмо следующего содержания: «Комиссия по охране памятников искусства и старины при Московском Совдепе, получив сведения о намерении в Вязёмы поместить штаб дивизии, убедительно просит ввиду высокой художественной ценности библиотеки и собраний художественных отменить это размещение и назначить другое место, например, усадьбу Гудович»¹. Как исключительная ценность, подлежащая национализации, вязёмское книжное собрание охарактеризовано и в описи частновладельческих библиотек, составленной отделом научных библиотек при Наркомпросе².

Ценность библиотеки, собиравшейся в течение двух столетий, предопределила её дальнейшую судьбу. По решению Московского библиотечного отдела Наркомпроса библиотека князей Голицыных в количестве 25000 томов в 1919 году была вывезена в Московский государственный книжный фонд. По свидетельству работников библиотечного отдела, репертуар книжного собрания был довольно обширным: французская беллетристика и научные книги XVIII века, искусство, география, путешествия, мемуары, сельское хозяйство, история, книги по военным вопросам, религия, журналы русские и иностранные, коннозаводство и спорт³. В Книжном фонде Вязёмская библиотека была разукрупнена и частями передана в будущую Государственную библиотеку, в Исторический музей, в 1-й, 2-й, 3-й Московские университеты и в Социалистическую академию⁴.

¹ ГА РФ. Ф. 410, оп. 1, ед. хр. 30, л. 330.

² ГА РФ. Ф. 2306, оп. 30, ед. хр. 14, л. 385 об., 403 об.

³ *Друганов И.А.* Библиотеки ведомственные, общественные и частные и судьба их в советскую эпоху // Советский библиограф. 1934. № 1. С. 51.

⁴ 2-й МГУ в 1930 году был реорганизован в три самостоятельных учебных заведения: МГПИ имени В.И. Ленина, 2-й Медицинский институт имени Н.И. Пирогова и Московский институт тонкой химической технологии имени М.В. Ломоносова. 3-й Московский университет — бывший Университет А.Л. Шанявского, ныне — РГТУ. Социалистическая академия существовала

Реконструкция книжного собрания князей Голицыных из усадьбы Вязёмы необходима. Ведь, по сообщениям дореволюционных библиографов и историков литературы, в библиотеке хранились уникальные издания¹. Реконструкция и изучение Вязёмской библиотеки расширили бы знания о частных книжных коллекциях, так как данное собрание показывает срез читательских вкусов и коллекционного интереса представителей одной аристократической фамилии на довольно большом временном отрезке, а также добавили бы новые штрихи к историческим портретам владельцев усадьбы. Книги почти всегда могут точно рассказать о вкусах, характере, мировоззрении и даже образе жизни их владельца, особенно книжные собрания XVIII — начала XIX века, так как при высоких ценах на печатную продукцию в то время вероятность случайного попадания книги в частную библиотеку была очень невелика.

К началу XX века Вязёмская библиотека представляла собой как бы два книжных собрания: иностранное и русское. Первое, большее по объёму, включало книги на французском, английском, немецком, итальянском, латинском и греческом языках. Эти книги находились в самой большой, средней комнате нижнего этажа главного усадебного дома. Русское собрание занимало круглую залу в верхнем этаже².

Целью начального этапа изучения книжного собрания князей Голицыных является попытка реконструкции русской части библиотеки. Конечно, при сложившихся условиях о физической «реконструкции» даже малой части библиотеки говорить не приходится. Однако отдельные сохранившиеся документы и свидетельства позволяют конкретизировать наши представления о её происхождении, формировании, составе и объёме.

Огромный интерес представляет рукописный «Каталог русской библиотеки князя Б.В. Голицына» в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки³. Князь Борис Вла-

---

с 1918 по 1936 год, при её ликвидации все учреждения, институты и прочее были переданы АН СССР. В настоящее время библиотека Социалистической академии находится в ИНИОН РАН.

¹ *Шевырёв С.П.* История русской словесности, преимущественно древней : В 4 ч. Ч. I. М., 1859. С. ХСІ; *Геннади Г.Н.* Указатель библиотек в России. СПб., 1864. С. 6; *Иконников В.С.* Опыт русской историографии : В 2 т. Т. I. Кн. 2. Киев, 1892. С. 1137; *Иваск У.Г.* Частные библиотеки в России // Русский библиофил. 1934. № 2. С. 77.

² [*Шереметев П.С.*] Вязёмы. Град Святого Петра. [Пг.], 1916. С. 214.

³ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее НИОР РГБ). Ф. 64, карт. 71, ед. хр. 14.

димирович Голицын (1769—1813), военный по воспитанию и образованию, среди своих современников был более известен как «покровитель муз». В литературе именно за князем Б.В. Голицыным закрепилась репутация основателя Вязёмской библиотеки¹.

«Каталог русской библиотеки...» ориентировочно датируется 1802—1805 годами. Он составлен по отраслям знаний в основном гуманитарного профиля и разбит на 12 отделений. Внутри отделений перепись велась бессистемно: часто без указания автора, но почти всегда с указанием места, года издания и количества наличных томов. Довольно часто встречаются неполные или искажённые названия.

В каталог занесено 374 наименования изданий гражданской печати, что составляет около 800 томов. Самый ранний экземпляр датирован 1721 годом, самый поздний — 1804-м.

В ходе работы с «Каталогом русской библиотеки...» в результате сопоставления годов выхода в свет перечисленных в нём изданий с числом томов, имевшихся в библиотеке на момент описи, была уточнена дата его составления. Это либо конец 1803-го, либо самое начало 1804 года. Тогда же библиотека, по-видимому, была разбита на отделения.

Принципиальным вопросом исследования стал вопрос о происхождении данного книжного собрания (вязёмская ли это или московская библиотека князя Б.В. Голицына), так как прямого указания на местонахождение в рукописном каталоге нет. Для прояснения ситуации и подтверждения правомерности привлечения «Каталога...» в качестве источника исследования была прослежена динамика поступления литературы в библиотеку. Первое крупное поступление, за которым последовало ежегодное пополнение книжного собрания, пришлось на 1766—1767 годы. Это время, когда Вязёмы наследует князь Николай Михайлович Голицын (1729—1800?), заботливый и деятельный хозяин, при котором книжное собрание пополнялось регулярно.

Существуют и другие факты, косвенно подтверждающие принадлежность «Каталога...» к Вязёмской, а не Московской библиотеке князя Б.В. Голицына.

Во-первых, книги накапливались в усадьбе постепенно на протяжении XVIII века; в двух из пяти списков подписчиков на книги и журналы встречается имя князя Н.М. Голицына.

---

¹ Шевырёв С.П. История русской словесности... С. ХСІ; Иконников В.С. Опыт русской историографии. С. 1137; Иваск У.Г. Частные библиотеки в России. С. 77.

Во-вторых, хорошо известно, что князь Б.В. Голицын был бурно увлечён историей родного отечества, коллекционировал книги по русской истории.

В-третьих, все периодические издания, указанные в «Каталоге...», за малым исключением укомплектованы полностью. Приобрести полный комплект повременного издания по прошествии нескольких лет после его выхода в свет было бы непросто, так как, в отличие от книжных, тиражи периодических изданий постоянно приводились в соответствие с ожидаемым спросом.

Таким образом, став владельцем Вязём в конце 1803 года, князь Б.В. Голицын, по всей видимости, добавляет к уже имевшемуся в усадьбе книжному собранию свои книги и тогда же проводит перепись библиотеки.

Описанные в «Каталоге...» книги — сугубо гуманитарного характера. Это сочинения по истории, летописи и летописцы, книги по географии и книги с описанием путешествий. Почти четверть представлена беллетристическими сочинениями. Среди отечественных авторов мы найдём имена Г.Р. Державина, И.И. Дмитриева, Н.М. Карамзина, В.В. Капниста, А.П. Сумарокова, М.В. Ломоносова и других. Из переводов отметим произведения Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, И.В. Гёте, Августа фон Коцебу, Ж.Ф. Мармонтеля, Г. Филдинга, Дж. Макферсона, Ж. Флориана; античная литература представлена творениями Вергилия, Анакреонта, Гомера. Помимо «высокой» литературы в библиотеке были, но в меньшем объёме приключенческие, волшебного-фантастические романы, повести и сказки.

Обширно отделение под названием «Юридические сочинения и Указы». Довольно много книг по военному делу, что неудивительно, так как все владельцы усадьбы в своё время состояли на военной службе. Небольшим в библиотеке был раздел с литературой по сельскому хозяйству. Мизерно количество религиозных работ и философских сочинений; литература французского Просвещения исчерпывается художественно-философскими сочинениями Вольтера и Руссо.

За последующие десять лет князь Б.В. Голицын значительно пополнил книжное собрание, превратив его в подлинную сокровищницу редкостей. Библиотека стала известна среди широкого круга знакомых и родственников князя. Сохранилась специальная книга выдачи под названием «Книга для записи выдачи из библиотеки разным лицам»¹, где зафиксирована выдача книг в 1810—1812 годах. Книга велась на французском

¹ НИОР РГБ. Ф. 64, карт. 71, ед. хр. 15.

языке. В неё занесено 19 фамилий. Кроме самого князя Б.В. Голицына, среди читателей мы встречаем ближайших его родственников: младшего брата Дмитрия Владимировича, родных сестёр — Екатерины Владимировны, жены С.С. Апраксина, и Софьи Владимировны, жены графа П.П. Строганова, двоюродной сестры Прасковьи Ивановны Мятлевой. К библиотеке обращались также В.Л. Пушкин, дядя А.С. Пушкина, историк, филолог и археограф Р.Ф. Тимковский, Б.К. Данзас, в то время ещё мальчик, а в будущем лицеист, знакомый А.С. Пушкина. В выданных числятся главным образом иностранные книги, русских только семь.

Довольно любопытны расписки о взятых из Вязёмской библиотеки книгах¹. Среди них примечательна недатированная расписка историка и археографа К.Ф. Калайдовича, который, будучи студентом, преподавал князю Б.В. Голицыну русскую историю, — в том, что им взяты «История российская» князя М.М. Щербатова (это издание проходит по каталогу 1803—1804 годов), «Драматический вестник» (издавался в 1808 году) и один документ.

Таковы итоги начального этапа работы по реконструкции русской библиотеки по письменным источникам.

Следующим этапом реконструкции стало выявление из фонда редкой книги изданий, идентичных указанным в «Каталоге русской библиотеки...».

В Государственном историко-литературном музее-заповеднике А.С. Пушкина «Захарово — Большие Вязёмы», формирование книжных фондов которого началось в 1988 году, мемориальные издания из Вязёмской библиотеки выделены в отдельную коллекцию фонда редкой книги. Таких изданий в составе книжного фонда музея 41 единица: 6 книг — на русском и 35 — на французском и немецком языках. Все книги имеют штамп Московского отделения Государственного Книжного фонда.

Из шести книг на русском языке одна значится в «Каталоге русской библиотеки...» 1803—1804 годов: это «Дневные записки путешествия доктора и академика наук адъютанта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства, в 1768 и 1769 году. Часть 1. Вторым тиснением. В Санктпетербурге, при Императорской Академии наук, 1795».

Коллекция редкой книги на русском языке в фондах музея, временные рамки которой определены концом XVII — первой третью XIX века, насчитывает около 1500 единиц хранения. При описании и систе-

¹ НИОР РГБ. Ф. 64, карт. 112, ед. хр. 37.

матизации данной коллекции было выявлено 60 изданий, идентичных изданиям книжного собрания князей Голицыных, внесённым в «Каталог русской библиотеки...».

По отделениям издания распределились следующим образом.

- «Отделение 2-е. Российский феатр. Поэмы и мелкие сочинения в прозе и стихах» представлено четырьмя изданиями. Это: *Острогорский Павел Петрович*. Феатр чрезвычайных происшествий истекающего века. Изд. 2-е. С дозволения Управы Благодичиния. Иждивением И. Глазунова. Во граде Святого Петра, в Императорской тип., 1793 (эта книга уже в конце XVIII века считалась большой редкостью); Российский феатр или полное собрание феатральных сочинений. Ч. 17. Санктпетербург, при Императорской Академии наук, 1787 (в библиотеке Голицыных были 34 части); также есть одна часть литературного журнала «Собеседник любителей российского слова» и одна часть «Собрания сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы».

- «Отделение 3-е. Собрание речей» представлено одним изданием: Речь Демосфена о венце. Пер. с греч. яз. Егором Пономарёвым. Москва, в Вольной тип. И. Лопухина, 1784.

- «Отделение 4-е. Романы, повести, сказки» представлено шестью изданиями. Среди них произведения Дюкре-Дюминия; книга *Левшин В.А.* «Вечерние часы, или древние сказки славян древлянских». Часть 3, 4. Москва, тип. Компании типографической, 1788; арабские сказки «Тысяча и одна ночь».

- «Отделение 5-е. Философия» представлено одним изданием: *Цицерон Марк Туллий*. Три книги о должностях. С содержанием каждой главы и с примечаниями на достопамятные речи, переведены Академией наук переводчиком Борисом Волковым. Санктпетербург, при Императорской Академии наук, 1761.

- «Отделение 6-е. Полные собрания сочинений» представлено тремя изданиями. Это отдельные тома сочинений А.Ф. Коцебу и П.И. Сумарокова.

- «Отделение 7-е. География. Путешествия» представлено семью изданиями. Это географические словари Жана Батиста Ладвоки и Л.М. Максимовича, сочинения Джона Белла, И.И. Лепёхина, сочинение Г. Георги «Описание российско-императорского столичного города Санктпетербурга и достопамятностей в окрестностях онога» в 3-х частях, Санктпетербург, при Императорском Шляхетном Сухопутном кадетском корпусе, 1794.

• «Отделение 8-е. История» представлено 21 изданием. В этом разделе имеются труды И.Ф. Антинга о Суворове-Рымникском, труды И.И. Голикова о деяниях Петра Великого, а также «Древняя российская вивлиофика» Н. Новикова и «Исторический словарь», изданный В. Окорочковым.

• «Отделение 9-е. Юридические науки. Указы» представлено двумя изданиями: Санктпетербургский вестник, содержащий все Указы Ея Императорскаго Величества и Правительствующего Сената. Ч. 4. Санктпетербург, тип. Вейтбрехта и Шнора, 1779; Указы блаженные и вечнодостоинныя памяти Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийския, состоявшиеся в 1764 году. Напечатаны по высочайшему Ея Императорскаго Величества повелению. Санктпетербург, при Императорской Академии наук (не ранее 1796 года, так как книга напечатана на бумаге с водяным знаком «1796»).

• «Отделение 10-е. Штаты. Указы и уставы военные» представлено двумя изданиями. Здесь особо следует отметить «Описание пехотного полкового строю, разделенного в три части со всеми нужными к тому примечаниями 1755 году», Санктпетербург, тип. Академии наук, 1755. В книге гравированный титульный лист и гравированные таблицы, гравюра на меди.

• «Отделение 12-е. Календари хозяйственные. Медицина» представлено четырьмя изданиями. Три из них — это «Экономический магазин» А.Т. Болотова, издававшийся Н. Новиковым в 1780—1788 годах. В первой части помещён список подписчиков на 394 экземпляра, среди подписчиков — князь Николай Михайлович Голицын.

Идентичных изданий из «Отделения 1-го. Введение в словесность» — а) «История русских писателей» и б) «Лексиконы и грамматики» — и из «Отделения 11-го. Книги военные» в коллекции музея нет.

Книга выдачи 1810—1812 годов представлена лишь изданием «Избранных слов Массильона, епископа Клермонского». Пер. с французского И. Ястребцов. Ч. 2. Санктпетербург, тип. В. Плавильщикова, 1808. Расписки о взятых из библиотеки книгах представлены шестью книгами «Вестник Европы» Н.М. Карамзина. Москва, Университетская тип., 1802—1803.

В коллекции редкой книги было выявлено также ещё 47 книг, аналогичных внесённым в «Каталог русской библиотеки...», год издания которых либо более ранний, либо более поздний. Это произведения Гомера, Ломоносова, Державина, Хераскова, Эмина, Скаррона и других.

Ценным носителем информации о книжном собрании в Вязёмах является рукописный Каталог Вязёмской библиотеки 1844 года. Как и первый, он был составлен в период смены владельца усадьбы, в данном случае незадолго до смерти князя Дмитрия Владимировича Голицына (1771—1844)¹. Интересно отметить, что до вступления в право наследства его сын, князь Борис Дмитриевич, имел здесь же, в вязёмском доме, свою, отдельную от отцовской библиотеку со своим каталогом². Этот каталог обнаружить пока не удалось.

Книги в рукописном каталоге 1844 года объединены в большие комплексы в зависимости от языка, на котором написаны. Против названия каждой книги указан её инвентарный номер, количество томов и номер шкафа. Инвентарный номер соответствовал номеру на бумажной наклейке на верхней крышке книги, а номер шкафа — номеру на бумажной наклейке на корешке. Об этом можно судить по мемориальным изданиям из Вязёмской библиотеки, хранящимся в фондах музея-заповедника. Русская часть библиотеки размещалась в шкафах с 33 по 36-й³. Книги стояли беспорядочно, и при переписи их просто брали с полки в том порядке, в каком они стояли. Каждому экземпляру был присвоен свой номер. Нередки дублиеты, инвентарные номера которых следуют не друг за другом, что было бы логично при регистрации. Дистантное внесение в каталог дублетных изданий ещё раз свидетельствует о том, что составляли его по порядку расположения книг на полках; однако, если составителю удавалось вспомнить дублетный экземпляр, он делал ссылку: «См. №...». Годы издания книг проставлены лишь в самом начале каталога, место издания не проставлялось вовсе. Среди книг указаны переплётные рукописные тома. Например, рукопись на пергаменте «Описание Святой земли господина де Брийона» (1784, франц.), рукопись «Добродетели Святого Людовика, короля Франции» (1735, франц.), рукопись «Сущность искусства» (без указания даты, франц.), ряд военных журналов генерал-лейтенанта Д.В. Голицына за 1812 год.

Необходимо сказать и о мемориальных изданиях из иностранной библиотеки князей Голицыных в Вязёмах в собрании музея-заповедника. Их 35 единиц. Это книги военной тематики, исторические сочинения, материалы научных экспедиций, путешествия, книги по искусству.

---

¹ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 1263, оп. 7, ед. хр. 129.

² Там же. Л. 119 об.

³ Всего шкафов было 43; два из них — библиотека Бориса Дмитриевича.

Самые ранние издания датированы 1740, 1756 и 1764 годом. Например:

- Эссе о кавалерии от древности до современности. Париж, 1756 (на франц. яз.);

- *Бомар, Вальмон де*. Всеобщий словарь по истории естественных наук, содержащий историю, животный мир, минералы. Т. 1. Париж, 1764 (на франц. яз.).

27 книг изданы в период с 1782 по 1799 год. Среди них привлекает внимание «Сентиментальное путешествие во Францию» Л. Стерна (Женева, 1786, на франц. яз.) — книга английского писателя, чьи произведения были необычайно популярны в Европе, некоторые из них переведены на русский язык, в частности и данное произведение.

Остальные 15 книг — издания первой трети XIX века. Среди них следует отметить издание: *Барбери, Мишель-Анжело*. Указатель описания мозаичных работ, экспонировавшихся в Риме в 1823 году. Париж, 1824 — с дарственной надписью: «Подношение Его сиятельству князю Дмитрию Голицыну от покорного слуги автора. 12 августа 1826 г.» (книга на французском языке; какие-либо штампы отсутствуют).

Основная часть мемориальных книг — в бумажных «немых» обложках и необрезные экземпляры. Только небольшая часть книг имеет кожаные и комбинированные переплёты.

Отличительные книжные знаки, экслибрисы, суперэклибрисы, личные штампы отсутствуют. Книжное собрание отмечено лишь бумажными ярлычками на корешках и верхних крышках изданий, о чём упоминалось выше.

Предполагается дальнейшее изучение и реконструкция Вязёмской библиотеки на основании тщательного исследования каталога 1844 года, выявление как русских, так и иностранных изданий из фонда редкой книги музея-заповедника, идентичных изданиям Вязёмского собрания, внесённым в этот каталог.

**СМЕНА ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАРАДИГМЫ:
ОТ ПРУССКОГО ВЛИЯНИЯ К ФРАНЦУЗСКОМУ
(Французский кавалерийский устав
из библиотеки Д.В. Голицына)**

При переходе от царствования Павла I к царствованию Александра I, со сменой эпох, менялась и российская военная парадигма. Вместо прусского, насильно навязываемого сверху в предыдущее царствование, русская армия стала испытывать всё более сильное французское влияние. При всём громадном опыте русских войск в войнах против Турции, Швеции, Франции и Польши русская военная машина стремилась приспособить к своему механизму элементы наиболее передового военного опыта, который несла французская армия.

Проблема роста французского влияния в русской армии не ускользнула от внимания отечественных историков. Ещё в начале XX века К. Симанский доказал, что «Наставление гг. пехотным офицерам в день сражения», распространяемое П.И. Багратионом во 2-й армии в 1812 году (и затем использованное при составлении русского пехотного устава 1816 года), было переделкой «Наставления гг. пехотным офицерам Нарвского пехотного полка», введённое М.С. Воронцовым, которое, в свою очередь, было вольным переводом «Правил для французской армии, составленных императором Наполеоном»¹.

Вызывает сильное подозрение во французском происхождении и «Наставление для лёгкой пехоты» генерала И.В. Сабанеева, также распространённое в начале XIX века в русской армии, поскольку текст этого наставления Сабанеев привёз из Франции, куда попал в плен в 1799 году, во время Швейцарского похода А.В. Суворова².

Особенное внимание к французским военным обрядам проявлял генерал-инспектор русской кавалерии великий князь Константин Павлович. Так, в Тильзите в 1807 году с согласия своего брата, императора Александра I, Константин Павлович просил Наполеона дать ему одного из его тамбур-мажоров — «он хотел, чтобы новомодный инструктор на-

¹ *Ивченко Л.Л.* М.И. Кутузов в современной историографии. Приговор истории или произвол историков? // Отечественная война 1812 года : Источники. Памятники. Проблемы : Материалы XI Всероссийской научной конференции (Бородино, 8—10 сентября 2003 года). Можайск, 2004. С. 158—159.

² *Давыдов М.А.* Оппозиция его Величества. М., 2005. С. 27, 109, 110, 113, 115.

учил своих русских собратьев всем движениям и «штучкам», которые он выделял своим жезлом»¹.

В 1808 году в Эрфурте Константин Павлович обращал внимание на все мелочи обыденной французской службы, запоминал номера полков, замечал малейшие различия в форме, маршировке, движении войск. Оттуда он привёз целое собрание французских военных мелодий, «и на первом параде, которым он командовал, музыканты двадцати двух батальонов все вместе грянули французский марш «Да здравствует коронация!»².

По этому поводу А. Коленкур писал в одном из своих писем: «Всё у них на французский манер, шитьё у генералов, эполеты у офицеров, португеи вместо пояса у солдат, музыка на французский лад. Марши французские, ученье тоже французское»³. Надо сказать, что А. Коленкур не преувеличивал, когда утверждал, что в русской армии переняли французскую систему строевого обучения.

Это «французское ученье», то есть строевая подготовка, особенно привлекало внимание Константина Павловича. Так, во время кампании 1806—1807 годов на уланском биваке при главной квартире великого князя в Шипенбейле находилось «несколько пленных французских кавалеристов, которое должны были ездить верхом перед Его Высочеством и проделывать все эволюции одиночной езды по системе, принятой тогда во французской кавалерии»⁴.

Внимание Константина Павловича к «французскому ученью» неслучайно и свидетельствует о сложном положении со строевым обучением русской кавалерии в тот период. Русская кавалерия в начале XIX века имела несколько кавалерийских наставлений, введённых в оборот 29 ноября 1796 года⁵ и позднее, основным из которых являлся Устав Конного полка, действовавший вплоть до 1812 года, когда появилось новое кавалерийское наставление⁶.

¹ *Вандаль А.* Александр I и Наполеон. Франко-русский союз во времена Первой империи : В 3 т. Т. I. Ростов н/Д, 1995. С. 97—98.

² Там же. С. 467—468.

³ *Ивченко Л.Л.* Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года. М., 2006. С. 211.

⁴ *Булгарин Ф.В.* Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни : В 6 ч. Ч. 3. СПб., 1847. С. 142.

⁵ *Марков М.И.* История конницы : В 5 ч. Ч. 3. От Фридриха Великого до Александра Суворова. М., 2009. С. 304.

⁶ *Рогожан Н.А.* Драгунские полки русской армии в 1812 году. Организация, униформа, боевое применение. М., 2001. С. 15.

Новый кавалерийский устав был принят на основании использования прусского устава в Гатчинском отряде великого князя Павла Петровича и поэтому являлся «сколком прусской школы»¹. Однако «при всех своих хороших сторонах кавалерийские уставы 1796 г. содержали в себе весьма недостаточно указаний на одиночное обучение всадника и лошади. К тому же отдел так называемых эскерциций в этих уставах был составлен без соблюдения необходимых переходов от более лёгких к более трудным упражнениям. Следствием этого и явилось крайнее разнообразие в одиночном обучении всадника, в выезде лошади, а отчасти и в эскерцициях»².

Уже в начале царствования императора Александра I стало очевидно, что павловских кавалерийских уставов не достаточно. Поскольку ввиду недостаточной прописанности новых уставов русская кавалерия не имела однообразия в строевом обучении, сам Константин Павлович, как генерал-инспектор кавалерии, был вынужден предаваться всевозможным паллиативам для того, чтобы хоть как-то внедрить в подведомственных ему войсках однообразное и последовательное обучение как отдельных воинов, так и подразделений в целом. Ему пришлось самому писать строевые инструкции, организовывать обучение армейских офицеров в гвардейских полках, а в конечном счёте — в 1809—1812 годах — и создать Учебный кавалерийский эскадрон.

Для строевого обучения — «узнания порядка службы» — офицеры армейских полков посылались в Петербург и Стрельну. Командированные находились при гвардейских кавалерийских полках, в основном при лейб-гвардии Конном полку, и, пробыв «в обучении» год или два, возвращались, «с записками (а иногда и без них)», для передачи порядка строевого обучения в гвардейской кавалерии каждый в свой полк. «Понятно, что от этого способа введения усвоенных тогда в гвардейской кавалерии правил было много недоразумений, а как в последовавшей затем четырёхлётней полевой службе (1812—1815) не было времени припоминать развезённые офицерами инструкции, то они были совершенно забыты»³.

---

¹ *Крестовский В.В.* История 14-го уланского Ямбургского Её Императорского Высочества великой княжны Марии Александровны полка. СПб., 1873. С. 88.

² *Байов А.К.* Курс истории русского военного искусства. Вып. VII. Эпоха императора Александра I. СПб., 1913. С. 176.

³ *Иванов П.А.* Обзорение состава и устройства регулярной русской кавалерии от Петра Великого и до наших дней. СПб., 1864. С. 184.

Все прикомандированные офицеры жили в Стрельне, где было организовано нечто вроде учебного эскадрона.¹ По истечении «неточно определённого» срока офицеры возвращались в свои полки, «иногда с полученными инструкциями, а иногда и без всяких инструкций», и передавали у себя в полках всё то, что они переняли у конногвардейцев и улан Цесаревича в Стрельне. «Но так как тогда и в гвардейских полках не было ещё выработано никаких прочно-установленных и строго-узаконенных правил и постановлений, и так как замена и отмена этих правил зависела, по большей части, если даже не исключительно, от воли великого князя Константина Павловича, то понятно, какие недоразумения происходили зачастую в армейских полках, куда все эти нововведения, часто самые мелочные, не всегда успевали проникать своевременно»².

В 1809 году был образован Учебный кавалерийский эскадрон под командованием адъютанта Константина Павловича полковника А.А. Жандра, причисленный к лейб-гвардии Конному полку. «Получая всё фронтное образование от Конной Гвардии, люди, его составлявшие, распускались в армейские полки, где они передавали внушённые им правила; все чины его несли службу наравне с Конной Гвардией»³.

27 сентября 1804 года в Махновке — месте формирования и первоначальной дислокации вновь образованного Уланского полка — Константин Павлович издал для обучения полка инструкцию из 32-х пунктов, которая заключала в себе указания, относящиеся к первоначальному обучению кавалеристов, как то: «выправка, посадка, держание корпуса, сидя верхом, «позитура», пригонка конской амуниции, управление лошастью, аллюры; кроме того, даны советы для офицеров, которые должны служить примером для солдат». Инструкция фактически полностью была повторена им же в приказе по кавалерии от 29 октября 1808 года в Стрельне, за незначительным изменением всего лишь 2-х пунктов⁴.

В итоге оказалось, что, имея несколько уставов и будучи объектом пристального внимания кавалерийского начальства, русская кавалерия

---

¹ *Крестовский В.В.* История лейб-гвардии Уланского Его Величества полка. СПб., 1876. С. 31.

² *Крестовский В.В.* История 14-го уланского Ямбургского... полка. С. 105—106.

³ *Анненков И.В.* История лейб-гвардии конного полка 1731—1848 : В 4 ч. Ч. I. СПб., 1849. С. 223.

⁴ См.: *Бобровский П.О.* История лейб-гвардии Уланского Её Величества государыни императрицы Александры Фёдоровны полка : В 2 т. Т. 1. СПб., 1903. С. 41—42.

оказалась без унифицированной системы обучения, которое в результате сводилось к произволу частных начальников. «В то время, — по словам Ф.Я. Мирковича, — в кавалерии не придерживались и не руководствовались уставом, а были рукописные уставы, вроде «Эволюций Конного полка». Каждый полк имел свою тетрадь неизвестного происхождения или заимствовал у другого, вносил свои поправки и изменял по своему произволу и по ним производил муштровку»¹.

Тем временем в 1804—1805 годах генерал-лейтенант Д.В. Голицын издал в Орле и в Петербурге кавалерийское наставление в двух томах, целью которого было дать русской кавалерии подробную и всеохватывающую инструкцию по строевой подготовке и установить в русской кавалерии единообразное обучение войск². Главной своей задачей Голицын посчитал «утвердить на незыблемом основании учение конного полку маневрам и поставить методическое наставление на непреложных началах, которые могли бы утвердить единообразие в таковом учении»³.

До сих пор специалисты искренне полагали это наставление авторским трудом самого Д.В. Голицына и старших офицеров его кавалерийского — Кирасирского Военного Ордена — полка, предполагая, конечно, что он использовал в качестве образца некий французский кавалерийский устав⁴. Так, в недавней работе, в которой

---

¹ Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX в. М., 2008. С. 371.

² Опыт наставлений, касающихся до экзерциции и маневров кавалерийского полка. СПб.: Мед. тип., 1805; Чертежи принадлежащие к опыту наставлений, касающихся до экзерциции и маневров кавалерийского полка. Орел: Тип. Смолен. губ. прав., 1804. Мы считаем необходимым заметить, что существует большая вероятность двукратного издания устава Д.В. Голицына, в Орле и в Петербурге, которую до обнаружения данных, опровергающих её, отрицать, однако, нельзя.

³ Голицын Д.В. Мысли о кавалерии // Опыт наставлений, касающихся до экзерциции и маневров кавалерийского полка. С. 6—7.

⁴ См.: Бобровский П.О. История лейб-гвардии Уланского... полка. С. 43; Байов А.К. Курс истории русского военного искусства. С. 177. А.К. Байов ошибочно ссылается на некий французский кавалерийский устав 1791 года, которого никогда не было. 1 августа 1791 года был принят знаменитый французский революционный пехотный устав. Первое издание французской кавалерийской «инструкции» состоялось в 1797 году, хотя прототипом её стал Ордонанс 1788 года и — частично — такой же 1777 года. Эта ошибка происходит из буквального прочтения исследователем вступительной статьи Д.В. Голицына к «Опыту наставлений...», в которой тот говорит о существовании устава 1791 года (см.: Голицын Д.В. Мысли о кавалерии // Опыт наставлений, касающихся до экзерциции и маневров кавалерийского полка. С. 37). Однако, как это ни странно, Голицын упоминает именно французский пехотный устав 1791 года, и, очевидно, Байов неправильно понял контекст пассажа Голицына, из-за чего и допустил ошибку.

он рассматривался, считается, что офицеры полка и написали этот устав¹.

Однако в секторе редкой книги в составе фондов Пушкинского Заповедника сотрудники музея обнаружили экземпляр французского кавалерийского наставления 1801 года из библиотеки Д.В. Голицына в Вязёмах, свидетельствующий о переделке французского устава для его издания на русском языке. Называется он «Инструкция, касающаяся маневров конных войск, составленная по современным и действующим установлениям»².

Неслучайно это французское наставление привлекло внимание специалистов — Д.В. Голицына и его соратников. Это объёмистый труд в двух томах, из которых первый представляет собой пятьсот страниц убористого текста, набранного иногда петитом, посвящённых целиком строевому обучению кавалерии. Объём сведений здесь превышает объём русских кавалерийских уставов в 30 раз. Фактически это детальное и чрезвычайно последовательное описание обучения кавалеристов от рекрутов до конного полка в целом. Второй том французского наставления содержит чертежи к тексту — 152 иллюстрации³.

Этот французский устав действовал на протяжении всех наполеоновских войн вплоть до 1816 года. В той же коллекции Пушкинского Заповедника из состава военной части библиотеки Д.В. Голицына также обнаружены все последующие издания этого устава в 1802, 1804 и 1808 годах. Экземпляр же 1801 года позволяет реконструировать ход работы Д.В. Голицына над его текстом.

Первоначально в новом экземпляре были разрезаны листы и на полях страниц делались пометки. Однако, поскольку места на полях было мало, а мыслей относительно кавалерийского обучения было много, Д.В. Голицын расшил экземпляр устава, проложил расшитые парные отпечатанные листы листами чистой голубоватой писчей бумаги (с водяными знаками 1801 года) и заново сшил, затем обре-

---

¹ См.: *Бегунова А.И.* Повседневная жизнь русского гусара в царствование императора Александра I. М., 2000. С. 246—249.

² Научная библиотека Пушкинского Заповедника. Инв. № 8294: *Instruction concernant les manœuvres des troupes à cheval rédigée sur les ordonnances actuellement en acrivité.* Paris: Magimel, An X. 1801.

³ Научная библиотека Пушкинского Заповедника. Инв. № 10586: *Planches relatives à l'Instruction concernant l'exercice et les manœuvres des troupes à cheval.* Paris: Magimel, An X. 1801.

De l'Embouchure.

Il faut encore considérer la construction du cheval, pour bien l'emboucher.

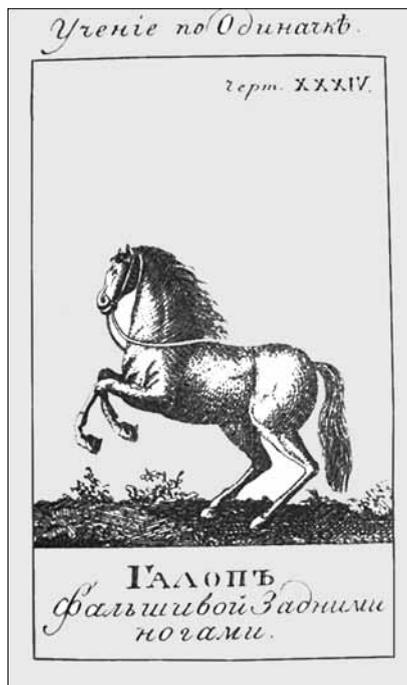
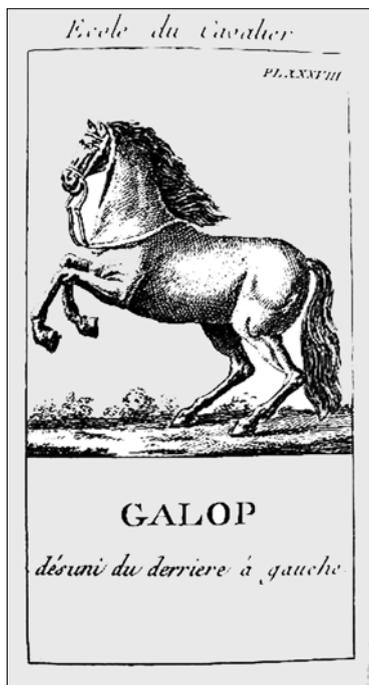
Le cheval qui a l'encolure de *cerf* ou *renversée*, demande des branches bien courtes, et le touret renversé en arrière, par le principe de distance plus ou moins éloignée de la main du cavalier. Si le cheval porte le *nez au vent*, il faut que les branches avancent pour lui ramener la bouche; de cette façon, l'encolure du cheval et la direction de sa bride feront toujours l'effet d'un triangle.

Le cheval qui est *plus bas des pieds de devant* que de ceux de derrière, demande une attention particulière, et qui ne se borne pas uniquement aux soins de lui placer la tête. Ces sortes de chevaux sont rarement assis sur les hanches; ils sentent la surcharge du poids, que la croupe rejette sur les épaules; ils se défont de leurs jambes de devant et cherchent le soutien du mors; de là vient qu'ils pèsent à la main, et qu'ils ont ordinairement la bouche mauvaise. Aux chevaux de cette espèce, il faut diriger les branches sur les lignes les plus ardentées.

Quoique la direction des branches soit faite sur la ligne qui sera la plus hardie, et qui contraindra le cheval à se mettre sur la croupe, cette direction ne donnera rien d'incommode au mors, dès qu'il sera ajusté conformément à toutes les parties intérieures de la bouche.

un mors de seulement sans la
bouche de cheval en faisant agir
l'embouchure avec plus ou moins de
force, et elle agit ainsi en même
raison sur la qu'on ne, après cela on
principal effet est de ramener, et les
et plus comme il faut, l'encolure et la
tête de cheval.

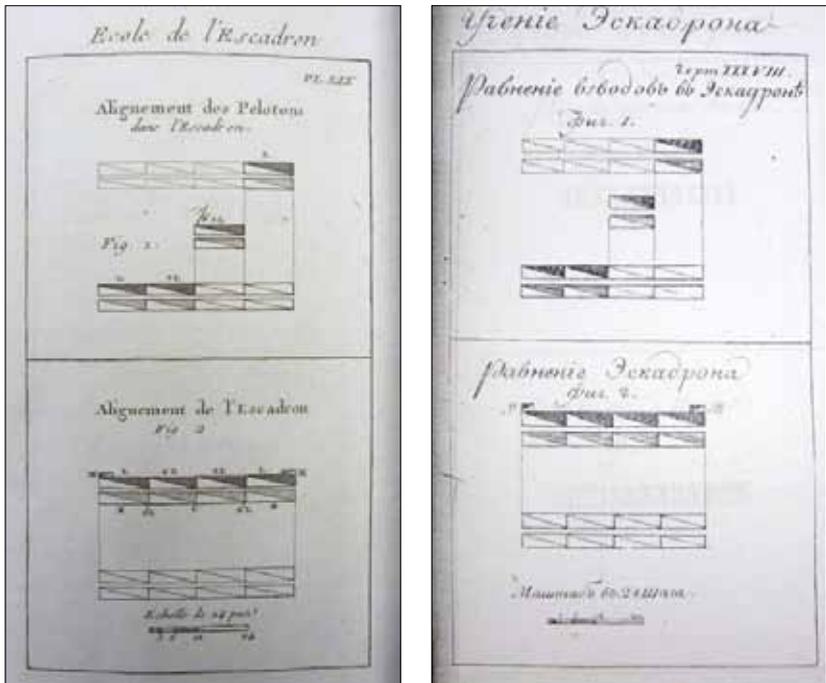
Une branche est plus ou moins forte
en raison de ce qu'elle s'écarte, plus on
mène le mors aplomb; voyez la figure
dette branche vous devez perpendicular
à la ligne de banquet qui est per
pendiculaire, à moins qu'on ne préfère
de tout de cette branche en avant.

Pl. XXXVIII французского устава и черт. XXXIV наставления Д. В. Голицына, соответствующие друг другу

зал книжный блок и переплёл его в кожу. Таким образом, книга получила двойное количество страниц в блоке (около тысячи), где печатные страницы (листы) французского текста последовательно в соотношении 1:1 чередовались с чистыми страницами (листами) для записей.

На этих чистых страницах Д.В. Голицын и делает многочисленные записи, пометки, рисунки и замечания к тексту французского устава, часть из которых является пометками о переводе и помещении фрагментов текста в русское издание. Всего в данном экземпляре несколько сотен таких записей — как на чистых вшитых страницах, так и на полях и в самом французском тексте. Записи и рисунки сделаны рукой Д.В. Голицына на французском и русском языках орешковыми чернилами (большинство) и простым карандашом.

Pl. LIX французского устава и черт. XXXVIII наставления Д. В. Голицына, соответствующие друг другу

Часть французского текста «удаляется», часть переводится, иногда вольно; и в целом Д.В. Голицын составляет упрощённый вариант французского устава 1801 года, сокращённый по фактическому тексту примерно наполовину, поскольку полный объём оригинала оказывается избыточным для русского текста. Французский устав являлся последовательно-раздельным, поскольку описывал особенности обучения разных родов кавалерии (драгун, конных егерей, гусар); Д.В. Голицын же сделал русский текст устава «глухим», обезличив обучение кавалерии безотносительно к её родам.

Часть чертежей французского устава «копируется», и из них Д.В. Голицын составляет второй том своего наставления, содержащий 103 иллюстрации. Некоторые чертежи видоизменены и «перделаны» под русские условия, например, исходят из численности людей

в полку, количества эскадронов и так далее. Убран значительный массив чертежей, касающихся снаряжения и экипировки кавалеристов и лошадей, но оставлены все чертежи, непосредственно относящиеся к строевому обучению и производству эволюций и маневров. Необходимо заметить, что гравёрные работы по исполнению русского варианта чертежей оказались на порядок ниже качеством, нежели их французские оригиналы.

В таком, значительно переработанном и облегчённом варианте Д.В. Голицын и опубликовал русский текст французского кавалерийского устава 1801 года, редкость которого свидетельствует о его быстром распространении среди войск и значительном интересе к нему специалистов, то есть строевых командиров русской кавалерии.

В заключение необходимо сказать, что обнаруженный в фондах Пушкинского Заповедника экземпляр французского устава из библиотеки Д.В. Голицына является первым научно установленным фактом воздействия французской военной теории на российскую армию в самом начале XIX века и неопровержимо свидетельствует о стремлении русских командиров перенять наиболее передовые методы обучения войск в условиях нарастающей военной угрозы.

*Алексей Востриков,
Максим Морозов*

**КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ
СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ А.Д. САЛТЫКОВА
В СОСТАВЕ БИБЛИОТЕКИ БЕСТУЖЕВСКИХ КУРСОВ**

8 мая 1894 года в докладе Комитета Общества для доставления средств Санкт-Петербургским Высшим женским курсам прозвучала следующая информация: «Комитет считает долгом сообщить о только что полученных им пожертвованиях. Самое крупное из них сделано, благодаря посредничеству Почётного члена нашего Общества М.М. Семёнова, душеприказчиком недавно скончавшегося Светлейшего князя Алексея Дмитриевича Салтыкова Иваном Васильевичем Новиковым, который принёс в дар нашему Обществу богатую библиотеку покойного князя, заключающую в себе от 4000 до 5000 томов весьма ценных сочинений, главным образом историко-философского содержания. Книги эти на днях доставлены уже И.В. Новиковым в 23 ящиках, которые приняты библиотекарем курсов. По поручению Комитета Н.В. Пясецкий и И.М. Гревс вместе с М.М. Семёновым были у И.В. Новикова и выразили ему глубокую признательность за столь щедрое пожертвование. — Затем Комитет предлагает Обществу собранию: 1) почтить память князя Алексея Дмитриевича Салтыкова вставанием; во 2) на основании параграфа 4 Устава Общества избрать И.В. Новикова почётным членом нашего Общества; в 3) присвоить той части помещения библиотеки Курсов, которая будет занята пожертвованными ныне книгами, наименование «отдела библиотеки Светлейшего Князя Алексея Дмитриевича Салтыкова»; в 4) выразить признательность Обществу М.М. Семёнову за его участие в этом деле»¹.

Бестужевским курсам (как в повседневной речи называли Санкт-Петербургские Высшие женские курсы, здесь далее — ВЖК) на этот момент исполнилось 15 лет, совсем недавно они переехали в собственное здание на 10-й линии Васильевского острова; библиотека насчитывала менее десяти тысяч томов и умещалась в одной комнате².

¹ Отчёт Общества для доставления средств Высшим женским курсам за 1893—94 г. СПб., 1895. С. 51.

² Об истории библиотеки см.: Библиотека Бестужевских курсов : Историческая хроника в свидетельствах и документах. Сост. А.В. Востриков. СПб., 2009.

Естественно, что такое замечательное пожертвование вызвало к себе особое внимание и потребовало специальной работы. Систематизация, расстановка и описание собрания затянулись на несколько лет. Первоначально книги были расставлены в отдельной комнате в специально учреждённых литерных шкафах. Книги размещались по формату; тематика практически не учитывалась. Уточнились представления об объёме библиотеки, их озвучил Сергей Фёдорович Платонов в докладе на годовом акте 4 декабря 1894 года: «около 1100 названий в количестве 4080 томов и 151 брошюра»¹. Спустя год появились новые цифры: 1633 названия в 4375 томах²; специально на обустройство библиотеки Салтыкова было потрачено 275 рублей³. В 1900 году вся курсовая библиотека переехала в специально для неё построенное помещение в новом флигеле (где она располагается и в настоящее время); для салтыковского собрания здесь было подготовлено место на балюстраде главного зала; литература шкафов была сохранена, и перешифровка не потребовалась.

Одновременно шла работа по подготовке систематического каталога библиотеки ВЖК, который был закончен и отпечатан в 1908 году⁴; в него внесены и салтыковские книги, о чём особо оговорено в предисловии⁵. В процессе подготовки был составлен рукописный «*Supplément du catalogue de la bibliothèque des Cours Supérieurs (Salle du prince Saltikof)*» и тиражирован в литографии Богданова⁶. Один экземпляр сохранился в библиотеке; он переведен нами в электронный формат и выложен в открытом доступе на сайте Научной библиотеки имени М. Горького

---

¹ Отчёт Общества... за 1893—94 г. СПб., 1895. С. 73.

² Отчёт Общества... за 1894—95 г. СПб., 1896. С. 11.

³ Там же. С. 7.

⁴ Два отдела, историко-филологический и физико-математический, с указателями; в 1910 году был отпечатан третий отдел, юридический.

⁵ «Библиотека князя Салтыкова... очень ценный вклад в наше книгохранилище: она включает в себе историческую и философскую литературу Франции и Англии этой знаменитой эпохи и очень редкие коллекции мемуаров, журналов и т. п. Библиотека эта размещена на хорах большого зала, в шкафах от А до Ж, с общим аншлагом «Библиотека князя Салтыкова». Каталог библиотеки С.-Петербургских Высших женских курсов. Историко-филологический отдел СПб., 1908. С. II.

⁶ Ни тираж, ни время нам не известны; упоминание в заглавии «Салтыковского зала» (а не библиотеки), а также указание в одном случае несуществующего шифра указывает на то, что указатель, вероятнее всего, был составлен до переезда в новое помещение, то есть до 1900 года.

СПбГУ. Этот труд является скорее указателем, чем каталогом: авторы названы только по фамилии, описания изданий сокращены и иногда упрощены, отсутствуют сведения о месте и годе издания (за исключением отдельных случаев), объём и прочее. Но он очень важен для нас как памятник библиотечной культуры конца XIX века и как источник для атрибуции отдельных изданий.

В 1918 году Бестужевские курсы были упразднены и присоединены к университету; библиотека вошла в состав университетской, сначала на правах филиала, а затем вошла в резервный (депозитарный) фонд. При этом около половины фонда физически оставалось на своём месте, в историческом помещении, построенном в 1900 году. В течение последних десяти лет ведётся работа по созданию мемориально-библиотечного комплекса «Библиотека Бестужевских курсов» с восстановлением фонда в его исторической расстановке, созданием электронных каталогов библиотеки в целом и частных собраний в её составе¹. Настоящая публикация составляет часть этой комплексной работы. Характеристика собрания А.Д. Салтыкова, а также наши разыскания из области истории его происхождения носят предварительный характер и имеют целью, в первую очередь, представить этот замечательный памятник библиотечной культуры и ввести его в научный оборот.

В настоящее время библиотека светлейшего князя А.Д. Салтыкова располагается в расстановке 1900 года на шкафах от «А» до «Ж», занимая всю длинную сторону балюстрады главного зала. Принадлежность изданий к салтыковскому собранию устанавливается нами по печати с изображением центрального щитка герба (орёл с развёрнутыми крыльями и рука с мечом) и текстом: «Из книг князя Алексея Дмитриевича Салтыкова»²; однако в многотомных изданиях печать часто стоит только на первом томе; отсутствует печать и на некоторых книгах конца XIX века (подробнее об этом ниже). Дополнительными основаниями для атрибуции служат литографированный указатель и первоначальные шифры на книгах. В настоящее время учтено и описано 3148 томов³.

¹ О ходе работ см. подробнее на нашем сайте: <http://www.library.spbu.ru/bbk/>

² Кем и когда проставлялась эта печать, нами не установлено; возможно, она ставилась на книги уже на Бестужевских курсах.

³ Данные постоянно корректируются за счёт выявления и восстановления в расстановке отдельных изданий, однако в настоящее время такие коррективы носят единичный характер. Здесь и далее в предварительных статистических расчётах мы оперируем не количеством изданий, а количеством томов, то есть записей в электронном каталоге.

Корпус книг, поступивший на Бестужевские курсы в 1894 году и объединённый названием «Библиотека светл. кн. А.Д. Салтыкова», на самом деле представляет собой два собрания, существенно отличающиеся одно от другого по тематике изданий, времени выхода и другим признакам. Назовём их условно «старым» и «новым» собраниями.

«Старое» собрание общим объёмом 2981 том¹ включает в себя издания XVIII — первой половины XIX века. Самое старое издание — «Ключ к Нострадамусу...» Жана Ле Ру (Париж, 1710); далее следуют единичные издания 1750—1760-х с дальнейшим постепенным нарастанием количества, резким увеличением на 1820-е годы и последующим спадом. В процентном отношении книги XVIII и первого десятилетия XIX века составляют около 18%, 1810—1819 годов — 14%, 1820—1829 — 40%, 1830—1839 годов — 21%, 1840—1849 годов — около 7%.

Издания преимущественно в переплётах своего времени: примерно половина книг XVIII века — в телячьей коже, с декоративным тиснением золотом на крышках (рамки) и корешках; книги первой половины XIX века (и второй половины XVIII века) — в переплётах с кожаными или коленкоровыми корешками, большинство с золотым тиснением. Переплёты разные, можно выделить около двух десятков условно одинаковых, то есть повторяющихся в основных признаках у нескольких изданий. 234 тома в позднейших переплётах².

На книгах (кроме упомянутой печати А.Д. Салтыкова) нет никаких владельческих знаков: ни суперэкслибрисов (в том числе инициальных тиснений на корешках), ни экслибрисов, ни владельческих записей. Также отсутствуют книготорговые ярлыки или штампы, в том числе антикварных или букинистических магазинов.

Подавляющую часть старого собрания составляют книги на французском (оригинальные сочинения и переводы); кроме того, есть несколько изданий на немецком и английском языках.

В целом в собрании присутствует преимущественно гуманитарная литература. Издания по математике, физике, химии и прочим единичны и составляют общим счётом не более 2—3%. Можно выделить два доминирующих идейно-тематических направления, на которых построе-

---

¹ Объём утрат из «старого» собрания составляет, по нашим предположениям, не более 100—150 томов.

² Возможно, что эти книги были отданы в переплёт уже библиотекарями ВЖК.

но собрание: философия и литература Просвещения (плюс актуальный контекст) и новейшая французская история (от Великой французской революции до революции 1830 года, тоже в контексте). Дальнейший анализ состава собрания с этой точки зрения представляется нам весьма продуктивным, однако в настоящий момент мы ограничимся этим общим наблюдением и охарактеризуем библиотеку, исходя из общих систематических рубрик.

Философский раздел состоит из более чем 300 томов¹. Античная мысль представлена отдельными (и, на наш взгляд, достаточно случайными) изданиями: «О природе богов» Цицерона (2 т., 1775), труды Сенеки (1842); к ним примыкает «Утешение философией» Боэция (1771).

Гораздо полнее представлена философия нового времени. В первую очередь необходимо назвать «Энциклопедию» Дидро и Даламбера (бернское издание 1781—1782 годов; кроме того, есть и 15-томная выборка, составленная Ж.-Ф. Эннекеном, — «Дух Энциклопедии»; 1822). Сразу же упомянем и ещё одно украшение салтыковской библиотеки — 70-томное собрание сочинений Вольтера (1784). Кроме того, представлены труды следующих философов: Ф. Бэкон (2 т.; 1778), Д. Вико, Д. Локк («Опыт о человеческом разумении» в 4 т.; Амстердам, 1758), Ж. де Лабрюйер («Характеры»; Амстердам, 1759), Массильон, Кант, Кондильяк (23 т.; 1798), Дидро (15 т.; 1798), Даламбер (18 т.; 1804), а также Бенджамен Констан, Жозеф де Местр («Санкт-Петербургские вечера», 1821), Виктор Кузен (4 разных издания), Огюст Конт и другие.

Политические науки (более 100 томов) представлены «Политикой» Аристотеля, сочинениями Цицерона, Чезаре Беккариа («О преступлениях и наказаниях»; 1797), Адама Смита, Томаса Мальтуса, Жан-Батиста Сэя, Бенджамина Франклина и других.

Самым обширным разделом старого салтыковского собрания является исторический — около 40%. В нём отметим труды античных авторов: Фукидид («История»; 4 т.; 1795), Плутарх («Les vies des hommes illustres...»; 12 т.; 1778), Диодор Сицилийский («Всеобщая история»; 7 т.; Амстердам, 1769—1780), Тацит, Корнелий Непот, Светоний («Жизнь 12 цезарей»), Цицерон, Тит Ливий, Плиний Младший.

---

¹ Отнесение отдельных трудов (тем более сборников или многотомных собраний) к тому или иному разделу носит, естественно, условный характер. В «Supplement...» некоторые издания включены сразу в несколько разделов.

История Греции и Рима представлена такими классическими трудами, как «История упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббона (18 т.; 1788—1795), «История древней Греции» Дж. Гиллиса (6 т.; 1787—1788), «Римская история» Шарля Роллена (16 т.; 1773—1794), а также сочинениями Мишле, Левека, Нибура и других.

Естественно, наиболее широко представлена французская история — около полутысячи томов. Назовём наиболее известные имена: Проспер Барант, Шарль Конт, Симонд де Сисмонди («История француз» в 31 т.), Жан-Франсуа Баррьер, Гизо, Лакретель, Монгайяр, Прадт, Шатобриан, Жан-Батист Капефиг, Сегюр, Шлоссер, Шлегель и другие. К этому же разделу относится и внушительная подборка мемуаров: записки м-ль дю Барри, Бриссо, Бриенна, Казановы (8 т.), Карно, Клери, маркиза де Феррьера, генерала Шарля Дюмурье (3 т.; 1795), Гурго, Антуана Лавалетта, Людовика XVIII, Шарля Нодье, кардинала Ретца, Сен-Симона, герцога Ришелье, Видока и других.

Особо выделены две темы: история Французской революции и история наполеоновской Франции. Первой посвящены следующие издания: «История фронды» Сент-Олера, «Философическая история революции во Франции...» Фантен-Дезадоарда, «История жирондистов» Ламартина, книги мадам де Сталь, Ж.-Б. Сарранса, Тьера, письма и записки Мирабо, Лафайета, Воблана, Монлеона, Морелле, Ривароля, Робеспьера и других.

Наполеонистика представлена записками самого Наполеона (4-е изд., 1828), его письмами, «Мемориалом Св. Елены» Лас-Казаса, записками Сегюра, Пеле, Водонкура, Фуа, Бурьенна, маршала Бертье, Ренье, Биньона, трудами Жомини, Арно, д'Ивернуа; особо хочется отметить 25-томное издание «Описания Египта...» (1821) с 10 томами иллюстраций in-folio. Любопытно в этом контексте и вполне антибонапартистское сочинение Густава фон Шлабрендорфа («Наполеон Бонапарт и французский народ при консульстве», 1804) на немецком языке.

Довольно представителен также раздел английской истории — около 150 томов, среди которых сочинения Дэвида Юма («История Англии»; 6 т., 1765—1767), Вальтер Скотта, Бульвер-Литтона, Капефига, Халлама, Пишо, Робертсона, Тьерри, мемуары времён английской революции и другие.

Имеются в «старом» собрании и издания по истории других стран и народов; например «История царствования императора Карла V»

В. Робертсона (6 т.; 1771), второе (жневское, осуждённое французским парламентом на сожжение) издание «Философической и политической истории о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях» Гийома Рейналя (1781, 10 т.), первое издание «Писем об Атлантиде Платона» Ж.-С. Байи (1779), «Руины, или Размышления о революциях империй» К. Вольней де Шасбёфа (1798—1799), «История Швейцарии» И. Мюллера (12 т., 1796—1803); труды Вашингтона Ирвинга, Томаса Гамильтона, Фенимора Купера («Письма о нравах и порядках в Северо-Американских Соединенных штатах»; 5 т., 1828) и другие. Русская история представлена крайне скупо: трудом Жозефа Эсно («Философская и политическая история России»; 5 т., 1828—1830), а также записками П.П. Сухтелена о русско-шведской войне и Д.П. Бутурлина — о войне Отечественной.

История литературы (включая биографии) представлена тремя десятками изданий (около 100 томов): в основной массе они связаны с историей французской литературы; однако есть и труды общего характера, в частности «История литературы древней и новой» Фридриха Шлегеля (2 т., 1829) и сборник статей К.М. Виланда (1824).

Раздел «*Belles lettres*» (около 400 томов) в подавляющем преимуществе представлен произведениями французских авторов, при этом очевидно преобладание многотомных собраний над отдельными изданиями. Кроме уже названных Вольтера, Дидро, Даламбера и Массильона (в той части, в которой они могут быть отнесены к изящной словесности), это собрания Корнеля (12 т.), Мольера (6 т.), Фенелона (6 т.; плюс отдельное издание «Приключений Телемаха» в 4 т.; 1796), Ламартина (8 т.), Шатобриана (4 т.), Ж.П. Флориана (14 т.), Ж. Б. Руссо (5 т.), графа Трессана (13 т.; 1787—1791); из отдельных произведений заслуживают упоминания шесть различных изданий Жака Делиля (включая «Сады», 1801), «Путешествие юного Анахарсиса» аббата Бартелеми (9 т., 1790), первое издание «Жакерии» Проспера Мериме (1828), произведения Малерба, Бернардена де Сен Пьера, Парни.

Из античных авторов в старом салтыковском собрании присутствуют (все во французских переводах) Аристофан, Ксенофонт, Гораций, Овидий, Лукан, Марциал, Апулей, «Энеида» Вергилия (в пер. Ж. Делиля, 4 т., 1804). Литература других народов представлена единичными изданиями.

При составлении литографированного указателя в особом разделе были учтены все энциклопедические издания. Помимо уже названной

нами «Энциклопедии» Дидро — Даламбера, сюда включены «Biographie universelle» (издания 1811—1847 г.; в наличии 79 т.), «Dictionnaire de la conversation et de la lecture» (52 т.; 1832—1839), «Dictionnaire universel, historique, critique, et bibliographique...» (20 т.; 1810—1812), «Encyclopédie des Gens du Monde...» (22 т. в 44 ч.; 1833—1844), а также ещё несколько менее объёмных изданий.

Наконец, последним заметным в количественном отношении разделом является естественная история, представленная 180 томами, более половины из которых — многотомные словари.

Из периодических изданий представлены «Archives des découvertes et des inventions nouvelles» (28 т. за 1808—1839 годы), «Revue encyclopédique» (48 т. за 1819—1835), «Nouvelles annales des voyages» (90 т. за 1819—1865), «Revue britannique» (105 т. за 1825—1844), «Revue de Paris» (48 т. за 1829—1837), «Revue des deux mondes» (72 т. за 1831—1846 годы); ещё несколько французских журналов представлены отдельными номерами.

«Новое» собрание в настоящий момент насчитывает около 170 томов, изданных в период с 1860 года по начало 1890-х.

21 том представляет собой сочинения по оккультизму, спиритизму, магии и так далее, изданные в 1860—1880-е; среди них книги барона дю Поте, Франсуа Ленормана, Марселина Бертелло, Адольфа Дебарроля и других. 16 книг из этой подборки (самая поздняя 1881 года издания) — в одинаковых, достаточно дорогих переплётках (кожаный корешок, золотое тиснение). Среди оставшихся книг «нового» собрания имеются разрозненные популярные издания (от физики и химии до путеводителя по Египту), но основную массу (около 130 томов) составляет столь же популярная беллетристика на английском и французском языках: Ч. Диккенс, Э.А. По, Брет Гарт; А. Доде, братья Гонкуры, Гюго, Жорж Онэ и другие. Большинство этих изданий в стандартных издательских переплётках, некоторые весьма потрёпанные, к трём подклеен ярлык магазина Р. Уоткинса (Петербург). Печать собрания Салтыкова стоит менее чем на половине книг, и они включены нами в состав собрания на основании литографированного указателя. Там же перечислено ещё около 200 изданий (многие из них — многотомные), принадлежащих двум большим сериям: «English Library Edition» и «Collection of British Authors»; у этих книг не указаны расстановочные шифры; в настоящее время на «салтыковских» шкафах они отсутствуют. Вероятно, эти книги были отделены от библиотеки

Салтыкова и присоединены к соответствующим серийным подборкам при переезде в новое помещение. Если принять их в расчёт, то общий объём «нового» салтыковского собрания должен составить примерно 500—600 томов, из которых 90% — популярные дешёвые издания беллетристики на английском языке.

«Новое» собрание однозначно связано с последним владельцем библиотеки — светлейшим князем Алексеем Дмитриевичем Салтыковым. Однако оно не было самостоятельным, а лишь дополнением, своеобразным «дичком», привитым к «старому» собранию, историю которого следует искать в культурных и библиотечных традициях рода светлейших князей Салтыковых.

Род этот берёт начало от Николая Ивановича Салтыкова (1736—1816), военного и государственного деятеля второй половины XVIII — начала XIX века. Он принадлежал к самой успешной салтыковской ветви, представители которой занимали высокие должности, составили состояние и породнились со многими знатными семействами; именно из этой ветви была жена царя Иоанна Алексеевича Прасковья Фёдоровна, мать императрицы Анны Иоанновны и бабушка правительницы Анны Леопольдовны. Сделав успешную военную карьеру (генерал-аншеф к 37 годам), Н.И. Салтыков был приближен Екатериной II и в 1773 году занял должность гофмейстера двора великого князя Павла Петровича (в этом качестве он, в частности, сопровождал наследника в заграничных поездках). В 1784 году он был назначен воспитателем великих князей Александра и Константина Павловичей и исполнял эти обязанности в течение 10 лет. Впоследствии Н.И. Салтыков занимал различные высокие должности: Павел I произвёл его в генерал-фельдмаршалы и назначил президентом Военной коллегии; при Александре I он стал членом, а затем и председателем Государственного Совета и Комитета министров (1812). В 1790 году Салтыков был пожалован в графское достоинство, а в 1814-м — в княжеское Российской империи достоинство с присвоением титула Светлости в нисходящем потомстве¹.

Личность светлейшего князя Н.И. Салтыкова по-разному оценивалась и современниками, и позднейшими историками: одни осуждали его за слабохарактерность и раболепие перед случайными людьми, считали «ловким, но ограниченным царедворцем, весьма твёрдо знав-

---

¹ См.: Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. СПб., 2001. С. 585—587.

шим придворную науку, отличительной чертой характера которого была угодливость»¹; другие подчёркивали его добродетели — «...верный супруг, нежный отец, честный гражданин, бережливый хозяин... и что важнее всего — посредник в семейных неудовольствиях между державной матерью и царственным сыном, он прекрасно исполнял свою щекотливую обязанность»². При этом его высочайший, европейский уровень образованности не вызывал сомнения ни у кого — неслучайно Екатерина II поручала ему не только присмотр за повседневной жизнью своих внуков, но и контроль над их обучением.

Николай Иванович Салтыков в 1762 году женился на княжне Наталье Владимировне Долгоруковой (1737—1812), у них родилось трое сыновей: Дмитрий, Александр и Сергей. Семья жила в Петербурге в «каменном доме», пожалованном Екатериной в награду за старания воспитателя по случаю женитьбы младшего воспитанника, Константина Павловича (1796). Сейчас «Дом Салтыковых» возле Мраморного дворца (Дворцовая наб., 4; архитектор Дж. Кваренги) принадлежит СПбГУКИ.

Светлейший князь Дмитрий Николаевич Салтыков (1767—1826), старший сын Н.И. Салтыкова, впоследствии действительный камергер императорского двора, был слепым от рождения и не мог деятельно заниматься службой. Он жил в доме отца со своей женой Анной Николаевной (урождённой Леонтьевой; 1776—1810) и пятью детьми (дочь Мария, сыновья Иван, Владимир, Пётр и Алексей). Известный дипломат А.П. Бутенёв вспоминал о первых годах Александровского царствования, когда он 16-летним юношей приехал в Петербург для определения в службу и был принят в доме Салтыковых: «Прелесть и редкие достоинства супругов украшали эту образцовую семью... В высоких сферах тогдашнего общества они представляли собою редкий пример семейственной добродетели, а по душе и образованию были людьми избранными»³.

От А.П. Бутенёва мы получили и очень интересные сведения о библиотеке Салтыковых, которая весьма заинтересовала любознательного и не обременённого делом юношу. Он даже «взялся составлять ката-

---

¹ Шильдер Н.К. Император Павел I : Историко-биографический очерк. М., 1996. С. 114.

² Слова А.Ф. Воейкова; цит. по: Карнович Е.П. Цесаревич Константин Павлович. СПб., 1899. С. 13—14.

³ Русский Архив. 1881. Кн. 3. С. 31.

лог Салтыковской библиотеки. Книги в ней покупались ещё с середины прошлого века, при Елисавете и потом при Екатерине. Их было от 4 до 5 тысяч»¹. Каталог этот до нас не дошёл, а скорее всего и не был составлен. По воспоминаниям Бутенёва, библиотека состояла в основном из книг на французском языке, а также на английском и немецком; большей частью это была историческая литература и беллетристика; особо запомнилось наличие многотомной энциклопедии Дидро и Даламбера. Отмечено было и отсутствие в библиотеке русских книг, что вызвало (видимо, позднейшие) рассуждения мемуариста о равнодушии высшего общества к просвещению своего народа...

Семейная идиллия в доме Салтыковых не была долгой: в 1810 году умерла мать семейства, Анна Николаевна; в 1812 — бабушка Наталья Владимировна, в 1816 — Николай Иванович, первый светлейший князь Салтыков. Внуки покидали отеческий дом: Иван, Владимир и Пётр со временем все собрались в лейб-гвардии Гусарском полку, Алексей пошёл по дипломатической части. Никто из них не сделал карьеры и не поднялся до дедовых (и даже отцовских) ступеней в государственной иерархии; состоя на службе, в душе они были скорее свободными художниками.

Владимир Дмитриевич был известен как талантливый художник-акварелист (умер во время Польской кампании от холеры).

Алексея Дмитриевича (1806—1859) в министерство иностранных дел привела тяга к путешествиям. Он служил в миссиях в Константинополе, в Греции и в Тегеране; в 1840 году вышел в отставку, чтобы осуществить свою главную мечту — посетить Индию, что ему и удалось сделать, причём дважды: в 1841—1843, а затем в 1845—1846 годах. Он изъездил страну с юга на север и с востока на запад, наблюдая и подробно описывая нравы и обычаи местного населения, животный мир и природу. Обладая живым слогом, он вёл путевые записки, которые впоследствии были напечатаны в «Москвитянине» (1849), а затем были изданы самим автором в Париже с выполненными им же рисунками. «Письма об Индии» А.Д. Салтыкова до сих пор не утратили значения как исторический источник². В домашней обстановке Алексей Дмитриевич отличался некоторой эксцентричностью, ходил в персидском или

---

¹ Там же. С. 33.

² Последнее переиздание: М.: Наука, 1985; кроме того, А.Д. Салтыков составил «Путешествие в Персию» (М., 1849).

индийском костюме (откуда и прозвище его «Индеец»¹). Квартира его в Санкт-Петербурге представляла собой целый музей редкостей и была обставлена по-восточному. Была у него и своя библиотека — состоящая в основном из книг на французском языке². Последние годы жизни А.Д. Салтыков провёл в поездках по Европе и в середине 1850-х окончательно осел в Париже.

Светлейший князь Иван Дмитриевич Салтыков (1796—1831) в 1812 году был зачислен в Пажеский корпус, из которого вышел в 1817-м в лейб-гвардии Гусарский полк и прослужил в нём 12 лет, достигнув чина штабс-ротмистра. В 1829 году он вышел в отставку по состоянию здоровья (лекарь констатировал «расстройство груди») и поселился в Москве с женой и вскоре родившимся сыном³. У него была домашняя библиотека: известен экслибрис с княжеской короной и инициалами «P[ince] I[van] S[oltykoff]»; в 1828 году он унаследовал собрание умершего бездетным дяди Сергея Николаевича и стал пользоваться его экслибрисом, переименовав имя «Сергей» на «Иван»⁴.

В последние годы жизни Иван Дмитриевич предался своей страсти — коллекционированию оружия и предметов старины, приобретая их в Москве и заказывая брату Алексею. Своей страстью он увлёк и другого брата, Петра, с которым был особенно близок⁵; ему же он и завещал своё собрание.

Пётр Дмитриевич Салтыков (1802—1889?), с именем которого мы связываем формирование «нашей» библиотеки, как и старший брат, прошёл через Пажеский корпус и лейб-гвардии Гусарский полк. Военная карьера его была непродолжительной: после смерти отца он перешёл в статскую «по домашним обстоятельствам» (5 января 1827

---

¹ Другое своё прозвище — «Англоман» или «Англичанин» — он получил за ту же Индию, которая в то время была английским владением.

² См.: Приключения лифляндца в Петербурге // Русский Архив. 1878. Кн. 1. С. 461—462.

³ Жена — Елизавета Павловна, урождённая Строганова (1802—1868); сын Николай (1830—1901). Со смертью его внука Ивана Николаевича в 1941 году в Ницце род светлейших князей Салтыковых считается пресекившимся.

⁴ См.: *Богомолов С.И.* Российский книжный знак: 1700—1918. М., 2010. С. 728—729.

⁵ В одном из писем П.Д. Салтыков писал ему: «Ты мне не только друг, ты мой настоящий отец. Я тебе всем обязан. Всё, что я имею, всё, что я знаю, всё от тебя. Ты сделал моё состояние, ты меня научил рассуждать и быть счастливым. — Не умею рассказать, а чувствую». Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. Ф. 669, д. 2, л. 3 об.

года). Вскоре он женился на Вере Фёдоровне Стемповской и покинул дедовский дом на Дворцовой набережной, переселившись к жене на Мойку¹. В семье родились дети: Дмитрий (1827), Наталья (1829) и Иван (1831). В 1830 году после смерти двоюродного деда, князя Ю.В. Долго-рукова², Салтыков получил в наследство имение Никольское Владимирской губернии³ — то самое Никольское, в котором через 63 года умрёт его внук, Алексей Дмитриевич.

Вскоре П.Д. Салтыков оставил службу совсем и полностью отдался коллекционированию. Он много путешествовал (особенно после смерти жены в 1838 году), и в 1850-х прочно обосновался в Париже, перевезя туда, естественно, и своё собрание. Пётр Дмитриевич жил на широкую ногу, скупая раритеты и обустривая свою коллекцию, которая успела стать знаменитой. В 1859 году умер брат Алексей, не оставив наследников; теперь в руках Петра объединились собрания всех трёх братьев-коллекционеров. Но век «салтыковской галереи» оказался недолог. Пополнение коллекций и их содержание требовали значительных средств, а состояние оказалось не бесконечным. В начале 1860-х светлейший князь П.Д. Салтыков окончательно разорился. В апреле 1861 года художественные сокровища салтыковской галереи, каталог которой насчитывал 1109 номеров, разошлись с молотка⁴. Арсенал избежал этой участи: оружейное собрание поделили между собою два государя: обладателем западной половины коллекции стал Наполеон III, восточной — Александр II (русский император выкупил собрание у банкира барона Сельера)⁵. Теперь эта коллекция хранится в Государственном Эрмитаже.

О дальнейшей жизни П.Д. Салтыкова известно очень мало. По одним сведениям, он вернулся в Россию; по другим, он вторично женил-

---

¹ С этого времени «Дом Салтыковых» «пошёл по дипломатической части»: его арендовало австрийское посольство, потом здесь размещались датское и английский посольства.

² Князь Юрий Владимирович Долгоруков (1740—1830), генерал-аншеф и лейб-гвардии Преображенского полка подполковник, участник многих войн.

³ См.: *Галанин А.Е.* Никольское, оно ж Архангельское тож... // http://samlib.ru/g/galanin_a_e/dal.shtml

⁴ См.: *Catalogue des objets d'art et de haute curiosité, composant la célèbre collection du prince Soltykoff.* Paris, 1861. Описание салтыковской галереи было напечатано в парижской газете «Le constitutionnel» 10 ноября 1852 года.

⁵ См.: *Файбисович В.М.* Князя Иван, Пётр и Алексей Салтыковы и судьба их коллекции оружия // Коллекционеры и меценаты в Санкт-Петербурге. 1703—1917 : Тезисы докладов конференции. Государственный Эрмитаж. СПб., 1995.

ся ещё в 1860 году на француженке Генриетте Шарлотте, урождённой Dufourc d'Hargeville, последние годы провёл во Франции и умер в Париже. Одно другому не обязательно противоречит. Салтыков мог приезжать в Россию и во время своих приездов бывать (или даже постоянно жить) в Никольском. Хозяинчал же здесь (видимо, ещё с 1850—1860-х) его старший сын, Дмитрий Петрович (1827—?), со своей женой (с 1852 года) Елизаветой Ивановной (урождённой Яковлевой; 1827—1872).

В 1812 году Никольское пострадало от проходивших французских войск: сгорел княжеский «Розовый дом», пострадали и другие постройки — оранжереи, конный и скотный дворы, прочие; в целости сохранился только так называемый «Белый дом», в котором раньше жил управляющий. Полвека спустя П.Д. Салтыков затеял постройку нового барского особняка (на месте сгоревшего) — на этот раз из красного кирпича, в готическом стиле. Постройка затянулась на десятилетия, и закончил её уже его сын, Алексей Дмитриевич (1867¹—1893 или 1894), незадолго до своей смерти. Однако к этому времени имение было обременено такими долгами, что сразу после смерти А.Д. Салтыкова пошло с молотка. Приобретший его купец Н.Н. Ковалёв усадьбу распилл на дачные участки, а готический особняк разобрал на кирпич. Книжное же собрание, видимо, было признано неликвидным, и участвовавший в распоряжении имуществом И.В. Новиков упаковал его в ящики и отправил в Санкт-Петербург, на Бестужевские курсы...

Подведём итоги.

«Старое» салтыковское собрание не имеет никаких признаков, характерных для библиофильских коллекций: нет особо редких или ценных изданий; на книгах нет владельческих, систематических или библиографических знаков или записей. Нет и признаков научной работы — помет, подчёркиваний и тому подобного. Подбор книг демонстрирует очевидные изъяны как с библиофильской (в частности, неполнота серий), так и с систематической точки зрения². Собрание представля-

---

¹ Дата рождения установлена нами по дарственной записи на авантитуле первого тома сочинений Мольера: «Алексею Дмитриевичу Салтыкову в 16-й день рождения с искренним пожеланием усвоить точку зрения автора на порок[и?] от Н.Я. Фойницкого. 9 декабря 1883 г. Париж».

² Анализ лакун, весьма условный сам по себе, потребовал бы много места. В качестве наглядных примеров укажем на случайное (на наш взгляд) отсутствие в собрании, например, полноценного Ж.-Ж. Руссо и Монтескьё, Расина и Бомарше, а также «Жизни Наполеона» Вальтер Скотта и на системное

ется нам домашней библиотекой богатого и образованного дворянина, с широким кругом гуманитарных интересов, но без серьёзных занятий в какой-либо из областей. Именно таким просвещённым дилетантом и предстаёт (по немногим биографическим источникам) светлейший князь Пётр Дмитриевич Салтыков.

Круг его интересов сформировался в результате воспитания в доме деда, Н.И. Салтыкова, высокопоставленного вельможи трёх царствований, человека высочайшей европейской образованности, а также отца, Д.Н. Салтыкова. Библиотека в салтыковском доме на Дворцовой набережной, видимо, была для П.Д. Салтыкова неким идеальным образцом, на который он, в большей или меньшей степени, ориентировался при формировании своего собрания. На его собственные интересы оказали влияние, кроме того, его братья, в первую очередь старший, Иван, увлечённый его коллекционированием предметов старины и оружия, а также младший, Алексей, путешественник и ориенталист.

Источники, из которых могла сформироваться хранящаяся ныне на Бестужевских курсах салтыковская библиотека, представляются нам следующими:

1. Библиотека Н.И. и Д.Н. Салтыковых, перешедшая к П.Д. Салтыкову (частично или полностью) после смерти отца в 1826 году (книги XVIII века, включая упомянутую А.П. Бутенёвым энциклопедию, и начала XIX века).

2. Книги жены П.Д. Салтыкова, В.Ф. Стемпковской, или её домашней библиотеки (если таковые были).

3. Книги Ю.В. Долгорукова, сохранившиеся в Никольском после пожара 1812 года и унаследованные вместе с имением в 1830 году.

4. Книги, которые сам Пётр Дмитриевич Салтыков мог приобрести для себя ещё с 1810—1820-х годов и до конца жизни, — основной, по нашему мнению, источник формирования библиотеки. Салтыков мог пополнять и продолжать унаследованные собрания и одновременно формировать собственные разделы, к каковым мы относим, в частности, наполеонистику и новейшую французскую историю в целом. При этом мы допускаем, что библиотека в Никольском представляла собой лишь часть (более или менее самостоятельную) личного собрания П.Д. Салтыкова, другие же части могли находиться в Петербурге, Париже etc.

отсутствие популярной французской беллетристики с 1820-х годов: Жорж Санд, В. Гюго, Бальзак и других.

5. Книги, унаследованные П.Д. Салтыковым после смерти брата Алексея в 1859 году (если он привёз их в Россию).

6. Книги, приобретённые Д.П. Салтыковым и его женой (если они были). Почти полное отсутствие изданий 1850—1870-х годов делают этот источник более чем сомнительным.

7. Наконец, приобретения А.Д. Салтыкова (младшего). К ним мы относим всё «новое» собрание целиком, но не исключаем и то, что он мог пополнять и «старое» собрание.

Никто не знает, как бы дальше существовала библиотека Салтыкова, какое развитие получили бы её части. Смерть последнего владельца и передача на Бестужевские курсы вывели её за пределы семейства; она интегрировалась в фундаментальную вузовскую библиотеку, но не утратила своей целостности и своего лица, сохранив культурные и библиотечные традиции пяти поколений светлейших князей Салтыковых.

**ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФРАНЦИИ
В БИБЛИОТЕКЕ НИКОЛАЯ БОРИСОВИЧА ЮСУПОВА
(предварительные заметки)**

Заметное место, а зачастую и доминирование французской книги в книжном репертуаре библиотек российских образованных дворян XVIII — начала XIX века — факт сам по себе широко известный и банальный. Изучение вельможной библиотеки лишний раз убеждает в том, что причины того могли быть самые разные. К примеру, высокий престиж французского языка и французской культуры, в том числе французской литературы (престиж, который должен был мощно стимулировать покупку французской книги в тех слоях, где это было важным знаком социального статуса).

Другой причиной доминирования французской книги мог быть и был впечатляющий размах, которого достигло во Франции издательское дело. Соотношение в российских библиотеках русской и французской книги (зачастую не в пользу первой) может отражать не только, а порой не столько языковые и культурные предпочтения, сколько тот факт, что французская книга была для российского читателя единственным или более качественным (или просто более авторитетным) источником сведений по широкому кругу вопросов.

Подлинное отношение к Франции и французской культуре владельца того или иного книжного собрания, видимо, более или менее выявляется при анализе тех разделов, которые непосредственно посвящены этой стране — конечно, в сопоставлении с общим характером библиотеки (к примеру, энциклопедическая или специализированная), возможностями владельца по её комплектованию и — в идеале — в соотношении с доступным издательским репертуаром. Было бы также неплохо, разумеется, сравнить аналогичные тематические коллекции разных однотипных и хронологически близких библиотек / книжных собраний (к примеру, библиотеки Юсупова и Строгановых или кого-либо из братьев Воронцовых), однако на данный момент до этого дело ещё не дошло и, неизвестно, скоро ли дойдёт. Дело даже не в том, что описи и каталоги вельможных библиотек плохо изданы или неизвестны (частично изданы и в целом известны), но в том, что относительно быстро к сравнению

поддаются только небольшие тематические коллекции, а масштабные проекты по изучению обширных, в сотни и тысячи томов, тематических коллекций требуют привлечения специалистов разного профиля: источниковедов, книго- и библиотекведов, историков культуры¹.

Настоящая публикация имеет цель дать общий предварительный обзор литературы по истории Франции в составе книжного собрания князя Николая Борисовича Юсупова (1751—1831), которое сложилось в усадьбе Архангельское к концу 1820 — началу 1830-х годов и по большей части сохранилось к настоящему времени в фондах одноимённого музея-усадьбы.

В разные периоды своего пребывания за границей Юсупов неоднократно бывал во Франции, хотя провёл в ней не так много времени, как, к примеру, в Италии. Впервые он побывал там в 1776 году, совершая свой образовательный Гранд Тур; затем в 1782 году в составе свиты графа и графини Северных; далее в 1783 году, после назначения посланником в Турине; впоследствии в 1789 году, на пути из Италии в Россию. Наиболее значительная поездка состоялась в 1808—1810 годах, когда князь проживал в Париже около полутора лет. Заметим, что последние три поездки нельзя объяснить соображениями престижа или служебной необходимости. Насколько можно судить, это была личная инициатива, за которой интерес и положительное отношение к Франции и её культуре читаются весьма явственно.

Важным фактором, немало способствовавшим формированию интереса к Франции, была явная ориентация на французскую культуру отца Николая Борисовича, Бориса Григорьевича Юсупова (умер в 1759 году), известного военного и гражданского администратора, получившего образование в тулонской школе гардемаринов и закончившего служебную

---

¹ Библиографию по истории библиотеки Н.Б. Юсупова см.: за период до 2003 года — *Боленко К.Г.* Российская юридическая литература (литература по российскому праву и правоведению) в библиотеке Юсуповых // *Россия в XVIII столетии*. Вып. 2. М., 2004. С. 37; за 2003—2011 годы — *Боленко К.Г.* Литература по истории России в библиотеке Н.Б. Юсупова (1751—1831). I : Вторая половина XVIII века (в печати). Среди биографических трудов о Н.Б. Юсупове непревзойдённым остаётся каталог выставки 2001 года: «Учёная прихоть» : Коллекция князя Николая Борисовича Юсупова : В 2 т. М., 2001. Значительным вкладом в разработку французской темы стал недавно изданный каталог коллекции французской живописи, хранящейся в музее-усадьбе «Архангельское»: *Краснобаева М., Шарнова Е.* Французская живопись в Архангельском. М., 2011.

карьеру в должности директора Сухопутного кадетского корпуса. До нас дошёл конспект лекций по навигации, написанный рукой Бориса Григорьевича на французском языке¹. Известно также, что он немало читал. В архиве Академии наук сохранились записи о том, что он брал на дом книги из академической библиотеки; в основном это были сочинения по истории. Не может быть никаких сомнений, что у него была своя библиотека. То, что среди книг по военному делу, сохранившихся в библиотеке Н.Б. Юсупова, преобладают сочинения, изданные до смерти отца, позволяет предполагать, что основу этой тематической коллекции составляют книги его родителя. Так же могли достаться Юсупову и некоторые книги по истории Франции.

Дополнительным аргументом в пользу того, что тематическая коллекция по истории Франции начала формироваться именно в это время, служит характер образования, которое получал Николай Борисович Юсупов. Военная история, включая новейшую, входила в круг образования будущего офицера-аристократа, ориентированного на быструю карьеру и занятие руководящих должностей, и литература о многочисленных войнах Франции XVII—XVIII веков должна была входить в круг чтения Юсупова если не в детстве, то во всяком случае в юности. К примеру, от отца могло ему достаться сочинение аббата Серран де ла Тура, в котором политика Англии по отношению к Франции сравнивалась с политикой Карфагена по отношению к Риму во второй Пунической войне², или шеститомная «Памятная история войн между французской и австрийской династиями» (Париж, 1748—1749)³, или восьмитомная «Военная история короля Людовика XIV» (Париж, 1726) Шарля Севена маркиза де Кенси⁴. Но вплоть до рубежа XVIII—XIX веков наши представления о составе коллекции изданий по истории Франции остаются гипотетическими: небольшая группа изданий, снабжённых экс-

¹ *Никифорова И.В.* «Золотое число» // Альманах библиофила. Вып. 31. М., 2007. С. 23—40.

² *Seran de la Tour, abbé.* Parallèle de la conduite des Carthaginois à l'égard des Romains, dans la seconde guerre punique, avec la conduite de l'Angleterre, à l'égard de la France, dans la guerre déclarée par ces deux puissances, en 1756. S.l., 1757 (Государственный музей-усадаба «Архангельское». Инв. № РК 2369. Далее будем указывать исключительно инвентарный номер книги).

³ *Rousset de Missy, J.* Histoire mémorable des guerres entre les maison de France et d'Autrice. T. 1—6. Amsterdam, 1748—1749. Инв. № РК 12121—12126.

⁴ *Quincy Sevin, Ch.* Histoire militaire du regne de Louis le Grand, Roy de France... T. 1—8. Paris, 1726. (Catalogue de la Bibliothèque du Prince Youssouppoff. L'an 1800. St. Pétersbourg. Histoire: 820—827; T. 1—7: инв. № РК 12301—12307).

либрисом Н.Б. Юсупова, второй половины 1770 — первой половины 1780-х годов, не содержит книг собственно об истории Франции, правда, таких изданий всего немногим более трёх десятков. Нет книг по истории Франции и в обширном списке изданий, купленных Юсупову в 1770-е годы лейденским профессором Л.К. Валькенаром¹, однако профессора с Юсуповым связывал интерес к классической литературе, и в списке представлены главным образом античные авторы.

Состав литературы, непосредственно посвящённой Франции или связанной с ней, позволяет вести речь о Юсупове как об убеждённом галломане. Среди путеводителей по разным странам преобладают французские; в разделе по истории и теории искусства самая крупная тематическая коллекция также французская². Однако коллекция изданий по французской истории производит едва ли не наибольшее впечатление. По словам одного из побывавших в библиотеке Юсупова современников-французов (журналиста и естествоиспытателя Лекуанта де Лаво), специальный раздел, посвящённый истории Франции, насчитывал 1200 томов³, что само по себе было солидной по объёму коллекцией, однако на самом деле этот раздел был ещё больше⁴. Некоторое количество книг, так или иначе связанных с историей Франции, находилось среди книг по истории Европы и отдельных её государств, а также по истории России.

В значительной степени эта коллекция литературы по истории Франции сложилась уже к концу XVIII века, о чём свидетельствует каталог петербургской библиотеки Юсупова, составленный в 1800 году⁵.

---

¹ Дружинина Е. Путешествие князя Н.Б. Юсупова по Западной Европе в 1774—1778 годах и его книжные приобретения // Библиофилы России : Альманах. Т. 3. М., 2006. С. 94—142.

² Краснобаева М.Д. Издания по изобразительному искусству в отделе редких книг Музея-усадьбы «Архангельское» // Век Просвещения: Россия и Франция. Материалы научной конференции. (Випперовские чтения — 1987. Вып. 20). М., 1989. С. 236—247.

³ *Le Cointe de Laveau G.* Arkhangelskoye // Bulletin du Nord. Cahier 3. 1828. P. 286. Републикацию этого очерка с незначительными изменениями см. также: *Le Cointe de Laveau G.* Description de Moscou. Т. 2. М., 1835. P. 285.

⁴ В конце 1820-х годов, согласно каталогу библиотеки в Архангельском, в шести шкафах, тематика которых была определена как «Histoire de France», насчитывалось 1524 тома (РГАДА. Ф. 181, оп. 12, ед. хр. 1196—1197).

⁵ *Catalogue de la Bibliothèque du Prince Youssouppoff. L'an 1800.* St. Pétersbourg. Инв. № РК 18965. Далее — Каталог 1800.

В обширном и недифференцированном разделе «Histoire. Политика. Мемуары», который насчитывал 1728 томов из почти 10500, составлявших в тот момент петербургскую библиотеку, имеется много изданий по истории Франции. Общее их количество приближается к 600 томам, то есть историческая Gallica составляет более трети раздела и около 6% всего собрания.

Литература, представленная в каталоге, разнообразна по жанрам (популярная, научная, издания источников). Книжное собрание охватывает все периоды истории Франции, начиная от Средневековья и заканчивая периодом революционных войн, правильнее даже будет сказать — до начала наполеоновских войн. Хронологический охват явно отражает стремление Юсупова к тому, чтобы в библиотеке были представлены все исторические периоды. Значительная часть книг, представленных в каталоге, сохранилась в фондах музея. Судя по хорошему состоянию экземпляров и отсутствию владельческих знаков, Юсупов мог быть первым покупателем большинства из этих книг, но некоторые явно приобретал на вторичном рынке, о чём можно судить по наличию посторонних владельческих записей и ранним переплёткам. Как, к примеру, «Памятники Франции» Б. де Монфокона¹ с неатрибутированной монограммой-печаткой в нижней части титульного листа. В 1800 году и вплоть до конца существования библиотеки Юсупова самым ранним изданием в коллекции была двадцатитомная «История Франции со времён основания французской монархии в Галлии» Г. Даниэля (Париж, 1629)², которая в настоящее время в библиотеке отсутствует³. Из других ранних, по годам издания, сочинений данной тематической коллекции отметим пятое издание политического завещания кардинала Ришелье с пометами неизвестного происхождения⁴; историю Фарамона, мифического осно-

---

¹ *Montfaucon B.* Les monumens de la Monarchie Française, qui comprennent l'histoire de France. Т. 1—5. Р., 1729. Инв. № РК 2333—2337.

² «Histoire de la France, depuis l'établissement de la Monarchie française dans les Gaules, par le P. G: Daniel. Paris, in 4° 1629» (Каталог 1800. Histoire: 1689—1698).

³ Также имелось парижское семнадцатитомное издание 1756 года, сохранившееся до настоящего времени (Каталог 1800. Histoire: 1407—1423; инв. № РК 2293—2309).

⁴ *Richelieu A.J. du Plessi.* Testament politique du cardinal Richelieu premier ministre de France sous le regne de Louis XIII. Т. 1—2. Amsterdam, 1696. Инв. № РК 2005—2006.

вателя династии Меровингов¹; историю заключения Нантского эдикта². Впрочем, последнее издание, равно как и завещание Ришелье, видимо, поступило в библиотеку Юсупова уже после 1800 года. Отметим также немалое количество популярных и фундаментальных обобщающих трудов по истории страны³.

Немалое место в коллекции занимают издания по внешней политике Франции, среди которых, в свою очередь, преобладают книги, посвященные дипломатической и военной истории середины — второй половины XVIII века⁴.

Имеются биографии⁵, особенно царствующих особ, и близкие к ним по содержанию истории царствований⁶, мемуаристика⁷, в том числе за-

---

¹ Faramonde ou l'Histoire de France. Т. 1—12. Р., 1652—1670. Инв. № РК 1832—1843. Причём в каталоге 1800 года было указано только три тома издания 1653 года: Каталог 1800. Histoire: 1172—1174.

² Benoist, É. Histoire de l'édit de Nantes, contenant les choses les plus remarquables qui se sont passées en France avant et après la publication, à l'occasion de la diversité des religions... Т. 1—2. Delft, 1693. Инв. № РК 2192—2193.

³ Например: *Hénault, Ch.-J.-Fr.* Nouvel abrégé chronologique de l'histoire de France. Contenant les événemens de notre histoire depuis Clovis jusqu'à la mort de Louis XIV. Р. 1—2. Р., 1768 (Каталог 1800. Histoire: 804—805; инв. № РК 2330—2331).

⁴ Например: *Rousset de Missy, J.* Recherches sur les alliances et les intérêts entre la France et la Suède. Amsterdam, 1745 (Каталог 1800. Histoire: 1718; инв. № РК 855); *Bouret P.-J. de.* Mémoires historiques sur la guerre que les français ont soutenue en Allemagne depuis 1757 jusqu'en 1762. Р., 1792. Т. 1—3 (Histoire: 1724—1726); *Pradt D.D., baron de.* Antidote au congrès de Rastadt, ou Plan d'un Nouvel équilibre politique en Europe. Londres, 1798 (Каталог 1800. Histoire: 1533; инв. № РК 948).

⁵ Например: *Gayard de Berville.* Histoire de Pierre Terrail dit le Chevalier Bayard, sans peur et sans reproche. Р., 1772 (Каталог 1800. Histoire: 1566); *Mongez, A.* Vie privée du cardinal Dubois. Londres, [1789] (Каталог 1800. Histoire: 940; инв. № РК 1496, 1499).

⁶ Например: *L'Etoile P.* Journal du règne de Henri IV roi de France et de Navarre. La Haye, 1741 (Каталог 1800. Histoire: 1596—1599; инв. № РК 1849—1852); *Mouffe d'Angerville B.-Fr.-J.* Vie privée de Louis XV ou principaux événemens, particularités et anecdotes de son règne. Т. 1—4. Р., 1781 (Каталог 1800. Histoire: 1711—1718; инв. № РК 1308—1311).

⁷ *Montchal Ch.* Mémoires de M-r de Montchal contenant les particularités de la vie et du ministère du cardinal de Richelieu. Т. 1—2. Rotterdam, 1718 (Каталог 1800. Histoire: 950; инв. № РК 2095—2096); *Forbin A., comte de.* Mémoires. Т. 1—2. Amsterdam, 1730 (Каталог 1800. Histoire: 965—966; инв. № РК 1986—1987).

писки герцога Сен-Симона¹ и «Досуги» известного шевалье д'Еона², эпистолярный³.

О том, что интерес Юсупова к истории Франции не ограничивался только политическими сюжетами, свидетельствуют и десяти томный труд по истории французских нравов, от которого в фондах музея сохранился только второй том⁴, и «История частной жизни французов» Леграна д'Осси⁵.

Из сочинений по Французской революции, в жанровом отношении так же разнообразных, как и вся коллекция, заслуживает внимания упоминающееся в каталоге 38-томное издание «сочинений Мирабо»⁶, которое на самом деле представляет собой сложное по составу собрание (видимо, правильнее было бы назвать его серией), составленное из сочинений самого О.Г. де Мирабо, а также других авторов начального (до 1792 года) периода Французской революции, причём не только французов и не только революционно настроенных. К примеру, в серии имеются сочинения не только Камилла Демулена⁷ и Лалли-Толандаля⁸, но и Томаса Пейна⁹ и даже Эдмунда Бёрка¹⁰. В настоящее время в библиотеке Юсу-

¹ Притом что в каталоге 1800 года числится тринадцатитомное полное собрание сочинений, изданное в Страсбурге в 1791 году, в настоящее время в музее хранятся два неполные экземпляра этого издания и первый том парижского издания 1789 года (Каталог 1800. Histoire: 976—988; Т. 1—4: инв. № РК 2138—2141; Т. 1—3, 5—8: инв. № РК 2153—2159; Т. 1: инв. № РК 1994).

² *Les loisirs du chevalier d'Eon de Beaumont sur divers sujets importants d'administration pendant son séjour en Angleterre.* Т. 1—13. Amsterdam, 1775 (Каталог 1800. Histoire: 1537—1549; инв. № РК 1357—1369).

³ *Lettres de Henri IV...* Amsterdam, s.a. (Каталог 1800. Histoire: 825).

⁴ *Billardon Sauvigny E.L. Essais historiques sur les moeurs des Français.* P., 1792 (Каталог 1800. Histoire: 1607—1616; инв. № РК 2190).

⁵ *Le Grand d'Aussi P. J.-B. Histoire de la vie privée des français, depuis l'origine de la nation jusqu'à nos jours.* P. 1—3. P., 1782 (Каталог 1800. Histoire: 1530—1532; инв. № РК 2179—2181).

⁶ «Oeuvres de Mirabeau. Paris, in 8° V.38» (Каталог 1800. Histoire: 1661—1698). В фонде — инв. № РК 12676—12727.

⁷ *Desmoulins C. Opuscules de l'an premier de la Liberté.* P., 1789. Инв. № РК 12701.

⁸ *Lalli-Tolendal Th.-G. Mémoire de M. le Comte Lalli-Tollendal, ou Seconde lettre à ses commettans.* S.l., 1790. Инв. № РК 12727.

⁹ *Paine Th. Droits de l'homme; en reponse a l'attaque de M. Burke sur la Révolution Française.* P., 1791. Инв. № РК 12722.

¹⁰ *Burke Ed. Réflexions sur la Révolution de France, et sur les procedes de certaines sociétés à Londres, relatifs à cet événement.* P., 1791. Инв. № РК 12721.

пова отсутствует только один том из этого комплекта. В целом заметно, что по свежим следам событий Юсупов старательно формирует коллекцию литературы по истории революции, причём политическая позиция самого Юсупова на подборе изданий никак не отражается, поскольку он приобретает как революционную, так и контрреволюционную литературу¹. Наличие в библиотеке корпуса опубликованных документальных материалов революционной власти — к примеру, дебатов и решений законодательных органов Франции² — подтверждает серьёзный интерес Юсупова к революционным событиям, однако эти издания поступили в библиотеку после 1800 года, видимо, были куплены во время последней зарубежной поездки.

«Революционный» раздел коллекции позволяет по-новому взглянуть на строки Пушкина из послания «К вельможе»:

Ты видел вихорь бури,
Падение всего, союз ума и фурий,
Свободой грозною воздвигнутый закон,
Под гильотиною Версаль и Трианон
И мрачным ужасом сменённые забавы.

(III, 219)

Так как Юсупов был свидетелем только раннего этапа революции, когда о гильотине ещё и речи не было, то иллюзорное восприятие Пушкиным Юсупова как свидетеля якобинского террора должно было иметь веские основания. Позволим себе предположить, что информированность Юсупова о событиях революции и глубокое личное переживание им совершавшейся трагедии создавало у его младших собеседников впечатление, что он был свидетелем тех событий.

Каталог библиотеки в Архангельском конца 1820-х годов даёт значительное, почти в два с половиной раза, расширение тематической кол-

---

¹ Например: *Maris-Antoinette, ou Cause et tableau de la Révolution de France*. S.l., s.a. (Каталог 1800. Histoire: 994); *Séjour dix mois en France, par un émigré*. Hambourg, s.a. (Каталог 1800. Histoire: 995); *Delandine A.F. Tableau des prisons de Lyon pour servir à l'histoire de la tyrannie de 1793 et 1794*. P., 1797 (инв. № ПК 2194).

² *Journal de Débats et des Décrets*. P., 1789. № 1—133 (инв. № ПК 1536—1537); 1793. № 348—398 (инв. № ПК 1538); 1794. № 697—746, 748—758 (инв. № ПК 1539); *Recueil des pièces authentiques approuvées par l'Assemblée Nationale de la France*. T. 2—10. Lausanne, 1789—1790 (инв. № ПК 1514—1522).

лекции, причём по большей части её увеличение идёт за счёт новой литературы, изданной после 1800 года; главным образом это сочинения по истории революции и наполеоновских войн, что вполне объяснимо той важной ролью, которую сыграли эти события в истории Европы. Здесь и неплохая коллекция мемуаров, и большое количество исторических сочинений, и биографическая литература, в том числе биографии Наполеона¹, и публицистика. К примеру, в библиотеке оказываются «Записки к истории якобинства» аббата Баррюэля². В целом коллекция литературы по истории революционной и наполеоновской Франции составляет не менее половины всей коллекции по истории Франции в целом, и пополняется Наполеоника вплоть до 1831 года. Однако Юсупов пополняет и разделы по ранней истории Франции. Так, в библиотеке появляются издания записок Людовика XIV и графини Дюбарри.

Многие книги 1820-х годов имеют на корешке дату переплетения, что позволяет утверждать, что до книги данной тематики поступали в библиотеку князя регулярно и по большей части быстро, в течение года после выхода в свет. При этом характерная особенность позднейшей литературы, в отличие от книг петербургского периода — её хорошая, а временами отличная сохранность. То, что Юсупов был первым владельцем этих книг, — бесспорно, равно как и то, что подавляющую их часть он не читал и, возможно, даже не успевал просматривать. Имеем ли мы дело со своего рода покупательской инерцией или же книготорговцы и комиссионеры Юсупова продолжали из года в год выполнять раз сделанный и не отменявшийся заказ, мы не знаем. Хорошая сохранность самого репертуара тематической коллекции (современная музейная коллекция «юсуповских» изданий по истории Франции насчитывает около 1400 томов) позволяет надеяться, что особенности переплётов и сохранности позволят со временем выявить и другие особенности пополнения и бытования этого тематического собрания.

---

¹ Статья о коллекции литературы, посвящённой Наполеону и истории наполеоновских войн, в настоящее время готовится к печати в очередном научном сборнике музея-усадьбы «Архангельское».

² *Barruel A. Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme*. Т. 1—5. Hambourg, 1803. Инв. № РК 2233—2237).

Вера Симонова

«ОТРАДА СВЕТЛАЯ ДЛЯ СЕРДЦА И УМА»

**З.И. Юсупова и брошюра «L'Empereur Napoleon III
et l'Angleterre» (Paris, 1858) из её коллекции**

Заглянешь в страны и во времена:

Любая книга — время и страна...

Давид Кугультинов

Вторая половина XVIII столетия в России была ознаменована возросшим влиянием Франции. Париж становился художественной Меккой, в Париж устремлялась вся Европа.

Французское влияние проникало в сферу искусства, и его верным проводником, конечно же, были книги. Париж являлся камертоном стиля жизни, моды в одежде, в интерьерном убранстве. Образованные люди много путешествовали, изучали иностранные языки и старались, подобно пушкинскому Онегину, в совершенстве изъясняться и писать по-французски.

Своё предпочтение мастерам кисти и слова Франции отдавал сын первого европейца, Бориса Григорьевича Юсупова (1695—1759), и Ирины Михайловны Юсуповой (1718—1788), урождённой Зиновьевой, князь Николай Борисович (1751—1831), «нерукотворный памятник» которому воздвигнут А.С. Пушкиным в знаменитом послании «К вельможе»¹.

«Французский раздел собрания (собрания князя Н.Б. Юсупова. — В.С.) создавался, — констатирует искусствовед Е.Б. Шарнова, — не по воле случая, а по определённой программе. <...> В библиотеке Юсупова были представлены все основные сочинения по теории и истории

---

¹ См.: *Юсупов Н.Б.* О роде князей Юсуповых. СПб., 1867. С. 111—130; 418—421. Б.Г. Юсупов по воле Петра Великого в 1717 году был отправлен на учёбу во Францию, в Тулонское училище гардемаринов. В 1750-е годы возглавлял Сухопутный шляхетный кадетский корпус и, взяв за пример систему обучения во французских колледжах, реформировал обучение вверенных ему воспитанников. Именно Борис Григорьевич приобрёл первые картины и книги для знаменитой в дальнейшем фамильной коллекции художественных сокровищ.

искусства, изданные во Франции в конце XVII и в XVIII веке, — жизнеописание художников (Роже де Пиль, Дезалье д'Аржанвиль), трактаты по теории искусства, многочисленные каталоги распродаж частных коллекций»¹.

Французская школа, по мнению историка искусства и художника А.Н. Бенуа, — главная гордость галереи: нигде в частной собственности нельзя её найти в такой полноте, и лишь Эрмитаж, Лувр и Потсдам могут в этом отношении соперничать с юсуповским собранием².

Луи Рео, директор Французского института в Петербурге, организовавший выставку «Сто лет французской живописи (1812—1912)» в залах особняка княгини Зинаиды Ивановны Юсуповой на Литейном, назвал коллекцию художественных сокровищ князей Юсуповых «истинным музеем французского искусства»³.

Князь Николай Борисович — старший на протяжении своего «долгого ясного века» приобретал картины для знаменитой коллекции не только в странах Европы, но и у художников-иностранцев, работавших в России. Несколько лет в подмосковном Архангельском трудился над известными полотнами французский живописец Никола де Куртейль,

---

¹ Шарнова Е.Б. Французская коллекция князя Н.Б. Юсупова // Французская живопись в Архангельском. М., 2011. С. 11. Роже де Пиль — французский критик и теоретик искусства. Его книга «Понятие о совершенном живописце, служащее основанием судить о творениях живописцев» была издана в Петербурге в 1789 году в переводе А. Иванова; А.-Ж. Дезалье д'Аржанвиль — французский коллекционер и гравёр, ученик Роже де Пилиа, автор «Живописных прогулок по Парижу».

² См. Бенуа А.Н. Юсуповская галерея // Мир искусства. 1900. № 23, 24.

³ См.: Reau L. Histoire de l'expansion de l'artfrançais moderne. Le monde slave et l'Orient. Paris, 1924. P. 262; Ржеуцкий В.С. Французский институт в С.-Петербурге (1911—1919) и русско-французское научное сближение // Россия и Франция, XVIII—XX века. Вып. 7. М., 2006. С. 293—322. На самую большую выставку, осуществлённую за пределами Франции, картины предоставили А.Н. Бенуа, В.А. Верещагин, граф И.И. Воронцов-Дашков, бар. Н.Е. и Н.Н. Врангель, св. князь М.К. Горчаков, граф А.А. Голенищев-Кутузов, герцог Н.Н. Лейхтенбергский, Вел. князь Николай Михайлович, граф Д.И. Толстой, князь Ф.Ф. Юсупов, граф Сумароков-Эльстон и другие. На выставке «было 979 произведений, не считая предметов убранства и мебели». Это был первый плод тесного сотрудничества Франции и России в области культуры. Французский институт организовал экскурсии по залам Юсуповского дворца «для более близкого знакомства русской публики с тенденциями в современном французском искусстве». В театре Юсуповского дворца был дан концерт французской музыки.

сумевший запечатлеть на рисунке визит к князю Н.Б. Юсупову А.С. Пушкина и П.А. Вяземского¹.

Сергей Александрович Соболевский, по утверждению П.И. Бартенева, «любил вспоминать о своей поездке в прекрасное Архангельское вместе с Пушкиным. Они ездили раннею весною (1827 года. — В.С.), верхами, и просвещённый вельможа екатерининских времён встретил их со всею любезностию гостеприимства»². Он показывал им, между прочим, свою библиотеку, «превосходно подобранную»³.

Сохранившаяся усадебная библиотека Н.Б. Юсупова — явление исключительное. Почётный гражданин Москвы, Владимир Михайлович Голицын (1841—1932), исследовав книжное собрание князя-библиофила, вспоминал: «Без преувеличения можно сказать, что всё изданное во Франции и отчасти в Италии в течение XVII—XVIII и первых десятилетий XIX века нашло себе место в юсуповских шкафах»⁴. К началу XX века общее количество собранных здесь книг, по мнению Адриана Прахова, автора публикации о происхождении художественных сокровищ Юсуповых, составляло 55000 томов⁵.

Незавидная судьба постигла юсуповскую библиотеку петербургского особняка на Мойке. Музей дворянского быта, работавший во дворце с 1919 года, в 1925 году был расформирован. Предметы искусства и книги, о чём свидетельствуют хранящиеся в архиве литературы и искусства Петербурга документы, перераспределили по крупнейшим музеям и библиотекам⁶.

Огромной ценности первопечатная Библия в двух томах на пергаменте, 1462 года издания, поступила в библиотеку Академии наук. В

---

¹ См.: *Бессонов С.* Пушкин и Вяземский на рисунке де Куртейля // Литературное наследство. 1934. Никола де Куртейль (*Nicolas de Courteille*; 1768 — после 1830) — художник, академик живописи, автор картин на мифологические и библейские сюжеты. Работал в России в первой трети XIX века.

² Русский Архив. 1899. Кн. 2. С. 90. Сергей Александрович Соболевский (1803—1870) — русский библиофил и библиограф, автор шуточных стихотворений и эпиграмм, друг Пушкина, Лермонтова и многих европейских литераторов.

³ *Кунин В.В.* Библиофилы пушкинской поры. М., 1979. С. 68.

⁴ Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (далее ОР РГБ). Ф. 261, к. XVII, д. 5, л. 14—15.

⁵ Художественные сокровища России. 1906. № 6. С. 182.

⁶ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее ЦГАЛИ СПб). Ф. 253, оп. 1, д. 76—78.

Институт истории искусств было передано 1999 книг и 57 журналов, в Эрмитаж — 162 книги по искусству и 39 альбомов и папок с гравюрами и литографиями¹. Публичная библиотека имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, ныне Российская национальная библиотека, получила сокровища, в том числе и «золотого средневековья» Франции: шесть пергаментных рукописей, являющихся истинными шедеврами западноевропейского искусства².

Переданную в Российскую национальную библиотеку юсуповскую Книгу часов XV века, написанную на французском языке, отличает изысканность оформления: цветное письмо, обилие миниатюрной живописи, красочных бордюров и раскрашенных акварелью гравюр. В часослове готического каллиграфического письма 277 листов.

Иметь часовник — персональный домашний молитвенник — было очень престижно. Не случайно XV век во Франции именовали веком часовников. Книги писались на пергамене и не могли быть похожими одна на другую. Представители семей именитого дворянства (в их числе и князя Юсуповы) позволяли себе иметь несколько Книг часов, стоивших очень дорого. Рукописные книги на протяжении многих столетий являлись предметом роскоши и собирательства, ими восхищались, им поклонялись.

Исследователи констатируют: «Стилистически книгу можно отнести к франко-фламандскому искусству, расцветшему во Франции в конце XIV — начале XV века. В этой рукописи сочетаются и французские, и фламандские приёмы как в живописи, в рисунке, так и в декоре. <...> И если не все миниатюры этой рукописи можно считать принадлежащими руке знаменитого мастера, то одна из них — «Благовещение» — выполнена, бесспорно, рукой выдающегося художника. Восхищает тонкость рисунка и прозрачность красок. Нежное лицо архангела с голубыми глазами обрамлено золотистыми локонами. На оранжевом фоне чётко вырисовывается фигура ангела в одежде бледно-салатового цвета с нежно-розовыми крыльями, в противоположность очень контрастной фигуре Девы Марии в густо-синей тунике, из-под которой видно розово-сиреневое платье»³.

Вероятнее всего, эти книги появились в особняке Юсуповых на Мойке во второй половине XIX века.

---

¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 253, оп. 1, д. 41, л. 46.

² Там же. Д. 40, л. 4.

³ Искусство западноевропейской рукописной книги. СПб., 2005. С. 158.

Первые владельцы дворца — сын адресата пушкинского послания «К вельможе», князя Николая Борисовича Юсупова, и его супруги, племянницы светлейшего князя Г.А. Потёмкина, Татьяны Васильевны (1767—1841), урождённой Энгельгардт, Борис Николаевич (1794—1849) и его вторая жена Зинаида Ивановна (1810—1893) Юсуповы — стремились превратить приобретённый в 1830 году особняк в главную столичную резиденцию.

Как единственный продолжатель аристократического рода Юсуповых, князь Борис Николаевич унаследовал от своего знаменитого отца его уникальное собрание художественных коллекций, размещавшееся в Архангельском и в московском дворце, «у Харитонья в переулке», где в юсуповских палатах протекало раннее детство Александра Пушкина.

В программе автобиографии поэт отметил среди первых впечатлений детства «Юсупов сад...» (XII, 308), который был, вероятно, как и сад Черномора в поэме «Руслан и Людмила»,

...Прекраснее садов Армиды,
И тех, которыми владел
Царь Соломон иль князь Тавриды.
(IV, 30)

Сергей Львович Пушкин с семьёй поселился в среднем доме князя Н.Б. Юсупова в приходе Трёх Святителей в Огородной слободе в ноябре 1801 года. Семья Пушкиных занимала в княжеском доме одиннадцать покоев на втором этаже и пять — на первом, со всеми принадлежностями и мебелью. Нанимателям отводились амбар и погреб, каретный сарай и конюшня.

В XIX столетии тихий уголок «Харитонья» украшали только княжеские хоромы в стиле московского барокко XVII века, принадлежавшие Юсуповым.

П.А. Вяземский, часто посещавший Огородную слободу, писал:

Здесь чудо — барские палаты
С гербом, где венчан знатный род...¹

«С гербом, где венчан знатный род» становится и особняк князей Юсуповых на Мойке.

---

¹ Цит. по: *Симонова В.М.* Вельможа и поэт. М., 2010. С. 3.

Наследники перевезли из Москвы и Архангельского в Петербург большую часть художественных сокровищ, которые разместили во вновь отстроенных парадных залах музейной галереи дворца. Следует отдать должное владельцам особняка на Мойке: они не просто выставили принадлежавшие им художественные сокровища, безусловно, украсившие и обогатившие их хоромы, но и предоставили возможность любоваться шедеврами живописи и ваения своему многочисленному окружению, знатокам и любителям искусства.

В 1839 году Борис Николаевич Юсупов издал на французском языке — языке светского общества в «золотой век французской книги» — каталог «Музей князя Юсупова, содержащий полотна, мраморы, кости и фарфор, которые находятся во дворце Его Сиятельства в Петербурге»¹. В числе 483 картин, вошедших в каталог, выделяются полотна Рембрандта, Ван Дейка, Корреджо, Тьеполо, Буше и Грёза. Из 31 мраморного изваяния шесть являются бесценными античными оригиналами.

Художественное собрание князей Юсуповых получило широкую известность среди самых знаменитых коллекций столицы. Зинаида Ивановна, по мнению Ф.И. Тютчева, «обладает искренней любовью и пониманием прекрасного». Княгиня «как всегда, — сообщает поэт жене, — восхитила меня своим вкусом. <...> Её Дворец... великолепен... и поражает взгляд убранством залов, достойных французских королей»². За десять лет княгиня Зинаида Ивановна сумела пополнить юсуповское собрание почти 170 первоклассными произведениями искусства³.

Не только великолепием отделки и богатством убранства поражал современников дворец на Мойке, но и пышными приёмами, раутами, балами.

Один из балов был дан Юсуповыми 26 февраля 1837 года по случаю завершения отделочных работ в парадных залах дворца.

Воспоминания Марии Фёдоровны Каменской — яркое свидетельство самого незабываемого и долгожданного события в столице. Ей запомнилась вереница экипажей, тянущихся к иллюминированному дворцу;

¹ Musée du prince Youssouppoff, contenant: les tableaux, marbres, ivoires et porcelains qui se trouvent dans l'hotel de Son Excellence, a Saint Petersburg. St. Petersburg, 1839.

² Письма Ф.И. Тютчева Э.Ф. Тютчевой // Старина и новизна. Кн. 19. Пг., 1915. С. 260—261.

³ *Савинская Л.Ю.* Собрание живописи княгини Зинаиды Ивановны Юсуповой // Архангельское. Материалы и исследования. М., 2009. С. 180.

швейцарская, напоминающая сад; танцующая императрица Александра Фёдоровна и император Николай Павлович, помогающий очаровательной хозяйке передвигаться. «Хозяйка дома, красавица Зинаида Ивановна Юсупова, катаясь с кем-то с ледяной горы, — пишет М.Ф. Каменская, — сильно зашибла себе ногу, ... не опираясь на костыль, даже ходить не могла. Помню, что на бале у неё в руке был костыль какой-то дедовский, старозаветный, чёрного дерева, до половины палки и по всей рукоятке сплошь усыпанный крупными бриллиантами. В одном уж этом костыле было что-то сказочное, волшебное»¹.

Стихотворцы, очарованные хозяйкой, похожей, по словам Марии Фёдоровны, «на какую-то фею или добрую волшебницу из сказочного мира», посвятили ей и невиданному доселе костылю свои творения. В знаменитый альбом З.Н. Юсуповой вписал свои стихи Пётр Андреевич Вяземский:

Костыль — Вам дар небес: любите Ваш костыль!

.....

Воздушных областей царица молодая,
Вы были неземной и, над землёй порхая,
Скользили по цветам на крыльях ветерка².

Княгиня украшала не только свои праздники. После бала у княжны М.И. Барятинской 22 декабря 1836 года Александр Иванович Тургенев записал в своём дневнике: «Государь даже не мигнул мне, хотя стоял долго подле меня и разговаривал с Зинаидой Юсуповой... Киселёв, Мейендорф не узнают меня, а княгиня Юсупова начала дружный разговор, и мы познакомились. Мила своей откровенностью...»³.

В одной из записок Зинаиде Ивановне В.А. Сологуб сообщал: «Его Императорское Величество выразил желание, княгиня, иметь Ваш портрет»⁴.

---

¹ Исторический вестник. 1894. № 10. С. 50.

² Цит. по: *Вацуро В.Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома. Из альбомной лирики и литературной полемики 1790—1830 гг. // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 31—32, 73—76.

³ *Тургенев А.И.* Из «Дневника» // Пушкин в воспоминаниях современников : В 2 т. Т. 2. М., 1974. С. 173.

⁴ ОР ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Инв. № 9814, л. 2. Перевод с фр. Л.Я. Беззуб, которой автор статьи выражает свою признательность.

Но не только портрет княгини З.И. Юсуповой пожелал иметь император Николай I, поручая Григорию Чернецову создать монументальное полотно «Парад на Царицыном лугу». На картине изображены 223 современника Юсуповой. Полотно заключено в широкую золочёную раму, с откидывающейся нижней частью, представляющей калькированный рисунок зрителей переднего ряда. Зинаида Ивановна Юсупова изображена под № 103. Вблизи княгини — И.А. Крылов, В.А. Жуковский и А.С. Пушкин¹.

С Пушкиным красавица-княгиня, конечно же, была знакома, они встречались на приёмах и балах, она знала его стихи, собственноручно их переписывала². В один из своих альбомов Зинаида Ивановна вклеила визитные карточки Александра Сергеевича, который, как известно, был частым гостем салона княгини Татьяны Васильевны Юсуповой³. В записной книжке подарков, полученных княгиней З.И. Юсуповой, отмечен и подарок Пушкина⁴.

Гибель поэта Зинаида Ивановна восприняла с болью и горечью невосполнимой личной утраты. Она была яркой защитницей славы Пушкина в высшем свете. Литератор Борис Михайлович Фёдоров, приближённый к семье Юсуповых, посвятил княгине стихотворение «Восторгом мысль моя согрета». По мнению В.Э. Вацура, отклик Фёдорова на смерть поэта в честь княгини Юсуповой — своеобразный исторический документ эпохи⁵. Свидетельством и документом глубокой скорби княгини Юсуповой являются скопированные в отдельную тетрадь материалы о дуэли Пушкина⁶.

Глубокая и высокообразованная светская дама, наделённая художественным вкусом и литературными способностями, Юсупова не могла

---

¹ Картина Г.Г. Чернецова «Парад по случаю окончания военных действий в Царстве Польском 6 октября 1831 года на Царицыном лугу в Петербурге. 1837» принадлежит Государственному Русскому музею и экспонируется в нём. Впервые очерк и список изображённых опубликован в «Художественной газете» за 1836 год Н.В. Кукольниковом.

² Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее ОПИ ГИМ). Ф. 411, д. 3, л. 242.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 411, д. 8, л. 67 (№ 557, 562).

⁴ РГАДА. Ф. 290, оп. 2, д. 1399, л. 12.

⁵ Вацура В.Э. Из неизданных откликов на смерть Пушкина // Временник Пушкинской комиссии : 1976. Л., 1979. С. 48.

⁶ ОР ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Инв. № 9763 (Ф. 244, оп. 18, д. 217). На русск. и фр. яз.

не сожалеть о том, что в её альбоме и в собственном собрании автографов знаменитостей не оказалось ни единой пушкинской рукописи. Василий Андреевич Жуковский исполнил желание княгини, подарив ей незаконченные записки о Дельвиге. «Я хотел сначала послать Вам сказку в стихах, — писал Жуковский, — но оказалось, что эта рукопись внесена в общий регистр и пронумерована. Я не могу ею распоряжаться. Прилагаемый отрывок — моя собственность; я нашёл его в своих бумагах и с удовольствием уступаю его Вам. Теперь я уверен, что останусь в Вашей памяти, ибо буду закреплён в ней именем Пушкина»¹.

В памяти княгини Зинаиды Ивановны были закреплены имена многих выдающихся деятелей литературы и искусства, имена дипломатов, политиков, царствующих особ.

Из письма Фёдора Ивановича Тютчева к жене 31 августа 1856 года становится известно о его встрече с дипломатом Д.П. Севериным. «Завтра обедаю у княгини Юсуповой, — сообщал Ф.И. Тютчев, — она устроила мне свидание с Севериным, которого мне ещё не удалось встретить»².

Под руководством Дмитрия Петровича Северина единственный сын Зинаиды Ивановны и Бориса Николаевича князь Николай Борисович Юсупов — младший (1827—1891), причисленный к посольству в Мюнхене, постигал науку дипломатии. «Персонал Миссии, на момент моего пребывания в Мюнхен, состоял только из шефа. Я должен был совмещать все функции, чем я был очень доволен... Это было хорошей школой»³. После шестилетнего пребывания в Мюнхене сын овдовевшей в 1849 году княгини Юсуповой вернулся «к родным пенатам» и в должности церемониймейстера присутствовал на коронации императора Александра II.

«Я был счастлив принять участие в этом помпезном событии, — писал Николай Борисович — младший. — <...> Парижский мир пролил благотворное спокойствие вслед за годами потрясений. Графу Киселёву было поручено представлять Россию при французском дворе, расточавшем невиданные любезности. <...> Он (граф Киселёв. — В.С.) предложил мне вернуться к работе в посольстве. <...> Я был приписан к канцелярии графа Горчакова»⁴.

¹ Вацуро В.Э. Из неизданных откликов... С. 49.

² Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева. Кн. 2. М., 2003. С. 255.

³ РГАДА. Ф. 1290, оп. 2, д. 1629. Перевод И.В. Никифоровой.

⁴ Там же.

Горчаков ожидал от князя Юсупова «представительства, достойного его имени», надеясь, что устраиваемые им «приёмы будут безупречны». Н.Б. Юсупов «снял один из самых красивых особняков в Париже, который элита общества удостаивала своим посещением. <...> Наполеон III, помня об особой благожелательности, с которой Наполеон I относился к деду (Н.Б. Юсупову — старшему. — В.С.), проявлял схожие чувства в отношении его внука».

Наполеон III принял Николая Борисовича и его жену Татьяну Александровну (1828—1879), урождённую Рибопьер, на частной аудиенции в Сен-Клу и «сам провёл княгиню в кабинет императрицы, где состоялась беседа в обстановке очаровательной интимности». Выразив сожаление по поводу скорого отъезда из Парижа, «попросил не забывать, что для него было бы удовольствием увидеть нас вновь, даже как простых путешественников, когда мы вернёмся в его столицу»¹.

В Париже пользовалась особым расположением императора Наполеона III и вдова князя Бориса Николаевича Юсупова, восхитительная Зинаида Ивановна. Как пишет правнук княгини Ф.Ф. Юсупов, «поссорившись с равнодушным к ней императором (Николаем I. — В.С.), она уехала за границу. Обосновалась в Париже, в купленном ею особняке в районе Булонь-сюр-Сен, на Парк де Пренс. Весь парижский бомонд Второй Империи бывал у неё. Наполеон III увлёкся ею и делал авансы, но ответа не получил»².

Зинаида Ивановна на балу в Тюильри познакомилась с молодым французом Луи Шарлем Оноре графом де Шово, который был моложе её почти на двадцать лет. Вскоре, пожелав вступить в брак, влюблённые подписали контракт, по которому обладательница венецеля при русском дворе, награждённая орденом лентой Бавьеры, вносила в брак дворец на Литейном и дачу в Царском Селе, виллу в Финляндии, особняк в Королевском парке в Булонском лесу, доходные дома. Она вносила и наследственные драгоценности: алмаз «Полярная звезда», украшение из 90 изумрудов больших размеров с алмазами, жемчужное кольцо из 260 бусин из наследства князя Потёмкина, подвески, алмазные серьги, принадлежавшие Марии-Антуанетте, алмазную диадему, алмазы и различные драгоценные камни, ценные бумаги, исчисляемые суммой 2 миллиона 500 тысяч франков, предметы искусства, обстановку дворцов³.

¹ Там же.

² См.: Князь Феликс Юсупов. Мемуары. М., 2007.

³ См.: Сауткина Г.Н. Литейный дом княгини Юсуповой. СПб., 1997. С. 12—14.

Церемония венчания новобрачных проводилась 7 мая 1861 года в домово́й церкви особняка на Литейном. Запись под № 28 была произведена в метрической книге церкви Благовещения Пресвятой Богородицы на Васильевском острове: «Французский подданный Генеральный Советник Департамента Финистеры, Людовик, Карл Оноре граф де Шово, маркиз де Сэр, 32 лет, повенчан первым законным браком с вдовой княгиней З.И. Юсуповой, урождённой Нарышкиной... вторым браком»¹.

Княгине было суждено дожить до глубокой старости, пережив и второго мужа, и даже сына². Ей было о чём поведать любимой внучке, названной в её честь Зинаидой, и правнукам, которым она оставляла не только дома и драгоценности, но и произведения искусства, коллекцию автографов знаменитостей, книжные сокровища, одно из которых уцелело чудесным образом, вероятно, в пачках книг, отобранных на макулатуру³.

Анонимная брошюра известного французского публициста Этьена Лагероньера *L'Empereur Napoleon III et l'Angleterre* («Император Наполеон III и Англия»), изданная в Париже в 1858 году⁴, вряд ли могла привлечь внимание и вызвать интерес исследователей-киноведов и отечественных историков.

Невзрачная на вид, напечатанная на недорогой бумаге брошюра в мягкой обложке становится драгоценным сокровищем, настоящим княжеским подарком Кабинетной библиотеки петербургского дворца Юсуповых на Мойке.

Владельческая надпись княгини Зинаиды Ивановны Юсуповой, не требующая заключения экспертов из-за особенностей почерка, делает книгу исключительной и на сегодняшний день самой ценной недавней находкой. Книга свидетельствует об интересе её владелицы к личности императора Наполеона III, автограф которого из коллекции З.И. Юсуповой в настоящее время хранится в Рукописном отделе ИРЛИ (Пуш-

---

¹ Сауткина Г.Н. Литейный дом княгини Юсуповой. СПб., 1997. С. 16.

² З.И. Юсупова скончалась в Булони 27 октября 1893 года, завещав похоронить себя в России, в приделе святой мученицы Зинаиды в церкви святого Сергия Радонежского в Приморской пустыни.

³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 253, оп. 1, д. 40, л. 5.

⁴ ФРК СПб ДКРП. № 92169.

кинский Дом) РАН¹. Уникальность обнаруженному юсуповскому экземпляру брошюры Лагероньера придают вложенные в неё княгиней вырезки статьёй из французских газет Второй Империи, датированных тем же 1858 годом. Вырезки аккуратно приклеены хозяйкой на обложку в конце книги. Подобный экземпляр книги «Наполеон III и Италия» снабжён таким же вложением, свидетельствующим о принадлежности и этой книги княгине З.И. Юсуповой, графине де Шово, которую граф В.А. Соллогуб очень точно называет «отрадой светлою для сердца и ума»².

Зинаида Ивановна Юсупова, связавшая свою судьбу и с Францией, и с Россией, навсегда останется русской княгиней, немало сделавшей для преумножения культурного наследия нашего Отечества.

---

¹ ОР ИРЛИ. № 9824, л. 2. Записка Наполеона III к парижскому книгопродавцу Ташенеру сложена конвертом и запечатана обычной печатью императора Франции. 20 марта 1845 г.

² ОР ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 524, оп. 1, д. 50, л. 39. Соллогуб В.А. Руаньёми. 1852.

ДВА ПАМФЛЕТА ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВОРОНЦОВЫХ

Библиотека Воронцовых — одна из самых известных дворянских библиотек России, ей посвящено немало специальных работ. Однако они касаются в основном больших книжных массивов, сохранившихся в Алушкинском дворце и Одесском университете. Книги из разрозненной петербургской части собрания Воронцовых¹ нечасто попадают в поле внимания книговедов. Библиотека так называемого Санкт-Петербургского дома была продана наследниками антиквару В. Ключкову в 1897 году, при этом часть книг была приобретена Н.П. Лихачёвым. Значительную часть собрания Н.П. Лихачёва унаследовала библиотека Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (отдел Библиотеки РАН)².

Обе книги, о которых пойдёт речь, имеют типовой литографированный экслибрис «Библиотека князя Воронцова. С.-Петербургский дом» — книжный знак Семёна Михайловича Воронцова (1823—1882), последнего представителя рода, давшего России крупнейших государственных деятелей и знаменитых библиофилов.

Первая книга принадлежит к той части библиотеки, которая перешла Семёну Михайловичу Воронцову по наследству от отца, светлейшего князя, фельдмаршала, наместника Кавказа Михаила Семёновича Воронцова (1782—1856). Это небольшой том в переплёте из светлой кожи, украшенный изящным золотым тиснением по периметру обеих

---

¹ Книги с экслибрисом петербургской библиотеки Воронцовых в настоящее время находятся во множестве библиотек в России и за рубежом, например, в библиотеках Политехнического университета в Санкт-Петербурге, Московского университета имени М.В. Ломоносова, Экономической академии имени Г.В. Плеханова в Москве, в Свердловской областной универсальной научной библиотеке имени В.Г. Белинского, в библиотеке имени А.И. Герцена в Кирове, в библиотеке Стэнфордского университета в США. Есть они и в библиотеке Пушкинского Заповедника.

² На многих книгах воронцовской библиотеки (Санкт-Петербургский дом) из фонда библиотеки Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (далее СПб ИИ) на обороте нижней крышки карандашом проставлена одна и та же дата 17/III.97 (17 марта 1897 года) — отметка книгопродавца.

крышек и на корешке. На верхней крышке также золотом — шрифтовое тиснение «MALMAISON», на корешке в овальной рамке — вензель «РВ»: владельческие знаки библиотеки резиденции Наполеона и его первой жены Жозефины Богарне (в девичестве де ла Пажери) в замке Мальмезон под Парижем¹. Наполеон имел в Мальмезоне свой кабинет-библиотеку, но главной хозяйкой резиденции была императрица Жозефина. После развода с Наполеоном она продолжала жить в замке, здесь она и умерла в мае 1814 года. Незадолго до её смерти её посещал император Александр I.

М.С. Воронцов в 1815—1818 годах командовал русским оккупационным корпусом во Франции. Как ни удивительно, но одним из постоянных его занятий в Париже было собирание книг, во всяком случае каталог его парижского собрания насчитывает почти 2 тысячи томов². Можно было бы сказать, что книги играли роль репарации в результате войны с Наполеоном, если бы они не были добросовестно приобретены. На нашем экземпляре имеется запись, сделанная рукой М.С. Воронцова: «acheté à la vente des livres de la Malmaison le 7/19 Oct. 1815» (куплено на распродаже книг Мальмезона 7/19 октября 1815 года). Это была распродажа книг после смерти Жозефины Богарне-Бонапарт. Книжные приобретения М.С. Воронцова в Париже стали темой специального исследования Е.В. Полевщиковой, изучающей одесскую библиотеку фельдмаршала³. В своей работе она описывает книги, на которых М.С. Воронцов также оставил записи о покупке их в Мальмезоне в 1815 и в 1816 году, то есть приобретению книг из библиотеки императрицы Жозефины и Наполеона он посвятил немало времени⁴. Экземпляр из библиотеки СПб ИИ имеет ещё одну особенность. На корешке мы видим суперэкслибрис (один из многочисленных вариантов) М.С. Воронцова — аккуратную наклейку из красной кожи с тиснёным золотом родовым

¹ Аналогичные книжные знаки см., например, в кн.: *Кашутина Е.С., Сапрыкина Н.Г.* Эксlibрис в собрании Научной библиотеки Московского государственного университета. М., 1985. С. 48 (№ 15). В этой работе вензель прочитан как «J.B.» — Joséphines de Beauharnais. Е.В. Полевщикова (О книжных приобретениях М.С. Воронцова во Франции // *Вісник ОНУ. Сер. Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство.* 2008. Т. 13, вип. 8. С. 258) расшифровывает вензель как «Р.В.» — La Pagerie Bonaparte.

² См.: *Полевщикова Е.В.* О книжных приобретениях М.С. Воронцова во Франции. С. 254.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 257, 259, 265—267.

гербом, тогда ещё под графской короной. Суперэклибрис перемещён; раньше он был наклеен поверх вензеля Жозефины, — в этом видится жест не столько нового владельца книги, сколько одержавшего победу над Наполеоном воина. В настоящем виде книжные знаки говорят о богатой владельческой истории экземпляра, неотделимой от важнейших событий истории Европы.

Несколько слов надо сказать и о самом сочинении. Книга представляет собой написанный по-французски политический памфлет некоего Карела ван Лигтдаля «О деспотизме Оранского дома». В выходных данных значится только «В Голландии». В действительности перед нами изданный нелегально под псевдонимом памфлет Мирабо, одного из самых ярких публицистов и деятелей Великой Французской революции¹. Предполагаемый год издания книги — 1788-й. Нидерланды, носившие в то время название Соединённых Провинций, были республикой, управлявшейся Генеральными Штатами, но их власть была ограничена сохранявшейся со времён монархии должностью наместника — штатгальтера, которая принадлежала принцам Оранского дома. 1780-е годы — время острой политической борьбы против Вильгельма V Оранского, в которой сыграли свою роль и революционные идеи соседней Франции, и её заинтересованность в том, чтобы Нидерланды не подпали под влияние Англии. Знал ли М.С. Воронцов, приобретая книгу, что это редкое издание Мирабо? Заинтересовало ли его содержание или просто привлекло слово «деспотизм» и эпиграф из Вольтера? Во всяком случае, в его собрании появилась книга с революционными идеями.

В связи с нашим экземпляром хочется упомянуть о таком аспекте влияния французской книжной культуры на русскую, как внешний вид, переплёт книги. У приобретённого М.С. Воронцовым в Мальмезоне тома Мирабо и у другой книги², переплетённой уже явно по его заказу (имеется и вензель «MW» на корешке, и гербовые суперэклибрисы на

---

¹ *Ligtal, Karel van. Le despotisme de la maison d'Orange, prouvé par l'histoire. En Hollande, [1788].* Вопрос авторства этой книги запутан, в каталогах она фигурирует под разными именами. Первая её часть является переводом памфлета Иоанна Дерка ван дер Капеллена «К народу Нидерландов» (1781). Шифр б-ки СПб ИИ: К 8465. Об этом экземпляре кратко упоминается также в статье: *Панченко Е.З. Забытая коллекция: суперэклибрисы в библиотеке Н.П. Лихачёва // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 29. СПб., 2005. С. 126.*

² *Bassville, de. Précis historique sur la vie et les exploits de François Le Fort... Genève, 1784.* Шифр б-ки СПб ИИ: К 8467.

обеих крышках) — светлая кожа, корешок без выступающих бинтов, золочение по ребру переплётных крышек, нежный цвет обреза. На корешках обеих книг в одном ритме расположены ряды меандров, одинакового размера цветные наклейки из кожи с названием сочинения, только вензель Жозефины расположен внизу, а вензель Воронцова наверху.

Вторая книга, о которой пойдёт речь, — памфлет И.Г. Головина «Россия под Николаем I», изданный в Париже в 1845 году¹ (то есть всего через два года после книги де Кюстина). И.Г. Головин (1816—1890) был одним из первых русских политических эмигрантов. Человек скандальной репутации, авантюрист, он писал трактаты (диапазон интересов — от политической экономии до френологии), романы и пьесы, жил в нескольких европейских столицах и даже побывал в Америке, в Канаде и на Кубе. Примером его политической мысли может служить такая фраза: «Четырнадцатое декабря 1825 г. было понедельник, поэтому вероятно и бунт и царствование Николая Павловича не удались»². Головин был хорошо знаком с Герценом и удостоился отдельной главы в «Былом и думам»; правда, рассорившийся с ним Герцен передаёт историю его противостояния самодержавию самым уничижительным образом: «Головин был записан в канцелярию Нессельроде. Нессельроде ему заметил, что у него почерк плох, Головин обиделся и уехал в Париж... Потом он издал свою компиляцию «La Russie sous Nicolas», в которой обидел пуше всего Николая тем, что сказал, что он *нѣт* пишет с *e...*»³.

«Россия под Николаем I» — самое известное произведение И. Головина. Написанное по-французски, оно было переведено на несколько европейских языков, но русского перевода до сих не существует. Возможно, сочинение того и не заслуживает. В головинском памфлете небрежно соединены быт и нравы с вопросами экономическими, социальными и даже геополитическими. Как писал о нём Герцен, «...rôle-mêlé разбросанные анекдоты, сентенции, постоянные личности и никакой логики, никакого взгляда, никакой связи»⁴. В чём-то Головин оказался прав — он пишет о бесперспективности Чеченской войны и сравнивает

¹ *Golovine, Ivan. La Russie sous Nicolas Ier. Paris, 1845.* Шифр б-ки СПб ИИ: ШГ 2197. Более принят перевод «Россия при Николае I», но сам Головин называл свою книгу «...под Николаем» (см.: *Головин Иван. Записки. Лейпциг, 1859.* С. 93).

² *Головин Иван. Записки.* С. 21.

³ *Герцен А.И. Былое и думы.* М., 1973. С. 365.

⁴ Там же. С. 364.

кавказский вопрос для России с Алжиром для Франции, он указывает на неспособность власти в России различать свободу и отсутствие порядка. Надолго пережила своего автора байка о национальном звере медведе, которого русские зовут Мишель. Что-то вызывает протест даже в наши дни, например, что среди русских женщин на редкость мало красавиц; кроме того, неприятен его взгляд на Россию со стороны как на этнографический феномен. Обнажение таких язв, как коррупция, милитаристский дух, отсутствие дорог и засилье немцев, вряд ли могло стать откровением для русского общества и едва ли представляло опасность ввиду скромных талантов автора, но его книга была дерзкой, как дерзким было и его решение остаться за границей. Сам Головин считал, что Николая «более всего бесило» заглавие книги: «...Россия под Николаем; зачем не Россия в блаженное царствование Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского и пр. пр.»¹. Сочинение вызвало противоречивые оценки, от «что не выдуманно, то перевернуто» до «через пятьдесят лет русские оценят эту книгу»², но отзывы в русской печати были по понятным причинам невозможны. Тем интересней экземпляр памфлета, о котором пойдёт речь.

На авантителе под заглавием книги пером написаны строки:

Он звёзды сводит с небосклона,
Он свистнет — задрожит Луна,
Но против времени закона
Его наука не сильна.

Это отрывок из «Руслана и Людмилы» Пушкина (IV, 14). В соседстве с именем Николая строки, казалось бы, относятся именно к нему, могущественному самодержцу, земной срок которого не вечен. Но далее, на титульном листе между строками заглавия, читатель вписывает: «*La Russie sous le regne Nicolas Ier trop de nonsens par M. Ivan Golovine Nicolas De Galette*» (курсивом выделен рукописный текст), то есть: «Россия в царствовании Николая I... полно вздора... шут гороховый»³.

¹ Головин Иван. Записки. С. 93.

² Там же. С. 90.

³ *Nicolas De Galette*: вероятно, от *galette des rois* — традиционного пирога на праздник Богоявления, который украшают бумажной короной. Один из участников застолья получает эту корону и становится на день шутовским (бобовым) королём. Корона упомянута в эпитафии из «Оды к радости» Шиллера; кроме того, начало слова *Galette* созвучно с началом фамилии Головин.

Наконец, на последней странице после типографского «fin» приписано «*du mensonge et de [quelques vérités]*»¹, то есть «конец лжи и кое-чего верного».

Мнение читателя однозначно — книга лжива, абсурдна, монарх представлен в ней в извращённом виде, а строками Пушкина, таким образом, он метит в злобного карлика, живущего за дальними горами, — невозвращенца Головина. Надписи сделаны небрежно, с толстым нажимом, — книга вызвала негодование. Дважды — на титульном листе и на авантитуле со строками Пушкина — читатель к названию «*La Russie sous Nicolas Ier*» приписывает *le regne*, и пожалуй эта деталь больше всего говорит о его верноподданнических чувствах, — не под Николаем, а в царствование, то есть прямо по Головину: зачем не Россия в блаженное царствование Его Императорского Величества?

Несмотря на возмущение содержанием памфлета, читатель книгу сохранил. Уже позднее (как видно по срезанным полям с фрагментами рукописного текста) она была переплетена в типовой переплёт библиотеки С.М. Воронцова с его экслибрисом и инициалами «S.W.» на корешке. Книга, несомненно, принадлежала к воронцовской библиотеке, но кто был первым читателем памфлета и автором рукописного отзыва?

Фигура С.М. Воронцова, ближайшего к нам по времени и последнего представителя блестящего рода, кажется бледной по сравнению с его знаменитыми предками. Казалось бы, генерал, участник трёх войн, городской голова Одессы на протяжении ряда лет, инициатор издания замечательного «Архива князя Воронцова», — и тем не менее его жену, красавицу Марью Васильевну, вспоминают чаще, чем его самого. Л.Н. Толстой в «Хаджи-Мурате» описывает Воронцова как маловыразительного белокурого полковника, говорившего с английским акцентом. Известен Воронцов и как участник громкого судебного процесса против князя Петра Долгорукова (Семён Михайлович Воронцов вступился за честь отца — Михаила Семёновича Воронцова — и выиграл процесс). Долгоруков мог быть необъективным, но данная им характеристика убийственна: «Кажется, граф Роман, его сын Семён и его внук фельд-маршал князь Михаил — эти трое полностью исчерпали весь запас ума и достоинств, отпущенных Провидением семейству Воронцовых: если сказать о князе Семёне Михайловиче, что он человек более чем

---

¹ Возможный вариант чтения.

посредственный, то это может явиться поводом к упреку в откровенной лести»¹.

В пользу того, что разгневанным читателем памфлета Головина был сам С.М. Воронцов, говорит в первую очередь то, что книга в конце XIX века находилась в его библиотеке (каким образом в его собрании оказалась бы чужая книга?). Содержание отклика не противоречит тому, что мы знаем о личности князя — человека образованного, но дюжинного, верного слуги трона; наконец, финал книги (где написано «конец лжи») посвящён наместнику Кавказа Михаилу Семёновичу Воронцову — отцу Семёна Михайловича, поэтому именно у Семёна Михайловича он мог вызвать неприятие. Точный ответ на вопрос, выражал ли свои чувства по поводу запрещённой книги с помощью строк Пушкина именно молодой наследник Воронцовых, мог бы дать анализ почерка. В обширном фонде Воронцовых в архиве Санкт-Петербургского института истории нашлось только два документа, вроде бы написанные рукой С.М. Воронцова, но почерки, которыми выполнены эти документы, различны, и ни один из них не совпадает с почерком на книге. Есть несомненно его рукой сделанная владельческая запись «Woronzow» на другом издании из воронцовской библиотеки², но она слишком краткая, и вопрос остаётся открытым. Других маргиналий на книгах С.М. Воронцова в библиотеке СПб ИИ не обнаружено.

Хотя Воронцовых едва ли можно заподозрить в сочувствии к радикальным идеям, оба — отец и сын М.С. и С.М. Воронцовы — приобрели для своей библиотеки сочинения острого политического содержания. Рассмотренные книги принадлежат к разным эпохам, но обе они не могли быть изданы легально на родине их авторов. При этом Париж в обоих случаях является идейным центром, а французский — языком политического памфлета.

---

¹ Записки князя Петра Долгорукова. СПб., 2007. С. 570.

² *Dolgorouky P. Notice sur les principales familles de la Russie.* Berlin, 1858. Шифр б-ки СПб ИИ: К 7564.

**СБОРНИК «L'ARCHITECTURE FRANÇOISE...»
ИЗ БИБЛИОТЕКИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО**

Мы называем библиотекой Петра Великого те книги, рукописи, гравюры, рисунки и карты, которые свозились в библиотеку Академии наук в первые годы после его смерти. Но при жизни царя это была довольно хаотичная институция, не имевшая чётких контуров. Мы не знаем в точности, какова была численность книг; скорее всего, она колебалась от полутора до двух тысяч. Мы даже не можем провести чёткую границу между книгами из государственной, будущей академической библиотеки (которую в переписке того времени чаще всего именовали «куншткаморой») и книгами, окружавшими царя, хотя бы потому, что все книжные приобретения финансировались из одного источника — Кабинета Его Величества. Если кратко обобщить ситуацию, то она, видимо, была такова: по характеру приобретения книги были разные: покупки самого царя или его агентов, книги, доставшиеся в наследство от родственников, дипломатические подношения, трофеи, конфискация, подарки, — но, каков бы ни был источник их поступления, все проходили через кабинет. Однако некоторые, привлёкшие внимания царя, оседали в тех помещениях, в которых он жил и работал.

Книгам, оказавшимся в непосредственной собственности царя, не суждено было пылиться на полке. Им в полной мере пришлось разделить тот чрезвычайно подвижный образ жизни, который вёл их владелец. Царь возил книги с собой, обменивался ими с огромным кругом своих соратников, придворных, друзей, переводчиков, гравёров, издателей и так далее. Из этой библиотеки уходило множество книг и рукописей: их отсылали вышеперечисленным людям, и не все возвращались обратно. Среди книг и особенно сборников гравюр, принадлежавших Петру, часто попадаются крайне изношенные экземпляры с многочисленными следами изучения, копирования, неоднократного перелистывания, со множеством отпечатков пальцев. Книги могли оказаться где угодно: на адмиралтейских верфях, в корабельных библиотечках, на городских и пригородных строительных площадках, в гравировальной мастерской, в обозе, следующем за войском, или в сундуке, отправленном за царём, уезжавшем, например, лечиться «на марциальные воды». Это была, в полном смысле слова, «передвижная» библиотека.

Поскольку на момент смерти Петра вся эта коллекция пребывала в разных местах, то при передаче книг в академическую библиотеку было составлено несколько описей. На сегодняшний день их известно восемь. Из них только одна сделана на иностранных языках, в ней имеются описания 204 книг и 5 рукописей (причём две книги в этом списке русские, гражданской печати, описанные на латыни). В остальных семи реестрах описания составлены на русском языке, в том числе и описания иностранных изданий. В последнем случае их названия переведены на русский язык с большей или меньшей точностью и подробностью. Реестры включают в себя 1200 названий, и это около полутора тысяч экземпляров книг и рукописей¹.

Вот несколько примеров работы канцеляристов, описывавших книги. Название трактата Франческо Петрарки «О средствах против превратностей судьбы» в немецком переводе звучит как: «*Trostspiegel in Glueck und Unglueck / Francisci Petrarchæ Desz Weithberhuem[m]ten Hoch=gelehrten fuertrefflichen Poeten unnd Oratorn Trostbuecher Von Rath / That / und Artzney in Glueck und Unglueck/...*»². В петровском реестре он описан следующим образом: «Франциска патриарха о советах, о делах, о лекарствах, о счастии и о несчастьи».

Трактат о стереометрии Йохана Гартмана Байера «*Conometria Mauritiana; Das ist / EJn newer Stereometrischer Tractat...*» записан в реестрах как «Ковнометрия мавницианская»³. Ещё один пример: сборник гравюр с изображением деталей интерьеров Ж. Берена, И. Боксбарта и Г. Фейе описан в реестрах по первой титульной гравюре. Текст титула: «*Unterschiedliche Kirchen und Closter Porten, inventiert und gezeichnet von G. Feuillet*», текст в реестре: «Разных церквей и ворот Фефиттова, на немецком»⁴. Так в целом выглядит схема описания книг в петровских реестрах, то есть вполне обычно для русских книжных описей XVII — начала XVIII века.

После попадания книг в кунсткамеру вся эта коллекция растворилась в едином фонде БАН, перемешавшись с десятками тысяч других книг и

---

¹ Все реестры опубликованы. См.: Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. I. XVIII век. М.: Л., 1956. С. 272—381.

² Научно-исследовательский отдел редкой книги Библиотеки Академии наук (далее НИОРК БАН). 4710 f / 5424 R.

³ НИОРК БАН. 11825 q / 40151-54 R. Автор благодарит за обнаружение этой книги А.О. Дёмина, сотрудника Пушкинского Дома.

⁴ НИОРК БАН. 6672 f / 38287 R.

коллекций. В середине XX века несколько сотрудников библиотеки приступили к воссозданию библиотеки Петра Великого. В результате этой работы удалось выявить в фондах примерно половину книг и рукописей из тех, что указаны в реестре. В данном случае приходится говорить лишь о приблизительных цифрах, поскольку описания в реестрах часто крайне расплывчаты. Вышеупомянутые примеры ещё поддаются расшифровке, но в реестрах имеется и вовсе слепой текст, например: «две латинские книги в лицах», или «17 инженерных книг», или «Математическая». И вдобавок царь Пётр был кем угодно, только не библиофилом, соответственно, на книгах нет ни каких бы то ни было печатей, ни экслибрисов; за редчайшим исключением, царь не оставил в книгах помет. Поэтому воссоздать этот чрезвычайно своеобразный памятник, вовсе не прибегая к исторической реконструкции, практически невозможно.

Однако опыт наших предшественников и опыт работы с уже выявленными книгами позволяет нам сейчас время от времени находить в фондах БАН книги, несомненно, принадлежавшие некогда библиотеке Петра I.

Одним из важных признаков, по которому книгу можно «заподозрить» в принадлежности её Петру, является её переплёт. Первые переплётки, выполненные в академической переплётной мастерской, были выполнены переплётчиком академической библиотеки Георгом-Кристофом Биттнером, который поступил на службу в 1716 году, приехав из Гданьска по приглашению Р. Арескина¹. Это довольно скромные, практичные, но вполне качественные переплётки телячьей кожи, крашенной некогда в красный цвет, в настоящее время сильно вылинявшей. Всех украшений — только блинтовые тиснёные рамки и несколько золототиснёных флеронов на корешке. В собрании Петра нередко попадают книги, а чаще сборники гравюр именно в таком переплёте.

Из-за биттнеровского переплёта наше внимание и привлék сборник из 48 гравюр², представляющих собой планы и фасады парижских дворцов и особняков. В него входят серия из семи гравюр с чертежами типовых домов (...*une maison à bâtir*) по проекту Ж. Ардуэна-Мансара, а также серии чертежей отеля Клермон по проекту Ж.-Б. Леблона, чертежи замка Исси, отелей Овернь, Лорж, Демаре, особняка мадам де Варанжевиль и серии с образцами дверных замков. Издателем гравюр, за исключением последней серии, был Жан Мариетт. Гравюры входили в

---

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее ПФА РАН). Ф. 3, оп. 1, д. 1, л. 7—8 об.

² НИОРК БАН. 6703 f / 38628 R.

сборник Мариетта «L'Architecture Française...», часть листов изначально выходила у Николя Ланглуа в «L'Architecture à la mode...»¹.

Облик построек на гравюрах не оставляет сомнений в том, что этот материал послужил важным источником в формировании раннего петровского барокко. На гравюрах запечатлён стиль Людовика XIV в его зрелой фазе, со всеми его отличительными особенностями: жёсткой ордерной дисциплиной, чётким ритмом, крупным, «героическим» масштабом. Абсолютно точным воплощением проектов, собранных в этом альбоме, можно считать застройку улицы Варенн в Париже, включая особняк Клермон Леблон. В раннепетровской архитектуре этот стиль скопирован до мелочей: та же обработка фасадов рустованными лопатками, оформление окон наличниками в форме простой рамы с замковым камнем и филёнками, те же высокие мансардные крыши «с переломом на немецкий манер». Достаточно сравнить леблоновские и даже трезиниевские типовые проекты особняков на гравюрах А. Ростовцева и П. Пикарта, да и прочие чертежи «образцовых домов» для застройки новой столицы, чтобы в воплощённых проектах разглядеть «парижских родных братьев», и наиболее наглядно это родство именно на гравюре.

Итак, содержательно, а также благодаря биттнеровскому переплёту сборник вполне мог принадлежать петровской библиотеке. Но постепенно, по ходу работы с петровской библиотекой, выявилось некоторое количество сведений, благодаря которым эту принадлежность теперь можно подтвердить документально.

В НИОРК БАН в фонде «Текущие поступления» хранятся копии петровских указов, отправленных рижским губернаторам. Среди этих документов имеется указ от 28 декабря 1715 года. В указе идёт речь о брёвнах, которые следует доставить в Ревель для укрепления тамошней гавани. Далее следует постскриптум следующего содержания: «P.S. Когда приедут в Ригу мастерские люди из Франции, которых там наняли в нашу службу Конан Зотов и Лафорт, и оных без задержания сюды отправь, дав им подводы, сколько они будут требовать; Так же осведомся, не присланы ли в Ригу какие ящики с книгами ис Кинесберха от бурмистра тамошняго Негилина. И ежели присланы [или в пред пришлютца] то немедленно к нам пришли...»².

---

¹ The Mark J. Millard Architectural Collection. National Gallery of Art, Washington, George Braziller, New York, 1998. Vol. 1. № 86, 113.

² НИОРК БАН. Текущие поступления, 662, л. 126: «Копии с именных Указов и с инструкцией данных рижским генералам губернаторам».

По этому поводу у нас когда-то высказывалось предположение, что речь идёт о Готторпской библиотеке, поскольку сказано, что книги из Кёнигсберга (книги Готторпской библиотеки относятся к числу первоначальных фондов БАН, доставлены в Петербург из Готторпского замка вместе со знаменитым глобусом)¹. Однако после того как был обнаружен ряд других документов, стало ясно, что к Готторпской библиотеке упомянутые в указе книги не имеют никакого отношения. Зато они имеют отношение к упомянутым в указе агентам и мастеровым людям из Франции.

Дело проясняет переписка этих людей с царём, хранящаяся в Российском государственном архиве древних актов в фонде «Кабинет Петра I». Конон Зотов и Жан Лефорт (племянник Франца Лефорта) являлись официальными агентами Петра I в Париже. О том, с каким заданием они были посланы во Францию, сообщают приходно-расходные книги Кабинета Его Величества. Запись, датированная 14 марта 1715 года, гласит, что «сто червонных» «выдано капитану порутчику Конону Зотову на покупку всяких инструментов и книг... во Франции или где найдёт», а также «выдано камер-юнкеру Светлейшаго князя... Лефорту для посылки его во Францию ради некоторой комиссии (а именно для высылки от толь разных художеств мастеровых людей)... 300 червонных»².

Агенты справились со своим заданием, уже в октябре 1715 года в письмах они сообщают Петру, что мастера наняты и нужные книги куплены. «...5682: ефимк[а] господин Лафорт, — пишет Зотов, — от меня получил и ныне к вашему величеству мастера вскоре отправятся. Книги же об архитектуре, планы огородам, планы дому королевскому в Версалии, профили махины марлинской, проспективы и медали, по которым все дела и виктории бывшего короля французскаго с потомством безъ смертны пребудуть, к вашему величеству немедленно управлено будет»³.

Самый подробный отчёт о своей деятельности отправил Петру сам Лефорт. Прежде всего, это были контракты с нанятыми людьми. Среди

---

¹ Бубнов Н.Ю. К вопросу о первоначальных фондах Библиотеки Академии наук // Сборник статей и материалов БАН СССР по книговедению. Вып. II. Л., 1970. С. 136.

² Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом : В 2 т. Т. 2. М., 1872. С. 4.

³ РГАДА. Ф. 9, отд. II, кн. 23, л. 412 об.

них в Россию уехали Бартоломео Растрелли с сыном и живописец Луи Каравак. В Петербург Лефорт отправил сопроводительное письмо: «Посылаю Вашему Величеству приложенные к сему письму договоры тех мастеров, которых я нанял на службу Вашему Величеству, и которые отправились сегодня посуху, их 8 человек вместе с сопровождающим их Жаном Шевалье. Надеюсь, Ваше Величество останется довольно этими людьми. Я прошу Ваше Величество повелеть написать губернатору Риги, чтобы тот организовал сопровождение в этом их путешествии, а также повелеть подготовить им квартиры в С-Петербурге»¹. Далее Лефорт сообщает сведения ещё о нескольких мастерах, которые пожелали отправиться в Россию на заработки, и Лефорт спрашивает, имеется ли в том нужда.

В конце письма приводится список книг и разных прочих предметов, отправляемых в Петербург. Его предваряет следующая приписка: «Содержимое ящика, посланного Его Царскому Величеству 10/20 ноября через бургомистра Негелина в Кёнигсберг»².

Именно про этот ящик с книгами и спрашивал Пётр в письме к рижскому губернатору Голицину.

В письме Лефорта, в списке содержимого ящика, упомянуто 15 книг и несколько сотен гравюр. По счастью, Лефорт писал своё письмо по-французски, что значительно облегчает идентификацию книг и гравюр с этим списком. В списке среди прочего мы читаем: «Plans des Hotels d'Jssy, de Lorge, de Mansard, de Clermont, de Varajeville, d'Auvergne, Demarets...»³. То есть почти полностью перечислен состав нашего сборника.

Следующее подтверждение принадлежности этого сборника Петру обнаружилось на самом видном месте, то есть в петровском реестре. В том списке книг из Рисовальной конторы, который озаглавлен «Архитектура цивилис»⁴, под номером 26 находим запись: «Елевация огорода

---

¹ РГАДА. Ф. 9, отд. II, кн. 24, л. 74—74 об.: «J'envoye cy joint à Vôtre Majesté les Capitulations des personnes que j'ay engagé pour le service de V. M. et qui sont partis aujourd'hui par terre, ils sont 8. personnes avec Jean Chevalier qui les conduit, j'espere quelle aura toute sorte de contentement de ces personnes, je prie V.M. de faire écrire au Gouverneur de Riga de les faire expedier dans leur voyage et de leurs faire tenir des logements prêts à S^t.Petersbourg...»

² Там же. Л. 76: «Etat du contenu d'une caisse envoyée à Sa Majesté Czarienne le 10/20 Novembre par Mr. le Bourguemaitre Neguelin à Konigsberg».

³ Там же. Л. 77.

⁴ ПФА РАН. Ф. 3, оп. 1, № 2330, л. 114—116.

и двора, издана от Мансад, на французском». Название первой гравюры в этом сборнике: «Elévation de la façade du côté du jardin d'une Maison à bâtir sur les desseins de Mr. Mansard Premier Architecte et Surintendant des Bâtimens du Roy». Следующая гравюра имеет название: «Elévation de la façade du grand corps de logis du côté des cours, et coupes des aîles en retour d'une Maison à bâtir à Paris sur les desseins de Mr. Mansard...» Очевидно, что канцелярист, составивший реестр, взял в руки книгу, открыл первую страницу, вероятно, заглянул в следующую и написал вышеуказанный перевод. Из этой записи также следует, что канцелярист взял в руки уже переплетённую книгу, а не стопку гравюр. Следовательно, Биттнер переплетал книги Петра или хотя бы какую-то их часть ещё при жизни царя, а не тогда, когда они попали в БАН или, по меньшей мере, не только тогда. Похоже, этому обстоятельству тоже есть документальное подтверждение, что также большая редкость, поскольку все архивные данные о переплётных работах не имеют привязки к конкретным книгам. В расходной книге канцелярии Академии наук за март 1718 года перечислены следующие траты:

«Переплётчику за переплёт книг, которы были непереплетены, покойного господина архиатера Арескина;

Привезены из Франции дано на кожи; На доски к тем же книгам; За вареной клей; ... 12 [рублей]; За де[сть] книшки сусального золота на позолоту книжну...; Крас[ки]... 2 [рубля] 7 [копеек]; ... За бумагу и хорошего французского золота ... 4 [рубля] 50 [копеек]¹».

Словом, оснований включить в состав петровской библиотеки сборник «L'architecture française...» у нас более чем достаточно.

В списке гравюр, купленных Лефортом и Зотовым, кроме вышеприведённых, значится ещё довольно много гравированных достопримечательностей Парижа и его окрестностей, в частности, дворец и сады Версаля, версальские же Оранжерея и конюшни, Трианон и Сен-Клу, планы дворцов Тюильри и Лувра, описание Дома Инвалидов. В списке имелись гравюры с изображением Марлинской машины и гравированные репродукции картин Люксембургской галереи.

Мы знаем, что царь отправился в своё второе заграничное путешествие в начале 1716 года. 26 апреля по старому стилю путешественники добрались до Парижа, из которого царь уехал 9 июня. Дипломатическая цель — а именно договор с Францией — была, конечно, основной. Но ход переговоров во многом уже был предопределён событиями Север-

¹ ПФА РАН. Ф. 3, оп. 1, д. 1, л. 70 об.

ной войны, тяжёлой, изнурительной, но результативной. Это позволило Петру в Париже сосредоточиться на культурной программе своего визита. Царь посетил абсолютное большинство вышеперечисленных объектов. К некоторым пунктам своего путешествия он совершенно явно готовился заранее. Например, его чрезвычайно интересовала марлинская водовзводная машина. О ней Пётр узнал от мастеров фонтанного дела, работавших в Петербурге, и поручил своим агентам собрать всю необходимую информацию. В письме от 7 октября 1715 года К. Зотов отвечал царю: «...Махину, о которой вашему величеству доносили огородники, аз её видел и вскоре пришлю чертёж. Она ничто иное толко пожарная труба»¹. Известно, что во время своего визита царь возвращался в Марли несколько раз и зарисовывал водовзводную машину в блокнотик.

Столь насыщенная и осмысленная программа пребывания Петра во Франции заставляет предположить, что он, до того, как отправиться в Европу, всё-таки успел получить из Риги тот ящик с книгами и явно внимательно ознакомился с его содержимым. Потому приехал он в Париж подготовленным, совершенно точно зная, куда и на что смотреть. Как справедливо заметил биограф и почитатель Петра Иван Голиков по поводу этого шестинедельного пребывания в столице Франции, он «больше смотрел и заметил, нежели другие могли бы сделать в год»².

---

¹ РГАДА. Ф. 9, отд. II, № 23, л. 411 об.

² Голиков И.И. Деяния Петра Великого. Ч. V. М., 1788. С. 318.

РОМАНЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЛИБЕРТИНАЖА, ИХ ЧИТАТЕЛИ И ПЕРЕВОДЧИКИ

Традиционно считается, что либертинаж — явление французской культуры¹, имевшее лишь отдалённые отголоски в России или же не имевшее их вовсе. Так, известный швейцарский исследователь русской литературы Жорж Нива связывает «нехватку» либертинажа в русской культуре даже не столько с «русской пуританской строгостью нравов» (ведь «пробовала же себя русская нонконформистская литература, и прошлых веков, и современная, на поприще порнографии, брани и т. д., хотя ей и не удалось достичь особенно впечатляющих результатов»), сколько с особенностями русского языка, который в области

¹ На самом деле, во Франции существовало как минимум две исторических формы либертинажа. Во-первых, либертинаж философский, принимавший формы атеизма, деизма и прочих религиозных и идеологических инакомыслий, характерный в первую очередь для XVII века (был представлен французской философией XVII века — в лице Гассенди с его скептицизмом и циклическим видением истории, а также Габриэля де Ноде и Ла Мот ле-Вайера). И, во-вторых, либертинаж социальный, сформировавшийся уже в XVIII веке и подразумевавший отказ от разного рода социальных условностей, а также от традиционной морали, что в конечном счёте привело к устойчивой ассоциации либертинажа с распутством и дебошем. Поворотным моментом в эволюции либертинажа было время, когда теории философов, «выражавших идеологию левого крыла буржуазии», были взяты на вооружение аристократами эпохи Фронды, политическое поражение которых сделало их более внимательными к философскому скептицизму. Но именно эта апроприация философского либертинажа обществом аристократов привела к новой трансформации как понятия, так и скрывающегося за ним явления: лишённый глубинных философских начал, либертинаж постепенно становится родом светского эпикуреизма, более типом поведения, чем собственно философией. Впрочем, философская составляющая всё же сохраняется и в то время, как философия критического рационализма и материализма утверждает примат природы и её законов в области мысли и теорий государственного правления, аналогичные принципы декларируются авторами-либертенами (соответственно, и получающими статус философов) в области человеческих отношений, и прежде всего — отношений между полами. Разными путями утверждается, таким образом, одна и та же модель — естественной морали, основанной на жизненных инстинктах человека. Об особенностях либертинажа во Франции см. подробнее нашу статью: *Re-volutio* чувства и чувственности: (о некоторых особенностях французского либертинажа XVIII века) // Антропология революции : сб. статей. М., 2009. С. 141—177.

эротики, за пределами матерной ругани, гораздо менее гибок и выразителен и которому явно недостаёт раскованной игривости французского языка¹. В начале XX века об этой негибкости русского языка в эротической сфере немало рассуждали А. Ремизов, В. Розанов и другие. «Русский человек должен владеть двумя языками; с одной стороны — русским, языком Пушкина, с другой — языком непристойного, матом», — писал Ремизов. И он же, показав однажды Розанову список сборника былин, исторических песен и скоморошин, известных как «Древние русские стихотворения» Кирши Данилова, в котором не было цензурных отточий, вызвал известное высказывание Розанова: «Вот она, наша русская серость: х... да п... Как это противно. Один только этот вечный сюжет»².

Создаётся впечатление, что при всех громадных изменениях, что произошли в русской культуре за более чем два столетия, именно в области эротического словаря ситуация не слишком изменилась. Вспомним, что и вышедший в 1730 году под названием «Езда в остров Любви» перевод французского прециозного романа Поля Талллемана «Le Voyage de l'isle d'Amour» (1663), отразив «потребность в новом языке, ощущаемую европеизировавшимся обществом»³, вызвал тем не менее — при всей его относительной невинности, особенно в сравнении с либертиной литературой XVIII века — нарекания в развращении молодёжи. И, как писал сам переводчик (В.К. Третьяков), «...говорят, что я первый развратитель русской молодёжи, тем более что до меня она совершенно не знала прелести и сладкой тирании, которую причиняет любовь»⁴.

---

¹ *Nivat Georges*. Retour en Europe. Lausanne: L'Age d'Homme, 1993. Рус.: *Нива Жорж*. Возвращение в Европу. Статьи о русской литературе. М., 1999. Впрочем, характерно, что рассуждения об отсутствии либертинажа в России Нива излагает в главе под названием «L'expérience d'un libertin russe» («Опыты русского либертена»).

² Там же.

³ *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков. М., 1982. С. 96.

⁴ *Третьяковский В.К.* Избранные произведения. Л., 1963. С. 15. См. также: *Пекарский П.П.* История Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 24; *Сазонова Л.И.* Переводная художественная проза в России 30—60-х годов XVIII в. // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982. С. 117—122; *Лотман Ю.М.* «Езда в остров Любви» Третьяковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII века // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 222—230; *Успенский Б.А.* Из истории русского литературного языка XVIII—XIX века. М., 1985. С. 134—146.

В этом смысле характерно, что и само слово «либертинаж» со всеми возможными его производными до последнего времени отсутствовало в словарях¹. Исключения составляли словари иностранных слов и выражений. Впрочем, и они свидетельствуют о том, что слова «либертен» (*libertin*) и «либертинаж» (*libertinage*), применяемые в отношении людей «распутного, разнузданного поведения»², на русский язык не переводились, а чаще использовались во французском написании. Цитата из «Воспоминаний» Ф. Вигеля, которая нередко приводится в подобного рода словарях, лишний раз показывает, что в русском обиходе слово «либертен» имело коннотации скорее нравственные (точнее — безнравственные), чем политические (ср.: «Он представил обвиняемого великим шалуном, что было и правда; но он по самом себе мог знать большую разницу между либералом и *libertin*»³). Отметим, что и в наиболее полном на сегодняшний день французско-русском словаре, составленном В. Гаком и Ж. Триомфом, слово *libertin* в качестве прилагательного переводится как «распущенный», «распутный», «непристойный» и только как существительное получает уже два значения: не только (1) «распутник, развратник», но и (2) «вольнодумец»⁴. Обратим внимание и на следующий любопытный момент: обратный перевод слова «вольнодумец» на французский язык уже не возвращает нас непосредственно к значению *libertin*, но даёт иной синонимический ряд, а именно: *esprit fort, libre penseur*, и лишь на третьей позиции появляется *libertin*, да и то применительно к Франции XVII века⁵.

Ситуация эта чрезвычайно показательна, ибо отражает не только историческую непереводаемость понятий «либертен» («либертинаж»), но также и историческую несовместимость культурных типов. Действительно, наиболее близко подходящее к французскому *libertin* русское слово «вольнодумец» в русской исторической действительности означало нечто иное: политическое значение явно превалировало в нём над нравственным. Вольнодумство в России исторически смыкалось

---

¹ См., напр.: Большой академический словарь русского языка. М. ; СПб., 2007.

² См.: Бабкин А.М., Шенденцов В.В. Словарь иноязычных слов и выражений. СПб., 1994. С. 804.

³ Вигель Ф.Ф. Записки. München, 2005. С. 308.

⁴ Гак В., Триом Ж. / Gak V., Triomphe J. Французско-русский словарь / Dictionnaire français-russe. М., 2006. С. 590.

⁵ Шерба Л.В., Матусевич М.И., Воронцова Т.П. и др. Большой русско-французский словарь. М., 2004.

с либерализмом, политическим вольномыслием¹, скептицизмом (скептическим или и вовсе отрицательным отношением к существующим порядкам и, в первую очередь, к религии²), вольтерьянством³ и даже франкмасонством и лишь в слабой степени коррелировало с ветреностью, сластолюбием, развратом и распутством, включавшимися, как мы увидим ниже, в семантическое поле французского *libertinage*.

Почти исключив, таким образом, представление о свободе нравов из своего ареала, русское вольнодумство вместе с тем удерживает смыкание политической свободы со свободой религиозной: именно потому для человека XIX века вольнодумство неразрывно остаётся связанным с критическим отношением к господствующим религиозным и (или) политическим взглядам и, следовательно, с возможными репрессивными мерами в отношении тех, кто его исповедует (ср., например, характеристику, которую А.И. Герцен даёт своему приятелю В.: «...воспитывался в Париже, был богат, умён, образован, остёр, вольнодум, сидел в Петропавловской крепости по делу 14 декабря...»⁴; ср. также у Писемского: «Во всей губернии он слыл за большого вольнодумца, насмешника и даже богоотступника»⁵).

В критике советской эпохи слово «вольнодумец» и вовсе получает такое право гражданства, что становится почти оценочной этикеткой, позволяющей отграничить великие фигуры русской истории (вариант: литературы) от её, так сказать, маргинальных представителей, представителей «пустой» аристократической культуры с её эротизмом и легкомысленностью⁶. Так, ещё и В. Жирмунский, говоря о двух течениях

¹ Ср.: «**Вольнодумствовать**, — **думничать**, давать полную волю, свободу превратным убеждениям, ложным или противным общему убеждению мыслям, по предметам важным, особ. говоря о вере, отвергать истины её; **вольнодумство** — умствования, противные началам веры; **вольнодумец**, человек этих свойств и качеств. // Н а р д н. бродяга, беглый шатун». *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. Т. 1. М., 1955. С. 240.

² *Ожегов С., Шведова Н.* Толковый словарь русского языка. М., 1996. С. 92.

³ Ср. в повести С.Т. Аксакова «Наташа»: «Он был либерал, вольтерьянец, по тогдашнему выражению». *Аксаков С.Т.* Избранное. М., 1987. С. 495.

⁴ *Герцен А.И.* Былое и думы // Герцен А.И. Полн. собр. соч. : В 30 т. Т. VIII. М., 1958. С. 172—173.

⁵ *Писемский А.Ф.* Люди сороковых годов // Писемский А.Ф. Собр. соч. : В 9 т. Том 4. М., 1959. С. 207.

⁶ Ср. в книге Б. Волина, бывшего начальником Главлита в 1930-х годах: «Чтение произведений Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Герцена... считалось большим вольнодумством и преследовалось». *Волин Б.М.* Ленин в Поволжье. М., 1955.

французской мысли, воздействовавших на юного Пушкина, чётко ограничивает скептический либертинаж, который он ассоциирует с лёгкой аристократической поэзией, и, с другой стороны, вольнодумство эпохи Просвещения с его рационализмом и материализмом¹. Впрочем, чуть далее, словно противореча своим предыдущим словам, а на самом деле просто отступая от необходимой для того времени конъюнктурной идеологии, Жирмунский усматривает у Пушкина, а также его товарищей по Лицею и дружескому обществу «Зелёная лампа» именно то самое сочетание «эпикурейско-эротической струи» с «вольномыслием» в вопросах религии и политики, которое, собственно, и было характерно для французского либертинажа, равно как и для французского Просвещения, «охотно облакавшего антиклерикальную и антирелигиозную тему в форму фривольной пародии религиозных сюжетов»².

И все же «философ» и «шалун», как называл себя Пушкин в дружеском послании к Горчакову, вольно или невольно претворяя тем самым в жизнь программу либертенгов, соединявших эротическую свободу с религиозным вольнодумством и политическим свободомыслием, остаётся в целом для русского сознания не двумя сторонами одной медали, но скорее двумя полюсами.

При этом любопытно, что если в России кто и обладал безусловной способностью соотносить политическую оппозицию (вольнодумство) с распущенностью и развратом, то это было массовое сознание, куда следовало бы включить также и сознание репрессивное. На это обратил внимание ещё Пушкин: «У нас журналисты бранятся именем *романтик*, как старушки бранят повес франмасонами и волтеринцами — не имея понятия ни о Вол<ьтере> ни о фр<анмасонстве>»

---

¹ Ср.: «Культура XVIII в. влияла на молодого Пушкина в двух своих аспектах. С одной стороны, он воспринимал ещё живые традиции салонной аристократической культуры старого режима, сохраняющей свою сословную исключительность и изысканность, но подточенной изнутри влиянием буржуазной критической мысли. Отсюда увлечение «лёгкой поэзией» XVIII в. с её салонным эпикуреизмом, игривой эротикой и скептическим либертинажем, насаждаемое в русской дворянской литературе этого времени в особенности влиянием Батюшкова. С другой стороны, Пушкин унаследовал от XVIII в. «вольнодумство» буржуазного Просвещения, рационализм и материализм, который проповедовали накануне французской революции». *Жирмунский В.Б.* Пушкин и западные литературы // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Вып. 3. Л., 1937. С. 68.

² *Жирмунский В.Б.* Пушкин и западные литературы. С. 69.

(XII, 178). Собственно, в эту же тенденцию вписывается и известное «клишированное» восприятие Чацкого фамусовской Москвой, и знаменитое пушкинское: «Он фармазон; он пьёт одно / Стаканом красное вино...» (VI, 33).

С другой стороны, вспомним, что в многочисленных случаях доносов на университеты, особо участвовавших в 1820-е годы, подозрения в политической неблагонадёжности почти автоматически влекли за собой и обвинения в разврате. Таков был донос Магницкого, предшествовавший разгрому Казанского университета, согласно которому господство опасного духа свободомыслия и вольнодумства деморализовывало не только студентов, но и профессоров до такой степени, что сказывалось на их личной жизни¹. Таков был и донос на А.С. Пушкина Н.М. Попова (впоследствии чиновника III отделения), в котором молодой поэт изображался как усвоивший «мысли о конституционной свободе и равенстве», которые принесли с собой вернувшиеся из Европы войска, вследствие чего «жизнь его проходит в праздности, в попойках, за картами; разгульные мысли, шалости, вольнодумство; ради звучного стиха он не боится нарушить чувства стыдливости, затронуть предметы, чтимые в народе»². Известна и история доноса полковника И. Бибикова на Московский университет (1826 год), основной жертвой которого оказался А. Полежаев как автор поэмы «Сашка». Бибиков, называя университет рассадником вольнодумства, «самых пагубных для юношества мыслей», приводил в качестве примера отрывки из поэмы. Николай, готовившийся в это время к коронации, связал поэму не только с духом вольнодумства, но и разврата молодёжи, вызвавшим 14 декабря. «Я положу предел этому разврату. Это всё ещё следы, последние остатки; я их искореню» — был вердикт будущего императора³.

Вся эта довольно запутанная история бытования понятий либертинажа и вольнодумства, равно как и скрывавшихся за ними реалий, заставляет нас серьёзнее задуматься не только о том, существовал ли

---

¹ См.: Рейфман П.С. Из истории русской, советской и постсоветской цензуры. Глава 2. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/reifm/02.php. Парадокс этого доноса заключался в том, что сам Магницкий в молодости имел репутацию вольнодумца и сторонника якобинцев.

² Там же.

³ Там же.

либертинаж в России, во всяком случае в той форме, в какой он существовал во Франции¹, но и о том, как воспринимался в России собственно французский либертинаж и насколько произведения французских либертенов были известны российскому читателю (речь пойдёт о второй половине XVIII — первой трети XIX веков). О последнем мы можем судить по меньшей мере по двум признакам: по тому, как эти книги переводились на русский язык, и по тому, как они читались (будь то на русском языке или на языке оригинала), то есть насколько полно они были представлены в помещичьих библиотеках.

Итак, кого из французских либертенов XVIII века переводили на русский? Как выясняется, несмотря на пресловутую установку русского читателя и русского переводчика на целомудрие, о которой писал В.В. Сиповский², французских либертенов переводили в России на рубеже XVIII и XIX столетий достаточно обильно. Пожалуй, по количеству русских переводов на первом месте можно назвать маркиза Жана Батиста д'Аржанса (Аржана), которому ныне почти единодушно приписывают авторство знаменитой «Терезы-философа» (впрочем, как раз этот роман на русский язык переведён в ту пору не был³), а

---

¹ Последнее время, правда, появился ряд работ, в которых предпринята попытка истолковать отдельные тексты русской литературы, равно как и бытовое поведение некоторых её представителей, как либертинские. См.: *Проскурина В.Ю.* Крылов и Екатерина II. Стихотворение «Умиряющая кокетка» в контексте русского либертинажа // Новое литературное обозрение. 2000. № 45; *Немировский И.* Либералисты и либертены: случай Пушкина // Новое литературное обозрение. 2011. № 111. Упомянем здесь также доклады исследователей: *Vera Proskurina.* Laughter, Satire, and Libertinage in the 18th Century (Prince D. P. Gorchakov and his Noël); *Маркус Левит.* От лубка к роману: «Пригожая повариха» Чулкова.

² См.: «Принести пользу книгой — главное желание многих авторов и переводчиков; некоторые переводчики смотрят на свой труд не более не менее как на услугу отечеству... Отсюда восхваление хороших романов и порицание дурных, тех, которые отличались фривольностью. <...> ...сочинений второго рода было много на иностранных языках, но очень мало переводилось на русский — они рассчитаны были на низменные вкусы толпы». *Сиповский В.В.* Очерки из истории русского романа : В 2 т. Т. 1. СПб., 1909. С. 162.

³ Перевод на русский язык романа, будучи приписан маркизу де Саду, был опубликован в издании: *Маркиз де Сад.* Философия в будуаре. Тереза-философ. Минск, 1992. Под названием «Философия Терезы» частично опубликован в составе книги: *Постельные тайны, или Страсть в будуаре.* Пер. с англ. В.А. Вебера. М., 2005.

также определённое влияние на «Почту духов» Крылова¹. Среди его романов на русский язык были переведены:

- Счастливый Флорентинец, или Жизнь графа де ла Вале, соч. Г. д'Аржанса, пер. с фр. СПб.: тип. Сухопутного кадет. корпуса, 1763;

- О блаженной или благополучной жизни, с прибавлением рассуждений о приятной и рассудительной жизни... маркиза д'Аржанса. Пер. с нем. Николаем Вонляр-Ларским. М.: изд. Моск. университета, 1769;

- Приключения кавалера де***. Истинная повесть, переведённая из Сочинений господина маркиза д'Аржанса. СПб., 1772;

- Своевольство счастья и любви, или Похождение Россалины, состоящее в 3 частях. СПб., 1773 (2-е издание в 1787 году);

- Влюблённый философ, или приключение Графа Момжана. Из сочинений маркиза д'Аржанса. Пер. с франц. Н... Н... 2 ч. М., Унив. тип. Н. Новикова, 1781.

Дважды на русский язык была переведена книга д'Аржанса «*Le solitaire philosophe ou mémoires de mr le Marquis de Mirmon*» (1748), по содержанию сходная с «Терезой-философом»:

- Маркиз Мирмон, или Суд философа. СПб., 1783;

- Мирман, или Уединенный философ. Пер. с франц. 2. ч. СПб., 1789.

Характерно, что д'Аржансу были впоследствии приписаны и два других текста: роман «Настоятель Килеринский. Нравоучительная история, сочинённая из записок одной знатной ирландской фамилии и снабжённая всем тем, что может учинить чтение её полезным и приятным, творцом жизни благородного человека Маркизом д'Аржансом, пер. с фр. 6 ч. СПб., 1765—1781», авторство которого на самом деле принадлежало Прево, а также текст анонимного автора «*Dialogues des animaux ou le bonheur*», переведённый в Петербурге в 1768 году С. Башиловым под названием «Блаженство. Разговоры животных».

Другим представителем литературы французского либертинажа, лидировавшим по числу переводов в России, был Ретиф де ла Бретонн.

---

¹ См.: *Разумовская М.В.* «Почта духов» Крылова и романы маркиза д'Аржанса // *Русская литература.* 1978. № 1. С. 103—117; *Разумовская М.В.* От «Персидских писем» до «Энциклопедии». СПб., 1994. С. 111—136; *Алташина В.* Роман-мемуары во французской литературе XVIII века: генезис и поэтика. СПб., 2007 и др.

Пожалуй, можно утверждать, что к концу XVIII века были переведены все центральные его произведения:

- Ножка Фаншеттина, или Сирота французская. Полезная и нравоучительная повесть в 3 ч. Переведена с франц. А.С. Хвостовым. СПб., 1774. Продаётся у книгопродавца С. Шелля при сухопутном кадетском корпусе¹;

- Обрётённая дочь, или Отеческая склонность. Перевед. с франц. Иваном Мороковым. Ч. 1—2. М.: изданием Н. Новикова и Компании. Унив. тип. У Н. Новикова, 1782²;

- Невинность в опасности, или Чрезвычайные приключения из сочинений г. Ретиф де ла Бретона. Переведена с франц. Е(вграфом) К(омаровским). СПб., тип. Матвея Овчинникова, 1786;

- Жизнь отца моего. Сочинение Ретифа де ля Бретонна. Ч. 1—2. М.: тип. Селивановского, 1796.

Отметим попутно, что на смерть Ретифа, последовавшую в 1806 году, по меньшей мере два русских журнала откликнулись некрологами³, а в 1834 году была издана драматическая инсценировка его романа «Совращённый поселянин»: «Развращённый поселянин, или Польза от дружества с злодеем. Драма в трёх действиях, взятая с франц. романа «Развращённый поселянин», соч. Ретифа... Переделанная Н.Б. М.: Унив. тип., 1834⁴.

Из произведений ещё одного «либертинажного» автора Клода-Проспера Кребийона-сына были переведены:

- История о принце Соли, названном Пренанием, и о принцессе Фелее, сочинена сыном господина Кребийона. Пер. с франц. Ч. 1—2. М.: Московский университет, 1761 (2-е издание — М., 1788);

- Ангола, индийская повесть; соч. без правдоподобия, пер. с фр. М., 1785;

---

¹ Перевод романа «Le pied de Fanchette ou l'orpheline française. Histoire interressante et morale» (1769).

² В оригинале: «La fille naturelle» (1760).

³ См.: Вестник Европы. 1806. Ч. 26. № 7. С. 209—214; Лицей. 1806. Ч. 2. Кн. 1. С. 105—106.

⁴ Рецензию на данную инсценировку см.: Библиотека для чтения. 1834. Т. 5. С. 23. О дальнейшей судьбе сочинений Ретифа де ла Бретонна в России см.: Буачидзе Г.С. Произведения Ретифа де ла Бретонна в России. Тбилиси, 1972.

• Мнимые письма г-жи Помпадур (опубл.: Вестник Европы. 1819. Ч. 108. № 21. С. 3—11)¹.

Широко на русский язык переводились также книги Луве де Кувре, в особенности его роман «Приключения кавалера Фобласа»:

• Приключения Шевалье де Фобласа (соч. Лувета де Кувре), перев. с франц. Александра Лаванда. Ч. 1—13. СПб., тип. Крылова, 1792—1796. Существует предположение, что над этим, первым по счёту русским переводом романа работал и сам баснописец, решившийся опубликовать его в собственной типографии (ср. другое название перевода: «Жизнь и приключения кавалера Фобласа, соч. Лувета де Кувре»);

• Жизнь кавалера Фоблаза. Сочинение г. Лувета Кувре. Перевёл с франц. бакалавр В. Шишацкий. Ч. 1—4. М.: тип. Зеленникова, 1793—1795;

• Жизнь кавалера Фоблаза. Изд. 2. М.: В Губернской типографии у А. Решетникова, 1805. 14 частей.

Другой роман Луве де Кувре, «Эмилия Вармонт», был переведён на русский язык дважды:

• Эмилия Вармонт, или Развод необходимый, или Любовь священника Севина; соч. сочинителя Фобласа, г. Луве де Кувре; пер. с франц. И.Л. М., 1793;

• Эмилия Вармонт, или Развод по нужде. Изд. сочинителем Фобласа. Пер. Иван Степанов. Ч. 1—3. СПб.: Театр. тип., 1805.

Поразительно, но в России рано (в сравнении с другими странами) был переведён также и маркиз де Сад. Так, в 1806 году под общим названием «Садиевы повести» в 4 частях «с одобрения Цензурного комитета»² вышли следующие романы маркиза: «Жюльета и Роне, или Заговор в Амбоазе. Историч. повесть» (*Juliette et Raunai ou la conspiration d'Amboise, Nouvelle historique*); «Обольщение двух женщин» («La

¹ См. также более поздние публикации материалов, связанных с Кребийоном: Репертуар и Пантеон. 1844. Т. 7. Кн. 7. С. 178 (письмо Вольтера о Кребийоне); Художник. 1892. № 4. С. 277—283. Об авторе см.: Козлов С. Литературная судьба Кребийона-сына: К историко-функциональному анализу французского романа XVIII века // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1984. № 3. С. 23—32; Козлов С.Л. Автор, герой и читатель в прозе кребийоновского цикла // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1984. Т. 43. № 1. С. 33—39; Лукьянец И. Французский роман второй половины XVIII в. СПб., 1999.

² Садиевы повести. М.: В типогр. Христоф. Клаудия. М., 1806. (Библиотека подполковника Мартынова.) С одобрения Цензурного комитета, учреждённого для округа Императорского Московского университета.

double épreuve»); «Мисс Генриетта Стральсон, или Действие отчаяния» («Miss Henriette Stralson ou les Effets du desespoir»); «Факселанж или Безрассудное честолюбие» («Faxelange ou les torts de l'ambition»). А в 1810 году была переведена одна из пьес маркиза под названием «Феатр для любовников»¹.

Среди переводов других авторов-либертенов мы находим Бастида, в частности, его новеллу «Об откровенности сердца», которая вошла в издание: «Бастид. Сочинения и переводы» 1760 года.

Особый случай представляет граф Оноре-Рикетти де Мирабо, двуликий янус, в одном лице пламенный трибун французской революции и автор весьма гривуазных сочинений, которые даже и во Франции, во всяком случае поначалу, вызывали явное отторжение. Так, например, современники ещё длительное время сомневались, что роман «Моё обращение», посвящённый сатане, мог принадлежать перу того, чей «Гений призывал его быть учителем народов и королей»², а барон Гримм с возмущением писал: «...хотя оно (произведение. – Е.Д.) и приписывается сыну господина маркиза де Мирабо, автору «Писем о государственных письмах и тюрьмах», мы не можем решиться поверить, что оно действительно написано его рукой. Это кодекс отвратительного дебоша, лишённый остроумия, воображения, и невозможно поверить, чтобы умный человек мог опозлить своё перо подобными бесчинствами...»³. Ни один из либертинажных текстов Мирабо на русский язык переведён не был, и положение это почти не изменилось на сегодняшний день, если не считать романа «Поднятая завеса, или Воспитание Лоры» («Le rideau

---

¹ *Sad.* Феатр для любовников. М., 1810. Появление первой книги о маркизе де Саде в России относится, правда, уже к началу XX века (*Д.Альмерас Апри.* Маркиз де Сад. Жизнь и приключения известного маркиза. СПб., 1907. Товарищество «Народная польза»). О контекстуальных связях представителей русской литературы с маркизом де Садом см.: *Кобрин К.* Донасьен-А.-Ф. де Сад и Николай Гаврилович Чернышевский: Опыт параллельного жизнеописания // Октябрь. 1994. № 1. С. 188—190; *Кобрин К.* Профили и ситуации. СПб., 1997. С. 82—86); *Кузнецов С.* Фёдор Достоевский и маркиз де Сад: связи и переклички // Достоевский в конце XX века. М., 1996; *Бернард Я.* Обращение к маркизу де Саду // Бернард Я. Русский Париж. Ставрополь, 1993. С. 31.

² *Lettres originales de Mirabeau, écrites du donjon de Vincenne pendant les années 1777 à 1780.* Цит. по: *Romanciers libertins du XVIIIe siècle.* Edition établie sous la direction de Patrick Wald Lasowski. T. 2. Paris: Gallimard, 2005. P. 1532.

³ *Correspondance littéraire, philosophique et critique par Grimm, Diderot, Raynal, Meister etc.* T. XIV. Paris, 1882. P. 49.

levé ou l'Education de Laure»¹). А между тем, несмотря на то что период собственно художественного творчества (то есть написания квазиэротических книг) был в жизни Мирабо относительно недолгим и пришёлся в основном на годы его заточения в Венсенском замке (1777—1781), количество написанных им эротических сочинений было весьма велико. Это и сборник скандальных анекдотов под названием «Ограбленный шпион» («L'espion devalisé»), и «Легенда о Прометее», в которой Прометей играет роль Адама, а Пандора — Евы и которая заканчивается «грехопадением» на лоне всеприемлющей природы, и «Egotica Biblion», содержание которой было следующим образом резюмировано в газетной статье того времени: «Целью этой книги было показать, что, несмотря на разложение современных нравов, в античные и библейские времена нравы были ещё более развращёнными, чем ныне, а Священное писание и писания Отцов Церкви содержат не менее извращений и непотребств, чем современные романы»². И, наконец, уже упомянутый роман «Моё обращение», сюжет которого впоследствии Г. Аполлинер определил как «историю Дон Жуана, собирающего подать с Карты нежности и богохульствующего с натурализмом, не виданным доселе в литературе»³.

Всё это русскому читателю осталось, скорее всего, неизвестным. Что, однако, получило большое хождение, так это книги о Мирабо и его разнообразные биографии. Так, практически сразу после его смерти появляется перевод на русский язык двух ему посвящённых книг: «Торжествующий хамелеон, или Изображение анекдотов и свойств графа Мирабо» (1792) с воспроизведённой на фронтиспise гравюрой «Мира-

---

¹ Впрочем, о принадлежности данного романа перу Мирабо и по сей день идут споры. Жан-Пьер Дюбост утверждает, например, что «на настоящий момент имеются неопровержимые доказательства того, что «Поднятая завеса...» Мирабо не принадлежит («Romanciers libertins du XVIIIe siècle. Edition établie sous la direction de Patrick Wald Lasowski. T. 2. Paris, 2005 (Bibliothèque de la Pléiade). P. 1528). С другой стороны, Мишель Делон безоговорочно приписывает авторство романа Мирабо (см.: *Delon M. Le savoir-vivre libertin. Paris: Hachette, 2000*).

² Цит. по: *Apollinaire Guillaume. L'oeuvre libertine du compte de Mirabeau. Introduction // L'oeuvre du compte de Mirabeau. Paris, 1921. P. 16.*

³ *Apollinaire Guillaume. L'oeuvre libertine du compte de Mirabeau. Introduction P. 16.* «Моё обращение» открывалось посвящением сатане. Мирабо, выйдя из тюрьмы, напечатал роман анонимно в Лондоне в 1783 году, год спустя перепечатал под названием «Благородный либертен» («Un libertin de qualité») в Стамбуле. До конца века роман издавался ещё дважды: в 1790 и 1791 годах.

бо в своем кабинете, внимающий советам искреннего своего друга» и «Публичная и приватная жизнь Гонория Гавриила Рикетти, графа Мирабо, депутата мещанства и крестьянства ведомства сенешала, что в Э. Посвященная друзьям монархической конституции. Изданием Б.С. М., 1793. Печать библиотеки Московской духовной академии».

В первой из этих книг (анонимной) рисовался весьма негативный образ человека, «которого прежде признавали только за ядовитого коварного сатирического писателя и издателя Ведомостей о берлинском дворе» и который «занимает теперь первое место в Национальном собрании, которое намерено все законы переменить, некоторые уничтожить, другие же раздробить»¹. Человека, сердце которого — «обиталище ядовитейших змиев», подобного «доминиканским монахам, которые шатаются по Испании, имея всегда с собою в готовности проповеднический стул, и украшают свою галиматью именем Божиим», «ужасного изобретателя нового человеческого бешенства»², который «государство и граждан истребить и погубить старается»³.

Во второй книге и вовсе представал образ существа порочного, изверга рода человечества. Однако при внимательном чтении книги становилось очевидно, что, по мысли автора, порочным Мирабо делала не столько аморальность его поведения, сколько система его политических взглядов, толкуемая как крайне аморальная: «Рикетти, будучи презрен и оставлен дворянством как человек лукавый, вероломный, дерзкой... обратился к мещанам и крестьянам... коих надеялся развратить и взбунтовать, что и исполнил», «небо, удручённое злодеяниями этого чудовища, которое было одно в своём роде, освободило от него земной шар»⁴.

Обратим внимание, что некоторые из перечисленных здесь книг присутствовали и в библиотеке Пушкина, чаще, правда, на французском языке⁵. Однако в ряде случаев это были те самые книги, которые существовали уже и в переводе на русский. Так, два тома переведённого на русский язык «Торжествующего хамелеона» мы находим в библиотеке

---

¹ Торжествующий хамелеон, или Изображение анекдотов и свойств графа Мирабо. Пер. с нем. Ч. 1. М., 1792. С. 4.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 24.

⁴ Публичная и приватная жизнь Гонория Гавриила Рикетти, графа Мирабо, депутата мещанства и крестьянства ведомства сенешала, что в Э. Посвященная друзьям монархической конституции. Изданием Б.С. М., 1793. С. 59, 115.

⁵ См.: *Модзалевский Б.Л.* Библиотека А.С. Пушкина. (Библиографическое описание.) СПб., 1910. С. 227, 291, 329.

А.С. Пушкина, наряду с французскими мемуарами Мирабо, подаренными Пушкину неизвестным лицом и в которых разрезан 1-й том (*Mémoires biographiques, littéraires et politiques de Mirabeau écrits par lui-même, par son père, son oncle et son fils adoptif, et précédé d'une étude sur Mirabeau par Victor Hugo. Bruxelles, 1834*). Имелись у Пушкина и сочинения Мирабо издания середины двадцатых годов, предваряемые пространной биографической справкой о нём и критическим обзором его трудов (*Oeuvres de Mirabeau précédée d'une notice sur sa vie et son ouvrage par M. Merilhou. Paris, 1825—1827*)¹. О книге «Торжествующий хамелеон» будет впоследствии писать и И.С. Тургенев как о «любопытной» книге, которую его герой обнаружит у себя в библиотеке» (повесть «Фауст»)².

В 1832 году Пушкин читает «Воспоминания о Мирабо» его секретаря Пьера-Этьена-Луи Дюмона (вышла в январе 1832-го и также была в его библиотеке). Как записал тогда же в своём дневнике В.А. Муханов, «я спросил мнения его о Дюмоне, которого ещё не читал, но известного мне по критике «*Débats*» и по мнению некоторых моих знакомых: Уварова, Толстого, Панина, всех очень его хвалящих. Пушкин очень хвалит Дюмона, а Вяземский позорит, из чего вышел самый жаркий спор, в коем я, хотя не читал Дюмона, но совершенно мнения Пушкина по его доводам и справедливости заключений. Оба они выходили из себя, горячились и кричали. Вяземский говорил, что Дюмон старается похитить всю славу Мирабо. Пушкин утверждал, напротив, что он известен своим самоотвержением, коему дал пример переводом Бентама, что он выказывает Мирабо во внутренней его жизни, и потому весьма интересен...»³.

Помимо Мирабо в библиотеке Пушкина, описанной Модзалевским, из произведений либертинской литературы находилось изданное в 1777 году в Лондоне полное собрание сочинений Кребийона-сына (*Collection complète des oeuvres de M. De Crebillon, fils. Londres, 1777*), роман о

---

¹ Собственно, именно за эти книги просит Пушкина в письме от 24 марта 1836 года погасить счёт книготорговец Ф.И. Беллизар (XVI, 97).

² «Вчера я раскрыл все шкафы и долго рылся в заплесневевших книгах. Я нашёл много любопытных, прежде мною не замеченных вещей: «Кандида» в рукописном переводе 70-х годов; ведомости и журналы того же времени; «Торжествующего хамелеона» (то есть Мирабо); «*Le paysan perversi*...» (*Тургенев И.С. Фауст // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. : В 30 т. Соч. : В 12 т. Т. 5. М., 1980. С. 149.*

³ Пушкин в воспоминаниях современников : В 2 т. Т. 2. М., 1998. С. 220. См. также: Звенья. Т. IX. 1951. С. 405.

Фобласе Луве де Кувре («Vie du chevalier de Faublas. Paris, 1813), равно как и разрезанные листы его мемуаров («Memoire de Louvet de Couvray, depute a la Convention nationale, avec une notice sur sa vie, des notes et eclairecissements historiques. Paris, 1823).

История перевода всех этих книг, равно как и модальность этого «перевода», ещё ждёт своего детального исследования. И всё же отметим здесь определённую тенденцию: литература эта переводилась, будучи нередко адресована не вольнодумцам / вертопрахам / развратникам, но — в целом ряде случаев — людям чувствительным и добродетельным. Словами «посвящаю сию книгу всем чувствительным и добрым моим соотечественникам» открывает русское издание книги «Жизнь отца моего» Ретифа де ла Бретонна переводчик¹. А в предисловии к русскому переводу одного из наиболее эротически насыщенных текстов Ретифа де ла Бретона «Ножка Фаншетты» мы читаем: «Отважась перевести книжку, особенного рода слогом писанную, весьма не сходную с обыкновенным текущим стилем повестей, отдаю её на рассмотрение благосклонным читателям. Добрые примеры, а особливо множество хороших мыслей и отменным образом предлагаемые нравоучения, которые от самых ненавистников морали без скуки прочтутся, заставили меня избрать её. Награждённым себя за небольшой труд почту, ежели будет он не отвержен от людей, вкус и силу знающих, и когда удостоится милостивого внимания от прекрасного пола, который победами и добродетелью Фаншетины прославляется»².

Также и «Публичная и приватная жизнь Гонория Гавриила Рикетти» представляла как предупреждение, своего рода анти-житие, в котором присутствовал «добродетельный отец», ужасающийся порокам своего «гнусного сына»³, мать, которая под влиянием сына «начала писать и

---

¹ Жизнь отца моего. Сочинение Ретифа де ля Бретонна. Ч. 1. М. : тип. Селивановского, 1796. С. 3.

² Ножка Фаншеттина, или Сирота французская. Полезная и нравоучительная повесть в 3 ч. Переведена с франц. А.С. Хвостовым. СПб., 1774.

³ Ср.: «Отец его, имевший почти совершенное об людях понятие и объявивши себя очень хорошо их другом, ужаснулся, увидя в сыне своём множество пороков... Отеческие советы ни малейшего действия не имели над сим гнусным сыном» — и так далее (Публичная и приватная жизнь Гонория Гавриила Рикетти... С. 60). На самом же деле известно, что своими пороками и вероломством Мирабо-старший не только не уступал, но во многом превосходил сына. См.: *Loménie Louis de. Les Mirabeau. Nouvelles études sur la société française au XVIIIe siècle.* Paris, 1889.

жить столь непорядочно»¹, и сам сын, который «хотел сделаться начальником развратности и ужаснейших пороков»².

К тому же, как мы уже имели возможность заметить, книги эти издавались «с одобрения цензуры», в университетской типографии, типографии просветителей — Н.И. Новикова и И.А. Крылова. Дополнительный парадокс здесь заключается в том, что слово «добродетель» и все его производные, так часто употребляемые переводчиками, порой даже и не выдумывались ими — они действительно присутствовали в оригинале. Правда, понималось под этим несколько иное. Но здесь уже нам необходим ещё один краткий экскурс в историю и теорию французского либертинажа.

Начиная с эпохи Регентства отношения между полами во Франции становятся основным объектом помыслов «привилегированного класса»: лишённый реальной власти, класс этот находит новую область, в которой может реализовывать свою потребность социальной активности и завоеваний. И этим новым «континентом» оказываются «чувство и секс»³. В то время как философия критического рационализма и материализма утверждает примат природы и её законов в области мысли и теорий государственного правления, аналогичные принципы декларируются авторами-либертенами (соответственно, и получающими статус философов) в области человеческих отношений, и прежде всего — отношений между полами. Разными путями утверждается, таким образом, одна и та же модель — естественной морали, но основанной на жизненных инстинктах человека.

Так, например, Мопертюи, будучи математиком, пытается применить математические принципы к основополагающим понятиям либертинажа, каковыми являются «удовольствие» и «боль»: «Я называю удовольствием всякое ощущение, которое душа предпочитает испытать, нежели не испытать. Я называю болью всякое ощущение, которое душа предпочитает не испытывать, нежели испытывать»⁴. Тем самым он заново открывает, что душа и тело составляют некоторое неделимое единство. Аналогично и Ламетри — и даже в ещё большей степени — пропо-

---

¹ Публичная и приватная жизнь Гонория Гавриила Рикетти. С. 7.

² Там же. С. 34.

³ *Mauzi R. L'idée du bonheur au 17 siècle. Paris, 1960. P. 28.*

⁴ *Maupertius [P.-L.M. de]. Essai de philosophie morale // Maupertius. Oeuvres. T. 1. Lyon, 1756. P. 193.*

ведует подчинённость души физическим потребностям. В своей «Речи о счастье», которая содержит развёрнутую теорию удовольствия, проводя различия между разными типами удовольствия (грубого и тонкого, длительного и кратковременного), он доказывает принципиальную важность чувственного счастья для сохранения человеком нравственного равновесия¹. Характерно, что и барон Гольбах во «Всеобщей морали», отбросив соображения религиозного или метафизического свойства, основывался на человеческой природе и потому признавал в качестве главного двигателя общества «интерес», а в качестве финальной цели существования — счастье (что на общественном уровне может быть приравнено к «удовольствию»). Политика, право и прочие становятся производными данного понятия. И не случайно, что Гольбаха, который всячески пытался создать себе «имидж» добродетельного атеиста, общество упрямо ассоциировало с безбожником и либертенем, но зато маркиз де Сад впоследствии называл своим наставником и учителем.

Собственно, данные философские построения и составляют основу того, что ныне принято называть литературой либертинажа. Очень любопытен в этом смысле роман «Венера в монастыре, или Монашенка в рубахе», менее известный в России, но пользовавшийся достаточным успехом во Франции в XVIII веке, принадлежащий перу аббата Жана Баррена, викария города Нанта. Уже известный как автор «Жизнеописания святой Франциски Амбуазской», в 1746 году Беррен издаёт роман, в котором две монашенки, сестра Аньес и сестра Анжелина, просвещают друг друга и других сестёр монастыря в отношении сексуальных практик, причём делают это под руководством святых отцов и со ссылкой на их наставничество². Текст, который мог бы быть прочитан как откровенно эротический, апеллирует, однако, к понятиям, дискутируемым и в философской, и в теологической литературе. Различие между религией земной и религией небесной позволяет монашенкам «сознательно» и «безгреховно» освободиться от данного ими обета целомудрия³. Основной же вывод романа можно было бы назвать философским — во всяком случае в понимании XVIII века: то, что происходит в кельях, в монастырских садах и в других местах, которые только может вообразить

¹ *La Mettrie*. Discours sur le bonheur // *La Mettrie*. Oeuvres complètes. T. II. P. 314—315.

² [*Abbé Jean Barrin*]. *Venus dans le cloître ou la Religieuse en chemise*. Dusseldorp, 1746.

³ *Ibid.* P. 14—16.

себе автор, есть одновременно потребность сладострастия и хвала ему. И оно не постыдно, но, напротив, добродетельно — ибо в нём говорит голос самой Природы.

Остаётся, впрочем, неясным: насколько русские переводчики и издатели, обращавшиеся к текстам французского либертинажа, сознательно пытались транспонировать его нравственные и философские категории в русскую действительность; или же, напротив, они вполне «искренно» прочитывали подобные тексты в собственной, родной системе координат. И насколько герой французского либертинажного романа мог получить права гражданства в русской действительности?

Более детальное изучение русских помещичьих библиотек и — по возможности — сохранившихся маргиналий могло бы существенно способствовать разрешению данных вопросов.

II. Материалы Михайловских Пушкинских чтений «ПУШКИН И 1812 ГОД»

Глубокоуважаемые участники конференции!

Мне хотелось поприветствовать вас лично, но, увы, приходится... «виртуально». В 1960—1970-е годы литкружок филфака ПГПИ, которым я руководила, обычно закрывался в Тригорском. Мы тогда в это место просто «влюбились», и сегодня я радуюсь за всех вас и, уж простите, завидую... правда, «розовой завистью». Хочется вас поздравить с удачей, с участием в такой нетривиальной конференции: одновременно четыре юбилея, связанные с событиями и людьми, определившими в чём-то судьбу Пушкина!..

Лариса Вольперт

Наталья Вершинина

1812 ГОД И ФИЛОСОФИЯ ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «РОСЛАВЛЕВ»

В статье, посвящённой топосу «история» в составе «огромного мира»¹ «Евгения Онегина», В.С. Листов делает важное замечание, имеющее отношение к проблеме исторического времени. Исследователь приходит к выводу о «крайней бедности» сочинения Пушкина «историческими фактами»: «...основной корпус романа... всё-таки исторически нейтрален: голод, война или «подобная новизна» не вмешиваются в ход повествования». То, что «ход мировых событий как бы вынесен за скобки, а внутри этих скобок возникает неискажённая логика человеческого поведения», В.С. Листов объясняет спецификой «свободного романа»: «Всеобъемлющая формула «свободный роман», по-видимому, включает в себя и эту свободу — свободу от приземлённо буквальной событийности»².

¹ Михайлова Н.И. К читателю // Онегинская энциклопедия : В 2 т. Т. 1. А—К. М., 1999. С. 5.

² Листов В.С. История // Там же. С. 476.

Между тем то, о чём пишет В.С. Листов применительно к «Евгению Онегину», похожим образом обнаруживает себя и в отношении пушкинской художественной прозы. Жанрово-родовые различия в этом случае не выполняют строгой регламентирующей функции: «характер времени», если воспользоваться формулой Л.Н. Толстого¹, всюду вскрывает сходные бытийные основания.

Отметим, что присущий Пушкину акцент на «точности» объективного исторического знания отнюдь не исключает «толстовского» компонента, уже заложенного в пушкинской концепции исторического времени. Как и Толстому, Пушкину значительно ближе понятие «коллективной памяти», по М. Хальбваксу, не совпадающей с использующей по преимуществу «безличные воспоминания» «памятью исторической».

«...Историю, — пишет французский социолог, — интересуют главным образом различия, и она оставляет в стороне сходства, без которых, однако, не было бы памяти, поскольку люди помнят только факты, ставшие опытом для одного сознания, что позволяет памяти связать их друг с другом, словно вариации на одну или несколько тем. Только таким образом ей удаётся дать нам сжатое представление о прошлом, мгновенно объединяя народы и личности, медленные коллективные процессы и символически представляя их на примере нескольких внезапных изменений, несколькими примерами. Именно так она нам представляет единую и всестороннюю картину»².

«Характер времени», по Толстому, это именно не «различия», а «сходства», не то, что фиксирует «выступающие случаи», а то, что характеризует неизменный порядок вещей. Поэтому отвергаются как не помогающие постичь эпоху, выведенную в «Войне и мире», «ужасы крепостного права, закладывание жен в стены, сечение взрослых сыновей, Салтычиха и т. п.». Утверждается же совсем иной взгляд на историю: «Есть характер того времени (*как и характер каждой эпохи*), вытекающий из большей отчуждённости высшего круга от других сословий, из царствовавшей философии, из особенностей воспитания, из привычки употреблять французский язык и т. п. И этот характер я старался, сколько умел, выразить»³.

Если теперь обратиться к предшествующей Толстому эстетике и поэтике Пушкина, то можно заметить, что пушкинская художественная

---

¹ Толстой Л.Н. Несколько слов о романе «Война и мир» // Л.Н. Толстой о литературе. М., 1955. С. 116.

² Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>

³ Л.Н. Толстой о литературе. С. 116. Курсив мой. — Н.В.

память столь же «коллективна» и одновременно избирательна в «объяснении памяти индивида через память других людей»¹. Историческое правдоподобие зиждется у Пушкина не только на предельном сокращении дистанции между предметом и воспринимающим его сознанием, не только на тотальном отвержении риторики и всяческих форм условности — история должна предстать «современно», «домашним образом» (XII, 195), — но и на универсалиях, бытующих в «нравах народа». Сочувственно воспроизводя речь «г. Вильмена, неперменного секретаря Академии» («Французская академия», 1836; XII, 46—63), Пушкин называет «вечные» составляющие, проявление которых характеризует состояние общества и «народа»: «В нравах народа заключены предрассудки, его воспоминания, его сожаления...» (XII, 60). Собственно «современность» как маркировка очевидных, отличительных черт, воспринятых в качестве «характера времени», по сути, мало интересует Пушкина-художника². Согласно его концепции, «историческое» в искусстве должно быть, с одной стороны, «совершенно подобно тому, что мы видим» (XII, 195). С другой же — «народ» ищет в искусстве не одно лишь подобие видимого, но и связь проживаемого сейчас с ещё или уже не пережитыми эпохами: «...он иногда ходит в театр искать того, что не выражает настоящего его положения, но говорит ему о том, что он желает, или что им потеряно» (XII, 60).

Пушкин, как и Толстой, различает в «характере времени», во-первых, стереотипы — как дань текущему моменту, социальному заказу, моде и тому подобному; во-вторых — неизменные для всех времён сущности, коренные ситуации жизни, имеющие самое общее значение. 1812 год — тема, позволяющая показать особенности такой дифференциации в поэтике Пушкина. С этой целью обратимся к роману «Рославлев» (1831,

¹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 29.

² Заслуживает отдельного рассмотрения мысль Б.В. Томашевского, заметившего, в связи с сопоставлением Пушкина и Толстого в аспекте изображения ими истории и современности, что «Пушкин, который в личной жизни гораздо чаще был принуждён обращаться к французскому языку и в устной и в письменной форме, вовсе не стремится к воспроизведению иностранной речи действующими лицами» (Томашевский Б.В. Вопросы языка в творчестве Пушкина // Томашевский Б.В. Стих и язык. М.; Л., 1959. С. 437; см. также: Успенский Б.А. Семиотика искусства. М., 1995. С. 73). Повидимому, данная черта времени ещё слишком близка Пушкину и поэтому пока не подлежит тому, чтобы быть возведённой на степень художественного обобщения. Та же особенность эпохи в «Войне и мире» уже настолько отдалена от Толстого, что может быть осознана как действительно характерная и значимая — с художественной точки зрения.

отрывок опубликован в 1836 году), где апелляция к моде служит разграничению двух противостоящих ипостасей в границах данного понятия.

Эдуктивная проекция моды, воплощая современные Пушкину стереотипные и искусственные представления, находится в сложном взаимодействии с проявлениями органики жизни, с выражением не скованного какими-либо регламентациями непосредственного чувства. Эта проекция чаще выступает в качестве «как бы неподвижного фона»¹, воспроизводимого через восприятие главной героини и сочувствующей ей «подруги» — рассказчицы. Другой «фон» — великой исторической эпохи с её замечательными лицами — контрастен по отношению к тому «характеру времени», который выражается в светских предрассудках, отвергаемом или принимаемом «тоне», моде на «рукава» и «речи», ожидании *bon-mot* от «знаменитой гостьи» и так далее. Несовпадение с истинным «духом времени» подчёркнуто деперсонализацией в описании светской черни: установка на сатиру предполагает унификацию, посредством которой, по мнению одного из ранних исследователей «Рославлева», автор «уловил черту, присущую русскому дворянскому обществу во всех аналогичных ситуациях»². Мы наблюдаем, как рассказчица «свёртывает» повествование там, где оно касается ложных, не «общих», узкословных отправлений, которые не способны перейти в предание и остаются неизбежной данью существенности: «Воспоминания светской жизни обыкновенно слабы и ничтожны даже в эпоху историческую» (VIII, 150).

«Дух времени» призвана выразить Полина, бросающая вызов свету, где равно «гадки» и почитатели французов, и так называемые «заступники отечества». Начало военных действий задает направление новейшей моде: «...гостиные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русской; кто сжёг десяток французских брошюр, кто отказался от лафита и принялся за кислые щи» (VIII, 153). Полина открыто демонстрирует «презрение» к этой «проворной перемене»: «На бульваре, на Пресненских прудах, она нарочно говорила по-французски; за столом в присутствии слуг нарочно оспаривала патриотическое хвастовство, нарочно говорила о многочисленности Наполеоновых войск, о его военном гении» (VIII, 153).

Но автор избегает упрощения в вопросе, который до него легко разрешался сочинителями нравственно-сатирических произведений,

¹ Листов В.С. История. С. 476.

² Пушкин А.И. «Рославлев» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. С. 331.

изображавшими дворян согласно единой мерке «во всех аналогичных ситуациях», иначе говоря, со знаками «плюс» и «минус». У Пушкина Полина также причастна к рождению стереотипов наступившей эпохи: её «необыкновенные качества» в определённый момент обнаруживают чёткую ориентацию на героический эталон и соответствие нормам, которые этот эталон, по её мнению, предписывает: «А Шарлот Корде? а наша Марфа Посадница? а княгиня Д**<ашкова>? чем я ниже их?» (VIII, 154). Стремление «вписать» себя в историю, а не просто жить в назначенных ею пределах придаёт меланхолическому возгласу рассказчицы относительно участи Полины смысл, уже не связанный напрямую с судьбой героини М.Н. Загоскина¹. Авторское видение эпохи в романе Пушкина объёмно, оно одновременно фиксирует как импульсы текущего момента, так и процесс их «застывания» и превращения в хрестоматийный штамп. Афоризм «любимого писателя» рассказчицы: «*Il n'est de Bonheur gue dans les voies communes*»² — может восприниматься и как ирония по отношению к «изумляющим» даже ближайшее окружение Полины её патетическим речам. Героическая экзальтация, как выясняется, — это и порыв души, и ещё одна модификация аналогов, запечатлённых в истории, — свидетельство того, что в понимании Пушкина «характер времени» не заключается в одной лишь эмпирической конкретике, не ущемляется в чётких границах хронологии.

Стоит Полине приложить её «жар» и «честолюбие» к обычной, не абсолютизирующей ту или иную сторону действительности, текущей повседневности, и «настоящая жизнь людей» (Л.Н. Толстой) тут же «сигнализирует» о том, что её законы отличны от тех, которые порождены идеальной «возвышенностью ума» (VIII, 154). Полина, «с видом вдохновен<ым>» сообщающая подруге: «Твой брат... Он счастлив, он не в плену — радуйся: он убит за спасение России» (VIII, 157—158), после чего следует обморок несчастной сестры, — столь же неестественна в своей патетике, как и идеализирующий «минуту славы» Болконский, готовый «отдать» за неё «отца, сестру, жену» — «самых дорогих» себе людей³. Великая «мысль тогдашнего времени» (VIII, 155) — как и любой исторической эпохи — должна отступить пред его непреходящим естеством. Показывая как силу, так и слабость своих героев, Пушкин сближается с толстовским взглядом на человека, способного в луч-

---

¹ Загоскин М.Н. Рославлев, или Русские в 1812 году. М., 1831.

² Счастье можно найти лишь на проторённых дорогах (VIII, 1067).

³ Толстой Л.Н. Собр. соч. : В 22 т. Т. 4. М., 1979. С. 334.

шие минуты жизни подняться «над сегодняшним днём политических распрей», соединив в себе «высокий патриотизм и общечеловеческую мораль»¹.

Перефразируя толстовскую мысль, известную по записи в дневнике от 17 декабря 1853 года: «Каждый исторический факт необходимо объяснять *человечески*...»², можно сказать, что в прозе Пушкина та же мысль оборачивается другой своей стороной: каждый факт людского бытия подлежит проверке на историческую, формирующую подлинный образ времени, общечеловеческую значимость.

Возможно, основное значение романа Загоскина для Пушкина состояло в том, что он нашёл в нём «человеческий» поворот судьбы героини, который должен был контрастно проступать — как не осознанный пока Полиной — в качестве скрытого внутреннего плана романа «Рославлев».

«Характер времени» у Пушкина наделяется диалектикой, которая, будучи не всегда ясна героям, понятна автору, создающему условность аксиоматичных оценочных суждений.

Так, следуя поверхностным стереотипам времени, Алексей (жених Полины и брат рассказчицы) считает правильным разговаривать и переписываться с невестой в шутовском тоне. Это оскорбляет Полину, помыслы которой требуют выражения на языке высоких слов и поступков: «Для некоторых людей, сказала она, и честь и отечество, всё безделица. Братья их умирают на поле сражения, а они дурачатся в гостиных» (VIII, 154). Возражая Полине, Алексей (впоследствии сражавшийся под Бородином, а в светской жизни — «франт» и «повеса»³), по-видимому, озвучивает авторскую точку зрения: всё догматическое, сколь бы возвышенным оно ни было, ущербно, потому что «спрессовывает» время, вместо того чтобы относиться к нему непредвзято и свободно: «Вы требуете, чтобы все видели в вас M^{de} de Staël и говорили бы вам тирады из Корины. Знайте, что кто шутит с женщиной, тот может не шутить перед лицом отечества и его неприятелей» (VIII, 154). Историческим комментарием к этому заявлению служит замечание рассказчицы: «Она (Полина. — *Н.В.*) ошиблась. Пустота брат<нинных> писем происходила не от его собств.<енного> ничтожества, но от предрассудка, впрочем самого

---

¹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 58.

² Толстой Л.Н. Собр. соч. : В 22 т. Т. 21. М., 1984. С. 106.

³ См. о значении слова «повеса» в пушкинское время: Чудаков А.П. К проблеме тотального комментария «Евгения Онегина» // Пушкинский сборник. М., 2005. С. 214—216.

оскорбительного для нас: он полагал, что с женщинами должно употреблять язык, приноровленный к слабости их понятий, и что важные предметы до нас не касаются» (VIII, 156). С другой стороны, «шутливый слог» афишек графа Ростопчина правомерно представляется Полине «верхом неприличия» (VIII, 155).

«Ярлыки», прилагаемые к понятию «характер времени», в глазах Пушкина (как впоследствии и Толстого), не могут служить гарантом истины: часто они прикрепляются к совпадающим по видимости, но во внутреннем отношении разнящимся явлениям. Выпадая из одного ценностного ряда, явление переходит в другой, меняя значимость и смысл. Приоритетность того или иного исторического стереотипа не бесспорна, и объективным судьёй в результате выступает сама жизнь.

Отметим в заключение, что стереотипы не только мертвеют — они могут наполняться жизнью, и возможно допустить, что при благоприятных обстоятельствах (которых, правда, не случается в реальной жизни Полины) она, действительно, могла бы стать новой Марфой Посадницей. Мы знаем, что произойдёт с героиней романа Загоскина, упоминаемом в романе Пушкина: вместо патриотического поступка она полюбит пленного офицера-француза и вместе с ним покинет Россию. Но мы не знаем, как сложится судьба героини Пушкина, поскольку его роман не закончен. Однако в ассоциативный ряд можно включить завершённый автором текст «Евгения Онегина», где представлены два возможных пути жизни Ленского, при условии если бы она продолжалась:

Быть может, он для блага мира,
Иль хоть для славы был рождён...

<...>

А может быть и то: поэта
Обыкновенной ждал удел.

(VI, 133)

Но, чтобы реализовать себя в действительности, Ленскому нужно было бы пережить любой из избранных им вариантов уже лично, придать общей идее единственность и неповторимость только *его* судьбы.

Пушкин показывает и в «Евгении Онегине», и в «Рославлеве» обязательность наличия и освоения комплекса сущностных понятий, «общих мест» — это условие, необходимое автору и его героям для последующего возможного от них освобождения.

РУССКИЙ ПАРИЖСКИЙ МИФ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

Когда в августе 1824 года Пушкин приехал в ссылку в Михайловское (приехал, кстати сказать, из Одессы, европейски ориентированного тогда города, *porto franco*), у него почти сразу возникла мысль о Париже. Как писала Л.И. Вольперт, образ Парижа «с особой силой начинает гипнотизировать поэта с момента прибытия в Михайловское; безнадёжность не ограниченной никакими сроками ссылки «подстёгивала» воображение и «подсказывала» контрастный топос»¹. Возникает даже замысел побега из Михайловского в Париж через Дерпт.

Там же, в Михайловском, работая над «Арапом Петра Великого», Пушкин предпосылает первой главе романа эпиграф, удивительно «срифмовавший» ситуацию, выводя мечту поэта из его подсознания: «Я в Париже: / Я начал жить, а не дышать». Это начало небольшой шуточной поэмы И.И. Дмитриева «Путешествие N.N. в Париж и Лондон, писанное за три дни до путешествия», изданной в 1808 году². Дмитриев создаёт свою поэму по впечатлениям от поездки в Париж дяди А.С. Пушкина Василия Львовича, описавшего своё путешествие в письме, опубликованном в «Вестнике Европы». Обратим внимание на заглавие поэмы «Путешествие... писанное *за три дни до* путешествия». То есть это воображаемое путешествие, описанное по свидетельствам другого. Кроме того, роман посвящён прадеду Пушкина Абраму Петровичу Ганнибалу, молодые годы которого, прошедшие в Париже, Пушкин и описывает.

Мечта вырваться из «глуши лесов сосновых» в Париж подкрепляется в поэте великим русским парижским мифом, который уже широко распространён и которому следует Пушкин и в своих стремлениях, и в своей творческой практике. В первой главе романа об арапе Пушкин обыгрывает парижский миф, приводя в тексте небольшой стихотворный отрывок по-французски, передающий атмосферу Парижа, в которую попадает молодой Ганнибал: «Счастливое время, отмеченное вольностью нравов,

¹ *Вольперт Л.И.* Пушкинская Франция. СПб., 2007. С. 6—7.

² См.: Жилище славных муз : Париж в литературных произведениях XIV—XX веков : сб. М., 1989. С. 209.

/ Когда безумие, звеня своей погремушкой, / Лёгкими стопами обегает
всю Францию, / Когда ни одному из смертных не угодно быть богомоль-
ным, / Когда все готовы на всё, кроме покаяния» (с франц.; VIII, 1066).

Пушкин выбирает эти строки из XIII песни «Орлеанской девственницы» Вольтера не случайно. В них — концентрированное выражение парижского мифа, который к этому времени сложился в русской культуре: Париж — это город свободы нравов, вольнолюбия, блеска, лёгкости бытия, раскованности и независимости. Так представлен для русского культурного человека хронотоп Парижа (обратим внимание, что хронос у Пушкина — «Счастливое время, отмеченное вольностью...» — выражает топос Парижа).

Парижский миф в русской культуре — это особое состояние сознания, исторически обусловленное. Это такой тип мифологического сознания, в котором дихотомия «пространство — время» циклична: это миф о вечном возвращении. Парижский миф строится на противоположности культурных и интеллектуальных ориентиров лишённого свободы, склонного к рефлексии и нерешительности русского сознания и просвещённой Франции, гордившейся ясностью и конкретностью мышления, осознававшей свою передовую роль в современном политическом и культурном мире. Искусствовед М.Ю. Герман писал: «Вероятно, русская культура испытывала нечто вроде ревности к свободе, которой, в отличие от неё, обладала культура французская. Свобода в эксперименте, независимость не только от художественных канонов и от цензуры, но и от либерального ригоризма, свобода в самовыражении. Наконец (далеко не сразу обретённая и осознанная), свобода от нравственных и социальных обязательств перед обществом»¹. На этой разнице мироощущений и возникает в период формирования русской светской культуры миф о Париже, прекрасной столице прекрасной страны, куда будут стремиться физически (те, которым посчастливится) и мысленно (те, кому не дано, — случай Пушкина) все русские культурные люди. Поэтому мотив путешествия, бегства, освобождения, то есть «вечного возвращения» в мечту, сопровождает русский парижский миф.

Пушкин уже во власти этого мифа. «Кипящий Париж» для него не только контраст с михайловской глушью, это «волшебный край», город душевного спасения. В письме к П.А. Вяземскому от 27 мая 1826 года он пишет с горькой иронией: «В 4-ой песне Онегина я изобразил свою

---

¹ Герман М.Ю. В поисках Парижа, или Вечное возвращение. СПб., 2005. С. 9.

жизнь; когда-нибудь прочтёшь его и спросишь с милою улыбкой: где ж мой поэт? в нём дарование приметно — услышишь, милая, в ответ: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится — ай-да умница» (XIII, 280). Поэтому можно сказать о том, что Пушкин, многое переняв от традиций предшествующей и современной ему русской культуры, унаследовал и парижский миф в том его виде, как он сформировался в это время.

Возникает парижский миф во второй половине 20-х годов XVIII века. В сознании русских людей эпохи петровских преобразований образ Европы уже складывался в своеобразный миф, который и определял отношение к Европе как к просвещённому и совершенному миру, в который необходимо стремиться и на который нужно равняться. Но если в первые годы реформ, имевших политическую и военную доминанту, символом Европы была Голландия, то Франция стала им тогда, когда культура заявила о своей необходимости преобразованной, «вставшей на дыбы» России. Одним из первых творцов парижского мифа русской культуры стал Василий Кириллович Тредиаковский. Судьба его символична именно для русской парижской мифологии. Учившийся в католической школе в родной Астрахани и православной Греко-латинославянской академии, он в 1726 году отправился в Голландию, а оттуда — пешком! — в Париж, где стал учиться в Сорбонне и вошёл в академические круги и литературные салоны французской столицы. Желание своё образование «окончить в Европейских краях, а особливо в Париже» он объясняет тем, что «как всему свету известно, что в оном наиславнейшие находятся науки»¹. Находясь в Париже в атмосфере полностью секуляризованной культуры, он поставил перед всей российской культурой первостепеннейшую задачу воспроизведения в России западно-европейской культурной ситуации. «Он хотел перенести в Россию всю культурную ситуацию *в целом*»², — писал Ю.М. Лотман. Таким образом, русский парижский миф Тредиаковского формируется в рамках культурной утопии, что в дальнейшем и определит доминанту его развития.

В 1728 году Тредиаковский пишет первое русское стихотворение о Париже, положив начало парижскому тексту в русской литературе: «Стихи похвальные Парижу». Он создаёт не образ реального города, а идеальный мир.

---

¹ Цит. по: *Лотман Ю.М.* Русская литература на французском языке // Русская литература на французском языке XVIII—XIX веков. Wien, 1994. С. 29.

² Там же.

Красное место! Драгой берег Сенски!
Тебя не лучше поля Элисейски!
Всех радостей дом и сладка покоя,
Где ни зимня нет, ни летнего зноя¹.

Обратим внимание на строчку «Тебя не лучше поля Элисейски!». В ней речь идёт об античном мифологическом образе загробного царства, где тени умерших ведут райскую жизнь. Как известно, так же названа улица в Париже, но Тредиаковский имеет в виду именно античный образ, а не её, так как во времена пребывания Тредиаковского в Париже Элисейские поля были захолустным простонародным пригородом — блестящей улицей они стали только в первой половине XIX века. Итак, мифологема Парижа строится на античной реминисценции райского мира: «Чрез тебя лимфы текут все прохладны, / Нимфы, гуляя, поют песни складны. / Либо играет Аполлон с музы...», и наконец: «Богам, богиням ты место природно...». В заключение Тредиаковский формулирует то отношение к Парижу, которое в русской культуре и будет в дальнейшем определяющим:

Драгой берег Сенски!
Кто тя не любит? Разве был дух зверски!
А я не могу никогда забыти,
Пока имею здесь на земле быти.

Кстати, в том же 1728 году вслед за «Стихами похвальными Парижу» Тредиаковский пишет и «Стихи похвальные России», положив начало и другой традиции — глядеть на Россию «из прекрасного далёка»: «Зачну на флейте стихи печальны, / Зря на Россию чрез страны дальны...»². Обратим внимание на эпитет «печальны»: структура парижского мифа определяется оппозицией «здесь — там», в случае Тредиаковского перевернутой, а во взгляде из России прямой (вспомним пушкинское «удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится»). Показательно, что, вернувшись в Россию, Тредиаковский не нашёл понимания своим идеям воплотить в жизнь парижскую культурную утопию. Ю.М. Лотман объясняет это так: «В противоположность Франции, где культурная ситуация генерировала тексты, в России текст должен был генерировать

¹ Цит. по: Жилище славных муз: Париж... С. 92.

² Цит. по: Русская литература XVIII века. Лирика. М., 1990. С. 49.

культурную ситуацию»¹. Поэтому и возникает Париж как миф — ведь реальные путешествия были редкостью, и поэтому Париж входил в русскую культуру в виде текстов.

Этому способствовали два обстоятельства. Во-первых, французский язык к середине XVIII века в сознании русского образованного человека стал языком европейской культуры. И дело здесь не в том, что французский язык выполнял функцию социальной знаковости — принадлежности к привилегированному дворянскому сословию или даже к высшему обществу. Французский язык становится в XVIII веке языком европейской цивилизации, получает «широкое распространение в русском европеизированном дворянском обществе, выполняя функцию языка интеллектуального общения»². Это ко всему прочему связано и с возможностью чтения французской литературы, всё больше и больше становившейся доступной для русского образованного читателя.

Вторым обстоятельством было то, что в самой французской литературе на протяжении всего XVIII века формируется свой парижский миф. «Париж всё больше воспринимается не только как столица государства, но и как город в противовес деревне и провинции, как огромное, хаотическое скопление разнонаправленных волей, стремлений, надежд, иллюзий, приходящих в столкновение друг с другом»³. Такое понимание Парижа будет развиваться и в реалистической французской литературе XIX столетия — в романах О. Бальзака, Э. Золя, Г. Флобера. Но в XVIII веке структура парижского мифа во французской литературе формировалась сходным образом, как и в русской, на основе оппозиции «здесь — там». Французская провинция воспринималась как нечто противоположное Парижу, а для русского человека Россия была аналогична французской провинции. Это чётко отметил Д.И. Фонвизин в «Записках первого путешествия (письма из Франции)»: «Жители парижские почитают свой город столицей света, а свет — своею провинцией. Бургонию, например, считают близкою провинцией, а Россию дальнею. Француз, приехавший сюда из Бордо, и россиянин из Петербурга называются равномерно чужестранными»⁴.

Ощущение Фонвизина возникает при непосредственном посещении Парижа. Но и у читателей французских романов, таких как «Новая Эло-

---

¹ Лотман Ю.М. Русская литература на французском языке. С. 29.

² Там же. С. 13.

³ Балахонов В.Е. «Разрежьте сердце мне — найдёте в нём Париж» // Париж изменчивый и вечный. Л., 1990. С. 11.

⁴ Цит. по: Жилище славных муз: Париж... С. 109.

иза» Ж.-Ж. Руссо или «Совращённый поселянин» Ретифа де ля Бретона, закономерно формируется оборотная сторона парижского мифа — своеобразный комплекс перед Парижем, трансформирующийся в критику и неприятие всего французского. Во второй половине XVIII века, особенно после того как французская культура проникла в среду мелкопоместного дворянства, возникает реакция на засилье всего французского. Драматурги высмеивали поверхностность французских манер и то, как их перенимало мелкопоместное дворянство. Комедии «Несчастье от кареты» Я.Б. Княжнина, «Русский парижанин» Д.И. Хвостова и особенно «Бригадир» Д.И. Фонвизина отражают эту тенденцию. Парижский миф здесь подвергается высмеиванию, и именно та его сторона, которая поэтизировалась. Но в данном случае мы видим, как парижский миф расслаивается в характерной для классицизма парадигме «высокое — низкое». Воспринимаемый низкими жанрами (комедия, сатира), он сатирически переосмысливается. Причём если помнить, что низкие жанры отражают сферу бытовую, то можно чётко определить, что русский парижский и, шире, французский культурный миф на уровне обыденной жизни отрицается и, сохраняя структурную оппозицию «здесь — там», подвергается деструкции, резко противопоставляется сфере высокого — мечте, идеалу.

В сфере же высокого парижский миф только развивается, особенно к концу XVIII века, когда укрепляются возможности непосредственных посещений Парижа и вследствие этого интенсивно развивается жанр русского литературного путешествия-паломничества в Париж. Самым ярким проявлением этого жанра являются, конечно же, «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина. Оказавшись в Париже в революционную эпоху, он не только выразил свои впечатления о ней, реально почувствовав «Клии страшный глас» (по выражению Пушкина: см. II, 47), но и окончательно оформил русский парижский культурный миф, придав ему те законченные черты, которые определяют его до сих пор. Так, интересно внутреннее движение мысли и чувства писателя в рассказе о Париже. Это не описание Парижа и парижских нравов — это сотворение мифа. Причём Карамзин сразу определяет своё мифологическое чувство к городу. «Вот он, — думал я, — вот город, которого имя произносится с благоговением учёными и неучёными, философами и шёголями, художниками и невеждами, в Европе и в Азии, в Америке и в Африке, — которого имя стало мне известно почти вместе с моим именем; о котором так много читал я в романах, так много слышал от

путешественников, так много мечтал и думал!.. Вот он!.. Я его вижу и буду в нём...»¹. Автор уже подготовлен мифом и вступает в реальный город, как в мифологическое пространство, расширяя это пространство и уточняя его, но одновременно его творя: «Что было мне известно по описаниям, вижу теперь собственными глазами — веселюсь и радуюсь живою картиною величайшего, славнейшего города в свете, чудного, единственного по разнообразию своих явлений»². В этом органичном творческом состоянии и проявляется убедительность результата. Парижский миф обретает черты «вечного возвращения». Именно в карамзинском изложении будет воспринимать парижский миф пушкинская эпоха. Карамзин же воспринимает город не только восторженно. Он отмечает и негативные явления городской жизни. Но в его мифологическом сознании даже они вносят свой вклад в общий образ Парижа — города исключительности. Так, отмечая контрасты: «...что ни шаг, то новая атмосфера, то новые предметы роскоши или самой отвратительной нечистоты...» — Карамзин делает вывод: «...вы должны будете назвать Париж самым великолепным и самым гадким, самым благовонным и самым вонючим городом»³.

Таким образом автор отражает Париж, но и Париж отражается в авторе. Это возникает и потому, что город представляется Карамзину как большой непрерывающийся спектакль, где автор одновременно и участник, и зритель. Он посещает театры, хотя, по замечанию Ю.М. Лотмана в романе-реконструкции «Сотворение Карамзина», театралом не был, — атмосфера города вынуждает его к этому. Вот он идёт в простонародный Париж и смотрит, как веселится чернь, восклицая: «Не можете себе представить, какой шумный и разнообразный спектакль!» Кстати, тут же характерное замечание: «Итак, не один русский народ обожает Бахуса! Розница та, что пьяный француз шумит, а не дерётся!»⁴. Таким образом, ядром парижского мифа является образ праздника. Праздник в гуляющей толпе, праздник на заседаниях якобинцев, в литературных салонах, в театрах et cetera. И даже отрицательные стороны парижской жизни, как, например, посещение «главной парижской гошпитали», где автор с ужасом восклицает: «Счастлив, кто выедет из Парижа здоровым!» — праздника не портят. (Характерное заключение

---

¹ Цит. по: Жилище славных муз: Париж... С. 146.

² Там же.

³ Там же. С. 149.

⁴ Там же. С. 172.

после описания госпиталя: «Я спешу в театр, чтобы рассеять свою меланхолию и начало лихорадки»¹.) Итак, Карамзин утверждает в русском мифологическом сознании отношение к Парижу как к празднику жизни, как к городу исключительных проявлений во всём. То есть основу того мифа, который русская культура в целом сохранит и в XIX веке, но только, разумеется, в сфере возвышенного отношения к жизни.

Во время войны 1812 года русский парижский миф, казалось бы, должен был вступить в противоречие с исторической реальностью — войной с Францией. Но парадоксальным образом русский миф о Париже выдержал испытание войной, тем более что согласно его внутренней логике проявилась и логика историческая: возвращение в Париж в марте 1814 года состоялось. Как ни странно, в среде образованных дворян, воспитанных на французской культуре и в совершенстве владеющих французским языком, то есть носителей русского парижского мифа, он не вступил в противоречие с патриотическими чувствами. Юрий Лотман объясняет это сложившимся в это время русско-французским культурным двуязычием². Более того, это культурное двуязычие поддерживало в русских образованных дворянах ощущение причастности к европейской культуре, воспринятой через французский язык. Поэтому война 1812 года воспринималась как борьба за свободу, борьба против тирании, олицетворением которой был Наполеон.

Характерно поведение героини неоконченного романа А.С. Пушкина «Рославлев» Полины, которая, с презрением относясь к показному патриотизму московских дворян («к несчастью, заступники отечества были немного простоваты», — замечает автор), «на бульваре, на Пресненских прудах... нарочно говорила по-французски; за столом в присутствии слуг нарочно оспаривала патриотическое хвастовство...», но при этом искренне признавалась в любви к отечеству: «Дай Бог, говорила она, чтобы все русские так любили своё отечество, как я его люблю» (VIII, 152, 153). Неслучайно она восхищается мадам де Сталь, своеобразной гражданкой мира и личным врагом Наполеона.

Патриотизм русского образованного дворянства был связан с ощущением борьбы не с Францией, а за европейскую культуру против рабства, которое нёс Наполеон. В пятом номере «Сына Отечества» за 1812 год лицейский профессор Александр Петрович Куницын, человек, воспитанный на французских энциклопедистах и бывавший в Па-

¹ Там же. С. 173.

² Лотман Ю.М. Русская литература на французском языке. С. 34.

риже, опубликовал своё «Послание к русским», направленное именно против Наполеона. «Мы видим плачевное состояние покорённых им народов; заградив источники промышленности, он отнимает у них последнее достояние, расточает их сокровище в странах чуждых, отводит их юношей на заклятие в отдалённые края Европы, для заклятия под именем союзников. Насильства, грабежи и убийства называет он средствами правления. Страшно подвергнуться его власти»¹. Подобная позиция, безусловно, плод влияния русского парижского мифа. Не Франция, не французы и тем более не французская столица являются врагами отечества, а деспотия Наполеона. И поэтому война является войной с тираном (вспомним пушкинское: «Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!») за свободу, что только способствует усилению патриотических чувств.

Интересно, что подобное отношение вступает в противоречие с другой мифологией, бытовавшей в простонародной среде, согласно которой французы — это не люди, а какие-то «чудовища с широкой пастью, огромными клыками, кровью напившимися глазами, с медным лбом и железным телом...»² (в начале войны) или же, наоборот, они — трусливые, никчёмные людишки, скопище неумех и доходяг (на заключительном её этапе). Поэтому город Париж и в той и в другой среде не мифологизируется как символ ненависти (вспомним лозунг Первой и Второй мировых войн «На Берлин!»). Лишь в напечатанной в «Сыне Отечества» «Солдатской песне» И. Кованько озвучивается мотив мщения за захваченную Москву: «И теперь получают честно / За Москву платёж враги. / Побывать в столице — слава, / Но умеем мы отмщать: / Знает крепко то Варшава, / И Париж то будет знать!»³. При этом декларируется скорее идея не ненависти, а справедливости.

Русский парижский миф актуализируется после вступления в город русской армии, причём отношение к Парижу чётко проявилось в границах этого мифа. Так, Н.А. Бестужев в книге «Русский в Париже 1814 года», рассказывая о вступлении в Париж русско-прусской армии, подробно описывает это событие с военной точки зрения, следуя исключительно фактологической стороне. Но когда напряжение достигло предела, так как войска шли по оставленным жителями пустым враждебным

---

¹ Сын Отечества. 1812, ч. I. № 5. С. 168.

² «Клятву верности сдержали»: 1812 год в русской литературе. М., 1987. С. 412.

³ Там же. С. 369.

предместьям, при вступлении в город вдруг всё переменялось. «Надобно себе представить изумление солдат, когда они увидели бесчисленные толпы народа... Из каждого окна спущены были цветные ткани; тысячи женщин махали платками; восклицания заглушали военную музыку и самые барабаны. Здесь только начался настоящий Париж — и угрюмые лица солдат выяснились неожиданным удовольствием»¹. Это и есть проявление русского мифа, казалось бы, в совсем неподходящих условиях: не в путешествии, а на войне — обратим внимание на слово «настоящий» применительно к Парижу.

В письме Д.В. Дашкову из Парижа от 25 апреля 1814 года К.Н. Батюшков передаёт чувства русского офицера-дворянина, оказавшегося в городе европейской культуры: «Скажу просто: я в Париже. Первые дни нашего здесь пребывания были дни энтузиазма. Теперь мы покойнее. Бродить по бульварам, посещать театр, удивляться искусству, стоять в изумлении перед Аполлоном Бельведерским, перед картинами Рафаэля, гулять в великольном Тюельри, в Ботаническом саду или в окрестностях Парижа, среди необозримой толпы парижских граждан... — теперь мы всё это делаем и делать можем... Заметьте, что мы имеем важное преимущество над прежними путешественниками: мы путешественники вооружённые»². Подобные чувства связаны не только с приобщением к городу-празднику. Здесь ещё и ощущение освобождения от тирании. Париж проявился в своей основной мифологической грани: это город свободы. Лицеист Пушкин в стихотворении «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году» так выразил общее впечатление от окончания войны с Наполеоном как освобождение Европы:

Народы, падшие под бременем оков,
Тяжёлой цепью с восторгом потрясали
И с робкой радостью друг друга вопрошали:
«Ужель свободны мы?.. Ужели грозный пал...»
(I, 146).

Отсюда и отношение к Парижу как к городу освобождённому, а не покорённому проявилось в «милости к падшим».

В стихотворении «На взятие Парижа» 1814 года А.А. Дельвиг пишет об Александре I:

¹ Жилище славных муз: Париж... С. 221—222.

² Батюшков К.Н. Избранные сочинения. М., 1986. С. 371.

И победитель Парижа,
Нежный отец россиянам,
Пепел Москвы забывая,
С кротостью галлам прощает
И как детей их приемлет¹.

Ему вторит Пушкин в «Воспоминании в Царском селе»:

Москва в унынии, как степь в полнощной мгле,
А он — несёт врагу не гибель, но спасенье
И благотворный мир земле.

(I, 182)

Обратим внимание на противопоставление разрушенной Москвы спасённому Парижу как оппозицию «реальность — идеал», выраженную в христианской идее жертвенности и прощения.

Таким образом, в высокой сфере миф о Париже оставался структурно неизменным: оппозиция «здесь — там» с разными акцентами выражалась постоянно, а проявился он в своём «классическом» виде именно в начале XIX века, выразив «тоску по лучшей жизни» того самого поколения дворян, которое сформировалось преимущественно на французской культуре.

---

¹ Дельви́г А.А. Стихотворения. М., 1981. С. 39.

*Любовь Заварзина,
Елена Заварзина*

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА В ЖИЗНИ ПУШКИНА-ЛИЦЕИСТА

Первый выпуск Царскосельского лицея справедливо называют пушкинским, но «дело, — писал Н.Н. Скатов, — не только в Пушкине, но и в самом Лицее»¹. Ведь никто из исследователей не занимается изучением особенностей педагогического процесса в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров только потому, что там учился М.Ю. Лермонтов. Пушкинский Лицей, по словам Н.Н. Скатова, — это «зародыш, модель и прогноз удивительного человеческого сообщества»². Формирование этого сообщества, пронизанного особым лицейским духом, началось уже 19 октября 1811 года — в день открытия уникального учебного заведения.

Среди приветственных выступлений выделялась речь А.П. Куницына «Наставление воспитанникам». Её революционность и пафос состояли в том, что молодой адъютант, пожалуй, впервые в российском образовании интуитивно понял: главную роль в новом учебном заведении будут играть его воспитанники, именно они являются субъектами образовательного процесса. Он говорил о науке общежития, которая, по его словам, является первым предметом воспитания. Под воспитанием же следует понимать «не искусство блистать наружными качествами», а «истинное образование ума и сердца». Речь А.П. Куницына, пронизанная идеями демократизма, гуманизма и патриотизма, была произнесена настолько искренно и убедительно, что 10—12-летние мальчики, среди которых были такие талантливые отроки, как Вольховский, Гончаров, Пушкин, Пущин, Кюхельбекер, действительно верили, что спустя шесть лет они «будут иметь непосредственное влияние на благо целого общества».

Конечно, в формировании лицейского духа существенную роль играли внутренние силы учебного заведения. Это прежде всего блестящий педагогический состав Лицея — И.К. Кайданов, Я.И. Карцов, Н.Ф. Кошанский, уже названный А.П. Куницын, А.И. Галич, директор

---

¹ Скатов Н.Н. Пушкин. Русский гений. М., 1999. С. 47.

² Там же. С. 48.

В.Ф. Малиновский, сменивший его Е.А. Энгельгард. Они тонко и деликатно общались с лицеистами, видели и уважали в каждом воспитаннике личность, воспитывали в них самостоятельность и ответственность за свои суждения и поступки.

События внешней жизни также влияли на формирование лицейского духа. За шесть лет пребывания в Лицее самым мощным из них стала Отечественная война 1812 года. «Он взял Париж, — впоследствии писал поэт, имея в виду Александра I, — он основал Лицей» (II, 428). Связь здесь теснейшая: хронологически началу войны предшествует основание Лицея, но цель, ради которой создавалось учебное заведение, — беззаветно служить Отечеству, быть ему полезным — не была бы реализована с тем эффектом, если бы годы военного лихолетья не пришлись на годы личностного становления воспитанников.

Отечественная война способствовала укреплению лицейского духа, духа товарищества, лицейского братства, сыграла значительную роль в формировании мировоззрения лицеистов, развитию их патриотических чувств, гражданского становления. «Эти события, — писал в своих воспоминаниях И.И. Пущин, — сильно отразились на нашем детстве»¹. Импульс, полученный лицеистами в годы Отечественной войны, — а это была целая эпоха в Российской истории — был действенным до последних дней их жизни. А.С. Пушкин обращался к теме Отечественной войны на протяжении всего своего творчества.

В ночь на 12 июня 1812 года французская армия вторглась в пределы России и начала быстрое продвижение в глубь страны. Известия о военных действиях быстро распространялись по всей стране. Лицей не был изолирован от потрясений и бедствий народных. Лицейская жизнь тесно слилась «с политической эпохой народной жизни русской», подчёркивал И.И. Пущин². Единение с народом, Родиной началось с того, что лицеисты, как писал впоследствии И.И. Пущин, «...проводжали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого Лицея; мы всегда были тут, при их появлении выходили даже во время классов, напутствовали воинов сердечною молитвой, обнимались с родными и знакомыми; усатые гренадеры из рядов благословляли нас крестом. Не одна слеза тут пролита...»³.

---

¹ Пущин И.И. Записки о Пушкине. М., 1989. С. 42.

² Там же.

³ Там же.

Картина уходивших на войну освободителей родной земли была настолько эмоционально насыщенной, так сильно врезалась в память подростков, что А.С. Пушкин не раз обращался к ней в своих стихах. В 1815 году он писал:

Сыны Бородина, о Кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
(I, 146)

Много позже А.С. Пушкин вновь вернулся к незабываемым суровым дням 1812 года, всколыхнувшем воспитанников Лицея и наполнившим их жизнь живым, глубоко современным содержанием, чувством сопричастности к великому народному подвигу. Грозный двенадцатый год не потускнел для поэта и спустя почти четверть века, не забылось, что многие лицеисты рвались на фронт. Желание Ивана Малиновского и Вильгельма Кюхельбекера уйти в армию было настолько горячим, что директору едва удалось остановить их. В неоконченном стихотворении к годовщине Лицея, 19 октября 1836 года, А.С. Пушкин так описал это состояние лицеистов:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирает
Шёл мимо нас...
(III, 432)

А.С. Пушкин в данном случае прибег не к риторической фигуре: лицеисты действительно завидовали тем, кто шёл умирать. В этом точное описание их психологических переживаний. Героическая смерть, переходящая в историческое бессмертие, не казалась страшной — она была прекрасной. Тем сильнее переживалась обида за свой возраст.

Лицеисты старались быть в курсе военных действий: кто-нибудь из родственников каждое воскресенье привозил сообщения о боевых подвигах военнослужащих и воинских частей. Н.Ф. Кошанский читал военные новости громко в зале. «Газетная комната, — вспоминал И.И. Пушин, — никогда не была пуста в часы, свободные от классов;

читались наперерыв русские и иностранные журналы, при неумолкаемых толках и прениях; всему живо сочувствовалось у нас: опасения сменялись восторгами при малейшем проблеске к лучшему. Профессора приходили к нам и научали нас следить за ходом дел и событий, объясняя иное, нам недоступное»¹.

В войне участвовали родные и знакомые лицеистов. М.Б. Барклай де Толли был дальним родственником семьи Кюхельбекеров. При создании Лицея он сам предложил матери Вильгельма похлопотать о зачислении недоросля в столь престижное учебное заведение. Вильгельм остро переживал смену Главнокомандующего, он терпеливо переносил нападки на генерала, невольно вырывавшиеся из уст товарищей, и стойко защищал его. В августе мать Кюхельбекера Юстина Яковлевна прислала сыну письмо: «Благодарю тебя за твои политические известия, ты легко представишь, что здесь говорят много вздора, из которого кое-что и верно, хотя многое преувеличено. Я напишу тебе о генерале Барклае только то, что совершенно достоверно и что скоро подтвердится. <...> Император предоставил ему выбор: возвратиться в Петербург и снова исполнять обязанности военного министра или оставаться при армии. Барклай, совершенно естественно, выбрал последнее и командует первой частью главной армии... Если бы была хоть мысль об измене или о чём-нибудь, что ему можно было вменить в вину — разве император поступил бы так? Однако Барклай теперь даёт доказательство того, что любит своё отечество, так как по собственной воле служит в качестве подчинённого, тогда как он сам был главнокомандующим. Впрочем, пишу это для тебя, — учись не быть никогда поспешным в суждениях и не сразу соглашаться с теми, которые порицают людей»².

Конечно, В. Кюхельбекер познакомил с письмом товарищей, и содержание его надолго врезалось в их молодую память. Впоследствии в стихотворении «Полководец», посвящённом памяти М.Б. Барклая де Толли, А.С. Пушкин не подвергал переоценке заслуги генерала: он знал их и высоко ценил. Поэту важно было рассказать о них публично, восстановить истину вокруг настоящего героя Отечественной войны в глазах народа. Это стихотворение написано весной 1835 года под впечатлением портрета генерала, созданного для Военной галереи Зимнего дворца. В галерее помещены портреты военачальников русской армии

---

¹ *Пушкин И.И.* Записки о Пушкине. С. 43.

² Цит. по: Жизнь Пушкина : Переписка; Воспоминания; Дневники : В 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 134—135.

— участников кампаний 1812—1814 годов. После подробного описания увиденного на холсте А. С. Пушкин заключал:

О вождь несчастливый!.. Суров был жребий твой:
Всё в жертву ты принёс земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой...

(Ш, 379)

Поясняя свою точку зрения на положение М.Б. Барклая де Толли в 1812 году, А.С. Пушкин писал в «Объяснении»: «Неужели должны мы быть неблагодарны к заслугам Барклая де Толли, потому что Кутузов велик? Ужели после двадцатипятилетнего безмолвия поэзии не позволено произнести его имени с участием и умилением? Вы упрекаете стихотворца в несправедливости его жалоб; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оценены, награждены? Так, но кем и когда?.. Конечно, не народом и не в 1812 году. Минута, когда Барклай принуждён был уступить начальство над войсками, была радостна для России, но тем не менее тяжела для его стоического сердца. Его отступление, которое ныне является ясным и необходимым действием, казалось вовсе не таковым: не только роптал народ ожесточенный и негодующий, но даже опытные воины горько упрекали его и почти в глаза называли изменником» (XII, 133—134).

Ни в 1812 году, ни после окончания народной войны имя М.Б. Барклая де Толли в печати не упоминалось. Единственная статья в «Московском телеграфе», опубликованная в 1833 году, выражавшая сходный с поэтом взгляд на деятельность незаслуженно забытого военачальника, навлекла на журнал неприятности со стороны цензуры и даже угрозу закрытия, о чём Пушкин, конечно, знал. «Нужно было обладать большой самостоятельностью и смелостью во взгляде на историческую личность, — писал советский исследователь В.М. Глинка, — чтобы выступить с этим стихотворением»¹. Конечно, немаловажную роль в формировании оценки русского полководца, сложившейся у Пушкина, сыграло письмо Ю.Я. Кюхельбекер.

С нескрываемым волнением и жадным интересом наблюдали подрастков за героическим поступком В.А. Жуковского. Он, воодушевлённый общим патриотическим чувством, вступил офицером в народное ополчение и присутствовал в составе резерва на Бородинском поле во

¹ Глинка В.М. Пушкин и Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1988. С. 77.

время сражения. Далее он прошёл вместе с русской армией путь от Москвы к Тарутину (а затем к Красному), разделив с нею все опасности и тяготы военного похода. В Тарутинском лагере Жуковский создал своё знаменитое стихотворение «Певец во стане русских воинов». Ещё до того как было напечатано («Вестник Европы», 1812, №№ 23 и 24), оно в сотнях списков разошлось по армии, заучивалось наизусть, вызывало восторг. Лицейсты искренне восхищались гимном Жуковского, рождённым в военном лагере под аккомпанемент ружейных выстрелов и пушечных залпов. Хорошо знали лицейсты и басни И.А. Крылова («Раздел», «Ворона и Курица», «Волк на псарне», «Обоз», «Кот и Повар», «Щука и Кот»), явившиеся прямыми откликами на военные события. Баснописец, пожалуй, первый в русской литературе отразил народный характер войны 1812 года.

Прекрасным источником информации о событиях новейшей истории стал для лицейстов новый историко-политический и литературный журнал «Сын Отечества». Тема Отечественной войны в журнале Н.И. Греча, учреждённом в лихую годину, стала основной. Публицистика, хроника с театра военных действий, современные политические документы и аналитические статьи об историческом прошлом России, политические басни и политическая карикатура — вот что определяло содержание этого еженедельника. В «Сыне Отечества» неоднократно печатались лицейские преподаватели.

Успехи русских литераторов и журналистов раззадоривали лицейстов. Они также хотели показать своё отношение к войне, высказать своё мнение об этой национальной трагедии, воспеть славу доблестного русского оружия. Как раз в апреле 1812 года был отменён запрет на сочинительство для лицейстов. К этой кратковременной мере руководство Лицея обратилось потому, что подростки «слишком неумеренно», «во вред урокам» занимались литературным творчеством.

Авторами и издателями журнала «Для удовольствия и пользы» были В. Вольховский, С. Есаков, А. Илличевский, В. Кюхельбекер, Д. Маслов, М. Яковлев. Из 12 номеров сохранилось лишь прибавление к 4-му номеру. В этой небольшой тетрадке желтоватой бумаги помещены «Слова истинно русского» (1813). Это произведение М. Яковлева, конечно же, — отклик на военные события. Темы других статей, также пронизанных патриотическим духом, связаны с ходом народной войны. Вот пример лицейского творчества: «Молвить правду-матку, а французы — сушая саранча. На Итальянские поля возлетела, да всё поела;

Немецкие достались не за денежку; Швейцарские мало пощипала; Голландские сожрала; с Прусских скоро улетела; от Польских не скоро отстала; а Русские так полюбила, что зимовать осталась. Что с фиглярами прикажешь делать?»¹.

«Не могу не вспомнить горячих слёз, — писал впоследствии М.А. Корф, — которые мы проливали над Бородинскую битвою, выдававшейся тогда за победу, но в которой мы инстинктивно видели другое, и над падением Москвы»². Чувство глубокого горя и скорби охватило всех лицеистов, когда они узнали о пожаре Москвы. Но особенно потрясло это событие тех, кто до поступления в Лицей жил в Москве: В. Вольховский, Ф. Матюшкин, М. Яковлев учились в университетском благородном пансионе; А. Дельвиг учился в Московском частном пансионе. В Москве родился и провёл детство А. Пушкин, и это обстоятельство наложило неизгладимый отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. Для него «края Москвы» были и оставались «краями родными», там он проводил время, «не зная горести и бед». Москва – «мать градов России»³ — всегда была любима Пушкиным и дорога ему.

Осенью же 1812 года до лицеистов доходили рассказы очевидцев о московском пожаре, о пребывании в ней иноземцев. Москве суждено было быть «искупительною жертвой за Отечество». Наполеон, привыкнув к торжественным встречам в других столицах Европы, в Москве не дождался подобного приёма. Москва сделалась жертвой пламени и врагов. «Ужасный вихрь, спутник пожаров, бушевал в ней, разнося всюду горящие головни и осыпая искрами; пламя лилось рекою по улицам, пожирая вековые труды; стены каменных домов и мостовые так раскалились, что от жара камни трескались. Языки пламени, свившись клубами, летали над городом, как метеоры, падали на уцелевшие здания и зажигали. Жители задыхались от дыма, бросались из дома в дом, из

---

¹ Грот К.Я. Пушкинский Лицей (1811—1817). Бумаги I-го курса, собранныя академиком Я.К. Гротом. С приложением портретов, факсимиле и рисунков, а также некоторых бумаг III и VI курсов. СПб., 1911. С. 251.

² Императорский Лицей в памяти его питомцев : В 2 кн. Кн. 1. СПб., 2011. С. 224.

³ Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горести и бед...

<...>

Утешься, мать градов России...

(I, 73)

улицы в улицу, из огня в полямя и многие живые сгорали. Такой пожар продолжался семь дней и семь ночей непрерывно. Москва превратилась в обширное пожарище, долго курившееся», — писал впоследствии очевидец¹.

Но «какое взамен слёз пошло» у лицеистов «общее ликование, когда французы двинулись из Москвы!» — вспоминал впоследствии М.А. Корф².

В 1814 году, спустя месяц после смерти первого директора В.Ф. Машиновского, в Лицей поступил выпускник Петербургского Педагогического института, слушавший также лекции в Германии, философ А.И. Галич (1783—1848). Он всей душой принял уже сложившиеся традиции и сумел проникнуть в суть педагогических приёмов первого директора. Нравоучениям и запретам он предпочитал спокойную дружескую беседу с лицеистами. Юноши в доверительном общении делились своими проблемами с любимым профессором.

А.И. Галич предложил А.С. Пушкину для переходных экзаменов с младшего курса (первого трёхлетия) на старший написать стихотворение, в котором отразились бы события войны 1812 года. Центральная тема «Воспоминаний в Царском Селе» — патриотическая, тема Родины и Отечественной войны. Славные победы русского оружия, одержанные в XVIII веке, памятники которым юный поэт видел в царскосельских садах, сменились в стихотворении картинами борьбы с Наполеоном. Пушкин не мог обойти молчанием и московскую трагедию:

Где ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Где прежде взору град являлся величавый,
Развалины теперь одни;
Москва, сколь русскому твой зрак унылый страшен!
Исчезли здания вельможей и царей,
Всё пламень истребил. Венцы затмились башен,
Чертоги пали богачей.

(I, 73)

Это стихотворение проникнуто сильным личным чувством автора, в нём — гордость за свой великодушный народ, которому чужд «факел

---

¹ *Ростопчин Ф.В.* Правда о пожаре Москвы. М., 1823. С. 51.

² Императорский Лицей в памяти его питомцев. С. 224.

мщенья»: русская армия «Несёт врагу не гибель, но спасенье / И благовторный мир земле». Глубинные, верные мысли автора, высказанные им в своей лирической исповеди, обусловили А.С. Пушкину публичный триумф. «В этих великолепных стихах, — писал И.И. Пущин, — загрохнуто всё живое для русского сердца»¹. К этому времени в журналах уже было напечатано несколько стихотворений юного поэта, но только под «Воспоминаниями в Царском Селе» он поставил свою полную подпись — Александр Пушкин («Российский музеум», 1815, № 4).

С изгнанием Наполеона с территории России война не окончилась. Александр I хорошо осознавал, что грозный завоеватель может быстро восстановить своё военное могущество, поэтому подписание мирного договора с ним гарантирует лишь кратковременное перемирие. Необходимо было разгромить его окончательно. Крупнейшие сражения войны 1813 года, среди которых Лейпцигская «битва народов», упрочили славу русского оружия. В марте 1814 года русские войска вступили в Париж. Победоносное шествие русской армии, освобождение европейских государств вызвали в обществе новую волну патриотических настроений. Гордостью за свой народ, за военачальников, а особенно за императора Александра (любовь к Родине отождествлялась с любовью к его государю) переполнялись сердца лицеистов. Они восхищались триумфальным шествием русских войск, и этот приступ восторга спешили запечатлеть на бумаге.

А. Дельвиг в оде «На взятие Парижа» прославлял «миролюбивого» Александра I, который побеждает «народы / Нежной любовью, не силой!». Лицеист А. Пушкин по просьбе начальства написал стихотворение «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году». Его другое название — «Александр» — ещё более подчёркивает восхищение автора царём-победителем. Хотя юный бард назвал Александра — «Царь-спаситель», «России божество», он не побоялся высказать ему сокровенное желание народа: «Вселенну осени желанной тишиной!..» (I, 147). Обращение «Ты наш, о русский царь!» подчёркивает близость правителя к народу. Пушкин был искренен в своих чувствах. Память об этом времени сохранилась у него на всю жизнь. «Время незабвенное! — писал он позднее в «Метели» — Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове *отечество!* <...> С каким единодушием мы соединяли чувство народной гордости и любви к государю!» (VIII, 83).

¹ Пущин И.И. Записки о Пушкине. С. 50.

Рукописные журналы лицеистов также не обходились без темы Отечественной войны, заграничного похода русской армии и образа Наполеона. Сочинения воспитанников пронизаны патриотической риторикой типа: «дорогое царство Русское, народ которого по вере непоколебим и дух которого велик»; «Не рыдай, матушка Москва, — наша взяла»; «Появились Минины и Пожарские»; «Нет, Бонапарт! — Не смей к нам ни ногой; а то по-прежнему примут хорошо в гости, да проводят по-старому: малый Ярославец с Красным»; «Русские отдули потомков-то Галлов» и так далее¹.

«Издателями» «Лицейского мудреца» были Константин Данзас и Николай Корсаков. Предположительно, вся проза принадлежала перу К. Данзаса. Стихотворная часть в журнале в основном принадлежала Николаю Корсакову и Алексею Илличевскому. В духе ломоносовских и державинских од написал Илличевский свою оду «На взятие Парижа».

В 1815 году лицеисты оказались в числе первых читателей «Писем русского офицера» Ф. Глинки: в Лицей книгу прислал сам автор, состоявший в родстве с В. Кюхельбекером. Эти «Письма» — одно из первых ярких произведений, написанных о войне 1812 года непосредственно её участником. В них отпечаток «того, *что* и *как* виделось, мыслилось и чувствовалось в тот приснопамятный XII-й год, когда вся Россия, вздрогнув, встала на ноги и с умиленным самоотвержением готова была на всякое пожертвование»².

Летом 1814 года полки победоносной русской армии возвращались на родину. В Царское Село из Парижа вернулся лейб-гвардии гусарский полк. Молодые офицеры, бывшие лишь на два-три года старше лицеистов, но возмужавшие «на бранном воздухе», имевшие богатый боевой и житейский опыт, с удовольствием бывали в Лицее и заводили знакомства с его воспитанниками. Юноши, затаив дыхание, внимали рассказам о войне, жизни в европейских странах, великолепном Париже. Невольно напрашивались сравнения. В ноябре 1814 года Лицей посетил Н.М. Муравьев, будущий глава Северного тайного общества, бывали здесь Ф.Н. Глинка, М.Г. Хомутов, В.Д. Олсуфьев, Н.Н. Раевский-младший, П.Я. Чаадаев, А.С. Шишков и другие. С П.Я. Чаадаевым, человеком глубокого аналитического ума, европейски образованным, Пушкин познакомился летом 1816 года в доме Н.М. Карамзина. Поэт очень ценил дружбу с автором будущих «Философических писем». В 1821 году он

---

¹ Грот К.Я. Пушкинский Лицей. С. 262.

² Глинка В.М. Пушкин и Военная галерея Зимнего дворца. С. 4.

напишет: «...никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мне заменила счастье» (XI, 303). Чаадаев также любил Пушкина всем сердцем и был глубоко убеждён, что поэт принесёт «бесконечное благо этой бедной России, заблудившейся на земле»¹.

Лицейсты также часто бывали в полковых казармах. Время они проводили в совместных спорах, в чтении и в обсуждении книг и рукописей, говорили о свободе, праве, законности как основных атрибутах демократического государства. Гвардейские полки, к которым принадлежал и Царскосельский гусарский полк, в начале XIX века являлись средоточием образованности, культуры и свободомыслия. Именно это «блестящее сословие гвардейских офицеров давало тогда свой тон и окраску всему молодому поколению»². Боевые офицеры после войны смотрели на себя не как на исполнителей чужой воли, а как на людей, способных изменить судьбу Отечества. Участие в Отечественной войне активизировало их гражданское самосознание, способствовало формированию чувства собственного достоинства, обострило потребность активной общественной деятельности на благо родной страны. Беседуя с лицейстами, многие офицеры искренне верили, что, став освободителями Европы, они смогут изменить и будущее России. Великие события Отечественной войны обострили желание деятельности не только у молодёжи, участвовавшей в сражениях, но и у поколения, воспитанного на примерах их подвигов. Необыкновенный «эффект войны 1812 года» проявился в неугасимом желании лицейстов быть полезным своей Родине. Декабристы называли себя «детьми 1812 года». Пожалуй, А.С. Пушкин и его товарищи имели право так себя называть.

---

¹ Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. Письма : В 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 66.

² Анненков П.В. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874. С. 60.

*Александр Сахаров,
Надежда Сухова*

«ВОЕННАЯ ГАЛЕРЕЯ» А.С. ПУШКИНА

Беспримерное мужество, героизм и стойкость, проявленные русским народом в борьбе с полчищами Наполеона, были воспеты в произведениях живописцев, скульпторов и архитекторов. Не обошли вниманием войну 1812 года и литераторы, многие из которых были непосредственными свидетелями или участниками событий, отношение к которым стало для русского общества своеобразным мерилom зрелости, патриотизма, гражданской ответственности. К теме Отечественной войны вновь и вновь возвращаются в своём творчестве В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, Д.В. Давыдов, М.Ю. Лермонтов, Л.Н Толстой и, конечно, А.С. Пушкин.

По своему возрасту поэт не участвовал непосредственно в военных действиях, но был свидетелем событий, активное участие в которых принимали его знакомые и друзья. В своём творчестве он постоянно анализирует произошедшее и активно включается в полемику по их оценке уже не только как литератор, но и как заинтересованный учёный-историк, уделяющий внимание не только самому историческому факту, но и событиям вокруг него.

Дневниковые записи и письма Пушкина 1834—1836 годов свидетельствуют о том, что поэт часто бывал в Зимнем дворце. Посещал он и Военную галерею, ставшую своеобразным памятником героям войны 1812 года. Её вдохновенным и точным описанием начинается созданное в 1835 году стихотворение «Полководец», в котором горькое размышление о трагической судьбе конкретного человека перерастает в философское рассуждение о роли личности в истории и об оценке этой роли окружающими. Взгляды Пушкина тем более интересны, потому что, когда он пишет:

Нередко медленно меж ими я брожу
И на знакомые их образы гляжу,
И, мнится, слышу их воинственные клики.
Из них уж многих нет; другие, коих лики
Ещё так молоды на ярком полотне,

Уже состарелись и никнут в тишине
Главою лавровой...

(III, 378)

— он вспоминает не просто представителей военной элиты прошедшей эпохи, но людей, ему знакомых, со многими из которых его связывали сложные, часто дружеские отношения.

Поэтому нам показалось интересным собрать на основе рисунков, дневниковых записей, писем и литературных произведений своеобразную военную галерею, созданную А.С. Пушкиным, проследив, как образы из Военной галереи Дж. Доу преломлялись в творчестве поэта. Мы надеемся, что учёт этих источников позволит дополнить, а в ряде случаев уточнить сведения об отношениях Пушкина с выдающимися военачальниками 1812 года, приведённые нашими предшественниками¹.

Как показывают исследования различных авторов, А.С. Пушкин лично знал не менее двадцати человек, изображённых в галерее. Изображения тринадцати из них, сделанные рукой поэта, сохранились в его рукописях.

Степень близости с этими людьми и, следовательно, частота контактов и их характер были разными, что не могло не отразиться на особенностях рисунков и их количестве. Так, изображение М.С. Воронцова встречается 20 раз, Д.В. Давыдова — 14, Н.Н. Раевский-старший изображён четыре раза, С.Г. Волконский — пять раз, А.П. Ермолов — трижды. При этом надо иметь в виду, что в различных источниках приводятся различные атрибуции одного и того же рисунка. Со многими персонажами галереи у Пушкина были случайные встречи, о чём упоминается в дневниках, письмах, воспоминаниях современников. Таких персонажей в галерее не менее шести. Изображений этих людей, сделанных рукой Пушкина, по-видимому, нет, но есть упоминания о них в пушкинских бумагах. К особой группе можно отнести полководцев и государственных деятелей, которых Пушкин не знал лично, но чьи имена часто упоминает в своих записях или произведениях, а в ряде случаев даже оставляет в рукописях их изображения, как это было в случаях с П.П. Коновницыным, Я.П. Кульневым и А.А. Аракчеевым².

---

¹ Прежде всего, имеется в виду книга выдающегося знатока военной истории России В.М. Глинки «Пушкин и Военная галерея Зимнего дворца» (Л., 1988).

² Данные о портретных зарисовках поэта приводятся по книге: *Жуйкова Р.Г.* Портретные рисунки Пушкина. Каталог атрибуций. СПб., 1996.

Как велика власть стереотипов! Они захватывают нас в плен, мешают пристальнее взглянуть на то или иное событие, явление, не дают понять другого человека. В ряду таких стереотипов — усвоенное нами со школьных уроков представление о значении в русской истории тех или иных исторических деятелей. Возьмём, к примеру, Алексея Андреевича Аракчеева. Что мы помним и знаем о нём? Достаточно задаться таким вопросом, как память сама собой услужливо подсказывает ассоциации: муштра, военные поселения, усмирение бунтовщиков, временщик...

Немалую роль в закреплении этих чёрных образов сыграли пушкинские эпиграммы, создав ещё один миф: Пушкин — идейный вождь декабристов, обличитель «душителей свободы», враг царей и царизма! Однако совместный анализ рисунка в рукописи поэта, его дневников и писем показывает, что, вполне возможно, отношение Пушкина к Аракчееву менялось по мере взросления поэта, формирования его мировоззрения.

Алексей Андреевич Аракчеев родился 23 сентября 1769 года в семье небогатого тверского помещика. Выпускник шляхетского корпуса, артиллерист по образованию, он сделал блестящую карьеру при гатчинском дворе, а затем при императорских дворах Павла I и Александра I благодаря своим познаниям, организаторским способностям, а также педантичной исполнительности и личной преданности. Эти качества, сами по себе положительные, тем не менее не принесли ему достойного положения, так как грубость, деспотизм, жёсткость, доходящая до максимальной жестокости, окончательно погубили его репутацию в обществе, и так с трудом принимавшем его из-за низкого происхождения и малой (как многие писали), односторонней образованности.

Однако его особое положение при дворе как ближайшего сотрудника Павла I, любимца и «сердечного друга» Александра I (особенно в последние годы царствования), наиболее близкого к царю лица, облечённого особым доверием, вынуждало окружающих вести себя с известной осторожностью, часто заигрывая с всесильным «временщиком» и ища его покровительства и протекции. Всё недовольство чаще всего выплёскивалось на страницах дневников, тайных записок, в анонимных эпиграммах и анекдотах.

Был ли знаком Александр Сергеевич с Аракчеевым? Документальных свидетельств о личном знакомстве поэта и графа А.А. Аракчеева нам найти не удалось. Однако ещё лицеистом Пушкин мог видеть его в Царском Селе. Поэт отдал дань общественному мнению об Аракче-

еве в своих свободолюбивых юношеских стихах. Его перу принадлежит эпиграмма «Всей России притеснитель...» (1817—1820), в которой обыгрывается девиз графа: «Без лести предан», часто переиначиваемый светскими островами: «Бес лести предан». Вторая эпиграмма А.С. Пушкина, датируемая 1819—1820 годами, связывается с подавлением мятежа в военных поселениях в Чугуеве, главную роль в котором сыграл А.А. Аракчеев. По мнению В.Е. Якушкина, эти эпиграммы сыграли решающую роль в деле о высылке поэта из Петербурга в 1820 году. О решающей роли Аракчеева в высылке Пушкина говорил и Я.И. Сабуров. Но исчерпывается ли этими эпиграммами мнение поэта об А.А. Аракчееве?

Исследователи (например, В.М. Глинка) отмечают, что Дж. Доу на портрете Аракчеева, выполненном для Военной галереи Зимнего дворца, несколько смягчил неприятный внешний облик портретируемого: низкий лоб, тяжёлый взгляд небольших мутно-зелёных глаз, грубое холодное выражение сурового лица. Таким предстаёт перед нами в последние годы царствования Александра I граф Аракчеев, «без лести преданный, истинно русский неучёный новгородский дворянин», как он, достигший вершины своего могущества и ставший в полном смысле правителем империи, сам себя называл. Но по мере того как росла сила и значение «временщика», не умевшего и не желавшего ладить с людьми, росла также и его непопулярность во всех кругах русского общества, в том числе и среди военных.

Имя смещённого «временщика» часто упоминается в дневниках Пушкина весной 1834 года (записи от 8 марта, 11 марта, в 20-х числах апреля, 10 мая). Это связано с распространившимися в столице слухами об ухудшении его здоровья. Видимо, примерно в это же время в бумагах Пушкина появляется и единственное графическое изображение Аракчеева. Рисунок атрибутирован в публикации А. Фрумкиной «Рукою поэта»¹.

Изображение выполнено на отдельном листе без текста и расположено в верхнем левом его углу, занимая примерно четверть листа. Портретируемый изображён в профиль. На нём партикулярное платье с высоким воротником и надвинутый на лоб картуз, прикрывающий длинные волосы, спускающиеся на воротник сюртука. При всей сложности сравнения парадного портрета, выполненного профессиональным художником, и беглого наброска, сделанного, видимо, по памяти

¹ Фрумкина А. Рукою поэта // Литературная газета. 1985. 13 февр.

любителем, особенно с учётом разных ракурсов изображений и большого временного разрыва между ними (10 лет), следует отметить их явное сходство. Более того, А.С. Пушкин, обладавший хорошей зрительной памятью и отличавшийся вниманием к деталям, сумел передать возрастные изменения (ввалившийся щелеобразный рот, поредевшие отросшие волосы, сутулые плечи и так далее), произошедшие в некогда бодром, подтянутом, «застёгнутом на все пуговицы» человеке. Чтобы выполнить подобное изображение, рисовальщик, несомненно, должен был иметь зрительный контакт с портретируемым. Сделанная зарисовка представляет интерес ещё и потому, что даёт представление о некогда всемогущем государственном муже в период полной утраты власти и внимания к нему общества.

В дневнике 1834 года Пушкин записал: «Среда на святой неделе. <...> Также умер Аракчеев, и смерть этого самодержца не произвела никакого впечатления» (XII, 327). По случаю смерти Аракчеева Пушкин писал жене 22 апреля 1834 года: «Аракчеев также умер. Об этом во всей России жалею я один — не удалось мне с ним свидеться и наговориться» (XV, 130). Это письмо во многом раскрывает причины интереса Пушкина к Аракчеву как интереса историка к живому свидетелю волнующих его событий.

А может, и не только как историка. Известный пушкинист и знаток русского зарубежья М.Д. Филин убедительно показал, что «слова «свидеться» и «наговориться» принадлежат к той категории слов, которые были для Пушкина словами не нейтральными, но оценочными, которые придавали его текстам особое настроение. Посему логично предположить, что эти глаголы, будучи сведены вместе в пределах единой пушкинской строки, могли только усилить такое настроение, сделать его ещё более умирённым и светлым»¹.

Далее М.Д. Филин отмечает: «У Пушкина был абсолютный семантический слух, он всегда был снайперски точен в выборе слов, и нет оснований думать, что здесь, в письме к жене, поэт изменил своему правилу, своей натуре и выразился небрежно, приблизительно. «Свидеться и наговориться» явно намекает на нечто большее, нежели на банальное интервью с отставным правителем России, — вот в чём загвоздка, изъян традиционного комментария. Однако «нечто большее» как-то плохо сочетается, а вернее, не сочетается вовсе с устоявшимся взглядом на

---

¹ *Филин М.Д.* Люди императорской России. М., 2000. С. 454—455

проблему «Пушкин и Аракчеев»: ведь трудно, к примеру, поверить, что поэт мечтал о нескончаемом и «уютном» свидании с человеком, которого он, как нас уверяют, люто ненавидел, почитал за монстра, достойного «кинжала Зандова», за душеителя России и т. д.».

Анализ рисунка и сопоставление его с дневниковыми записями и письмом подтверждают этот интерес.

Рядом с изображением А.А. Аракчеева на листе имеется слабо намеченное профильное изображение М.М. Сперанского (1772—1839). Примерно в это же время в дневниках Пушкин пишет о своих встречах со Сперанским и разговоре с ним «о Пугачёве («История Пугачёвского бунта» печатается в типографии II отделения — ведомстве Сперанского. — *Авт.*), о Собрании законов, о первом времени царств.<ования> Алекс.<андра>, о Ермолове etc» (XII, 318; запись от 1 января 1834 года). 2 октября 1834 года Пушкин вспоминает о воскресном обеде у Сперанского, во время которого они обсуждали ссылку Сперанского в 1812-м. (Интересно, что современными исследователями найдены существенные факты, подтверждающие изменническую деятельность М.М. Сперанского накануне нападения Наполеоновских войск, так что, вероятно, его ссылка была отнюдь не столь несправедливой, как это считалось раньше¹.)

«Сперанский у себя очень любезен. — Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: *Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как Гении Зла и Блага.* Он отвечал комплиментами и советовал мне писать Историю моего времени» (XII, 324). Эти слова послужили для пушкинистов поводом к полемике об отношении Пушкина к Аракчееву и Сперанскому. Оба они были выходцами из низших слоёв, что не могло не влиять на их положение. Кроме дневниковых записей в черновых набросках Пушкина есть отзыв о Сперанском как «суетливом необразованном (невежественном) попovichе» — *popovitch turbulent et ignare*» (XII, 205). Как видим, Пушкин солидарен в отношении к Сперанскому с Ф.В. Ростопчиным («завнавшийся попovich, выскочка») и Ф.Ф. Вигелем (изменник, революционер).

Таким образом, Пушкин, противопоставляя Аракчеева и Сперанского, выражал общераспространённое суждение о диаметрально противо-

---

¹ См.: Сахаров А.А., Сухова Н.В. Размышления у портрета М.М. Сперанского // М.Ю. Лермонтов в русской культуре XIX—XXI веков : Материалы научно-практической конференции 27—28 июля 2006 г. // Тарханский вестник. Вып. 20. Лермонтово, 2007. С. 103—116.

положной роли их при Александре I. Можно провести, например, известную параллель между этими деятелями, начертанную декабристом Г.С. Батеньковым, лично хорошо знавшим обоих.

Из этого сопоставления легко видеть, что Аракчеев был хорошим администратором, простым в общении с подчинёнными, открытым для обращений и просьб с их стороны, причём обещания свои выполнял неукоснительно, то есть ряд черт его характера явно вызывают симпатию. Говоря же об односторонней образованности Аракчеева, Батеньков, видимо, следует за общественным мнением. Современные историки, подчёркивая глубокие познания графа в артиллерии, говорят о постоянном самообразовании Аракчеева, о широком круге его интересов, что подтверждается описью его личной библиотеки.

Но вернёмся к фразе А.С. Пушкина о роли двух исторических деятелей и проанализируем её. Автор брошюры «Сперанский и Аракчеев» (СПб., 1905) Вячеслав Евгеньевич Якушкин также даёт характеристику обоим персонажам, начиная и заканчивая её словами Пушкина о том, что «Сперанский и Аракчеев стоят в двух противоположных концах царствования Александра I, как гении блага и зла». Как видим, при цитировании изменён порядок определений персонажей — у Пушкина: «Вы и Аракчеев стоите в дверях противоположных этого царствования как Гении Зла и Блага».

Впрочем, в комментариях В.Ф. Саводника и М.Н. Сперанского к «Дневнику» А.С. Пушкина читаем: «в этих словах Пушкина ясно просвечивает его сочувствие к тому порядку идей, представителем которых, в глазах русского общества, был Сперанский. ... Сперанский, как живое воплощение либеральных веяний эпохи, естественно, вызывал к себе с его стороны интерес и сочувствие. В таком взгляде на Сперанского Пушкин сходилась с большинством своих современников, как правого, так и левого лагеря». Причём авторы комментариев отдают себе отчёт в противоречивости двух приведённых выше отзывов Пушкина о Сперанском, относящихся примерно к одному времени. Выход был найден в том, что «эти противоречивые суждения, несомненно, мирно уживались в сознании Пушкина»¹.

Как видим, комментаторы упорно считают, что характеристика «Гений Блага» относится к Сперанскому, меняя даже ради этого порядок слов в пушкинской записи. Впрочем, современный исследователь

---

¹ Дневник А.С. Пушкина : 1833—1835. М., 1923. С. 393.

В.М. Глинка также меняет порядок определений, цитируя фразу Пушкина о «гениях Зла и Блага», а далее пишет: «Отбросив долю светского преувеличения в отношении Сперанского, оставим определение Аракчеева как «Гения Зла»¹. Именно так, «Гений Зла», названа одна из глав и в современной биографии А.А. Аракчеева, написанной В.А. Томсиновым (ЖЗЛ; М., 2003), в которой приведено множество фактов, свидетельствующих о совершенно иной оценке деятельности этого выдающегося деятеля.

Такая интерпретация, происходившая, вероятно, от описанной тут же реакции Сперанского на слова Пушкина, конечно, более подходила к Пушкину-революционеру, певцу свободы, другу и «идеологу» декабристов. Но при анализе этой фразы следует всё же исходить из порядка определений, данного самим Пушкиным: «Вы (то есть Сперанский. — *Авт.*) и Аракчеев... Гении Зла и Блага». Поскольку речь идёт о письменном тексте, записанном самим поэтом, мы вправе полагать, что порядок определений у Пушкина был им выверен². Интересно, что М.Д. Филин, проведя блестящий анализ текста письма А.С. Пушкина к жене и считая Пушкина «снайперски точным» в выборе слов, говоря о рассматриваемой дневниковой записи, не обращает внимания на порядок слов, отмечая тем не менее, что слова о гениях добра и зла выделены Пушкиным, «и, видимо, не случайно».

Следовательно, «Гением Блага» был назван граф А.А. Аракчеев? Но как это мнение Пушкина увязать с его эпиграммами на Аракчеева? Общеизвестно, что в зрелом возрасте А.С. Пушкин пересмотрел свои воззрения на политическое устройство общества и, вероятно, на место и роль в нём различных исторических деятелей. Разумеется, это не означает, что поэт одобрял всецело деятельность Аракчеева, но он, вероятно, считал, что деятельность эта в целом направлена на благо государства, в то время как деятельность Сперанского носила в значительной мере разрушительный характер.

Кроме того, Пушкину, вероятно, были известны и такие дела и поступки А.А. Аракчеева, которые он, безусловно, одобрил бы:

---

¹ Глинка В.М. Пушкин и Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1988. Цит. по: http://www.gramotey.com/?open_file=1269041486

² Многие исследователи совершенно справедливо отмечают точность как одну из важнейших черт языка А.С. Пушкина. См., например: *Непомянутый В.С.* Поэзия и судьба. Книга о Пушкине. М., 1999. С. 442—443; *Филин М.Д.* Люди императорской России; другие.

«В 1817 году Аракчеев внёс 86589 рублей в Государственную комиссию погашения долгов. Проценты с этой суммы в течение десятилетий шли на уплату податей, причитающихся с крестьян его поместья.

Спустя год не кто иной как Аракчеев составил проект «уничтожения крепостного состояния людей в России», и беспрецедентный проект был одобрен царём. В 1820 году Аракчеев основал Мирской банк для оказания помощи крестьянам и пожертвовал 10000 рублей в его основной капитал (банк надолго пережил своего благодетеля)»¹.

Что касается артиллерийского дела, то напрасно Вигель оценивал деятельность Аракчеева, в том числе и на посту инспектора артиллерии, как «исправительную меру» иронически. Современный анализ деятельности Павла и его сподвижника Аракчеева по реорганизации гатчинской артиллерии показывает, что опробованные там нововведения, привитые в последующем всей русской артиллерии, по праву вывели её на ведущее место в мире. Да и жёсткость графа в муштре сильно преувеличена, напротив, известны случаи наказания им офицеров, жестоко обращавшихся с солдатами.

А может быть, в толковании этой фразы о гениях зла и блага возможны и другие варианты?² Давайте ещё раз вспомним слова А.С. Пушкина: «Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: *Вы и Аракчеев стоите в дверях противоположных этого царствования как Гении Зла и Блага*». Во-первых, эти строки содержат автореминисценцию, сравните: «Дней Александровых прекрасное начало» (II, 270). Следовательно, для понимания смысла эти строк надо проанализировать деятельность обоих персонажей в первые годы Александрова царствования.

Кроме того, надо понять, что имел в виду А.С. Пушкин, говоря о гениях зла и блага. Во времена Пушкина слово «гений» обозначало не только человека, обладающего огромным талантом. Гений, по словарю В.И. Даля, — это и «незримый, бесплотный дух, добрый или злой...». И невольно хочется вместо «стоите в дверях» прочесть «стоите во вратах», — то есть возникает ассоциация с Вратами Небесными. Нет ли тут переключки с Библией, с Дантовыми «Вратами ада»?..

И не есть ли это общая характеристика обоих персонажей?

---

¹ *Филин М.Д.* Люди императорской России. С. 468—469.

² Авторы приносят глубокую благодарность профессору Антонии Глассе (США) за ряд советов, которые стали основой нижеизложенной версии.

В каждый период истории, особенно в трудные годы, не приходится ли ради блага Отечества идти на непопулярные меры, проводить жёсткую политику? И находятся люди, выдающиеся исторические деятели, которые берут на себя весь груз ответственности за такие шаги. Таков был граф А.А. Аракчеев.

Кредо А.А. Аракчеева можно, вероятно, выразить его же знаменитым высказыванием: «Мы всё сделаем: от нас, Русских, нужно требовать невозможного, чтобы достичь возможного». Таким же требовательным он был, прежде всего, к самому себе. Этот принцип позволял Аракчееву вершить невозможное, но он же делал его чрезвычайно непопулярным в обществе. Сам он сознавал это прекрасно. Д.В. Давыдов приводит в своих «Записках» слова А.А. Аракчеева, сказанные им генералу А.П. Ермолову: «Много ляжет на меня незаслуженных проклятий». Фраза оказалась пророческой. О значении Аракчеева император Александр I говорил П.А. Клейнмихелю, бывшему тогда адъютантом первого: «Ты не понимаешь, что такое для меня Аракчеев. Всё, что делается дурного, он берёт на себя, всё хорошее приписывает мне».

«Граф Аракчеев прошёл по жизни так, словно был выструган из рукояти памятного петровского кнута, — прошёл ярым, неистовым государственнымником. Государственнымником Аракчеев и по-государственному мыслящий зрелый Пушкин не могли не иметь точек соприкосновения хотя бы здесь, во взглядах на созидание державы, — и они их имели (вот уже и повод «свидетелься и наговориться»). Достаточно прочесть без предубеждения некоторые работы Пушкина, затрагивающие вопросы государственного строительства или, допустим, просвещения народа, чтобы убедиться в этом»¹, — отмечает М.Д. Филин.

Таким образом, вопрос об отношении А.С. Пушкина к А.А. Аракчееву далеко не простой и нуждается в дальнейших исследованиях.

Остановившись так подробно на отношении Пушкина к Аракчееву, коротко скажем ещё о некоторых результатах совместного рассмотрения рисунков, дневников и переписки Пушкина.

Среди персонажей Военной галереи, рисованных А.С. Пушкиным, одним из самых популярных является Денис Васильевич Давыдов. Его изображения относятся к числу наиболее часто встречаемых и легко идентифицируемых.

---

¹ *Филин М.Д.* Люди императорской России. С. 464.

Специалистами найдено в рукописях Пушкина 14 предполагаемых портретов Д.В. Давыдова, довольно удачно передающих сходство. Почти все они выполнены в виде дружеских шаржей, подчёркивающих характерные черты лица поэта-партизана: кудрявые волосы, круглое лицо с лихо закрученными усами и большими бакенбардами, короткий нос.

Об отношениях А.С. Пушкина с Д.В. Давыдовым написано довольно много¹, однако один эпизод вызывает сомнение. Говоря о дружбе двух поэтов, следует отметить бытование легенды о том, что Давыдов в числе ближайших друзей присутствовал на «мальчишнике» у Пушкина в канун его свадьбы². Мы считаем, что появление этой легенды, вероятно, связано с письмом Д.В. Давыдова к Н.М. Языкову (23 апреля 1833). Там есть упоминание о разговоре, начатом на «девичнике» у Пушкина: «Я пьяный на девичнике Пушкина говорил Вам о том (о стихах Языкова, которые Давыдов взял с собой. — *Авт.*), но Вы были так пьяны, что вряд ли это помните, и это сушая правда, и трезвый я трезвому повторю то же; Поэтический лоскут этот, замаранный грязью биваков и окуренный жжёным порохом, и поныне у меня хранится, после этого как же мне не называть Вас «душевным» и «моим» поэтом...» Однако ещё биограф Д.В. Давыдова Н. Задонский отметил, что в феврале 1831 года Давыдова не было в Москве: 15 января он выезжает в Польшу для участия в подавлении польского мятежа³. Вновь он появляется в Москве только в мае 1831-го. Кроме того, вряд ли Давыдов стал бы вспоминать в 1833 году разговор, прерванный два года назад. Не может быть, чтобы он не нашёл возможности продолжить его ранее. Вероятнее всего, Пушкин во время своих приездов в Москву собирал своих друзей на «мальчишники» неоднократно. На одном из них (а может и не на одном) и был Д.В. Давыдов. Но это был не тот, предсвадебный.

Не столь однозначными, как принято считать, были и отношения Пушкина с И.Ф. Паскевичем. При отдалённых родственных связях, личном знакомстве и неоднократных контактах между поэтом и фельдмаршалом не было тесных дружеских отношений, а скорее были ней-

---

¹ См., например, нашу работу, в которой обобщён ряд работ наших предшественников: *Сахаров А.А., Сухова Н.В.* «Боец чернокудрявый, с белым локоном на лбу» // Коломенский альманах. Вып. 13. М., 2009. С. 303—313.

² *Глинка В.М.* Пушкин и Военная галерея Зимнего дворца. С. 86; *Овчинникова С., Рысина Ф., Светлова Г.* Музей «Квартира Пушкина на Арбате». М., 1989. С. 45; другие.

³ См.: *Задонский Н.* Денис Давыдов. Историческая хроника : В 2 кн. Кн. 2. М., 1962. С. 432.

трально-прохладные. Не идентифицированы и изображения Паскевича среди рисунков А.С. Пушкина. Однако имя фельдмаршала постоянно встречается в семейной переписке и других документах, с ним связаны многие наиболее яркие жизненные впечатления А.С. Пушкина в конце 1820-х — начале 1830-х годов, отразившиеся в его произведениях: в «Путешествии в Арзрум», в цикле стихотворений, посвящённых польскому восстанию (1830) и взятию Варшавы. Сам Паскевич воспринимал Пушкина как великого поэта, но очень плохого человека.

Однако из письма О.С. Павлищевой отцу С.Л. Пушкину из Варшавы 19 сентября 1837 года мы можем сделать вывод о том, что Паскевич по своему ценил Пушкина, сожалел о его гибели: «Елизавета Алексеевна (жена И.Ф. Паскевича. — *Авт.*) меня уверяет... что если бы Александр расстался с Петербургом за два или три месяца до истории, то избежал бы несчастья. Ему вовсе не следовало ни ехать в деревню, ни выходить в отставку, а просто-напросто переселиться в Варшаву. Её муж, любимец Государя, одним почерком пера зачислил бы Александра в свою дипломатическую канцелярию, где служат не только камер-юнкеры, но и камергеры, да и многие другие старинные русские дворяне. Княгиня полагает, что Александру было бы здесь гораздо лучше вдали от врагов, а фельдмаршал сумел бы его защитить. Точно также, как и в Петербурге, Александр посвящал бы себя божественному поэтическому дару, но жил бы выше средств, между тем как в Петербурге истрачивая бешенные деньги и покупал себе огорчения да несчастья непомерной ценой. «Верьте мне, — сказала княгиня, — если бы я только подозревала утаённый заговор неприятелей вашего брата, то сумела бы вовремя избавить его от них» (частично сохранены орфография и пунктуация подлинника). Мы считаем, что Е.А. Паскевич не стала бы говорить подобные слова без предварительного разговора с мужем, следовательно, они в значительной мере отражают и мнение самого И.Ф. Паскевича.

**РОЛЬ ЭКФРАСИСОВ
В СТИХОТВОРЕНИИ А.С. ПУШКИНА «ПОЛКОВОДЕЦ»**

В лирике Пушкина война 1812 года проходит своеобразным лейт-мотивом от «Воспоминаний в Царском Селе», написанных 16-летним лицеистом, до последней лицейской годовщины в 1836 году. Немалое внимание поэт отдаёт фигурам главных действующих лиц, решавших судьбу России и Европы. В его произведениях Наполеон в соответствии с реальными обстоятельствами одновременно выступал и в роли правителя Франции — императора, и в роли полководца-завоевателя. По отношению же к России функции главы государства, ведущего войну против Наполеона, выполнял Александр I, и Пушкин видел в нём победителя и вражеского войска, и вражеской державы. В первом послании к лицеистам («19 октября 1825») поэт писал:

Простим ему неправоe гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей
(II, 248), —

а в стихотворении 1836 года обращался к соученикам по лицу:

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда [перед ним] раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!
(III, 432).

Однако истинными спасителями России Пушкин считал двух полководцев — Кутузова, которому посвящено стихотворение 1831 года «Перед гробницею святой», и Баркляя де Толли, к кому обращён «Полководец», созданный в 1835 году.

В 1836 году появилось стихотворение «Художнику», ставшее откликом на посещение мастерской скульптора Б.И. Орловского — автора памятников Барклаю и Кутузову, установленных перед Казанским собо-

ром. В этом произведении поэт прославляет ваятеля («Гипсу ты мысли даёшь, мрамор послушен тебе...») и, перечисляя творения художника, отмечает: «Здесь зачинатель Барклай, а здесь совершитель Кутузов» (III, 416). Полководцы объединены двойко: оба они увековечены трудом и гением ваятеля и оба при жизни служили единой цели — уничтожению армии Наполеона. Барклай выступает как стратег, чей план подхватывает и воплощает Кутузов.

Исторический аспект произведений Пушкина о войне 1812 года неоднократно осмыслялся в работах пушкинистов, но в них нет анализа экфрасисов, хотя по крайней мере трижды поэт связывает деятелей Отечественной войны 1812 года с работой художника и вводит в свои произведения словесные эквиваленты пластических искусств.

Самый сложный и самый значительный экфрасис связан с «Полководцем», но речь о нём пойдёт несколько позже, а сейчас хочется сказать о стихотворении, обойдённом вниманием пушкинистов.

В 1815 году лицеист Пушкин сочинил заказную оду «Александр». Б.В. Томашевский писал: «Стихотворение предназначалось для предполагавшейся торжественной встречи Александра I при его возвращении из Парижа. Церемония эта по распоряжению Александра была отменена. Стихотворение было заказано Пушкину начальством, и он препроводил его при письме 28 ноября 1815 г. директору департамента Министерства народного просвещения И.И. Мартынову»¹.

«Александр» — образец познеклассицистской оды с характерными стилевыми приёмами этого жанра: высокой лексикой, обилием перифрастических оборотов и эмблематики. В текст приветствия юный поэт вписал два микроэпизода. Это картины в духе историко-аллегорических полотен академической школы. Первая из них изображает императора, выступающего в поход против Наполеона, вторая — изъявление благодарности народов Европы русскому царю-освободителю.

Когда полки врагов покрыли отдаленье,
Во броню облачась, взложив пернатый шлем,
Колена преклонив пред вышним алтарем,
Ты бранный меч извлек и клятву дал святую
От ига оградить страну свою родную.

(I, 145), —

---

¹ *Томашевский Б.В.* Примечания // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. : В 10 т. Т. 1. М., 1977. С. 440.

и:

Народы, падшие под бременем оков,
Тяжёлой цепью с восторгом потрясали
И с робкой радостью друг друга вопрошали:
«Ужель свободны мы?.. Ужели грозный пал?..
Кто смелый? Кто в громах на севере восстал?..
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колена окружила
Освобожденную от рабских уз рукой...»

(I, 146)

В обоих случаях текст приобретает очевидное сходство с программой для академического исторического полотна. Косвенным подтверждением может стать поздний вариант иконы, изображающей Александра Невского перед битвой со шведами. Князь завершает молитву перед алтарём. Среди атрибутов его княжеского и воинского достоинства — щит и меч, лежащие на полу храма. Это достаточно поздняя, XIX века, версия образа святого, ориентированная не на церковный канон, а на канон академический, воплощена, например, в иконе, находящейся в главном храме Александро-Невской лавры и в ряде икон, написанных М. Нестеровым для разных церквей в 1890—1910 годах. Щит и меч Александра Невского вполне историчны как воинское снаряжение XIII века, тогда как в пушкинском стихотворении «броня» «пернатый шлем» и «бранный меч» — не более чем аллегорическая атрибутика. Клятва перед алтарём как значимый момент вступления в войну вполне могла стать темой академической картины, а названные юным поэтом эмблематические реалии — найти место в её образно-композиционном решении.

Пушкин-лицеист в своём приветствии Александру создаёт и другую «программу»: «Народы Европы благодарят русского царя-освободителя». В этом случае в центре предполагаемого полотна — величественная фигура императора Александра, победителя Наполеона («О, сколь величествен, бессмертный, ты явился»), к ногам царя склоняется «ветхая Европа», на заднем плане — фигуры, олицетворяющие «народы, павшие под бременем оков». Автор акцентирует аллегория рабства — цепи, оковы. Европа обнимает колени русского императора «освобожденную от рабских уз рукой», а народы с восторгом потрясают «тяжё-

лой цепью», под бременем которой они недавно пали во «мрачность гробов».

В анализируемых эпизодах-«программах» очевидна ориентация не столько на одические словесные клише, сколько на клише изобразительные, в том числе на образцы триумфального убранства и исторической живописи в разработках академистов XVIII века.

Много позже, в 1829 году, Пушкин ещё раз обратится к образу Александра I и введёт в текст экфрасис. Речь идёт о стихотворении «К бюсту завоевателя»¹.

Б.В. Томашевский в комментарии к этому произведению пишет: «Это стихотворение ставят в связь с заметкой «Торвальдсен, делая бюст известного человека...»... и полагают, что здесь говорится о бюсте Александра I. Бюст Александра I Торвальдсен изваял в Варшаве в 1820 году»².

«К бюсту завоевателя» — эпиграмма, и в этом произведении объём значения жанровой дефиниции совмещает и историко-генетическую семантику (эпиграмма в античной традиции — подпись, сопровождающая произведение искусства), и современное представление об эпитаграмме как лаконичной сатире, адресуемой определённой лицу.

В пушкинской миниатюре восемь стихов; половина из них — экфрасис:

Напрасно видишь тут ошибку.
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку,
А гнев на хладный лоск чела.
(III, 206)

Вторая половина восьмистишья утверждает точность постижения скульптором сущности «властелина», привыкшего к «противочувствиям». Двуличие завоевателя, по Пушкину, проистекает из актёрской и даже фиглярской природы «властелина»: в последнем стихе он определён как арлекин, то есть лукавый плут и пройдоха. В эпитаграмме 1829 года негативная оценка русского царя-«властелина» недвусмысленна:

---

¹ Благодаря Максиму Олеговича Мельцина, обратившего моё внимание на это произведение.

² *Томашевский Б.В.* Примечания // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. : В 10 т. Т. 3. М., 1977. С. 450.

здесь ничего не осталось ни от победителя Наполеона, ни от спасителя свободы Европы. Бюст изображает не освободителя, а завоевателя. Пушкин-историк и Пушкин-поэт был далёк от однозначных оценок исторической роли и личностных качеств русских самодержцев: это касается и Петра I, и Александра Благословенного.

Если рассматривать эпитаграмму 1829 года в плане экфрасиса, в ней важны два момента. Первый из них принципиален, второй носит частный характер. Пушкин в произведениях, связанных с изобразительным искусством, на первый план выдвигал высокую оценку и доверие к творческим решениям художников. И в этом случае он утверждает безошибочность автора, постигшего двуязычную (чтобы не сказать двуличную) суть завоевателя и нашедшего точный образ для её передачи. Второй момент — это словосочетание «хладный лоск чела». В стихотворении «К бюсту завоевателя» «хладный лоск» связан с характером материала и способом его обработки: мраморный лоб, переходящий в лысину, отшлифован до блеска, поэтому лоснится (поблёскивает), но «хладный лоск» отнюдь не свидетельствует о спокойствии и уравновешенности: «рука искусства навела» на него «гнев». В портрете Барклая де Толли, о котором речь пойдёт ниже, Пушкин отметит «чело, как череп голый» и скажет, что оно «высоко лоснится». Формально портреты завоевателя и полководца сближены, на деле же предельно разведены.

Стихотворение «Полководец» написано в 1835 году и напечатано в журнале «Современник» в 1836-м, за год до 25-летия Бородинской битвы, решившей историю и России, и Европы.

Оно имеет астрофическую композицию и разделено на две части. В первой — 32 стиха, во второй — 27 плюс две строки отточий. Стиховой эквивалент, по Тынянову, наращивает объём второй половины текста «Полководца», и разница между частями сводится всего к трём стихам. Вторая половина произведения посвящена судьбе Барклая де Толли и его роли в войне 1812 года. Это наиболее значимая в семантическом отношении часть стихотворения исследована в капитальной работе Н.Н. Петруниной¹. Экфрасисы его первой половины подготавливают и обосновывают размышления поэта о личности полководца, о его прижизненной и посмертной участи.

---

¹ Петрунина Н.Н. Полководец // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов : История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974. С. 278—305.

В первой части Пушкин создаёт тройной экфрасис, выстраивая его как сужающуюся воронку. Сначала палата в чертогах русского царя (экфрасис дворцовых палат). Затем описание галереи 1812 года как памятника «начальникам народных наших сил». И только потом данный крупным планом портрет Баркляя де Толли, полководца.

В экфрасисе Пушкина авторское «я» выступает сразу и как зритель (постоянный посетитель галереи), и как человек, соотносящий время, остановленное кистью художника-портретиста, с вечно движущимся временем самой жизни. Во второй части стихотворения предметом раздумий авторского «я» становится суровый жребий несчастливого вождя, а поводом к ним — встреча с портретом полководца. Экфрасис оказывается не просто вводной частью, прелюдией ко второй семантически главенствующей, но и закономерным композиционно-смысловым фактором произведения, обусловленным для всего стихотворения единым субъектом мышления и речи.

Экфрасис в «Полководце» дважды выстраивается по минус-приёму. Автор указывает не на то, что есть в воссоздаваемом им как нечто художественно ценное пространство, а на то, чего в нём нет. «У русского царя в чертогах есть палата...» — так открывается стихотворение, но Пушкин не спешит приступить к описанию, а отмечает её особый статус, указывая на её необычность, непривычность среди иных чертогов, где традиционно ожидаемы богатство, пышность и знаки царского величия — эмблемы власти:

Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом...

— и только после этого минусового экфрасиса появляется экфрасис истинный:

Но сверху до низу, во всю длину, кругом,
Своею кистию, свободной и широкой
Её разрисовал художник быстро-окой.

Ценность палаты связана с её живописным (принципиально однородным) оформлением. И снова Пушкин возвращается к минус-приёму, предваряя сообщение о тематике живописных произведений перечислением того, от чего «художник быстроокий» воздержался:

Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жён,
Ни плясок, ни охот...

(III, 378)

Поэт даёт достаточно полный перечень тем, характерных для европейской живописи, начиная с эпохи Возрождения и заканчивая временем сентиментализма. В названных сюжетах и мотивах большое внимание уделено изображению женщины. Полногрудые жёны, девственные мадонны, сельские нимфы выступают вариантами этого живописного мотива, где мадонны и нимфы образуют ценностный и стилевой контраст. Вторая группа объединяет картины гедонистического содержания — фавны с чашами, пляски и охоты. Участницами оргий и плясок вполне могут быть сельские нимфы, да и полногрудых жён несложно представить и рядом с пирующими фавнами, и в охотничьих сценах. Названные Пушкиным мотивы могут выступать не только как взаимодополнительные, но и как противостоящие друг другу: девственные мадонны, безусловно, контрастны и «фавнам с чашами», и пляскам, и охотам.

Широкая амплитуда мотивов антиэкфрасиса оттеняет внутреннюю монолитность военной портретной галереи, то есть экфрасиса истинного. Гедонизму антиэкфрасиса автор противопоставляет героизм, женскому началу в многообразии его проявлений — мужество воинов. Наконец, коллективный портрет генералов, спасших Россию, противопоставит заведомо европейским сюжетам антиэкфрасиса.

Палату «сверху до низу, во всю длину кругом» заполняют

...плащи да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги¹.

Это уже непосредственное описание галереи 1812 года, где все портреты и стоящие за ними портретируемые даны как единое целое:

---

¹ На 332 погрудных изображениях генералов русской армии нет ни плащей, ни шпаг. В парадных портретах важны мундиры — как знаки родов войск — и награды; плащи бы их заслоняли. Шпаги исключались самим форматом изображения. «Плащи и шпаги» — метонимия, опережающая прямое название «начальников народных наших сил».

Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.
(III, 378)

Слава и память — общее достояние тех, кого изобразил «художник быстроокий», и сама галерея выступает в роли памятника, прославляющего воинские подвиги.

В следующем стихе появляется авторское «я», которое становится смысловым центром стихотворения. Пушкин в «Полководце» продолжает и варьирует одну из центральных тем постмихайловской лирики — тему меняющего всех и всё времени, чьей власти может противостоять только искусство:

...медленно меж ими я брожу
И на знакомые их образы гляжу,
И, мнится, слышу их воинственные клики.
Из них уж многих нет; другие, коих лики
Ещё так молоды на ярком полотне,
Уже состарелись и никнут в тишине
Главою лавровой...

(III, 378)

Присутствие авторского «я» в экфрасисе особо значимо, когда речь идёт о портрете. «Начальники народных наших сил» представлены в «Полководце» в двух ипостасях: это русские генералы — модели портретов Доу, и сами портреты. Пушкину хорошо знакомы и те и другие, и само соотношение портретов и оригиналов рождает особое впечатление: за портретом встаёт живой человек, более того, портрет отсылает зрителя к некой первичной ситуации («И, мнится, слышу их воинственные клики»).

Галерея, созданная Доу между 1818 и 1828/1829 годами, возвращает время вспять, к Отечественной войне 1812 года. «Воинственные клики», звучащие в сознании авторского «я», рисуют обобщённый образ патриотического воодушевления, отвечающий задачам галереи-памятника. Но «клики» (возгласы) не только относятся к миновавшей эпохе и свидетельствуют о силе впечатления, авторского «я». Они создают

«стереометрию» переживания: зримый образ влечёт за собой образ слуховой, а в совокупности они связывают портретную галерею с событиями, ставшими причиной её появления. Искусство живописца приходит в столкновение со временем. Портрет — знак присутствия человека даже тогда, когда жизнь оригинала закончилась. «Яркое полотно» удерживает молодость тех, что «уже состарелись».

Экфрасис в стихотворении Пушкина явно субъективируется: на первый план выходит не само изображение, а переживания-раздумья авторского «я», инспирированные посещением галереи 1812 года.

Во втором экфрасисе Пушкин дважды использует приём метонимии: выше речь шла о «плащах и шпагах» как своего рода замещении военачальников; в заключительном полустихе описания портретной галереи и её моделей появляется никнущая в тишине «лавровая глава» старого воина. В работах Доу лавров не увидишь. Романтизируя генералов-героев, Доу не поступался ни портретным сходством, ни точностью реалий. Эмблематичность, характерная для академической исторической живописи, была ему чужда. Увенчанные лаврами главы военачальников — «авторская собственность» поэта, метафора славы, при всей клишированности повышающая эмоциональное воздействие образов героев Отечественной войны 1812 года, тех, кого далее Пушкин назовёт «толпой суровой».

Два начальных экфрасиса в «Полководце» композиционно перекликаются с сонетом «Мадонна» (1830). В первом катрене Пушкин говорит о «множестве картин старинных мастеров», которым, «внимая важному суждению знатоков», суеверно готов дивиться посетитель; во втором множеству картин и зрителей, как и положено в антитезисной строфе сонета, противопоставлен «одной картины... вечно зритель» — сам поэт, созерцающий мадонну. Композиция сонета воспринимается как наезд кинокамеры, сначала фиксирующей общий план, а потом сосредотачивающейся на крупном (ближнем). Параллель в построении «Мадонны» и «Полководца» поддерживает отрицание, становящиеся содержанием вступительных строк обоих произведений.

«Мадонна»:

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал мою обитель...

(III, 224)

«Полководец»:

...не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом...
(III, 378)

На смену второму экфрасису («тесной толпе» «начальников народных наших сил») приходит третий. Это «сверхкрупный план» портрета Барклая де Толли:

Он писан во весь рост. Чело, как череп голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Там грусть великая. Кругом — густая мгла;
За ним — военный стан. Спокойный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительною думой.
(III, 379)

Воспроизводя портрет Барклая де Толли, поэт фиксирует его отличия от основной массы портретов военачальников. На фоне погрудных изображений Барклай «писан во весь рост», что позволяет включить фигуру полководца в значимый пейзаж. Пушкин отмечает сумрачный фон, который на полотне подсвечен пламенем пожара. На заднем плане, как утверждают искусствоведы, Доу написал Монмартр¹.

В военной галерее портрет Барклая дальше всех других портретов в рост удалён от портрета Александра I. Он помещён на той же стене, что и портрет Кутузова, и напротив портрета герцога Веллингтона, победителя Наполеона в последней битве при Ватерлоо.

Композиционное решение галереи 1812 года очень важно для пушкинского «Полководца», интерпретирующего роль Барклая в Отечественной войне. Автор, опираясь на образы, созданные Доу, превращает весь ансамбль галереи в инструмент исследования лиц и событий Оте-

---

¹ В 1813—1814 годах Барклай командовал объединёнными русско-прусскими войсками. За взятие Парижа 19 марта 1814 года он получил чин генерал-фельдмаршала. См. об этом: Пушкин в прижизненной критике. : В 4 т. Т. IV: 1834—1837. СПб., 2008. С. 499. Н.Н. Петрунина пишет: «Изображение приурочено всякий раз к моменту военных действий, официально признанным важнейшими для данного полководца. Так, Барклай представлен на фоне Монмартрских высот, накануне взятия Парижа в 1814 г.» (Петрунина Н.Н. Полководец. С. 278).

чественной войны. Пушкин подчёркивает, что идёт вслед за художником:

Свою ли точно мысль художник обнажил,
Когда он таковым его изобразил,
Или невольное то было вдохновенье, —
Но Доу дал ему такое выраженье.

(III, 379)

Поэт и следует за живописцем, и отходит от его решения образа Барклай: следует в границах отдельного портрета и отходит от макрокомпозиции галереи как целостного ансамбля. Ему важен в Барклае «вождь несчастливый», который отвергнут народом, «таинственно спасаемым» полководцем. Поэт исследует трагедию высокой личности, ставящей долг выше неблагоприятных обстоятельств и чёрной неблагодарности окружающих. Обращая к полководцу признание: «всё в жертву ты принёс земле тебе чужой», Пушкин говорит и о народе, который «ругался над твоей священной сединою», и о тех, кто, зная истинную цену полководцу, «лукаво порицал» Барклай в угоду заблуждающемуся народу и властям. Поэт утверждает величие полководца, отрекшегося от славы и успеха во имя великой идеи спасения народа:

И долго, укреплен могущим убежденьем,
Ты был неколебим пред общим заблужденье;
И на полу-пути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманно глубоко, —
И в полковых рядах сокрыться одиноко.

(III, 379)

Пушкинский Барклай де Толли «бросается в огонь, ища желанной смерти», продолжая служение стране, столь несправедливой к нему. В его действиях и мыслях сочетаются оскорблённое сознание невинно гонимого и верность выбранному пути.

Однако нельзя забывать, что у Доу Барклай изображён на фоне взятого Парижа, а его портрет расположен напротив Веллингтона. Барклай, как и английский военачальник, — победитель Наполеона, вошедший в столицу поверженного врага, тогда как Кутузову этой победы не

суждено было увидеть. На портрете Доу Кутузов изображён на фоне заснеженной равнины, ставшей началом конца и армии, и империи Наполеона, тогда как Барклай представлен творцом этого конца¹. Иначе говоря, если Пушкин считал Барклая зачинателем побед, а Кутузова их совершителем, то Доу распределял роли полководцев прямо противоположным образом².

Барклай де Толли — победитель противоречил пушкинскому замыслу, пушкинскому образу полководца. В экфрасисе портрета Барклая поэт воссоздаёт достаточно сложную психологическую гамму, запечатлённую на полотне: «грусть великая» на челе полководца не исключает «презрительной думы», а скорее мотивирует её. Угрюмость — знак неприятия окружающего, спокойствие — следствие самообладания. «Густая мгла» вокруг одинокого героя гармонирует с его душевным состоянием.

В парадном портрете работы Доу Пушкину не нужны ни генеральский мундир с андреевской лентой, ни орденские знаки, ни поверженный Париж. Но всё, что свидетельствует о внутреннем драматизме личности Барклая, поэт переносит в стихотворение. В описание портрета Пушкин включает два вводных слова — «мнится» и «кажется»: «Чело, как череп голый, / Высоко лоснится, и, мнится, залегла / Там грусть великая...», «...он, кажется, глядит с презрительною думой». Благодаря этому субъективно воспринимаемое (увиденное поэтом) психологическое состояние портретируемого, с одной стороны, мотивируется впечатлением зрителя (авторского «я»), с другой — позицией творца («Доу дал ему такое выраженьё»). В позиции авторского «я» Пушкин отмечает возможность неполного совпадения с изображением-объектом, и это свидетельствует об очень тонком аналитическом восприятии произведения живописи.

В свою очередь изображение-объект, сосредоточивший в себе комплекс переживаний портретируемого, не может однозначно ответить, откуда пришло такое художественное решение. Было ли оно принципиально сознательным, концептуальным («Свою ли точно мысль художник обнажил...») или мимовольным («Или невольное то было вдохнове-

---

¹ Композиционно в портретной галерее 1812 года зачинателем побед над Наполеоном оказывался Кутузов, а совершителем — Барклай де Толли.

² И оба были правы. Пушкин расценивал роль двух полководцев в Отечественной войне, Доу — в контексте её продолжения (заграничных походов) и завершения (окончательной гибели наполеоновской Франции).

ные...»), читателю неизвестно. Он может рассуждать или догадываться об этом, погружаясь в проблемы психологии творчества, тогда как автору важен результат. Образ «вождя несчастливому» не вписывается в тональность галереи: Барклай остаётся чуждым «воинственным кликам» и лавровым главам. Так третий экфрасис (портрет Барклая де Толли кисти Доу) даёт толчок к размышлениям Пушкина о судьбе полководца.

Ещё Н.В. Измайлов в работе «Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов» писал: «...«Полководец» имел и другую, глубоко скрытую и очень личную сторону, отзываясь на переживания самого поэта. Этой другой, субъективной стороной стихотворение входит в ряд лирических медитаций... где ставилась тема... об отношении поэта, а в более общем смысле — выдающейся мыслящей личности к окружающему его обществу, о месте этой личности в историческом процессе, о непонимании обществом значения и роли одинокой личности...»¹.

Барклай де Толли, непонятый и непризнанный вождь, вынужденный «...на полупути... / Безмолвно уступить и лавровый венец, / И власть, и замысел, обдуманно глубоко...», — своего рода модификация пушкинского поэта, который расплачивается за верность себе, за свободу творчества одиночеством и непонятостью. Этот аспект пушкинской поэзии рассмотрен А.А. Фаустовым в книге «Авторское поведение Пушкина» и иначе в моей статье «Тема поэта и поэзии в лирике Пушкина (1826—1836)»².

Трагедия непризнанности в стихах о поэте и поэзии разрешается, с одной стороны, как осознание высокого призвания: одиночество оказывается царственным («Ты царь: живи один. Дорогою свободной / Иди, куда влечёт тебя свободный ум»), а с другой — признанием и благодарной памятью потомков (см. «Памятник»).

В концовке «Полководца» мысль о восстанавливающем справедливость будущем высказана абсолютно однозначно:

О люди! жалкий род, достойный слёз и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!

---

¹ Измайлов Н.В. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов // Пушкин : Исследования и материалы. Т. II. М. ; Л., 1958. С. 25.

² Фаустов А.А. Авторское поведение Пушкина. Воронеж, 2000. С. 9—41; Табориская Е.М. Тема поэта и поэзии в лирике Пушкина (1826—1836) // Анализ художественного произведения : Художественное произведение в контексте творчества писателя. М., 1987. С. 20—39.

Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведёт в восторг и в умиленье!

(III, 380)

Между концовкой и размышлениями авторского «я» о времени во втором экфрасисе очевидна тематическая перекличка: в обоих случаях речь идёт о времени. Но во втором экфрасисе время несёт разрушение: оно низводит былых героев к скудению сил и смерти. В концовке же время имеет положительные коннотации: будущее поколение справедливее современников. Во всяком случае «высокий лик» непризнанного «слепым и буйным веком» полководца способен вызвать «восторг и умиленье» если не у всех потомков, то у поэта.

В концовке «Полководца» значим не только конфликт настоящего и будущего, но и «людей» и «человека». Постигание истинной сущности обладателя «высокого лика» разводит «жалкий род» слепых и буйных современников полководца и поэта из грядущего.

И всё же пушкинская философическая концовка, тяготеющая к обличению и поучению, на поверку оказывается парадоксом. Из текста «Полководца» явствует, что грядущее поколение уже вступило в права и справедливость по отношению к «вождю несчастливому» торжествует. Портрет Барклая де Толли занял почётное место среди «начальников народных наших сил», и на него, как и на всех остальных, изображённых в галерее 1812 года, распространяется слава и память. Заслуги военачальника отмечены и царём, и художником. Первый дал ему место в своих палатах, второй отвёл ему особую роль в общем ансамбле галереи-памятника («он писан во весь рост») и наделил пронизательной психологической характеристикой. Наконец, само стихотворение становится ещё одним памятником личности и судьбы М.Б. Барклая де Толли. Художник Д. Доу, получив официальный заказ, выполнил его отнюдь не формально, а поэт, переживая и осмысляя произведение живописца, создал одно из самых значительных и оригинальных лирических произведений о человеке, истории, судьбе и времени.

А.С. ПУШКИН И Д.В. ДАВЫДОВ: К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Современнику и другу Денису Васильевичу Давыдову Пушкин адресовал несколько посланий, которые охватывают период с 1819 по 1836 год — фактически весь творческий путь обоих поэтов. Эти послания не раз становились объектом научного рассмотрения. В частности, решён вопрос о творческой истории текстов. Между тем есть основания говорить о давыдовских посланиях Пушкина как о художественном целом, что составляет предмет нашего исследования.

Денис Давыдов — уникальная историческая личность: поэт, гусар, организатор и предводитель партизанского движения в период Отечественной войны. Сам Давыдов называл себя «человеком, рождённым единственно для рокового 1812 года», который послужил отправной точкой в формировании его творческого сознания, главным источником его поэзии и военной прозы:

Я люблю кровавый бой!
Я рождён для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарский,
С вами век мне золотой!
<...>
За тебя на чёрта рад,
Наша матушка Россия!
Пусть французишки гнилые
К нам пожалуют назад!..¹

Образ лихого поэта-гусара, созданный Давыдовым в стихах, и факты биографии поэта в какой-то момент сблизилась настолько, что стёрлась грань, их разделяющая: индивидуально-личное и условно-литературное оказались неразличимы для современников. Лирический герой стал восприниматься только во взаимосвязи с событиями реальной жизни Давыдова, и, наоборот, реальная жизнь поэта должна была соответствовать поведенческому коду его литературного персонажа: «Лич-

---

¹ *Давыдов Д.В.* Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 94—95.

ности с узнаваемыми социально-типовыми чертами проецировались в поэзию, и наоборот, реальный индивидуум строил свой облик по модели лирического героя»¹.

Лирический герой, сознательно созданный Давыдовым, оставил след и в стихах его современников. В 1933 году под редакцией В.Н. Орлова вышло «Полное собрание стихотворений» Дениса Давыдова², которое содержит закономерное текстологическое решение: в корпус собрания сочинений включены стихи современников, посвящённые поэту. Гусарские стихи Давыдова и стихи современников как отклик на них образовали цельное смысловое пространство с общим лирическим героем, созданным Давыдовым, с единым событийным рядом и лексическим полем.

В 1819 году Пушкин охарактеризовал поэтическую роль Давыдова так: «Красноречивый забияка, / Повеса, пламенный поэт» (II, 466). Через два года тема, начатая в двустихии, была развита Пушкиным более подробно и полно. Так появилось первое послание Давыдову:

Певец-гусар, ты пел биваки,
Раздолье ухарских пиров
И грозную потеху драки,
И завитки своих усов;
С весёлых струн во дни покоя
Походную сдувая пыль,
Ты славил, лиру перестроя,
Любовь и мирную бутылъ.

(II, 202)

В содержательном плане стихотворение ничем не отличается от аналогичных посланий современников, которые представляют собой ряд вариаций на заданную тему в пределах сформированного самим Давыдовым гусарского контекста. Не получая дальнейшего развития и ничем не завершаясь, эта тема оставалась открытой, предполагая бесконечное количество вариаций. В целом стихи современников явились стилизацией под творческую манеру Давыдова — новых коннотаций в заданный поэтом образ лирического героя не добавлялось.

¹ Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры. СПб., 1994. С. 178

² Давыдов Д.В. Полное собрание стихотворений. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. 304 с.

Второе послание Пушкин написал не столько под влиянием лирического героя Давыдова, сколько желая сохранить и утвердить образ поэта-гусара. В 1822 году Пушкин прочитал первую военную прозу Давыдова «Опыт теории партизанского действия»:

О горе, молвил я сквозь слёзы,
Кто дал Давыдову совет
Оставить лавр, оставить розы?
Как мог унизиться до прозы
Венчанный Музою поэт,
Презрев и славу прежних лет,
И Буруцовой души угрозы!
(II, 274)

Творческие стремления Давыдова не совпадали с романтическими настроениями лирики Пушкина того периода, были ему во многом непонятны. Славу поэта, по мнению Пушкина, Давыдову принёс образ лихого гусара, а его проза с объективизацией, реалистичностью и историзмом разрушала эту ролевую установку. Вот почему Пушкин сохраняет верность избранной манере стилизации под Давыдова, и его послания пронизаны знаками гусарского быта, в них сохраняется культурный код лихого гусара со всеми необходимыми атрибутами: усы, любовь, бутель, пиры и драки...

Через 14 лет, в 1836 году, казалось бы, понятная и проигранная тема вновь получает продолжение и вновь источником является творческое взаимодействие. Третье послание противопоставлено предшествующим текстам и является, скорее, ответом на риторический вопрос второго текста: «Как мог унизиться до прозы / Венчанный музою поэт...» Стихотворение было передано Давыдову вместе с «Историей Пугачёвского бунта»:

Тебе певцу, тебе герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смирного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир:

Но и по этой службе трудной,
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир.
Вот мой Пугач — при первом взгляде
Он виден — плут, казак прямой!
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой.

(III, 415)

В этом стихотворении Пушкин указывает на преемственность: второй раз речь идёт об «Опыте теории партизанских действий» — одном из основных источников «Истории Пугачёвского бунта», но не только. В послании как жанре изначально присутствует установка на диалог, на привлечение поэтической системы адресата. Источник послания указан уже в названии, и у читателя ещё до начала чтения текста формируется ряд ассоциаций. Однако в последнем послании Пушкин не реализует эффект ожидания, внося коррективы в стереотипный образ. Слова-знаки, связанные с личностью гусара, либо исключаются из третьего послания и заменяются другими (например, «гусар» на «герой»), либо меняют свою стилистическую окраску в новом, созданном Пушкиным контексте (например, «устав наездника читал» — «наездник чудный»). Семантику послания определяет обращение в первой строке — «Тебе певцу, тебе герою!» — которое контрастирует с образом поэта-гусара из предшествующих текстов, например:

И вдруг растрёпанную тень
Я вижу прямо пред собою,
Пьяна, как в самый смерти день,
Столбом усы, виски горою...

(II, 274)

В противоположность этому образу в третьем послании лирический герой Давыдова предстал в пушкинской интерпретации: это уже не стилизация под творческую манеру Давыдова, а создание Пушкиным нового образа в пределах своей поэтической системы. Перед читателем — не поэт-гусар, а поэт-герой. Пожалуй, это единственное из стихотворений поэтов-современников, где Давыдов представлен вне созданной им легенды о гусаре.

Военная историческая проза Дениса Давыдова посвящена событиям 1812 года, периоду, когда он возглавлял партизанское движение и руководил Ахтырским гусарским полком, но этот исторический образ не нашёл применения в его поэзии. Давыдов так и остался романтическим поэтом, продолжая воспевать подвиги старого гусара. Этот образ целиком принадлежал романтической традиции.

Пушкин же с его новым пониманием действительности не мог оставаться в её границах. В итоговом послании Давыдову он обновил прежнюю эмоциональность: фоном для создания лирического героя послужила не гусарская легенда Давыдова, а эпохальные события 1812 года. Теперь поэт воспринимается не как активный деятель пиров, а как историческая личность, непосредственный участник событий Отечественной войны. Пушкин зафиксировал и закрепил этот факт, сделав акцент на военной прозе Давыдова о 1812 годе и сместив на периферию контекст его гусарских стихов.

Конечно, послания не мыслились Пушкиным как единое целое, хотя и были написаны одним размером — четырёхстопным ямбом. Но, несмотря на хронологическую удалённость друг от друга, три давыдовских послания Пушкина образуют идейно-тематическую связь. Осмысление образа Давыдова постепенно усложнялось, двигалось к более глубокому его постижению. Этот ключевой образ объединил тексты в художественное целое, благодаря чему возникло представление о сложном образовании со сквозными темами и мотивами. Так формировались панаевский цикл в лирике Некрасова, денисьевский цикл в лирике Тютчева, блоковский цикл в лирике Ахматовой. Тематическое объединение текстов происходит в сознании исследователя или читателя. Авторский замысел такой контекстуализации не предполагает.

Композиция этого художественного единства напоминает циклическую структуру: объединяясь в целое, самостоятельные тексты получают дополнительные смыслы. Так сформировался лирический цикл посланий Давыдову с обращённой к образу поэта-гусара завязкой, совпадающей с новым аспектом в творчестве Давыдова — военной прозой — кульминацией и отмеченным торжеством героя 1812 года финалом.

*Наталья Кузнецова,
Максим Мельцин*

АНТИКУТУЗОВСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В ПОЭЗИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА:

неопубликованная сатира князя И.М. Долгорукова
«Побаска пьяного мужика под Москвою после француза»

После оставления Москвы в русском дворянском обществе заметно выросли антикутузовские настроения. Помимо эмоционального потрясения от оставления столицы, немалую роль в этих настроениях сыграл и материальный убыток. До последнего момента Кутузов обещал защитить Москву (и мог ли утверждать что-либо иное?), и значительное количество дворян, ему веривших, не занималось эвакуацией имущества. Когда же выяснилось, что Москву всё-таки сдадут, вывозить добро было уже поздно. «Мысль о том, что Москва обречена, до тех пор неосознаваемая, поражала человека разом, как пуля. Тысячи москвичей устремились из города кто в чём, кто как. Старшина Английского клуба Нелединский ещё утром 2 сентября не предполагал, что Москва будет брошена: ехавши по улице на извозчике, он вдруг увидел уходящие русские войска и, даже не заезжая домой, велел извозчику гнать вон из города — так и спасся»¹. Это ощущение смятения, неопределённости, рухнувших надежд отразилось в самом известном стихотворении князя И.М. Долгорукова о 1812 году «Плач над Москвою»:

В годину лютых зол, в день страшныя беды,
Когда в огне Москва Везувий представляла,
Детей своих во все заставы извергала
И кровию граждан багрила их следы,
Когда чрез 200 лет столицу вновь карали,
Сквернили алтари, в домах и казнь, и плен,
Бежали без ума толпы мужей и жен
И весь домашний скарб злодею покидали,
Взглянул и я на Кремль — ударил в перси, взвыл,
Схвата жену, детей, давно лиющих слезы,

---

¹ *Тепляков С.А.* Век Наполеона. Реконструкция эпохи. Барнаул, 2011. С. 318.

В беспамятстве помчал на устье тихой Тезы,
И там от всяких зол Господь меня укрыл¹.

Оставление Москвы неприятелю не могло не вызвать острой полемики. Литературная традиция, начало которой было положено буквально во время этих трагических событий, в основной своей массе развивает прокутузовское направление. Это объяснимо как естественным патриотическим желанием морально поддержать действия русской армии, так и чисто литературной традицией, призывающей прославлять полководца классицистическими одами. Произведения В.А. Жуковского («Вождю победителей», 1812), А.Ф. Воейкова («Князю Голенищеву-Кутузову Смоленскому», 1812—1813), Г.Р. Державина («Ода на смерть фельдмаршала князя Смоленского», 1813; «Князь Кутузов-Смоленский», 1813), К.Ф. Рылеева («Любовь к Отчизне», 1813; «Князю Смоленскому», 1814) и другие выдержаны именно в этом традиционно хвалебном духе, не всегда, вероятно, означающем реальную солидарность авторов с действиями Кутузова, но ритуально декларирующие эту солидарность.

Антикутузовские настроения известны по публицистике этого времени и особенно по источникам личного происхождения. Характерны в этом смысле письма графа Ф.В. Ростопчина А.А. Закревскому. 21 ноября он пишет: «Я болтанию Кутузова не более верю, как тысячи одной ночи»², а 16 января 1813 года называет Кутузова «старой придворной собакой»³. Или, например, в «Записках о словесности» графа Д.И. Хвостова: «2-го сентября войски Наполеона вступили в Москву. Оставляя суждение о сем военным людям и дипломатам, скажу только, что мой Кутузов Фабий не очень на свое копие возлегал для сохранения Матери граду»⁴, — и уже после освобождения Москвы: «По мнению моему,

¹ *Долгорукий И.М., кн.* Бытие сердца моего, или Стихотворения князя Ивана Михайловича Долгорукого. Изд. 3-е. В четырёх частях. М.: Издание книгопродавца А.С. Ширяева; В Университетской Типографии, 1817—1818. Ч. I: Содержащая в себе предметы высокие, нравственные или печальные. М., 1817. С. 159.

² Письма графа Фёдора Васильевича Ростопчина к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому. 1812—1824 гг. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 73: Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. СПб., 1890. С. 460—461.

³ Там же. С. 461.

⁴ [Хвостов Д.И., *гр.*] Записки о словесности // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественной мысли. Вып. I. М.; Л., 1938. С. 388—389.

Кутузов не Пожарский»¹. Но антикутузовские настроения не создали в художественной литературе значительной традиции, хотя на их наличие явно указывает басня И.А. Крылова «Обоз». Следы этих настроений можно обнаружить, например, в знаменитом «Полководце» Пушкина, в котором критике подвергается не столько военная стратегия Кутузова, сколько, как отмечает А.Г. Тартаковский, морально-нравственная составляющая².

Несколько другую направленность имеет ряд широко известных басен И.А. Крылова («Ворона и Курица», «Обоз», «Волк на псарне», «Щука и кот»). В них, в противоположность абстрактно-ритуальной одической традиции, присутствует живая включённость автора в ситуацию, разбор конкретно-исторического материала и отношение к нему. Действия Кутузова, отражённые в иносказательно-притчевой форме (мы имеем в виду прежде всего басню «Обоз»), поддерживаются автором по существу, с пониманием дела, а вовсе не из соображений политических приличий. К такому откровенному выражению своей позиции, изложенному живым разговорным языком, доступным как аристократу, так и простому русскому мужику, располагает сам жанр басни. Обращения к национальному, народному, затрагивающему глубинные пласты менталитета россиянина, особенно актуализировались в военное время. Не случайно граф Ростопчин для своих «афиш» также избрал лубочно-простонародный стиль изложения³.

Обратимся теперь к тексту князя И.М. Долгорукова, в котором прослеживается явно сатирическая оценка Кутузова, соединённая с почти крыловской стилистикой.

В настоящий момент мы готовим к публикации полное собрание стихотворений князя И.М. Долгорукова. В ходе работы над изданием было обнаружено его стихотворение «Побаска пьяного мужика под Москвою после француза»⁴. Оно находится в рукописном альбоме «Запрещённый Товар, или Потаённое собрание тех моих сочинений, коих я или не хотел, или не мог выпустить в свет»⁵: в этот альбом князь за-

¹ Там же. С. 389.

² Тартаковский А. Г. «Стоическое лицо Барклая...» // Новые безделки : Сборник статей к 60-летию В.Э. Вацура. М., 1995/1996. С. 375, 376—377.

³ Афиши 1812 года, или Дружеские послания от главнокомандующего в Москве к жителям ее // Ростопчин Ф.В., гр. Ох, французы! М., 1992. С. 209—221.

⁴ Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки имени А.М. Горького МГУ имени М.В. Ломоносова (далее ОРКиР НБ МГУ). 1Рк 175/2, рук. 36, л. 26.

⁵ Там же. Л. 87.

писывал (точнее, по его просьбе переписывали — собственноручно он не писал чистовиков вследствие ужасного почерка) стихи, публиковать которые не планировал. Вместе с опубликованным при жизни автора и относительно известным стихотворением «Плач над Москвою» и также неопубликованным «Отечество» оно составляет небольшой корпус стихов Долгорукова, посвящённых Отечественной войне 1812 года. К ним можно присоединить также опубликованное при жизни стихотворение «На смерть г. Моро», которое относится уже к заграничному походу. Приведённый здесь полный текст стихотворения является его первой публикацией.

Побаска

пьяного мужика под Москвою после француза

Какой-то чорт зажѣг в селе у нас овин,
И близко от меня. Я — ну таскать пожитки!
Приказчик прибежал: «Куда ты, вражий сын?
Не трогай ничего. Я всё спасу, до нитки».
Послушался. Быть так! Оставил всё добро.
Вдруг ветер поднялся, и, слышь, так завило,
Что начало с огнём кидать по крышам галки¹.
Всѣ вспыхло в один миг, а мужичонки жалки
Не ведали с страстей, куда уж и бежать.
Я глядь — и на моём дворе пошла писать.
Сгорела вся дотла хоромина как свечка,
Осталася одна малѣванная печка.
Я криком закричал, и волость вся со мной.
Власть барская, а наш приказчик некошной²,
Поддел он, старый хрен, нас сладкими словами.
Пожалуй, людям верь, ведь клялся сединами!*

---

* Это взято из письма фельдмаршала кн. Кутузова к гр. Ростопчину, управлявшему столицей. (*Прим. кн. И.М. Долгорукова.*)

Заглавие стихотворения чётко указывает на нижнюю временную границу создания текста, то есть после оставления Москвы. Тексты в

---

¹ *Галка* (здесь) — горящая головня, носимая ветром на пожаре (Даль).

² *Кошной* — чистый, добрый, непоганный, годный; более употрбл. *некошный* — поганный, нечистый; сатана, бес (Даль).

рукописном альбоме расположены в хронологическом порядке, и перед этим стихотворением находится стихотворение «Отечество»), к которому сам автор делает примечание, что оно писано им в его подмосковной как раз в то время, когда он спасался там от неприятеля, занявшего Москву. Поэтому можно с уверенностью датировать «Побаску...» 1812 годом.

В самом тексте, как мы видим, ни Кутузов, ни Москва, ни война 1812 года не упоминаются. Однако чистого иносказания Долгорукову оказалось мало, и он вынес указания на отнесённость текста к реальности за его пределы — в заголовок и примечание. Озаглавив текст «Побаска пьяного мужика под Москвою после француза», Долгоруков обозначает его жанрово-стилистическую принадлежность. Перед нами сатирическое произведение, по форме близкое к басне и опирающееся на лубочно-народную традицию (рассказчик — пьяный мужик). Язык стихотворения нарочито разговорный, простонародный, моделирующий речь простого мужика. Примечание же указывает на конкретный текст, вдохновивший Долгорукова на создание стихотворения.

В своём письме графу Ростопчину от 21 августа 1812 года (то есть до Бородинской битвы и даже до того, как Бородинское поле было выбрано местом сражения) Кутузов, в числе прочего, писал: «Уведомясь, что жители Москвы весьма встревожены разными слухами о военных наших происшествиях, прилагаю здесь для успокоения их письмо на имя вашего сиятельства, которое можете вы приказать напечатать, если почтёте за нужное»¹. И, действительно, прилагал к этому письму другое письмо на имя Ростопчина, предназначенное к опубликованию, в котором утверждал боеспособность войск, целью которых является единственно спасение Москвы. В постскриптуме же к этому, второму письму говорилось: «Прошу ваше сиятельство уверить всех московских жителей моими сединами, что ещё не было ни одного сражения с передовыми войсками, где бы наши не удерживали поверхности, а что не доходило до главного сражения, то сие зависело от нас, главнокомандующих»². Конечно, Кутузов кляётся сединами лишь в том, что прежде русские войска от наполеоновского авангарда поражений не несли, а не в том, что Москва не будет сдана, но клятва явно запомнилась. Не случайно кутузовские седина упоминаются и в крыловском «Волке на псарне».

---

¹ Кутузов Михаил Илларионович. Документы : В 5 т. Т. IV: Сборник документов. Ч. 1 (июль — октябрь 1812 г.). М., 1954. С. 119.

² Там же. С. 120—121.

В самом тексте «Побаски...» при внимательном рассмотрении можно обнаружить элементы, позволяющие интерпретировать её содержание в рамках проблемы оставления Москвы Кутузовым. Овин у Долгорукова зажигает «какой-то чорт». Упоминание чёрта в этом контексте кажется весьма неслучайным, если вспомнить довольно распространённое в то время восприятие Наполеона как Антихриста. (Ср., например, у Г.Р. Державина в «Гимне лиро-эпическом на прогнание французов из отечества...» трактовку Наполеона как «седьмглавого Люцифера», «князя тьмы»: «Ишел из бездн огромный зверь, / Дракон иль демон змиевидный».)

В своих мемуарах Долгоруков пишет, что ещё в 1806 году «православная церковь российская называла Наполеона Антихристом»¹.

Герой «Побаски», приказчик, называет рассказчика «вражий сын» за то, что он норовит спасти из пожара своё добро. Почему именно вражий сын? Панические настроения в Москве перед сдачей расценивались как измена, проявление недоверия к мощи русской армии. Поэтому такие действия, как срочный отъезд из Москвы, спасение имущества и выражение подобных намерений, оценивались негативно, подтверждение этому можно найти в «афишах» Ростопчина, стыдившего москвичей, покидающих столицу.

Пожар, который описывается в «Побаске», явно отсылает к московскому пожару. Он такой же внезапный, распространившийся очень быстро и чрезвычайно сильный, в результате которого сгорело всё «как свечка». Мораль сей побаски очевидна: её герой, «пьяный мужик», поступил так же, как большая часть московской публики, он послушался «приказчика» и не стал спасать своё добро, поверив его «сладким словам». Сатира Долгорукова, таким образом, направлена не собственно на военно-стратегические решения Кутузова, а на введение обществен-

---

¹ Долгоруков И.М., кн. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-м году от рождения моего... : В 2 т. Т. 1. СПб., 2004. С. 709. Князь имеет в виду Синодский указ от 13 декабря 1806 года «О обязанности духовенства при составлении земского войска или милиции, и о чтении по церквам сочинённого Синодом по сему случаю объявления» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. № 22394. Т. 29. С. 926—930), в котором Наполеон обвиняется во множестве богопротивных дел, хотя слово «Антихрист» там и не употреблено. Правда, после этого был Тильзитский мир и период дружбы с Наполеоном, но в 1812 году восприятие Наполеона как Антихриста вновь обострилось.

ности в заблуждение относительно намерений командования. Вскользь достаётся и Александру I, поставившему во главе такого «некошного».

Долгоруков, по натуре артистичный, склонный к ироническому взгляду на мир, тем не менее в поэзии не увлекался жанром басни. Лишь в последние годы он перевёл пару басен с французского. Не очень много у него и сатирических стихотворений, по настроению напоминающих «Побаску...»: «Авось», «Везёт», «Живёт», «Бал», «Пир», «Парфену», «В последнем вкусе человек» и тому подобные. В стихотворном наследии Долгорукова количественно доминируют дружеские и любовные поэтические послания, эпитафии и оды. Сатира, о которой здесь идёт речь, не случайно попала в «Запрещённый товар...». Автор понимал её политическую остроту и не рассчитывал на опубликование. Он и без того имел в обществе репутацию сочувствующего и симпатизирующего французам. Из мемуаров князя видно, что его часто обвиняли в недостатке патриотизма. Ещё в 1807 году, будучи владимирским губернатором, он руководил переправкой через Владимир пленных французов (речь идёт о пленных в войне 1806—1807 годов) к месту их содержания. Вот что он пишет в своих мемуарах:

«Хотя не много привозили ко мне штаб- и обер-офицеров, однако человек до пятидесяти мне случилось видеть, и из них я с некоторыми, как например Сегюр, la Grange, Deschamps, Martin и Chabannes, познакомился с приятностью. Правила мои из Истории моей уже известны. Я люблю и не люблю по воле сердца, а не по предрассудку, и никогда не постыжусь сказать, что я гораздо охотнее разделю время с умным и учёным французом, хоть пленным или свободным, нежели с пьяным помещиком, не знающим грамоте, потому только, что он русский, а не иноземец. Что мне до цвета волос и до наречия? Добрый человек везде мой земляк.

Весь мир одна семья, с начала до конца:
Мы слабые птенцы всесильного отца¹.

От этого, однако, что я так думаю, прошу не заключать, чтоб я был Мазепа. Нет, конечно! Изменить родине я не могу ни в каком случае, но

---

¹ Эти строки, которые Долгоруков приводит в своих мемуарах, взяты как раз из его стихотворения «Отечество», также посвящённого войне 1812 года и помещённого в том же рукописном альбоме «Запрещённый товар...». См. ОРКиР НБ МГУ. 1Рк 175/2, рук. 36, л. 25.

любить буду вечно то, что мне понравится. Между приверженностью к своему краю и ненависти к чужому по предрассудку должно определить границу. Но не о том здесь дело. Веротисма к пленным.

<...> Segur и Lagrange, благородные люди, проезжая в Вологду через Владимир по особенному о них назначению, ибо они чинами, именем и званием отличались от толпы прочих пленных, прожили у меня двое суток, и находившийся при них гусарский унтер-офицер лет двадцати по имени Шабан, сын генеральский, старого дворянского происхождения, занемог горячкой. Им нельзя было его с собой вести, не подвергая опасности, они его оставили в лазарете при Общественном призрении и убедительно меня просили приказать за ним ходить хорошему лекарю и сберець его сколько возможно. Они уехали, а мальчик остался на моих руках. Долго он хворал, но натура превозмогла болезнь, и он вошёл в силы. Я дал ему квартиру у себя в доме и признаюсь, что лелеял его, как сына, потому что он был умён, благодравен и хорошо воспитан. Выздравливал он медленно, и, чтоб не подвергнуть его новой горячке, тем более что, не будучи офицером, он не имел права на подводу и должен был бы идти на Вологду пешком, иначе патриоты, увидя его в повозке, закричали бы: «Измена!»¹, я додержал его до замирения, которое, к счастью его, последовало летом. Шабан должен был ехать. Что превозможет любовь к родине? Я его отпустил, и когда он прощался с нами, он плакал, как дитя, которого отнимают у кормилицы. Наконец, уехал Шабан, и след простыл, но нас он не забыл. Приехавши на границу, писал ко мне с тем офицером, который отвозил его, благодарил каждое лицо моего семейства за хорошие с ним поступки. Мало этого. С удивлением чрезвычайным получил я по некотором времени письма от всех его родных, отца, матери, сестёр из Парижа, в которых они в трогательнейших выражениях благодарили меня за милости, оказанные их детищу. Много ли мы видим на Руси таких благодарных людей?»¹.

Война 1812 года произвела перелом в отношении к французской культуре среди российской аристократии. Восторг перед блестящими победами Наполеона, общая франкомания в дни войны сменились патриотическим настроем, и за этими изменениями не все общественные круги успевали одинаково быстро. Долгоруков же и вовсе, можно сказать, не успел, поскольку всегда повторял, что для него все нации равны и что общение с французами даже в дни войны для него не зазорно. Этим он вызывал нарекания со стороны знакомых и, возможно,

¹ Долгоруков И.М., кн. Повесть о рождении... Т. 2. СПб., 2005. С. 20—24.

свою сатиру скрыл от публики именно для того, чтобы не добавлять лишних аргументов тем, кто выражает сомнения в его благонадёжности. Даже в 1815 году он крайне болезненно воспринял замечание П.М. Строева, критически отозвавшегося о его переводе романа «Филибер» А.Ф.Ф. Коцебу: «Читая перевод Кн. Ивана Михайловича Долгорукого, кажется, что читаешь по-французски: состав речи, выражения, обороты — всё французское»¹. Реакция Долгорукова явно неадекватна: «Досталось от г. рецензента не только моему слогу, но даже и оболочке, и формату книги, ничто не укрылось от его тонкого зрения, он проник во нрав мой и рассудил вместе с переводом критиковать и его, сказав, что у меня не только оборот речей, слог, выражения, но и *всё* французское»². Чувствуется, что тема франкофилии была для него очень болезненна. Но нельзя не отметить, что, если во взглядах И.М. Долгорукова прослеживается определённая симпатия к французской культуре, то в его собственном литературном творчестве ориентация на французские образцы вовсе не доминирует. Жанровое своеобразие многих его произведений, живой разговорный язык, пересыпанный русскими пословицами, диалектными выражениями, языковой рефлексией свидетельствуют о самобытности этого писателя. «Побаска пьяного мужика под Москвою после француза» может служить доказательством этого тезиса и одним из ярких образцов творчества князя И.М. Долгорукова.

---

¹ [Строев П.М.] Филибер. Новый роман г. Коцебу // Современный наблюдатель российской словесности, издаваемый Павлом Строевым. 1815. Ч. 1. № 2. С. 61.

² Долгоруков И.М., кн. Повесть о рождении... Т. 2. С. 361—362.

**ГЕНЕРАЛЫ 1812 ГОДА
В ПУШКИНСКИХ ТЕКСТАХ И В РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ:
М.С. ВОРОНЦОВ**

Образ Воронцова долгое время в нашем сознании представлял исключительно в свете его отношений с Пушкиным, а вернее, в свете отношения Пушкина к нему. Мало что изменилось после перезахоронения останков четы Воронцовых в 2005 году в нижнем храме восстановленного Спасо-Преображенского собора в Одессе, под тем местом, где до 1936 года стоял саркофаг с их прахом. На памятник, сооружённый на собранные со всей России деньги, вернули надпись «Светлейшему князю Михаилу Семёновичу Воронцову. Благодарные соотечественники. 1863». С 1936 по 2005 год на его пьедестале были выбиты другие слова, а именно известная эпиграмма Пушкина, единственная, которую сам поэт атрибутировал как сочинённую именно на Воронцова:

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.
(III, 317)

Она не была записана поэтом и при его жизни никогда не была напечатана¹.

Остальные пушкинские стихотворные строки, которые долгое время относили к Воронцову, по мнению ряда исследователей последних десятилетий, могут быть с ним и не связанными.

Так, историографическая традиция относит к Воронцову стихи о Давиде и Голиафе:

Певец Давид был ростом мал,
Но повалил же Голиафа,

---

¹ В письме к П.А. Вяземскому от 10 октября 1824 года Пушкин представил эту эпиграмму в таком варианте:

Полу-герой, полу-невежда,
К тому ж ещё полу-подлец!..
Но тут однако есть надежда,
Что полный будет наконец.

(XIII, 111)

Кот<орый><?> был<?> и генерал<?>,
И, положусь<?>, не про<ще><?> гр<афа>.
(III, 318)

Между тем в процессе изучения рабочих тетрадей Пушкина С.А. Фомичёв пришёл к выводу, что эта эпиграмма была написана не в 1824, а в 1822 году, не в Одессе, а в Кишинёве, и не на Воронцова, а на совсем другое лицо¹.

По мнению исследователей творчества поэта, едкая сатира на «достопочтенного» лорда Мидаса² — тоже о Воронцове.

Не знаю где, но не у нас,
Достопочтенный лорд Мидас,
С душой посредственной и низкой, —
Чтоб не упасть дорогой склизкой,
Ползком прополз в известный чин
И стал известный господин.
Ещё два слова о Мидасе:
Он не хранил в своём запасе
Глубоких замыслов и дум;
Имел он не блестящий ум,
Душой не слишком был отважен;
Зато был сух, учтив и важен.
Льстецы героя моего,
Не зная, как хвалить его,
Провозгласить решились тонким...
(III, 453³)

---

¹ *Фомичёв С.А.* Эпиграмма «Певец Давид был ростом мал...» (Текст, датировка, сатирическая направленность) // *Временник Пушкинской комиссии.* СПб., 1995. Вып. 26. С. 78—86.

² Овидий в «Метаморфозах» рассказал о царе Мидасе, который, взявшись быть судьей между состязавшимися в пении Аполлоном и Паном, отдал предпочтение Пану. Аполлон рассердился и в наказание наградил Мидаса ослиными ушами, которые тот старался спрятать и прикрыть короной.

³ Эпиграмму, неотделанную и незаконченную, Пушкин вставил в «Отрывки из писем, мыслей и замечаний», которые напечатал в альманахе «Северные Цветы» за 1828 год. Статью он не подписал, а стихи подписал, да ещё с примечанием: «Тонкость не доказывает ещё ума. Глупцы и даже сумасшедшие бывают удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость редко соединяется с гением, обыкновенно простодушным, и с великим характером, всегда откровенным» (XI, 55—56).

Почему исследователи решили, что это про Воронцова? Только из-за четырёх последних строчек?

Про Воронцова уж точно нельзя сказать, что он «ползком прополз в известный чин». Будучи зачислен на службу с четырёхлетнего возраста, он пошёл служить поручиком (1801), а вскоре (1803) добровольно перевёлся в действующую армию на Кавказ, где уже через год был награждён своим первым орденом Святого Георгия IV степени. Становиться «известным господином» ему не пришлось: граф Михаил Семёнович был им уже по рождению: его дед, отец, дядя, тётка (Е.Р. Дашкова) с середины XVIII века занимали прочные позиции вблизи престола, он мог похвастаться знатностью происхождения и огромным богатством.

Насчет «не блестящего ума»: все знавшие Воронцова признавали в нём европейски образованного и умного человека, а по поводу отсутствия у него «глубоких замыслов и дум» — речь впереди.

«Душой не слишком был отважен»... Трусом никто и никогда графа не называл. В Бородинском сражении сводная гренадерская дивизия Воронцова находилась на труднейшем участке позиции: в передовой линии она защищала Семёновские (Багратионовы) флеши. В 6 часов утра флеши были атакованы тремя дивизиями маршала Даву. Гренадеры Воронцова стояли насмерть, неоднократно переходили в контратаки, действуя врукопашную. Впереди шёл командир дивизии со шпагой в руках, не переставая улыбаться... Дивизия таяла на глазах; поведа её остатки в очередную контратаку, Воронцов воскликнул: «Смотрите, братцы, как умирают генералы!» Его опрокинул удар в бедро, уже лежащий, он не выпускал из рук куса обломанной шпаги.

Когда Михаила Семёновича выносили в тыл, кто-то сказал: «Где ваша дивизия? Она исчезла с поля боя». Превозмогая боль, он отвечал: «Она исчезла не с поля боя, но на поле боя». Из четырёх тысяч его солдат в Бородинской битве уцелело лишь 300, из 18-ти штаб-офицеров — только трое».

Уже 65-летним стариком Воронцов преспокойно расхаживал под пулями горцев, о чём имеет красочный рассказ его адъютанта князя А.М. Дондукова-Корсакова¹.

Мог ли человек «с душой посредственной и низкой» всю жизнь вызывать искреннюю любовь подчинённых? Мемуарист, неприязненно

---

¹ *Дондуков-Корсаков А.М.* М.С. Воронцов // *Старина и новизна.* СПб., 1902. Т. V. С. 148—149.

относившийся к Воронцову, отмечал, каким обожанием он был окружён во время командования русским Отдельным корпусом во Франции в 1815—1818 годах, и подчёркивал, что весь личный состав корпуса нарушал заповедь «не сотвори себе кумира», ибо для них граф имел непогрешимость папы¹.

Когда Воронцов после Бородина отправился на лечение в своё имение Андреевское во Владимирской губернии, туда по его указанию привезли и других раненых: в господском доме был устроен госпиталь для офицеров и генералов, а солдаты были расквартированы в крестьянских избах на полном довольствии графа (на это уходило до 800 рублей в день). Заботливый уход благодаря Воронцову получили до 50 офицеров и более 300 нижних чинов.

К 1824—1825 годам относится острая сатира «Сказали раз царю»:

Сказали раз царю, что наконец
Мятежный вождь, Риэго, был удушен.
«Я очень рад, сказал усердный льстец:
От одного мерзавца мир избавлен».
Все смолкнули, все потупили взор,
Всех рассмешил проворный приговор...

— которая заканчивалась следующими строчками:

Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.
(II, 378²)

---

¹ *Вигель Ф.Ф.* Записки : В 2 кн. Т 2. М., 2003. С. 907. Вигель писал: «Надобно... предполагать в нём нечто необычайное, покоряющее ему людей, несмотря на все слабости. Мобеж был полон его имени, оно произносилось на каждом шагу и через каждые пять минут. Он составил дружину из преданных ему душой... людей. Для них... имел он непогрешимость папы; он не мог сделать ничего несправедливого или неискусного, ничего сказать неуместного; непрестанно грешили они против заповеди, которая говорит: не сотвори себе кумира. Не быв царем, вечно слышал он около себя лесть, только чистосердечную, энтузиазмом к нему произведённую».

² В одном из вариантов Пушкин вместо «усердный льстец» написал «полу-подлец», это обстоятельство и позднее (1850-х годов) свидетельство декабриста Н.В. Басаргина, которого подвела память, дали основание для отнесения этого стихотворения к Воронцову.

Стихотворение было написано по поводу якобы выраженной Воронцовым в присутствии императора радости в связи с поимкой вождя испанской военной революции Рафаэля Риго. Однако в послании министра иностранных дел Франции Ф.-Р. Шатобриана, обнародованном при Воронцове в начале октября 1824 года под Тульчиным, имя Риго даже не упоминалось: речь шла о роли России в «успокоении» Европы¹.

Пушкин оставил и в прозе характеристику Воронцова. В воображаемом разговоре с Александром I, написанном им в декабре 1824 года в Михайловском, на вопрос императора: «Как это вы могли ужиться с Инзовым, а не ужились с графом Воронцовым?»² — он перечислил достоинства Инзова, которые были прямо противоположны недостаткам Воронцова, и особо подчеркнул, что Инзов «не верит *вражеским пасквильям*», а Воронцов, соответственно, верит. Не попытка ли это самооправдаться?

Что касается эпистолярного наследия Пушкина, то в трёх десятках его писем из Одессы неоднократно встречаются упоминания о его начальнике. Причём тон высказываний поэта о Воронцове резко меняется с конца мая 1823 года. Исследователи связывают такую перемену с пресловутой командировкой на саранчу³, а также с ревностью и ущемлённым самолюбием: поэта не пригласили в Крым на новоселье... Как раз к этому времени относится и появление известной эпиграммы на Воронцова. Биограф последнего склонен видеть здесь влияние прибывшего в Одессу в июне 1823 года С.Г. Волконского, который характеризовал новороссийского генерал-губернатора как «ненасытного в тщеславии, не

---

¹ См.: Литературное наследство. Т. 33/34. М., 1939. С. 651.

² На вопрос царя Пушкин отвечал, что «генерал Инзов ... русский в душе, ... не предпочитает первого английского шалопапа всем <известным> и неизвестным своим соотечественникам. Он уже не волочится... страсти ... в нём... уж давно погасли. <Он> доверяет благородству чувств, потому что сам имеет ч. <увства> благородные, не боится насмешек, потому что выше их... со всеми вежлив, не опрометчив, не верит враже<ским> <?> паскв<ильям>» (XI, 23).

³ Пушкин был привлечён лишь, когда все чиновники канцелярии губернатора были брошены на борьбу с саранчой. По мнению биографа Воронцова, мотивы графа могли быть и такие: дать Пушкину отличиться, потом доложить в Петербург о его успехах и добиться его перевода. Пушкин получил командировку на месяц с соответствующим содержанием, пробыл «в поле» пять дней, но командировочные не вернул. Тот же автор выдвинул предположение, что Воронцов таким образом хотел облегчить материальное положение поэта (Удовик В.А. Воронцов. М., 2004. С. 160–161).

терпящего совместничества, неблагодарного к тем, которые оказали ему услуги, неразборчивого в средствах»¹. Именно в это время Пушкин пишет А.И. Тургеневу: «Вы уж узнали, думаю, о просьбе моей в отставку; с нетерпением ожидаю решения своей участи и с надеждой поглядываю на ваш север. Не странно ли, что я поладил с Инзовым, а не мог ужиться с Воронцовым; дело в том, что он начал вдруг обходиться со мною с непристойным неуважением, я мог дожидаться больших неприятностей и своей просьбой предупредил его желания. Воронцов — вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое» (XIII, 102—103). Письмо это было отправлено 14 июля 1824 года, ровно через месяц после того как Воронцовы уехали в Крым. Какую обиду пестовал в себе поэт всё это время?

Между тем за год до этого отношение Пушкина к Воронцову было принципиально иным. Недаром весной 1823 года, узнав о назначении графа новороссийским генерал-губернатором и бессарабским наместником, П.А. Вяземский и А.И. Тургенев так усердствовали, чтобы состоялся перевод Пушкина в Одессу. Помимо того что сам поэт рвался из опостылевшего ему Кишинёва, всем заботившимся о его судьбе казалось, что Воронцов — именно тот начальник, который облегчит положение ссыльного поэта и, может быть, исходатайствует ему разрешение вернуться в столицу. Тогда для Пушкина и его друзей Воронцов был героем из героев, легендарным генералом, кавалером трёх орденов святого Георгия, которые давались исключительно за боевые заслуги. Кроме того, он был известен своими либеральными взглядами и делами в том же духе. Непосредственные переговоры с графом К.В. Нессельроде, в ведомстве которого числился по службе поэт, вёл А.И. Тургенев. 15 июня он сообщал Вяземскому, что перевод Пушкина состоялся и что сам Тургенев два раза встречался с Воронцовым и «истолковал ему Пушкина и что нужно для его спасения». Автор письма добавлял:

---

¹ *Волконский С.Г.* Записки. СПб., 1902. С. 325. Волконский служил в штабе Ф.Ф. Винценгероде, под чьим командованием в 1814 году находился и корпус Воронцова. Воронцов, как и многие другие генералы, считал командующего ничтожеством в профессиональном плане, но зато он был слишком близок ко двору. Волконский вслед за Ф.Ф. Винценгероде подвергал сомнению храбрость Воронцова в битве при Краоне. Может быть, отсюда и следующие строки Пушкина к Жуковскому: «Но полу-милорд Воронцов даже не полу-герой. Мне жаль, что он бессмертен твоими стихами...» (XIII, 124). Речь шла о стихотворении Жуковского «Певец во стане русских воинов» (приведено далее, см. сн. 1 на с. 194).

«Кажется, это пойдёт на лад. Меценат, климат, море, исторические воспоминания — всё есть: за талантом дело не станет»¹.

Поначалу всё шло превосходно. Приехав в Одессу в начале июля, Пушкин с головой окунулся в кипучую жизнь большого приморского города, столь непохожего на захолустный Кишинёв. Радовало поэта и море, которое он так любил. Первая встреча с Воронцовым прошла вполне благополучно. Пушкин, по воспоминаниям хорошо знавшего его человека, «всегда восхищался подвигом, в котором жизнь ставилась, как он выражался, на карту. Он с особенным вниманием слушал рассказы о военных эпизодах», и при этом «глаза его блистали»². Он не мог не отнестись к Воронцову, о героизме которого ходили легенды, с искренним восхищением и глубоким уважением. Другой современник поэта, Ф.Ф. Вигель, выражая общественное мнение первой четверти XIX столетия, утверждал, что Воронцов и Ермолов были кумирами русской армии новейшего времени, хотя им и не суждена была роль Суворова и Потёмкина (мнение относится к 1814 году)³.

В письме брату Льву от 25 августа, рассказывая о первых одесских впечатлениях, поэт писал: «Между тем приезжает Воронцов, принимает меня очень ласково, объявляет мне, что я перехожу под его начальство, что остаюсь в Одессе...» (XIII, 67⁴). В течение следующих месяцев Пушкин вращался в одесском обществе, часто бывая во дворце Воронцова или в кругу лиц из ближайшего окружения графа⁵. Он доволен своим положением, о чём свидетельствуют его письма, а также очевидцы одесского бытия поэта⁶. Вряд ли справедливо утверждение А.В. Тыр-

---

¹ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. 1799–1824. Т. 1. М., 1999. С. 326.

² Липранди И.П. Из дневника и воспоминаний И.П. Липранди // Русский архив. 1866. Стлб. 1453–1454.

³ См.: Давыдов М.А. Оппозиция его Величества. М., 2005. С. 16.

⁴ В том же письме, обрисовав своё трудное материальное положение и прося подействовать на отца, который ему ничего не посылает, Пушкин добавлял: «На хлебах у Воронцова я не стану жить — не хочу и полно — крайность может довести до крайности...»

⁵ См.: Глинка В.М. Пушкин и Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1949.

⁶ Так, 1 декабря поэт сообщает А.И. Тургеневу: «Я обнимаю вас из прозаической Одессы, не благодаря ни за что, но ценя в полной мере и ваше воспоминание и дружеское попечение, которому обязан я переменею своей судьбы. Надобно подобно мне провести 3 года в душном азиатском заточении, чтобы почувствовать цену и не вольного европейского воздуха» (XIII, 78). А Вяземскому в письме от 20 декабря он предлагает приехать, чтобы провести лето в Крыму, и добавляет, что «ей богу веселей здесь, чем у вас на Севере» (XIII, 83).

ковой-Вильямс, что между Воронцовым и Пушкиным шёл «поединок длительный, не знавший перемирий»¹. Пушкин бывает у Воронцовых достаточно часто, вызывает сомнение, что он стал бы посещать дом своего врага. Однако в июне — июле всё меняется: сказанное и написанное тогда поэтом менее чем через сто лет на многие десятилетия обусловит негативное отношение историографической традиции к Воронцову. Попробуем же сопоставить портрет Воронцова, основанный на свидетельствах других современников, с пушкинскими характеристиками.

Итак², с четырёхлетнего возраста Воронцов был зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк, в 1801 году вступил в военную службу гвардейским поручиком. Через два года по собственному желанию отправился на Кавказ для действий против горцев, участвовал в русско-иранской войне, за что был награждён орденом святого Георгия IV степени. В кампанию 1805 года Воронцов, зачисленный по его личной просьбе в состав русского корпуса генерала П.А. Толстого, вместе с английскими и шведскими войсками участвовал в походе на Померанию. В период войны 1806—1807 годов он проявил себя в сражении под Пултуском, за что был произведён в полковники, участвовал в кровопролитных боях под Гутшадтом, Гейльсбергом и Фридландом. В 1809 году Воронцов во главе Нарвского пехотного полка в составе Молдавской армии Н.М. Каменского отправляется на войну с Турцией. В 28 лет произведён в генерал-майоры. Осенью 1810 года во главе отдельного отряда генерал Воронцов занял города Плевну, Ловчу и Сельви. В кампании 1811 года, которую возглавил М.И. Кутузов, Воронцов командовал рейдом на правый берег Дуная, реализуя план Кутузова по изоляции армии визиря на его левом берегу, за что был награждён орденом Святого Георгия III степени. «Забыв о столичной жизни, Михаил Семёнович уже всецело принадлежал армии, «русское боевое молодечество», писали современники, сделалось его «второй натурой». Так продолжалось с 1803 по 1815 год. Подобное можно сказать о целой плеяде молодых генералов этого времени.

В конце 1824 года в Одессе побывали П.Д. и С.С. Киселёвы, они довольно тесно общались с Пушкиным и впоследствии при встрече сообщили Вяземскому, что «Пушкин в хороших руках» и что он часто бывает у Воронцовых (Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. 1799—1824. Т. 1. М., 1999. С. 371).

¹ *Тыркова-Вильямс А.В.* Жизнь Пушкина : В 2 т. Т. 1. М., 2006. С. 420.

² В публикации биография Воронцова приведена по: *Удовик В.А.* Воронцов.

С началом Отечественной войны 1812 года граф Воронцов опять занял место в боевом строю: ему была поручена сводная грендерская дивизия во 2-й Западной армии П.И. Багратиона. С нею в период отступления он участвовал в ожесточённых боях при Романове, Дашкове, геройски дрался под Смоленском.

24 августа 1812 года грендеры Воронцова остановили французов у деревни Шевардино. Устроенный здесь редут трижды переходил из рук в руки. Был полностью истреблён один из французских батальонов. Но всё-таки дивизия вынуждена была отойти на главную позицию у села Бородино. В Бородинском сражении 26 августа армия Багратиона занимала левый фланг. Дивизия Воронцова защищала Семёновские (Багратионовы) флеши, рядом находилась 27-я дивизия Д.П. Неверовского. Этим двум соединениям в 8 тысяч человек при 50 орудиях противостояли 7 пехотных и 8 кавалерийских французских дивизий при 200 с лишним орудиях. Семёновские флеши трижды подвергались атакам неприятеля. Увидев, что одно из укреплений занято французами, Воронцов поднял батальон и повёл в штыковую атаку. Он был ранен, а батальон практически уничтожен. Этот эпизод в описаниях очевидцев оброс многими художественными деталями. В.А. Жуковский, в первоначальном варианте стихотворения «Певец во стане русских воинов» посвятивший Воронцову две строки («Хвала, отважный Воронцов / Младой, но духом зрелый»), позже, узнав о подробностях обороны Багратионовых флешей, увеличил количество строк, посвящённых Воронцову, до 24 — это больше, чем кому-либо другому¹.

---

¹ Вот эти строки:

Наш твёрдый Воронцов, хвала!
О други, сколь смутилась
Вся рать славян, когда стрела
В бесстрашного вонзилась,
Когда полмерть, окровавлен,
С потухшими очами,
Он на щите был изнесен
За ратный строй друзьями.
Смотрите... язвой роковой
К постеле пригвожденный,
Он страждет, братскою толпой
Увечных окруженный.
Ему возглавье бранный щит;
Незыблемый в мученье,
Он с ясным взором говорит:

Едва оправившись от раны, Михаил Семёнович вновь отправился на войну и был назначен командиром авангарда Западной армии П.В. Чичагова. В начале 1813 года в первом заграничном походе русской армии он отличился в боях у Бромберга и Рогазны, со своим соединением занял Познань, за что был произведён в генерал-лейтенанты. После возобновления военной кампании России и её союзников против Наполеона Воронцов со своей дивизией входил в состав различных армий союзников (например, в состав Северной армии). Участвовал в Лейпцигской «битве народов» (октябрь 1813-го), когда едва не попал в плен, увлекшись преследованием французских кирасир. В 1814 году доблестно проявил себя в бою при Краоне, где в течение дня выдерживал атаки превосходящих сил противника во главе с самим Наполеоном и отступил лишь по приказу вышестоящего начальства. Один из его полковых командиров вспоминал об этом сражении: «Где больше опасность, где больше огонь, там, конечно, был уже и граф Воронцов»¹. Наградой за Краон стал орден Святого Георгия II степени. Воронцов участвовал также в боях под Лаоном и Парижем.

С окончанием военных действий против Наполеона боевая эпопея Воронцова не закончилась. В 1815—1818 годах граф Воронцов командовал русским Отдельным корпусом во Франции и оставил о себе и о русских вообще самые добрые воспоминания у французов. Его отличало гуманное, можно сказать, даже гуманистическое, отношение к солдатам: в корпусе были открыты четыре ланкастерских училища, строго ограничены, практически упразднены телесные наказания для нижних чинов. «При уходе корпуса на родину, в 1818 году, Воронцов заплатил долги, сделанные русскими военными служащими во Франции».

О его популярности в то время свидетельствует донос М.К. Грибовского, члена «Союза благоденствия», в котором, в частности, говорит-

---

«Друзья, бедам презрень!» —
И в их сердцах героя речь
Веселье пробуждает,
И, оживясь, до полы меч
Рука их обнажает.
Спешите ж, о витязь наш! воспрянь;
Уж ангел истребления
Горе подъял ужасну длань,
И близок час отмщенья.

В.А. Жуковский. Собр. соч. : В 4 т. Т. 1. М., 1959. С. 56.

¹ *Маевский С.И. Воспоминания // Русская старина. 1873. № 8. С. 273.*

ся, что будущего руководителя члены тайного общества предполагали «избрать... из вельмож, уважаемых войском и народом и недовольных правительством» и «самая большая надежда возлагалась... на графа Воронцова»¹.

Стремление облегчить жизнь простых людей отличало не только Воронцова-командира, но и Воронцова — владельца крепостных крестьян. Ещё при его отце и дяде, С.Р. и А.Р. Воронцовых, в их имениях «ярем... барщины старинной» был заменён «оброком лёгким». В один из своих приездов в Петербург граф участвует в организации так называемого «общества добрых помещиков»: 65 землевладельцев Санкт-Петербургской губернии решили освободить своих крестьян, наделив их наделами в наследственное пользование. Попытка не удалась: согласие императора Александра I так и не было получено. В подобном начинании Воронцов принял участие ещё раз после возвращения из Франции, в 1820 году. Тогда Н.И. Тургенев писал брату Сергею: «На сих днях я был у графа Воронцова, и он мне чрезвычайно понравился... Он мог бы быть зачинщиком улучшения участи крестьян. И теперь главная надежда на него»². Именно Воронцова инициаторы (братья Н. и С. Тургеневы и Вяземский) решили сделать официальным главой общества для освобождения своих крепостных. Однако и на этот раз не было получено высочайшего соизволения. Зато при следующем императоре, Николае I, Воронцов выступил пионером в деле перевода крестьян в обязанные: по указу 2 апреля 1842 года крестьяне получали личную свободу и земельный надел, за что должны были выполнять повинности в пользу землевладельца. Воронцов задумал дать свободу крестьянам всех своих имений, находившихся в семи губерниях, общей численностью около 24 тысяч душ, о чём свидетельствуют его конфиденциальные письма министру государственных имуществ П.Д. Киселеву. Однако многочисленные ведомственные препоны и проволочки с обращением крестьян села Мурино Санкт-Петербургского уезда в обязанные в дальнейшем заставили князя отказаться от подобных преобразований в других имениях³. Так Воронцов на протяжении всей жизни реализовывал свои глубокие замыслы.

¹ Шильдер Н.К. Император Александр I. Т. 4. СПб., 1897. С. 209–210.

² Тургенев Н.И. Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 302.

³ Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселёв и его время : материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II : В 4 т. Т. 2. СПб., 1882. С. 266—273.

А в 1823 году он был назначен генерал-губернатором Новороссии (Северное Причерноморье) и полномочным наместником Бессарабии. «Получив огромные южные территории под своё управление, Воронцов вслед за первым губернатором Новороссии герцогом Э.О. Ришелье прекрасно понял политическую и экономическую миссию Одессы в Европе и России, а потому сделал всё возможное для повышения роли неофициальной столицы юга. При нём Одесса стала третьим городом империи по количеству жителей, а по духу вольности и удобству жизни, как свидетельствовали многие современники, лучшим городом страны, опережая Москву и Санкт-Петербург.

Мошение и освещение улиц, проведение водопровода, создание гармоничного европейского архитектурного ансамбля центра Одессы, обустройство морского порта и маяка, организация порто-франко, подготовка сооружения первой ветки Одесской железной дороги¹, открытие гимназий, школ, института благородных девиц, училищ глухонемых и восточных языков, училища торгового мореплавания в Херсоне, первого открытого музея и второй в России публичной библиотеки, разведение виноградников в Крыму и начало выпуска знаменитых крымских вин, создание Общества развития сельского хозяйства Южной России, а также многие другие деяния самым непосредственным образом были связаны с поразительной по своей энергии созидательной деятельностью светлейшего князя Воронцова».²

Оставаясь новороссийским наместником, Воронцов участвовал в русско-турецкой войне 1828—1829 годов, где в 1828 году сменил раненого А.С. Меншикова на посту командующего осадным корпусом под Варной и в короткие сроки овладел городом. В кампании 1829 года он обеспечивал бесперебойное снабжение русских войск, действовавших против Турции за Кавказом.

С конца 1844 года Воронцов — главнокомандующий войсками на Кавказе и кавказский наместник (при этом он остаётся новороссийским генерал-губернатором и наместником Бессарабии). Ему предстояла

---

¹ В 1837 году А.Х. Бенкендорф после посещения Одессы писал: «Одесса чрезвычайно украсилась... и меня поразило множество новых, изящных в ней зданий. Не могу не отдать справедливости графу Воронцову: он сделал просто чудеса». *Бенкендорф А.Х. Записки графа А.Х. Бенкендорфа (1832—1837 гг.) // Шильдер Н.К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование : В 2 т. Т. 2. М., 1997. С. 615.*

² *Марценюк Елена. Воронцов и Воронцова. <http://www.proza.ru/2009/11/02/155>*

трудная задача — бороться с вождём горцев Шамилем, война с которым продолжалась долгие годы и к этому времени приняла особенно ожесточённый характер. Назначение Воронцова наместником Кавказа, во-первых, вызвало интерес к его личности и, как следствие, к его боевым заслугам и прежде всего — к участию в войнах с Наполеоном, а во-вторых, окружило его ореолом славы: общественное мнение Петербурга конца 1844 — начала 1845 года удивительно единодушно в отношении Воронцова, что зафиксировал в своём дневнике М.А. Корф. Отметив, что «Воронцов... человек умный, просвещённый, с государственными видами и идеями», он констатирует, что граф «в настоящую минуту составляет редкий пример и редкое изъятие в нашем свете и в нашей администрации. Зависть, вражда, соперничество, всё умолкло перед его подвигом, т. е. пред принятием им на себя новых огромных обязанностей и ответственности. Все единогласно называют этот подвиг великодушным, даже геройским самоотвержением, все почти благоговеют перед Воронцовым, и он в короткое время приобрёл огромную популярность». Все, писал Корф, восхищены Воронцовым: «в 64 года, имея всё, что только может льстить человеческому тщеславию и славолюбию, получая 1.200 тыс. руб. дохода, живя в благословенном крае, где он пользуется общей любовью, — Воронцов... приносит себя на жертву отечеству». Корф замечал, что «всякое появление Воронцова в салонах есть настоящая овация: все преклоняются перед ним более, нежели перед самыми сильнейшими из министров; все, видевшие его сто раз, смотрят на него как бы на новое явление с любопытством, к которому у многих примешивается род благоговения».

Интересно и описание реакции Воронцова на изъятие подобного восторга: «он принимает всё это с обыкновенною своей скромностью, не оставляя никого без привета и ласкового слова или ласкового взгляда. В нём... нет ничего похожего на высокомерие или заносчивость: ...вообще появление его и формы в обществе так просты и натуральны, что нельзя, кажется, подозревать в них ничего подготовленного или предумышленного. Разговор его чрезвычайно жив, даже игрив, и во всяком слове виден образованный человек высшего тона и общества». «Назначение Воронцова, — продолжает Корф, — возбудило удовольствие и общую благодарность не только здесь, но и на местах». Автору дневника «случилось видеть письмо из Тифлиса одного молодого человека, в

котором нельзя предполагать ни видов, ни искательства, который писал, что власть эта принята была там с неописуемым восторгом: город ликовал, как в светлый праздник, лавки были мгновенно заперты, армянин поздравлял грузина, грузин русского». «Что значит обаяние одного имени! — заключает Корф и добавляет, что «чуть ли не весь Петербург просится к Воронцову и с Воронцовым». Наконец, Корф признаёт, что все отдают справедливость выбору императора: именно Воронцов должен сделать «в настоящую минуту этот пост важнейшим в глазах не только России, но и целой Европы, обращающей такое внимание на закавказские дела»¹.

Уже в мае 1845 года главнокомандующий выступил с войсками в знаменитую Даргинскую экспедицию, которая через два месяца тяжёлого похода была завершена взятием аула Дарго — опорного пункта Шамиля. Потери войск были большими. Обратный путь оказался ещё более трудным и опасным, но 63-летний главнокомандующий примером личного мужества и солдатской выносливости сумел вдохновить подчинённых на благополучное завершение экспедиции. За этот поход Воронцов был возведён в княжеское достоинство... В дальнейшем он отказался от длительных военных экспедиций и действовал в духе А.П. Ермолова: методично, сочетая гражданское и хозяйственное обустройство края с частными военными операциями своих помощников... В 1847 году он лично возглавлял войска, действовавшие в Дагестане, руководил штурмом Гергебиль и взятием Сальты». В Тифлисе ему был на народные деньги поставлен памятник.

Итак, перед нами как бы два разных Воронцова — «полу-подлец» пушкинской эпиграммы и человек, заслуживший благодарную память потомков. Здесь уместно вспомнить свидетельство П.И. Бартенева: Пушкин «горько каялся» в том, что «хулил гр. Воронцова» вследствие «минутной вспышки». Уважение к памяти поэта требует признать это утверждение, основанное на не названных Бартеневым источниках, тем более что он, вопреки уже сложившимся историографическим штампам, полагал, что «Воронцов был коренной русский человек с английской выдержкой, герой в опасностях, дальновидный, расчётливый и настойчивый, но в то же время великодушный, чрезвычайно общитель-

---

¹ ГА РФ. Ф. 728, д. 1817, ч. 8 (1845), л. 94, 104 об. — 105 об.

ный, обворожитель товарищей, сослуживцев и целых селений. Недаром на двух краях России *по добровольной подписке* воздвигнуты ему прекрасные памятники»¹.

Памятниками воинской доблести Михаила Семёновича Воронцова являются и его портрет в первом ряду Военной галереи Зимнего дворца (другой портрет висел в фельдмаршальском зале дворца), и его имя на мраморных досках Георгиевского зала Большого Кремлевского дворца и в храме Христа Спасителя, а также его скульптурное изображение на памятнике в честь тысячелетия Руси в Великом Новгороде².

---

¹ Из предисловия П.И. Бартенева к изданию писем Бенкендорфа к Воронцову (СПб., 1889). Курсив Бартенева. Цит. по: *Грюнберг П.Н.* Письма А.Х. Бенкендорфа к графу М.С. Воронцову (1811—1815 гг.). Вступление // А.Х. Бенкендорф. Записки. М., 2001. С. 237 (см. также: militera.lib.ru).

² Имя Воронцова увековечено и в нынешнее время. На Поклонной горе в Москве он числится в списках героев войны 1812 года. В 1998 году в Ейске ему был установлен бюст, а в 2008-м – конный памятник как основателю города. Подобным образом – установкой памятника – была увековечена его память в 2010 году и в Бердянске (тоже как основателю этого города и просветителю Юга России).

ПУШКИН И БЕНКЕНДОРФ

Герой войны 1812 года как «духовный наставник» Пушкина

Тема воинской храбрости занимала Пушкина с юности, которая прошла, в частности, и в общении с гусарами, вернувшимися с войны и стоявшими в Царском Селе. Сам образец бесстрашия, которое выказывал под пулями — и в дуэльных поединках, и в поездке на Кавказ, Пушкин придавал личной храбрости особенное значение в своём понимании чести. Этому способствовало и тесное общение с семьёй Раевских, чьими подвигами в Бородинской битве он восхищался и чьи имена были на слуху именно как героев — даже среди множества храбрых офицеров русской армии, в которой героизм во время Отечественной войны был поистине массовым. И надо же было случиться так, что главным притеснителем поэта по возвращении его из ссылки стал именно такой офицер! Александр Христофорович Бенкендорф был не только мелко придиричив по отношению к Пушкину, при каждом удобном случае начальственно выговаривая ему — часто в уничижительном тоне, но и, будучи уверенным в своём превосходстве в понимании целей и задач просвещения и литературы, постоянно поучал Пушкина, как и о чём надо писать.

Ю.И. Дружников как-то заметил, что, несмотря на постоянные притеснения Бенкендорфа, Пушкин о нём ни разу «не заикнулся» — ни гневного упоминания, ни тем более эпиграммы. В самом деле, даже о царе — и в письмах, и в дневнике — Пушкин иногда высказывался достаточно нелюбезно, а о Бенкендорфе такого у него вроде бы и не найдёшь. Казалось бы, Дружников прав, но, зная Пушкина, поверить в это трудно. Ну что ж, посмотрим, как складывались отношения поэта с начальником Третьего отделения.

Вскоре после всемилостивейшего прощения Николай I предлагает Пушкину написать записку «о воспитании юношества», и поэт тут же нарывается на поучительный тон шефа жандармов — и в момент передачи предложения царя, и после её прочтения.

Из письма Бенкендорфа Пушкину от 23 декабря 1826 года:

Государь император с удовольствием изволил читать рассуждения Ваши о народном воспитании и поручил мне изъявить Вам высочайшую свою признательность.

Его величество при сем заметить изволил, что принятое Вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее Вас самих на край пропасти и повергшее в оную толкое число молодых людей. Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному. На сих-то началах должно быть основано благонаправленное воспитание... (XIV, 234).

Нетрудно представить раздражение Пушкина, который, в силу утверждённой царём субординации, вынужден был выслушивать эти и подобные им поучения, не имея возможности резко ответить и поставить на место зарвавшегося самоуверенного начальника. Так что же, значит, прав Дружников и Пушкин так и сидел «с вымытой головой», не посмевши отреагировать на оскорбительный тон жандарма?

Каким боком тон этого письма вышел Бенкендорфу, вычислил и описал Александр Лацис. По прошествии года с момента подачи записки «О народном воспитании» Пушкин передаёт царю через Бенкендорфа мистификационное стихотворение «Друзьям», рассчитанное на то, что царь *не разрешит* его публикацию; вот его последние три строфы:

Я льстец! Нет, братья, льстец лукав:
Он горе на царя назовет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.

Он скажет: презирай народ,
Глуши природы голос нежный,
Он скажет: просвещения плод —
Разврат и некий дух мятежный!

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

(III, 90)

Увидел ли Бенкендорф цитату из своего поучения Пушкину? («...*Просвещенья плод — разврат и некий дух мятежный!*») — Несомненно. Прочёл ли адрес пушкинского «раба и льстеца»? — Не мог не прочесть.

Из письма Бенкендорфа Пушкину от 5 марта 1828 года:

Милостивый государь, Александр Сергеевич!!

...Что же касается до стихотворения Вашего, под заглавием: «Друзьям», то его Величество совершенно доволен им, но не желает, чтобы оно было напечатано... (XIV, 6; выделено мной. — В.К.).

Должок возмещён, что и признано самим Бенкендорфом. Но тем самым Пушкин получает возможность извлечь из этой ситуации неожиданный и неизмеримо более существенный результат. Сам факт подписи шефа жандармов под таким письмом становится основанием для мгновенной реакции — для пушкинской эпиграммы:

Как печатью безымянной
Лоб мерзавца я клеймил,
Я ответ на вызов бранный
Получить никак не мнил.
Справедливы ль эти слухи?
Отвечал он? Точно так:
В полученьи оплеухи
Расписался мой дурак.

(III, 167, 741).

«Оставалось умудриться эту эпиграмму напечатать, — писал Лацис в статье «Персональное чучело». — И напечатал. Не боялся. Бесстрашие?

Да, конечно. Но разумное бесстрашие. Бесстрашие плюс осторожность.

Для верности переждал годик. Исподволь вылепил весьма правдоподобное чучело. Заменял «мерзавца» на «Зоила». Поставил отодвигающую дату — 1829 год. Для пушечного тумана переставил знаки препинания. И занялся пальбой по чучелу.

С тех пор во все издания своих избранных стихотворений непременно включал цикл эпиграмм на... Каченовского. Казалось бы, невелика фигура. Стоит ли связываться?..

Но поэт, видимо, полагал, что тут есть чем гордиться. Он совершил поступок, явил находчивость¹.

Мне могут возразить: да полно, Лацис, похоже, нафантазировал, ещё можно было бы всерьёз принять его рассуждения, если бы такой случай был не единичным и негативное отношение Пушкина к Бенкендорфу прочитывалось бы и в других произведениях поэта или в его переписке. Что ж, попробуем поддержать эту догадку Лациса. Вот несколько примеров, из которых следует, что с самого начала накал этого противостояния никогда не ослабевал.

Из письма Бенкендорфа Пушкину от 4 марта 1827 года, Петербург:
Барон Дельвиг, которого я вовсе не имею чести знать, препроводил ко мне пять сочинений Ваших: я не могу скрыть вам крайнего моего удивления, что вы избрали посредника в сношениях со мною, основанных на высочайшем соизволении... (XIII, 322).

Причина раздражения Бенкендорфа — в том, что Пушкин передал стихи в III отделение не лично, а через *посредника*, который таким образом становится *свидетелем* тайной надзорной цензуры пушкинских произведений — а ведь она на то и тайная, что не подлежит разглашению. Бенкендорф не может открытым текстом сказать, что Пушкин нарушает *неписаное правило*, и намекает на это, ссылаясь на *«сношения, ...основанные на высочайшем соизволении»* и невольно озвучивая имя посредника. И Пушкин 22 марта отвечает ему письмом, сопровождаемым невидимой издевательской улыбкой. Он притворяется, что не увидел в словах Бенкендорфа никакого намёка, и, словно не заметив его раздражения, объясняет, почему он *«остановил напечатание»* стихов и передал их Бенкендорфу (что последнего совершенно не интересует), благодарит за *«доброжелательное замечание касательно пьесы»* (хотя оно абсолютно бредово), объясняет *«медлительность ответа» «ошибкой»* Бенкендорфа (что должно только увеличить раздражение «наставника»), дразнит его, дважды упоминая имя Дельвига и тем самым письменно закрепляя имя «свидетеля», и словно бы «приглашает» Бенкендорфа объясниться пооткровеннее, чего тот сделать никак не может.

Разумеется, так подшутить над шефом жандармов Пушкин мог себе позволить только один раз, и при первой же личной встрече у *Бенкендор-*

¹ *Лацис А.* Персональное чучело. М., 2009. С. 125—126.

фа на квартире (а именно там и была назначена встреча Пушкину сразу по его приезде в Петербург) тот выговорит поэту за нарушение «неписанных правил». Легко представить, с каким «изумлением» Пушкин встретил этот выговор, в душе смеясь над раздражением Бенкендорфа.

Второй пример.

Из письма Бенкендорфа Пушкину от 14 октября 1829 года, из Петербурга:

Государь император, узнав по публичным известиям, что Вы, милостивый государь, странствовали за Кавказом и посещали Арзерум, высочайше повелеть мне изволил спросить Вас, по чьему позволению предприняли вы сие путешествие. Я же, с своей стороны, покорнейше прошу Вас уведомить меня, по каким причинам не изволили Вы сдержать данного мне слова и отправились в закавказские страны, не предупредив меня о намерении Вашем сделать сие путешествие (XIV, 49).

Из письма Пушкина Бенкендорфу от 10 ноября 1829 года:

Я понимаю теперь, насколько положение моё было ложно, а поведение опрометчиво; но, по крайней мере, здесь нет ничего, кроме опрометчивости. Мне была бы невыносима мысль, что моему поступку могут быть приписаны иные побуждения. Я бы предпочёл подвергнуться самой суровой немилости, чем прослыть неблагодарным в глазах того, кому я всем обязан, кому готов пожертвовать жизнью, и это не пустые слова (XIV, 397, ориг. на фр. 50—51).

Этот пушкинский ответ — блестящий образец его мистификационного общения с «начальством». Здесь каждое слово продумано, а весь процитированный абзац из трёх предложений выстроен композиционно как художественная миниатюра. Пушкин начинает с того, что он, дескать, *только теперь понял* («я понимаю теперь»), что его положение *ложно*: то есть он-то думал, что ему полностью доверяют и что он человек вольный, а, оказывается, это не так. Значит, раз он этого ранее *не понимал*, то и поведение его было всего лишь *опротметчивым* (необдуманном, легкомысленном) — из-за недоверия «начальства», а не по причине сознательного пушкинского «правонарушения». Поэтому (третье предложение) не следует судить его поступок как проявление чёрной неблагодарности — *«и это не фраза»*, хотя всё третье предложение — именно *фраза*.

А вот и ещё один эпизод.

Из письма Бенкендорфа Пушкину от 17 марта 1830 года.

К крайнему моему удивлению услышал я, по возвращении моём в Петербург, что Вы внезапно рассудили уехать в Москву, не предвара меня, согласно с сделанным между нами условием, о сей вашей поездке. Поступок сей принуждает меня Вас просить о уведомлении меня, какие причины могли Вас заставить изменить данному мне слову? Мне весьма приятно будет, если причины, Вас побудившие к сему поступку, будут довольно уважительны, чтобы извинить оный; но я вменяю себя в обязанность Вас предупредить, что все неприятности, коим Вы можете подвергнуться, должны Вам<i> </i> быть приписаны собственному вашему поведению (XIV, 70).

Незадолго до этого Пушкин просил разрешения выехать за границу и получил отказы — и в поездке в Европу, и в Китай. Бенкендорф, расценив царское «Нет!» как «Фас!», начинает «переходить границы». Из его письма видно, что он «проявляет инициативу» и излишнее рвение — если только это не откровенная *месть* за недавний пушкинский отказ от сотрудничества с тайным сыском.

Из письма Пушкина Бенкендорфу от 21 марта 1830 года.

*В 1826 году получил я от государя императора позволение **жить в Москве**, а на следующий год от Вашего высокопревосходительства позволение приехать в Петербург. С тех пор я **каждую зиму** (в обоих случаях выделено Пушкиным. — В.К.) проводил в Москве, осень в деревне, никогда не испрашивая предварительного дозволения и не получая никакого замечания. Это отчасти было причиною невольного моего проступка: поездки в Арзрум, за которую имел я несчастье заслужить неудовольствие начальства.*

В Москве намереваясь приехать ещё в начале зимы, и встретив Вас однажды на гулянии, на вопрос Вашего высокопревосходительства, что намерен я делать? имел я счастье о том Вас уведомить. Вы даже изволили мне заметить: [que] vous êtes toujours sur les grands chemins¹.

Надеюсь, что поведение моё не подало правительству повода быть мною недовольным (XIV, 71—72).

Пушкин наглядно показывает Бенкендорфу, что тот попросту придирается. Последняя фраза суха и полна чувства собственного достоинства. Возразить Пушкину невозможно, если только не заявить, что ему

¹ [Что] вы вечно на больших дорогах (XIV, 402).

запрещены любые передвижения без разрешения жандармского отделения. Но без санкции царя Бенкендорф такое объявить не может: он понимает, что в этом случае Пушкин, скорее всего, выйдет на прямой разговор с Николаем и выскажет те же самые неотразимые аргументы. Пушкинский ответ молчаливо **проглочен**.

Но тут Пушкин делает неожиданный ход и через три дня пишет ещё одно письмо.

Из письма Пушкина Бенкендорфу от 24 марта 1830 года (в переводе А. Лациса):

Невзирая на четыре года ровного поведения, я не смог обрести доверия властей. С прискорбием примечаю, что самомалейишие мои шаги пробуждают подозрение и лжетолкование.

Простите, досточтимый генерал, вольность сих сетований, но ради Бога благоволите на минутку войти в моё положение и посмотрите, сколь оно затруднительно. Оно столь непрочно, что беспрестанно я нахожусь в ожидании некоего нещастия, которого не могу ни предвосхитить, ни избежать.

Если доселе я не претерпел опалы, сим я обязан не разумению моих прав, моего долга, но исключительно вашему личному благоволению. Однако, ежели завтра вы не будете более министром, послезавтра меня посадят под запор¹.

Первое из двух последних предложений, по поводу «личного благоволения» Бенкендорфа, по сути прямо противоположно реальному положению вещей и потому выглядит чистейшим сарказмом, особенно — в сопоставлении со вторым предложением, тайный смысл которого раскрыл Александр Лацис:

«Письмо это крайне взволнованное, и только? Нет, оно тщательно обдуманно. Попробуем прочесть его не буквально, а с каверзной подковыркой. Получится примерно следующее:

«Если завтра отдаст Богу душу царь Николай, вы тут же меня упрячете. Впрочем, я не берусь предугадать, насколько прочным будет в сём случае ваше положение, о почтенный генерал, чьим слугой имею честь пребывать, и прочее и прочее».

... Незадолго до того, в конце 1829 года, Николай тяжело болел, еле поправился. В случае чего кто оказался бы на какое-то время у власти? Военный министр граф Чернышёв, относившийся к своему ближайше-

---

¹ Цит. по: *Лацис А.* Персональное чучело. С. 121.

му сопернику с крайней ненавистью. Вот такая обстановка была скрыта за фразой «ежели завтра вы не будете более министром»...»¹.

Пушкин бил в самое сердце.

Это объяснение Лациса открывает путь и к пониманию ещё одного, следующего за только что разобранными фразами, заключительного в этом письме от 24 марта и тоже мистификационного абзаца:

Г-н Булгарин, который рассказывает, что имеет на Вас изрядное влияние, превратился в моего злейшего врага из-за одного неодобрительного суждения, каковое он вменяет мне. ...Я считаю его способным на всё. Я не могу не предупредить Вас о моих отношениях с этим человеком, ибо он в состоянии причинить мне бесконечно много зла.

Эта пушкинская «жалоба» даже не *двусмысленна*, но имеет сразу несколько планов. Внешне, по тональности, она выглядит естественным продолжением предыдущего абзаца и ещё одной жалобной нотой. Но, во-первых, сам факт «жалобы» непосредственно после такого язвительного намёка на риск министра самому оказаться в опале (как ни в чём не бывало) в глазах адресата неизбежно оскорбителен, хотя формально придраться тут не к чему. Во-вторых, «предположение», что недоброжелательность Бенкендорфа объясняется тлетворным влиянием Булгарина, тоже можно рассматривать как издёвку. С другой стороны, предполагать влияние своего врага на шефа жандармов и заявить, что тот «способен на всё»... Это заставляет переносить этот смысл и на самого Бенкендорфа, что является ещё одним оскорблением. И, наконец, если Булгарин имеет на Бенкендорфа «изрядное влияние», то «бесконечно много зла» Булгарин может причинить Пушкину именно с помощью Бенкендорфа. А вот это — ещё одно оскорбление и одновременно предостережение: «Милостивый государь, я вижу и понимаю все Ваши происки, а потому — берегитесь!»

Анализ всей их переписки показывает, что Пушкин умел сохранить честь и достоинство в любой ситуации и не оставлял безнаказанными *ни одного выпада*, ни одной попытки Бенкендорфа задеть его или унижить. Мне могут возразить: всё-таки сила *скрытых* ударов Пушкина слабее и не адекватна откровенной силе притеснений Бенкендорфа. С учётом эпиграмм «на Каченовского» с этим вряд ли возможно согласиться. Тем не менее, в качестве усиления аргументации, приведу ещё один пример — того, как при первой же возможности Пушкин в этом

¹ Лацис А. Персональное чучело. С. 122.

противостоянии нанёс такой удар, силу и болезненность которого мы только сегодня можем оценить по-настоящему.

В октябре 1833 года, в Болдине, озабоченный тем, что Николай I открыто обхаживает Наталью Николаевну, Пушкин в каждом письме предупреждает жену: *«Не кокетничай с царём!»*, вплоть до оскорбительной грубости: *«Не хотите давать пить — не кормите селёдкой!»* Одновременно он пишет сказку «Конёк-Горбунок», в которой царь хочет жениться на молоденькой и за это наказан. В политическом адресе этой сказки Пушкин зашёл как никогда далеко, заявив, что государство («Кит державный», проглотивший десять лет назад тридцать кораблей) **обречено**, пока декабристы не отпущены на волю (*«Если даст он им свободу, / Снимет Бог с него невзгоду»*). Понимая, что его высочайшему цензору Николаю он не может даже показать сказку под своим именем, Пушкин идёт на мистификацию: издает её под чужим, оставив всевозможные зарубки, чтобы потомки могли догадаться о пушкинском авторстве. Уже в майском номере «Библиотеки для чтения» за 1834 год была опубликована первая, самая безобидная часть «Горбунка», а в октябре вышло и полное издание. Понимая, что под именем Ершова звук его предупредительного выстрела до слуха царя может и не докатиться, осенью 1834 года Пушкин пишет ещё одну — политически нейтральную — сказку «О золотом петушке», в которой царь опять-таки хочет жениться на молоденькой и тоже за это наказан, — и передает её на цензуру Николаю. Тот сказку прочёл внимательно, пушкинские намёки разглядел и пропустил сказку в печать, подчёркнуто заставив Пушкина исправить только одно место: **«Но с царем накладно вздорить»** (III, 562, 1118).

Между тем предыдущая сказка, в которой поэт, прекрасно осведомлённый о том, что Бенкендорф был одним из ближайших «наперсников разврата» царя, дал подлому царскому слуге двусмысленное имя **Спальник**, — эта сказка уже гуляла на свободе. Под именем Ершова эта убийственная эпиграмма на Бенкендорфа продержалась 13 лет и лишь в 1847 году была **запрещена** (снова «Горбунка» разрешили публиковать только после смерти Николая I, когда по первому указу Александра II об амнистии декабристам *«Кит державный»* стал *«из челюстей бросать / Корабли за кораблями / С парусами и гребцами»*)¹. Сегодня, уже зная всё это, мы можем наконец в полной мере оценить и силу ответных ударов Пушкина, и безосновательность заявления Дружникова, которым тот ставил под сомнение личную храбрость поэта.

¹ Пушкин А. Конек-Горбунок. 3-е изд. М. : ИД «КАЗАРОВ», 2012. С. 194.

ГАННИБАЛЫ — УЧАСТНИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА В МЕМУАРНО-ЭПИСТОЛЯРНЫХ, НАУЧНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Внуки прадеда А.С. Пушкина, старшие сыновья его сына Исаака Абрамовича Ганнибала, участники организационных и боевых действий Отечественной войны 1812 года, были яркими, самобытными личностями, оставившими у родственников и современников незабываемые впечатления от общения с ними. И хотя Пушкин не упоминает о них ни в дневниковых записях, ни в переписке как михайловского, так и других периодов жизни, имеющиеся источники дают возможность сделать вывод о том, что со своими двоюродными дядьями Исааковичами он был знаком либо заочно, либо лично. Сведения о сыновьях Исаака Абрамовича мы находим в переписке родителей Пушкина с дочерью Ольгой Сергеевной Павлицевой и в «Воспоминаниях об А.С. Пушкине», записанных Львом Николаевичем Павлицевым со слов его матери, сестры поэта, и изданных в 1890 году. Говоря о своих двоюродных братьях Петре и Павле Ганнибалах, она констатировала: «Они были олицетворением пылкой африканской и широкой русской натуры, бесшабашные кутилы, но люди такого редкого, честного, чистого сердца, которые, чтобы выручить друзей из беды, помочь нуждающимся, не жалели ничего и рады были лезть в петлю»¹.

Неординарность Ганнибалов продолжает по сию пору интересовать как историков-краеведов, исследователей пушкинского окружения, так и журналистов, прозаиков и эссеистов.

Опираясь на существующие источники, попробуем в рамках данной публикации показать степень участия Якова, Петра, Семёна и Павла Исааковичей в событиях 1812 года.

Якова Ганнибала война застала в Егорьевске Рязанской губернии в статусе городничего, в котором он пребывал с 1803 года. Кстати сказать, он был женат на родной сестре Прасковьи Александровны Осипо-

---

¹ Павлицев Л.Н. Семейная хроника. Воспоминания об А.С. Пушкине. М., 1890. С. 21—22.

вой (Вульф) Елизавете Александровне Вындомской¹. По утверждению Алексея Николаевича Вульфа, она в 1797 году вышла замуж за Ганнибала против воли отца².

Как известно, после Бородинского сражения (26 августа / 7 сентября) Кутузов немедленно приступил к формированию новых частей, так как его армия, состоящая из 120 тысяч бойцов, сократилась примерно на 30—35 процентов от общего состава³. От губернатора Рязани Ивана Яковлевича Бухарина⁴ он ждёт скорейшей присылки свежих сил, снабжения армии продовольствием, обмундированием, лошадьми и предупреждает «о недопущении проникновения неприятеля на Рязанскую и Касимовскую дороги».

Началось формирование ополчения во всех уездах губернии. В результате из Егорьевского уезда было призвано 1174 ратника, снаряжено 208 подвод, а к ним прикреплено 244 погонщика. Отправляющихся в поход ополченцев напутствовали городничий Яков Исаакович Ганнибал, предводитель дворянства князь Г.П. Оболенский, городской голова Афанасий Фролов и священник соборной церкви Лаврентий Иванов. И уже в сентябре и октябре 1812 года ополченцы, расположенные вдоль Оки от Коломны до Рязани, выдвигали свои передовые разъезды на Егорьевскую и Рязанскую дороги для их прикрытия⁵.

И Псковская губерния, ставшая ближайшим прифронтовым тылом русской армии, не осталась в стороне от событий, затронувших всю

---

¹ Е.А. Ганнибал рано ушла из жизни (в 1803 году), оставив мужа с двумя малолетними детьми. Погребена Елизавета Александровна была у деревянной Никольской церкви имени имения Круги, доставшегося ей от матери, Марии Аристарховны Вындомской (в девичестве Кашкиной), под Егорьевском.

² См.: *Вульф Алексей*. Дневники. М., 1929. С. 1.

³ *Львов С.В.* О потерях российской армии в сражении при Бородино 24—26 августа 1812 года // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. Материалы VI-й Всероссийской научной конференции. М., 2003. С. 65.

⁴ По воспоминаниям В.И. Анненковой, А.С. Пушкин общался с семьёй И.Я. Бухарина в Киеве (середина мая 1820, январь — февраль 1821 года): «Дом Раевских, где остановился поэт, сообщался с губернаторским домом общим садом. Естественно, соседи часто виделись, а Пушкин «проводил свою жизнь» в семье губернатора Ивана Яковлевича Бухарина и его супруги Елизаветы Фёдоровны, урождённой Полторацкой, двоюродной сестры А.П. Керн» (цит. по: *Андროников И.Л.* Утраченные записки // Собр. соч. : В 3 т. Т. 3. М., 1981. С. 182).

⁵ См.: *Динер Сергей*. Гнездо Ганнибалов // Знамя труда. № 7 (14435). 2010; Егорьевск в Отечественной войне 1812 года // Станигостов журнал. Stanigost.livejournal.com/119293.html

страну. В июле 1812 года псковичи создали своё ополчение, в которое вступило 6158 крестьян и 133 дворянина¹.

В числе означенных дворян в ополчение поступил в чине поручика Пётр Исаакович Ганнибал. Он был командирован псковским дворянством для доставки в действующую армию тысячи четвертей овса и ста четвертей круп, собранных в губернии. Однако проявил себя Пётр Исаакович в этом важном деле весьма безалаберно: продукты по назначению не дошли.

В 1826 году Военное министерство обратилось к Псковскому гражданскому губернатору фон Адеркасу с просьбой найти Ганнибала, служившего в Псковском ополчении, и получить у него сведения о судьбе этого провианта. Т.Ю. Мальцева, в своей работе «Ганнибалы и Пушкин на Псковщине», в статье, посвящённой Петру Исааковичу, ссылаясь на ответ Вениамина Петровича Ганнибала, хранящийся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом), пишет, что «имя и отчество Петра Исааковича там известны не были. Обратились в Петровское к Вениамину Петровичу, который ответил, что из его родственников в ополчении служил лишь Пётр Исаакович и ему действительно в 1812-м было дано такое поручение. Однако к тому времени П.И. Ганнибала уже не было в живых², «а имения его как в здешнем уезде, так и нигде не осталось», — заканчивает В.П. Ганнибал, указав также, что в Порховском уезде живёт его вдова Апполинария Михайловна. На запрос Порховского уездного предводителя дворянства она ответила, что в бумагах её покойного мужа никаких документов о сдаче овса и круп не найдено и сама она ничего не знает»³.

К сожалению, портретных изображений ни Петра, ни Якова Исааковичей не имеется.

На акварельном портрете работы П.К. Притвица 1810 года Семён Исаакович Ганнибал изображён в 17-летнем возрасте, за год до выпуска из кадетского корпуса. Атрибуция этого портрета, который находится в Литературном музее Пушкинского Дома, принадлежит Вадиму Петровичу Старку⁴.

Согласно формуляру 1811 года и послужному списку 1818-го, хранящимся в рукописном отделе ИРЛИ⁵, прапорщик Семён Исаакович

---

¹ *Макеенко Л.Н.* Псковичи в Отечественной войне 1812 года. <http://museum.pskov.ru>

² Пётр Исаакович Ганнибал скончался в 1822 году.

³ *Мальцева Т.Ю.* Ганнибалы и Пушкин на Псковщине. М., 1999. С. 104.

⁴ *Старк В.П.* Портреты и лица. СПб., 1995. С. 78—83. Ил. № 44.

⁵ РО ИРЛИ. Ф. 244, оп. 24, ед. хр. 62.

накануне войны, в 1811-м, был определён в 1-ю запасную артиллерийскую бригаду. В 1812 году она входила в состав 2-й Западной армии, которой командовал Багратион. Семён Ганнибал участвовал в боевых действиях под посёлком Красный¹ между русской армией под командованием М.И. Кутузова и отступающей из России «Великой Армией» Наполеона.

К сожалению, мы не располагаем ни документальными, ни эпистолярными источниками о непосредственных действиях Семёна Исааковича в трёхдневном сражении под Красным 6 ноября 1812 года, равно как и об участии его в заграничном походе 1815-го в составе своей бригады через княжества Варшавское, Шлезвиг, Саксонию и Баварию во Францию. Формуляр и послужной список констатируют лишь произведения его в звания и определения в войсковые подразделения. И что он к «повышению по службе достоин», так как

Притвиц П.К.
Семён Исаакович Ганнибал. 1810

¹ Село Красное находится в 45 км к юго-западу от Смоленска. Сражение это было выиграно ценой минимальных потерь в русской армии. В надписи на 24-й стене Храма Христа Спасителя (Галерея воинской славы) указано, что с 14 по 18 ноября в боях под Красным у русских выбыло немногим более двух тысяч солдат и офицеров. За исход этого сражения Кутузов получил титул Князя Смоленского. Однако многие офицеры были недовольны действиями Кутузова, которые они считали нерешительными и, как им казалось, позволившими уйти Наполеону от полного поражения. Денис Давыдов вспоминал: «Сражение под Красным, носящее у некоторых военных писателей пышное наименование трёхдневного боя, может быть по всей справедливости названо лишь трёхдневным поиском голодных, полунагих французов; подобными трофеями могли гордиться ничтожные отряды вроде моего, но не главная армия. Целые толпы французов при одном появлении небольших наших отрядов на большой дороге поспешно бросали оружие. Но русские войска, проделавшие огромный путь за отступающими французами по опустошённым местностям, страдали от тех же проблем, голода и холода» (Давыдов Денис. Стихотворения и проза. М., 1987. С. 302—303).

«по-русски, по-немецки, по-французски и артиллерийским наукам знает»¹. Кроме знаний, ему в заслугу и в пользу его служебного роста отмечается: «в отпуску не бывал, холост, в штрафах и под судом не был».

Об образованности Семёна Исааковича говорит дошедший до нас факт его подписки на второй том сборника «Русская беседа», изданного в Санкт-Петербурге в 1841 году, в котором наряду с одой Державина «Слепой случай», стихотворениями М.Ю. Лермонтова «Из альбома Софьи Николаевны Карамзиной» и «Графине Ростопчиной» была опубликована эпическая поэма «Александроида» Павла Свечина (1827). В ней воспеты события Отечественной войны 1812 года.

В рукописном отделе ИРЛИ имеются два письма Семёна Исааковича, написанных настолько живо, что перед нами выступает действительно яркая личность. В письме от 1844 года, адресованном сестре Констанции Исааковне и её мужу Л.В. Хорошилову, он высказывает своё мнение о намерении супругов взять сына Володю из корпуса и, призывая их к здравому смыслу, пересыпает свои увещевания пословицами, прибаутками и весьма дерзкими выражениями. Настаивая на своей точке зрения о необходимости образования, он говорит, что только оно может дать Владимиру возможность жить безбедно и сделать карьеру, и советует заставить сына продолжить учение: «...да Вы его делаете самым несчастным человеком, — вопиет Семён Исаакович, — и сами будете кулаками утирать слёзы»².

Видимо, образованность и жизненная позиция Семёна Исааковича позволили ему после выхода в отставку служить сначала в государственных учреждениях, а затем управляющим имениями в Тамбовской губернии, казначеем в Козлове и Лебедяни. В последние годы жизни он был управляющим имением генерал-майора, графа Петра Ивановича Апраксина в селе Добродеевка Новозыбковского уезда Черниговской губернии. Здесь он и похоронен.

Лев Николаевич Павлищев пишет, что Семён Исаакович отличался такой же весёлостью и хлебосольством, как и его братья Пётр и Павел. Он даже путает Семёна и Павла Исааковичей между собой. Так, в пер-

---

¹ Семён Исаакович обучался в 1-м Сухопутном кадетском корпусе, который находился в здании дворца светлейшего князя А.Д. Меншикова на Васильевском острове, куда поступил в октябре 1798 года. В программу учебного курса входили: русский, немецкий, французский, латинский языки, грамматика, риторика, математика, история, география, юриспруденция, мораль, геральдика, рисование, чистописание, артиллерия и фортификация.

² См.: *Мальцева Т.Ю.* Ганнибалы и Пушкин на Псковщине. М., 1999. С. 112.

воначальном варианте в «Записке об А.С. Пушкине», опубликованной Павлищевым в сборнике Бартенева¹, он говорит о нём точно то, что в более позднем, расширенном издании своих воспоминаний говорит о Павле Исааковиче (см. эпизод о вызове молодым Пушкиным на дуэль Семёна Исааковича²). С.С. Гейченко в книге «У Лукоморья» в главе «9 августа 1824 года» картинно живописует приезд Павла Исааковича в Михайловское с «приятным ошеломительным известием» сестрице Надежде Осиповне, что «наш орёл Александр Сергеевич в наши родные края прибыл... Уже в Опочке... Приехал»³.

Несомненно, из дядьёв Исааковичей именно Павел Исаакович, боевой гусар, весельчак, мастер лёгких экспромтов, был более близок Пушкину. На имеющемся портрете-миниатюре, исполненном неизвестным художником в 1810-х годах (подлинник находится во Всероссийском музее Пушкина), он изображён в офицерском доломане красного цвета. Это говорит о том, что Павел Исаакович уже служит в Изюмском гусарском полку. До этого он, морской офицер, как сообщают в 1808 году «Санкт-Петербургские ведомости», переведён в Лубенский гусарский полк ротмистром, офицерские доломаны которого были синими⁴.

Летом 1812 года изюмские гусары рубились с французами у Молево-Болота, Смоленска, Лубина, Валуево. Генерал-майор Пётр Петрович Коновницын в рапорте М.И. Кутузову писал: «В атаке, произведённой вторым баталионом Изюмского гусарского полка и казаками поутру

¹ См.: *Бартенев П.И.* К биографии А.С. Пушкина. Вып. 2. М., 1885.

² Кстати сказать, Лев Николаевич не сообщает о месте происходящего «дуэльного эпизода» из жизни юного поэта, который впоследствии в монографии Аркадия Моисеевича Гордина «Пушкин в Михайловском» происходит в имении Исаака Абрамовича Ганнибала, в Воскресенском. А между тем, согласно архивным документам, сын царского арапа из-за своей безалаберности утратил это имение в 1801-м, и в июне этого года по указу Сената во владение имением был введён надворный советник Кристиан Христианович фон Штинд.

Скорее всего, эта дуэльная история могла приключиться либо в Петербурге, где Павел Исаакович жил после отставки, последовавшей в 1824 году, либо в Порховском уезде, где он владел небольшим имением Кастьково.

³ *Гейченко С.С.* У Лукоморья : Рассказы хранителя Пушкинского заповедника. Л., 1986. С. 19—21.

⁴ См.: *Глинка В.М.* Русский военный костюм XVIII — начала XX века. Л., 1988. В кинофильме «Гусарская баллада» в форму Лубенского гусарского полка был одет поручик Ржевский.

*Миниатюра — портрет
Павла Исааковича Ганнибала.
Неизвестный художник. 1810-е*

24-го августа... три французские эскадрона были совершенно уничтожены»¹. В Бородинском бою полк в составе 2-го кавалерийского корпуса генерал-майора Ф.К. Корфа сражался у батареи Раевского. Затем гусары участвовали в сражениях у Крымского и Вильны.

В каком из эскадронов² и в каких битвах непосредственно участвовал Павел Исаакович, сказать трудно, но о том, что он был храбрым воином, говорят его награды. Он имел орден Св. Владимира IV степени с бантом, который давался за боевые подвиги, и орден Св. Анны III степени, который также давался только за военные заслуги.

Павел Исаакович также получил и Высочайшее благоволение за сражение при Денневице 6 сентября 1813 года (по новому стилю), в котором прусские корпуса из Северной армии кронпринца Бернадот-

---

¹ См.: *Веремеев Юрий Григорьевич*. Гусары Русской армии в войне 1812 года. Сайт «Анатомия Армии» <http://www.reenactor.ru/index.php?showtopic=8453>; *Пархаев Олег*. Русская армия 1812 года. Вып. 2. http://www.modernlib.ru/books/parhaev_oleg/russkaya_armiya_1812_goda_vipusk_2

² В Отечественную войну 1812 года восемь действующих эскадронов Изюмского гусарского полка состояли в 1-й Западной армии в 4-м пехотном корпусе генерала П.А. Шувалова (в самом начале войны командиром этого корпуса был назначен генерал-лейтенант А.И. Остерман-Толстой). Два запасных эскадрона находились в корпусе генерал-лейтенанта П.Х. Витгенштейна в сводно-гусарском полку в Динабурге. Шефом полка в 1803—1812 был генерал-майор И.С. Дорохов (тяжело ранен в сражении при Малоарославце 12 октября 1812 года, после чего оставил армию), полковым командиром в 1812 году — подполковник граф О.Ф. Долон, французский эмигрант, принявший русское подданство.

та отразили наступление французской армии маршала Нея на Берлин. Изюмский гусарский полк принял участие в преследовании разбитых французов после сражения при Денневице¹.

Этот неуклюже-храбрый подполковник Ганнибал, о котором его двоюродная сестра А.М. Дурново говорила, что «родные даже думали, что он недостаточно умён и не представлял себе размеров опасности», подвёл себя, что называется, «под монастырь». Летом 1826 года, в июне, в одной петербургской ресторации случайному собеседнику, некому подполковнику Квятковскому, бравившему декабристов, он сначала напомнил царский указ, запрещавший «упрёки потерпевшим наказание», а затем в пылу спора сказал, что «нещастныя» были наказаны слишком строго. Последовал донос, и через два месяца Павел Исаакович был арестован, отправлен в каземат Петропавловской крепости, а затем в ссылку в Сольвычегодск, откуда через пять месяцев, после ссоры с местным городничим, по высочайшему соизволению был отправлен «под присмотр в Соловецкий монастырь». В архивах Соловецкой тюрьмы его дело значилось как «Дело № 1.171. О подполковнике Ганнибале. За буйства и дерзость 1827». Здесь он содержался с весны 1827 по октябрь 1832 года².

О «Сцилле и Харибде» пушкинского родственника, боевого офицера 1812 года, размышляет Валентин Курбатов в контексте поиска истинны гуманных отношений во взаимосвязях исторических коллизий в своей журнальной статье «Михайловское — пространство игры»:

«И прочитайте-ка довлатовский «Заповедник». Там про Семёна Степановича две-три равнодушных строки, что старик «хотел устроить парк культуры и отдыха», но быт-то, быт там чей? Атмосфера-то? Герои-то? Добрый автор отнёс это на счёт раскидистого русского характера, но когда бы времени приглядеться было побольше и узнал бы он

¹ Деревня Денневиц находится вблизи города Ютерборг, примерно посередине между Берлином и Лейпцигом. В районе сражения также находился населённый пункт Нидерргёрсдорф. Дело при Денневице стало единственным крупным сражением сентября 1813 года, после которого стороны стали собираться с силами. После разгрома наполеоновской армии Россия при поддержке союзников (Пруссия, Швеция, а затем Австрия) начала наступление на запад для окончательной победы над Наполеоном. 16—19 октября 1813 года, дождавшись подхода свежих сил, союзники нанесли одновременный удар по Наполеону всеми армиями под Лейпцигом. В этой «Битве народов» участвовал также и Изюмский гусарский полк.

² См.: *Блинов И.* Павел Исаакович Ганнибал, дядя А.С. Пушкина // Русская старина, 1899. Т. 98. № 5. С. 353—364; *Модзалевский Б.Л.* Дядя Пушкина Павел Исаакович Ганнибал. // Дела и дни. Кн. 1. Пб., 1920. С. 260—270.

и самого Семёна Степановича поближе, то сразу бы и понял, откуда, например, его недолгий ресторанный друг Валера Маслов с его монологом, как у Павла Исааковича Ганнибала с поправкой на безумие века, но с тем же неостановимым полётом:

«Хотите лицезреть, как умирает гвардии рядовой Майкопского артиллерийского полка — виконт де Бражелон?! Извольте, я представляю вам этот шанс... Товарищ Раппопорт, введите арестованного!»¹.

Саратовский писатель-историк Иван Николаевич Плешаков в эссе «Гусарская быль», повествуя о расквартированном в Саратове Изюмском гусарском полке, пишет: «Для Саратова личность Павла Ганнибала может быть любопытна в связи с творческой историей великого произведения русской литературы комедии Николая Гоголя «Ревизор», чьё действие разворачивается в начале века где-то на пути в наши края. Тёзка писателя историк Костомаров, живший в губернии под надзором в 40-х годах, полагал, что в комедии описан Петровск — штаб-квартира Изюмского полка. Известно, что сюжет «Ревизора» Гоголю подарил Пушкин. Но, кто знает, не был ли этот анекдот рассказан самому Александру Сергеевичу его бесшабашным дядей изюмским гусаром Павлом Ганнибалом?»².

Вот на этом риторическом вопросе, пожалуй, и остановимся. Ибо, как видим, из Ганнибалов, участников событий 1812 года, «доскакать» «в теперешнее время» умудрился лишь Павел Исаакович, настоящий гусар «славного Изюмского полка», о которых Денис Давыдов восклицал:

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?³

---

¹ Курбатов В. Михайловское — пространство игры // Наше наследие. № 101. 2012. <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10112.php>

² Плешаков И. Гусарская быль // Волга — XXI век. 2008. № 1—2. <http://magazines.russ.ru/volga21/2008/1/pl17.html>

³ Давыдов Д. Песня старого гусара // Давыдов Д. Стихотворения и проза. М., 1987. С. 95.

СЛУЖБА П.И. ГАННИБАЛА «ПО ВЫБОРАМ» В 1812 ГОДУ

В краеведческой литературе нередко фигурирует двоюродный дядя А.С. Пушкина Павел Исаакович Ганнибал, с которым связано описание приезда поэта в родное имение в 1817 году. Наиболее известной иллюстрацией отношений поэта с дядей является сюжет о том, как А.С. Пушкин гостил на именинах в имении Максаков Бор, принадлежавшем супруге П.И. Ганнибала. Импозантная фигура Павла Исааковича, его последующая трагическая судьба создали вокруг него романтический ореол и заставили многочисленных историков придать ему черты, которые могли бы украсить образ опального героя.

Ожидания историков, за отсутствием документов, породили красивые, но вымышленные подвиги их персонажа. В последней краеведческой работе о Павле Ганнибале говорится: «Павел Исаакович Ганнибал (ок. 1776 — до 1841) — родственник Пушкина по материнской линии, внук «арапа Петра Великого», участник Отечественной войны 1812 года, *ротмистр Лубенского пехотного полка*. Он лишь недавно, *25 марта, вышел в отставку*, отдав военной службе *25 лет*. Послужной список Павла Исааковича Ганнибала, хранящийся в Военно-историческом архиве в Москве, говорит о нём как о человеке исключительной храбрости. Павел Ганнибал прошёл *со своим полком всю Отечественную войну* и заграничный поход в Европу, отличался в каждом сражении, награждён *четырьмя орденами*. Летом 1817 года ему было уже 39 лет»¹.

Как это ни покажется странным, но в процитированном отрывке нет ни одного правдивого слова. Не был П.И. Ганнибал в 1812 году ротмистром Лубенского полка, как и не было вообще пехотного Лубенского полка. Не 25 марта он вышел в отставку, и не 25 лет отдал службе. Не был награждён четырьмя орденами, как и не «проходил» «всю» Отечественную войну. Ну и, конечно, в послужном списке П.И. Ганнибала

Настоящая работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 11-11-60004а/3.

¹ *Розов Н.Г.* Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы. Кн. 2. Изд. 3-е, доп. Великие Луки, 2011. С. 110. Курсив наш. — *К.Ж.*

ничего не говорится о его «исключительной храбрости»¹. Между тем П.И. Ганнибал находился в 1812 году на уездной дворянской службе, свидетельства о которой нам удалось разыскать.

С начала Отечественной войны 1812 года Павел Исаакович Ганнибал, находившийся уже в третьей по счёту своей отставке от военной службы, записался в Псковское ополчение². Но поскольку Псковская губерния высочайшим манифестом 18 июля 1812 года была объявлена «внеополчающейся», Псковское ополчение сформировано не было, а псковские дворяне, записавшиеся в него, были привлечены к гражданской службе, которая заключалась в сопровождении «партикулярных» обозов с хлебом, фуражом, скотом, резервами и так далее в действующую армию. Это была тяжёлая обязанность, в исполнение которой дворяне должны были сопровождать транспорты на свой счёт, держа на личные средства лошадей и продовольствие довольно долгие сроки; к тому же они были, как теперь говорится, «материально ответственными лицами», собственным достоянием отвечавшими за сохранность порученных им транспортов.

Уездные дворяне, за отменой местного ополчения, были обязаны нести службу по сопровождению военных грузов по приговорам уездных дворянских собраний или по назначениям уездных предводителей дворянства. Однако малочисленность местного дворянства, пригодного к такой непростой службе, постоянно ставила в тупик уездных предводителей. Сопровождать грузы и обозы необходимо было незамедлительно и в срок, а найти тотчас «дворянского чиновника» иногда не представлялось возможным.

Порховский уездный предводитель дворянства Д. Нартов 20 октября 1812 года жаловался по этому поводу Псковскому гражданскому губернатору П.И. Шаховскому: «Предполагая движение транспортов в корпус Его Сиятельства графа Витгенштейна, как из пожертвованного здешними дворянами хлеба заготовленных сухарей и остального

---

¹ Автор процитированного отрывка не видел послужного списка П.И. Ганнибала, поскольку приводит вымышленные сведения, прямо противоречащие содержанию этого списка (см.: *Никифоров В.Г.* Родственники и друзья А.С. Пушкина — участники войны 1812 г. // Псков. 2012. № 36. С. 35—36). Сам пассаж «Послужной список... хранящийся в Военно-историческом архиве в Москве... говорит о нём как о человеке...» свидетельствует, что автор не был в архиве и уж тем более не держал в руках этого списка.

² Государственный архив Псковской области (далее ГАПО). Ф. 20, оп. 1, д. 357, л. 70—70 об.

овса, так и казённого провианта и протчих вещей в числе немалом, для препровождения оных должно будет назначать чиновников из дворян порховской округи; немогу пред Вашим Сиятельством о том затруднении умолчать, каковое к настоящему времени применительно ожидать должно, потому 1^е из числа здешних наличных дворян, многие в сущей старости, коя обыкновенно сопряжена с дряхлостию и слабым здоровьем, 2^е другие, хотя в средних летах, но принуждены были как воинскую, так и гражданскую службы оставить единственно за болезнями, от коих и ныне несвободны 3^е некоторые из здешнего уезда в другие места выехали 4^е прочия откомандированы к Вашему Сиятельству, и к Его Сиятельству графу Витгенштейну и в здешней земской суд, за тем здоровых их по несению дорожных трудов способных находится в здешней округе налицо число весьма умеренное, и из сих немного уже осталось, которые за приключившимися болезнями ещё не были посланы; а как здешний уезд всех прочих уездов губернии находится от корпуса Его Сиятельства в дальней дистанции, то и на оборот транспортов, потребно больше времени а дорожные издержки как потому — так и по возвышающимся ценам бывают немалы, притом для препровождения казённых транспортов экстренное дворянских чиновников назначение всегда остаётся затруднительным, что дознал я чрез опыты, потому нередко случается вызываемой дворянин жительствоует в дальнем разстоянии, или нездоров, или в отлучке, тогда должно посылать к иному, а случай иногда не терпит и малого промедления»¹.

В числе прочих порховских дворян был назначен к службе и П.И. Ганнибал, которого в самом конце сентября 1812 года обязали сопровождать переход через Порховский уезд бригады Новгородского ополчения под командой подполковника А.А. Погребова. О том, как проходило исполнение П.И. Ганнибалом возложенного на него поручения, полных сведений нет, но известно, что в деревне Логовино, в нескольких верстах по тракту перед селом Максаков Бор, между П.И. Ганнибалом и командиром 6-й дружины Новгородского ополчения капитаном 2-го ранга С.М. Бровцыным вспыхнула ссора, поскольку «2^й дружины начальник капитан 2го ранга Бровцын остановась в деревне Логинове с командою по квартирам, за выставкою должного количества подвод, требовал затеенно отнего Ганибала он Г^н Бровцын как подвод а равно и съестных припасов», на что «от нево Ганибала объявлено что ничего без законно требовать не должен». В результате «который капи-

¹ ГАПО. Ф. 20, оп. 1, д. 368, л. 53—54.

тан Бровцын быв в нетрезвом виде с азартностью делал разные грубо-сти и приказывал дежурному офицеру взять его Ганибала подорест и привязать к колесу, чтобы и могло случиться естли бы не уговорили того капитана Бровцына бывшие при нём господа офицеры»¹. Незаконные требования начальников Новгородского ополчения подтвердил и «соц-кий» Евстихей Никитин, который порховскому исправнику Бороздину также «приносил жалобы тойже дружины на начальника Деревецкаго *взятии* без всякой причины и требования подвод, который соцкой пове-дения трезвого случился быть при наряде подвод под сию дружину»².

Собственно, тем инцидент и закончился, однако П.И. Ганнибал, ве-роятно, из Логовино, находившегося в двух верстах от Максакова Бора, уехал в своё имение и не выдал расписки С.М. Бровцыну о «благопо-лучном» проходе ополчения, что могло вызвать нарекания и даже слу-жебное расследование в отношении военачальника, чреватое суровым наказанием, и прежде всего лишением перспектив служебного роста для проштрафившегося военного. Уездный чиновник, сопровождавший войска, должен был на границе уезда забрать все расписки, полученные войсками от сельских старост, сотских и десятских, и выдать военным так называемую «валовую». Именно этого Павел Исаакович и не сделал.

Конфликты между войсками и местными чиновниками во время маршей были не редкостью, и воинское начальство давно отработало способы отвести от себя неудовольствие высшего руководства, лучшим из которых была собственная жалоба на местных чиновников о неради-вом исполнении возложенных на них обязанностей. И в данном случае начальство Новгородского ополчения попыталось предупредить огла-ску конфликта в неблагоприятном для него виде.

Полковник А.А. Погребов сам написал П.И. Шаховскому жалобу на П.И. Ганнибала, ничего не сообщая о ссоре его с С.М. Бровцыным, но обвиняя его в пренебрежении служебным долгом: «Во время следова-ния вверенной мне бригады от Новгорода чрез Псковскую губернию до Великих Лук представленные мне от дружинных и [1 нрзб.] чиновников в бригаде моей состоящих полученные от сельских старшин о добропо-рядочном квартировании квитанции равно и данные мне от господ дво-рянских заседателей Новоржевского господина Наклонского и Велико-луцкого Мельницкаго Софонова и Пущина всего числом двадцать пять при сем Вашему Сиятельству предоставляю. Уведомляя при том что от

---

¹ ГАПО. Ф. 20, оп. 1, д. 378, л. 45—45 об.

² Там же.

назначенного для препровождения чрез Порховский уезд дворянского чиновника Ганибала не исполнившего обязанности своей и отлучившегося еще в Максаковом Бору о чём относился я к Вашему Сиятельству сентября 29го за № 57^м вручил ему — Ганибалу то отношение для доставления Вам; за небытностью никого из чиновников при выступлении бригады из Порховского уезда за все части общества квитанция не получена»¹. Таким образом, А.А. Погребов объяснил отсутствие «валовой» квитанции не «наглыми поступками» С.М. Бровцына, а самовольным отсутствием самого П.И. Ганнибала.

В приведённых документах не упоминается ни имя, ни звание Ганнибала, что могло бы затруднить его идентификацию, поскольку в тот момент на дворянской службе по Порховскому уезду находилось двое Ганнибалов: Павел и Пётр Исааковичи. Однако Пётр Ганнибал выполнял другое поручение, возложенное на него порховским дворянством. 28 октября 1812 года ему было поручено сопровождение транспорта с «жертвованном» овсом в Себеж, в корпус П.Х. Витгенштейна. Но поскольку в Острове Пётр Исаакович не получил подвод для дальнейшего следования, то овёс там же и остался, о чём 28 апреля 1813 года Островский уездный предводитель дворянства Мягкой рапортовал П.И. Шаховскому: «отправленной прошлого 1812го года октября 28 числа из Порховского уезда с дворянскими чиновниками порутчиком Ганибалом тысяча четвертей овса следовавшей до Себежа по неполучении им за неполучением им Ганибалом по предписанию Его Сиятельства господина тайного советника Псковского гражданского губернатора и Камергера князя Петра Ивановича ноября от 13го числа из Порховского уезда подвод тот овёс им Ганибалом сложен в городе Острове в обывательском анбаре в безопасном месте и находится за замком и печатью его Ганибала у коево по требованию ево находится караул от внутренней стражи, сам же он тогда же отправился в город Порхов»². Указание в рапорте на звание Ганнибала — поручик — свидетельствует о том, что это был Пётр Исаакович, тогда как персонажем конфликта с Новгородским ополчением был Павел.

Приведённые выше документы о службе Павла Ганнибала в 1812 году опровергают распространённое до сих пор в краеведческой литературе мнение, будто он служил во время Отечественной войны в армии. На военную службу П.И. Ганнибал из очередной отставки попал только

¹ Там же. Л. 172.

² ГАПО. Ф. 20, оп. 1, д. 451, л. 10—10 об.

5 декабря 1812 года¹, когда поступил в волонтёрный Яхонтова полк², состоявший в корпусе генерал-лейтенанта Ф.Ф. Левиза в Риге³. Очевидно, что его конфликт с С.М. Бровцыным, унижительный для бывшего боевого офицера, подвигнул П.И. Ганнибала вновь вступить на военную службу.

---

¹ См.: *Никифоров В.Г.* Родственники и друзья А.С. Пушкина...

² Полком командовал А.А. Яхонтов (1786—1861), новоржевский помещик, вероятно, знакомый П.И. Ганнибала.

³ Российский Государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 29, оп. 1/153 а, св. 21, д. 3105, л. 2—2 об.

МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ГЕРОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА ИЗ УСАДЬБЫ ЛАДИНО

Дворянский род Бороздиных издавна известен на Псковщине. Представители порховской ветви этого рода — Михаил Михайлович и Николай Михайлович Бороздины — были знаменитыми участниками Отечественной войны 1812 года, 200-летний юбилей которой готовится праздновать вся Россия. Не менее известны и новоржевские Бороздины, среди которых Александр Матвеевич и Константин Матвеевич Бороздины, приятели Пушкина в годы его михайловской ссылки.

Из многочисленных Бороздиных от внимания историков ускользнул Владимир Матвеевич Бороздин, генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 года, брат А.М. и К.М. Бороздиных. В исторической литературе нами не обнаружено даже упоминаний о существовании у них родного брата, тем более пролившего свою кровь на Бородинском поле¹.

В Российском государственном военно-историческом архиве, в фонде Инспекторского департамента Военного министерства, нами обнаружено «Дело по представлению Генерала Графа Сакена о увольнении от службы Генерал-Майора Бороздина 2» от 22 декабря 1822 года². Оно содержит подробности о службе В.М. Бороздина и некоторые сведения о его семье. В формулярном списке, находящемся в деле, о происхождении В.М. Бороздина указано: «Из дворян за отцом в Псковской губернии в Опочецком и Торопецком уездах мужеска полу 630 душ крестьян»³. Женат В.М. Бороздин был на Елизавете Сергеевне Кожиной, дочери генерал-адъютанта С.А. Кожина (1769—1807). Детей, к сожалению, супруги не имели.

В.М. Бороздин родился в 1782 году, возможно, в имении Ладино, которое принадлежало его отцу Матвею Корнильевичу. В возрасте трёх лет он был записан в гвардию и в 1796 году, 14-летним юношей, был

Настоящая работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 11-11-60004а/З.

¹ См.: *Розов Н.Г.* Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы: В 2 кн. Кн. 1. Великие Луки, 2011. С. 213—218; *Васильев М.Е.* Бороздины // Псковская земля. История в лицах : В 3 кн. Кн. 1. «Дворяне все родня друг другу...». М., 2006. С. 112—118.

² РГВИА. Ф. 395, оп. 75, д. 522, 1822 г., ст. 3, отд. 2.

³ Там же. Л. 6 об.

произведён подпоручиком в армию. С 1800 по 1816 год В.М. Бороздин служит в самом именитом и престижном полку русской армии — лейб-гвардии Кавалергардском и с этим полком, в котором он дослужился до гвардейского полковника, проходит весь свой боевой путь.

В 1805 году В.М. Бороздин участвует в сражении при Аустерлице, в котором Кавалергардский полк, защищая русскую пехоту, проводит свою знаменитую атаку, так красиво и драматично описанную Л.Н. Толстым. Среди нескольких человек, оставшихся живыми в полку после этой атаки, В.М. Бороздин оказался даже не раненым, а за сам подвиг был награждён орденом Анны 4-го класса. В 1807 году он участвует в не менее кровопролитном и столь же несчастливом для русской армии сражении при Фридланде.

С начала французского нашествия в 1812 году Владимир Матвеевич делает весь поход с гвардией, находится в боях под Витебском и Смоленском и, наконец, участвует с гвардией в Бородинском сражении, в котором Кавалергардский полк, защищая батарею Раевского, несколько раз атаковал саксонских кирасир и польских улан, потеряв треть своих офицеров. При Бородино был ранен «в правую ногу картечью с раздроблением берцовой кости» и В.М. Бороздин. За отличие в сражении он был награждён орденом «Владимира 4ой степени с бантом и уволен в отпуск за раную», из которого вернулся только в начале 1814 года. В 1819-м В.М. Бороздин произведён в генерал-майоры, а в 1822 году, как явствует из документов дела, он подал рапорт с просьбой об увольнении со службы в связи с обострившейся болезнью из-за раны, полученной при Бородино.

Сведения о прохождении службы В.М. Бороздин представил во всеподданнейшем прошении. При переписке набело прошения писарь оставил дату открытой, а сам В.М. Бороздин, собственноручно подписав прошение, забыл её вписать. К прошению приложен и формулярный список о его службе, а также врачебное свидетельство и «реверс». «Реверс», подшитый к делу, представляет собой подлинную расписку В.М. Бороздина о принятии на себя обязательств не обременять августейших особ в будущем никакими просьбами при условии высочайшего удовлетворения всех просьб, изложенных в прошении, а именно при увольнении с правом ношения мундира и с «полным пенсионом» в размере действующего генеральского жалованья. 5 января 1823 года просьба В.М. Бороздина был высочайше разрешена.

Незадолго до отставки в 1822 году В.М. Бороздин был награждён орденом Георгия 4-го класса за 25-летнюю «беспорочную» службу в

гвардии. Скончался Владимир Матвеевич 6 августа 1865 года и похоронен в Новгородском Вишерском Саввине монастыре, в паперти Вознесенской церкви¹.

Приложение

В.М. Бороздин Александру I ? октября 1822 г.

Всемилолюбивейший Державнейший Великий Государь Император Александр Павлович Самодержец Всероссийский Государь Всемилолюбивейший

Просит Командир 2ой Бригады 1ой Конно Егерской Дивизии Генерал Майор Владимир Матвеев сын Бороздин 2, а о чем тому следуют пункты:

В службе *Вашего Императорского Величества* вступил я из дворян Псковской губернии Сержантом 1785го года Октября 17го Дня Лейб Гвардии в Смоленский² полк, выпущен в армию подпоручником 796го декабря 26го определен в Кексгольмской мушкетерской полк, Поручником 798го Декабря 18го, Штабс Капитаном 800го декабря 6го, в том же полку, из онаго переведен в Кавалергардской Штабс Ротмистром считается старшинством с поручиками 803го Марта 17го Штабс Ротмистром 806го марта 29го Ротмистром 808го Ноября 5го Полковником 813го января 14го в Кавалергардском полку, из онаго же по *Высочайшему* повелению переводом в Глуховской Кирасирский полк Полковым Командиром 816го Января 28го, Генерал Майором 819го Января 1го и назначен состоять при Начальнике 1ой драгунской Дивизии, Командиром 2ой Бригады 1ой Конно Егерской дивизии 822го Апреля 2го, в походе был 805го года Августа с 10го Октября по 19^е до Австрийских границ, а с того числа за границую чрез Галицию, Силезию и в Моравию, Ноября 20го при местечке Аустерлиц в действительном сражении с французами и за оказанное в том сражении отличие награжден орденом С^я Анны 4го Класа, а оттоль обратно чрез Венгрию в Россию 806го Апреля по 7^е число, 807го Февраля с 13го Марта по 25^е до прусских границ и с онаго числа за границую Майя 24го и 25го при следовании неприятеля до реки Пасаржи 29го под городом Гельзбергом в действительном сражении с французами, а 2го Июня при городе Фридланде, а оттоль обратно в Россию того ж года Августа по 24^е число 1812го в кампании с французскими войсками во время сражения Июля 13го и 14го под Витебском, Августа 4го 5го и 6го под Смоленским 26го в действительном сражении под Бородиным, где ранен и за отличие награжден орденом С^я Равноапостольного князя Владимира 4ой степени с бантом и уволен в отпуск за ранюю 814го Января 24го отправлен с 8^ю гвардейскими эскадронами из Резервной армии, находившейся под командою Генерала от Инфантерии князя Лобанова-Ростовскаго из Варшавскаго Герцогства в Главную Действующую армию, где и соединился // с полком в городе Вицбурге и оттоль обратно чрез владение

¹ [Шереметевский В.В.] Великий князь Николай Михайлович. Русский провинциальный некрополь. Т. 1. СПб., 1914. С. 100.

² Так в документе. Должен быть Семёновский.

Варшавское Герцогство и Пруссию в Российские границы по 18^е число Октября того ж года находился. По российски, французски читать и писать умею, истории географии и математике знаю. В домовых отпусках был 810^ю Сентября с 14^ю на три месяца, 820^ю Сентября с 18^ю на 28^ю дней, 822^ю Января с 5^ю по 15^е Апреля и на срок являлся, в штрафах не бывал, женат на дочери Генерал Адьютанта Кожина Девиде Елисавете, детей не имею, от роду имею 40^ю лет.

2^е

Хотя и имею я ревностное желание продолжать Воинскую *Вашего Императорского Величества* службу, но от полученной раны в прошедшую кампанию с французами в правую ногу картечью с раздроблением берцовой кости, чувствуя в оной чувствую ломоту нахожу затруднение действовать в передвижении оной и сверх сего одержим слабостию груди, а потому Всеподданнейше прошу

Дабы *Высочайшим Вашего Императорского Величества* указом повелено было сие мое прошение принять и меня имянованного по вышеозначенным причинам от службы уволить с награждением мундира и пенсиона полного жалования, причем прилагаю *Свидетельство* от Дивизионнаго доктора 4^ю Резервнаго кавалерийскаго корпуса Надворнаго Советника Андре и реверс о том что по увольнении меня от службы с прописанным награждением более ни о чем утруждать не буду.

Всемилоостивейший Государь! Прошу *Вашего Императорского Величества* о сем моем прошении решение учинить к подаанию надлежаще по команде.

Октября __ дня 1822^ю года прошение сие писал со слов просителя 4^ю Резервнаго кавалерийскаго корпуса Корпусной Писарь Михайла Родионов.

2^ю Бригады 1^ю Конно Егерской Дивизии Генерал Майор Владимир Матвеев сын Бороздин 2^ю руку приложил.

РГВИА. Ф. 395, оп. 75, д. 522, 1822 г., ст. 3, отд. 2, л. 2—3 об. Подлинник.

*Константин Жучков,
Эдуард Узенёв*

НОВОРЖЕВСКИЙ ПОМЕЩИК А.Н. ЧЕЧЕНСКИЙ — УЧАСТНИК ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Не так давно было обнаружено, что герой Отечественной войны 1812 года Александр Николаевич Чеченский (1780—1834) относился к псковскому дворянству, проживал с семьёй в Псковской губернии и был похоронен в посёлке Кудеверь Новоржевского уезда. В число псковских помещиков А.Н. Чеченский попал уже после войны 1812 года благодаря женитьбе на Екатерине Ивановне Бычковой, дочери действительного статского советника Ивана Михайловича Бычкова¹, бывшего до 1807 года унтер-шталмейстером (придворным конюшенным) в полковничьем чине Его Императорского Величества. Несмотря на огромную работу чеченских историков и псковских краеведов, в его биографии и по сей день остаётся ряд «белых пятен». Но даже ныне известные факты говорят об удивительной судьбе этого героя войны с Великой армией Наполеона.

О раннем детстве мальчика Али (настоящее имя А.Н. Чеченского. — *Авт.*) известно лишь, что в 1785 году во время военной кампании на Кавказе в результате набега русской армии на чеченский аул Алды он в пятилетнем возрасте осиротел, попал в плен, но по воле судьбы был взят на воспитание будущим русским полководцем, героем Отечественной войны 1812 года, генералом от кавалерии, а тогда — ещё шестнадцатилетним подпоручиком, Николаем Николаевичем Раевским, дружбой с которым гордился Александр Сергеевич Пушкин. По утверждению М.А. Вахидовой, мать Али Рахимат, «первая на селе красавица, умерла ещё при родах его. Отец Алхазур пал в бою с войсками, занявшими аул. Раевский дал слово родственникам Али сделать всё для его воспитания. И слово своё свято сдержал. Он дал мальчику имя Александр и своё отчество. А вот фамилию усыновленному записал Чеченский. Это обязывало нового дворянина Российской империи помнить, к какому народу он принадлежит по кровному родству»². Он рос в Каменке, на Украине, у матери Николая Раевского Екатерины Николаевны. Окончил Благородный пансион при Московском университете.

¹ <http://gerbovnik.ru/arms/3542.html>

² http://gelancha.com/index.php?option=com_content&task=view&id=9&Itemid=31

Военную службу А.Н. Чеченский начал в 1794 году в чине вахмистра в Кизляре в Нижегородском драгунском полку, где командиром был его приёмный отец. В 1796—1808 годах участвовал в экспедициях против персов на Каспии и турок-османов в Причерноморье, а также в кавказской, финской и французской кампаниях. В 1805—1807 годах Чеченский участвует в боях с наполеоновскими войсками под Мышеницами, Гутштадтом, Аккендорфом, а также в изгнании противника за реку Посаржу. Мужество и отвага Чеченского, проявленные под Гейльсбергом и Фридландом, были отмечены подаренным ему золотым Георгиевским оружием — саблей с надписью «За храбрость».

Перед Отечественной войной 1812 года с декабря 1811-го А.Н. Чеченский находился в отставке, однако при вторжении наполеоновской армии в Россию вновь вернулся на военную службу. Будучи отставным майором Гродненского гусарского полка, в чине ротмистра вновь вступил на службу в армию 5 июля 1812 года, о чём 16 августа была подана записка в канцелярию Военного министерства¹. Числясь по-прежнему в Гродненском гусарском полку, в котором служил с 1806 года, 20 июля он получил назначение командовать 1-м Бугским казачьим полком, с которым и проделал всю французскую кампанию 1812—1814 годов. Изучая архивные документы, удалось обнаружить, что Чеченский после 1811 года не числился в штате Гродненского полка². Напрашивается вывод: служил сверх штата и стал командующим 1-м Бугским казачьим полком.

А.Н. Чеченский с 1-м Бугским полком в составе арьергарда 6-го корпуса генерала Д.С. Дохтурова участвует в боях при Витебске и Смоленске. После Смоленского сражения 1-й Бугский полк вошёл в состав казачьего корпуса генерала М.И. Платова, с которым принимает участие в арьергардных боях на новой Смоленской дороге, предшествовавших Бородинскому сражению. 21 августа А.Н. Чеченский вместе с полком откомандирован в распоряжение начальника Калужского ополчения генерала В.Ф. Шепелева для прикрытия Юхновского уезда. 8 сентября в Юхнов прибыл только что сформированный партизанский отряд подполковника Д.В. Давыдова, который сразу же обратил внимание на 1-й Бугский полк и добился от В.Ф. Шепелева включения полка в состав его

---

¹ РГВИА. Ф. 29, оп. 1/153^а, св. 11, д. 1026, л. 1.

² *Цехановецкий В.П.* История 18-го драгунского Клястицкого Его Королевского Высочества Великого Герцога Гессенского полка, 1651/1806—1886. Варшава, 1886. С. 470.

партизанского отряда. 10 сентября такое разрешение было получено, и вечером 11 сентября в селе Знаменское Юхновского уезда А.Н. Чеченский с 1-м Бугским казачьим полком численностью 60 человек влился в состав отряда Д.В. Давыдова¹.

С этого момента А.Н. Чеченский участвует во всех делах партизанского отряда, отличаясь «блистательной храбростью», как выразился о нём Д.В. Давыдов, «в битвах впереди всех, *горит как свечка*»². Тот же Давыдов дал его словесный портрет: «...Росту малого, сухощавый, горбоносый, цвету лица бронзового, волосу чёрного, как крыло ворона, взора орлиного. Характер ярый, запальчивый и неукротимый; явный друг или враг; предприимчивости беспредельной, сметливости и решимости мгновенных»³. Уже 19 сентября А.Н. Чеченский отличился в бою при селе Юренево (Гринево) около Вязьмы, в котором он «взял сто девятнадцать рядовых и одного капитана в плен»⁴. Отличием этого боя было то, что казаки атаковали неприятельскую пехоту, укрытую в селении, в результате чего у противника, кроме пленных, был отбит артиллерийский парк в 24 фуры. В тот же день А.Н. Чеченский участвует в бою у села Покровское, где партизанский отряд захватил целый неприятельский обоз и освободил 400 русских пленных. За храбрость и отвагу, проявленную А.Н. Чеченским в этих боях, Д.В. Давыдов представил его к награде орденом св. Георгия 4-й степени⁵. Он представил рапорт и наградной список генералу В.Ф. Шепелеву, который переправил его П.П. Коновницину, а тот, в свою очередь, доложил его М.И. Кутузову, который 10 октября 1812 года почтил знаменитого партизана ответным письмом и удостоил в нём своим вниманием А.Н. Чеченского:

«Милостивый государь мой Денис Васильевич! Дежурный генерал доводит до сведения моего рапорт ваш о последних одержанных вами успехах над неприятельскими отрядами между Вязьмою и Семлёвым... О удостоении военным орденом командующего 1-м Бугским казачьим полком ротмистра Чеченского сообщил я учреждённому из кавалеров оного ордена Совету. Прочие рекомендуемые вами г-да офицеры не останутся без наград соразмерно их заслугам. Отличившимся нижним чинам по представленным от вас спискам назначаю орденские сере-

¹ Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1940. С. 212, 214.

² Там же. С. 216.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 221.

⁵ РГВИА. Ф. 846, оп. 16, д. 3509, л. 72—73.

бренные знаки. А за сим остаюсь в полном уверении, что вы, продолжая действовать к вящему вреду неприятеля, истребляя транспорты его и конвои, сделаете себе прочную репутацию отменного партизана... Деревня Леташевка. Князь Г[оленищев]-Кутузов»¹. 25 октября 1812 года газета «Санкт-Петербургские ведомости» опубликовала Журнал военных действий, в котором описан подвиг А.Н. Чеченского, а сам он упомянут дважды². Кутузов сдержал слово, и 23 декабря 1812 года «за отличие в сражении при Вязьме и Покрове» А.Н. Чеченский был награждён орденом св. Георгия 4-й степени³.

Осенью 1812 года А.Н. Чеченский с 1-м Бугским казачьим полком сражался в самых знаменитых боях с неприятелем партизанского отряда Д.В. Давыдова под Вязьмой, при селе Ляхове, под городом Копысом и у местечка Бельнич. За отличие в них А.Н. Чеченский был представлен к званию майора, которое получил 12 мая 1813 года. Приближаясь вместе с отрядом Д.В. Давыдова к границе империи, А.Н. Чеченский со своим полком подошёл к городу Гродно, занятому союзными французскими, австрийскими и польско-литовскими войсками.

Казачьи разъезды 1-го Бугского казачьего полка, составляя авангард отряда Д.В. Давыдова, под командованием А.Н. Чеченского 6 декабря 1812 года подошли на триста шагов к Гродно и ниже по течению реки Неман начали переправляться на левый берег. 8 декабря А.Н. Чеченский вернул австрийскому генералу Ф. Фрелиху в Гродно двух пленных австрийских гусар, захваченных казаками на аванпостах перед городом, и воспользовался этим поводом, чтобы начать переговоры о сдаче города⁴. В тот же день А.Н. Чеченский заключил письменное соглашение с Ф. Фрелихом, по которому австрийские войска эвакуировали Гродно. Без единого выстрела первый раз за войну А.Н. Чеченский освободил целый город.

С переходом российской границы и переносом военных действий в Польшу и в Германию партизанский отряд Д.В. Давыдова 24 декабря 1812 года поступил в состав авангарда Главной армии генерала Ф.Ф. Винцингероде, под командованием которого А.Н. Чеченский с 1-м Бугским казачьим полком продолжил поход в Саксонию, где началась весенняя кампания 1813 года.

---

¹ Кутузов М.И. Сб. докум. : В 5 т. Т. IV. Ч. 2. М., 1955. С. 82.

² Там же. С. 130.

³ РГВИА. Ф. 29, оп. 1/153^г, ч. 4, л. 19—20.

⁴ См.: Давыдов Д.В. Военные записки. С. 301.

1 февраля 1813 года А.Н. Чеченский участвует в сражении при Калише, в результате которого французская армия окончательно была изгнана из Польши и лишилась возможности возобновить наступление против русской армии. 8 марта А.Н. Чеченский, будучи послан Д.В. Давыдовым к Дрездену, столице Саксонского королевства, верного союзника Наполеона, вновь завязал переговоры о сдаче города с французским генералом П.Ф.Ж. Дюрюттом, которые завершились 10 марта вступлением отряда Д.В. Давыдова в город без боя¹. Это был последний подвиг А.Н. Чеченского, совершённый под командованием Давыдова.

13 марта 1813 года в командовании летучим отрядом последнего сменяет подполковник В.А. Прендель, под началом которого продолжил службу А.Н. Чеченский во главе 1-го Бугского казачьего полка. Уже с новым командиром он участвует в кровопролитных генеральных сражениях русской армии 20 апреля при Люцене и 8—9 мая при Бауцене в Саксонии, а затем в арьергардных боях при отступлении русской армии к Рейхенбаху. За отличие в этих делах А.Н. Чеченский был высочайше пожалован денежным пособием уже в звании майора и затем званием подполковника².

После Рейхенбахского перемирия А.Н. Чеченский с 1-м Бугским полком, находясь в кавалерийской бригаде всё того же В.А. Пренделя в 12-м корпусе Ф.Ф. Винцингероде в составе союзной Северной армии под командованием шведского наследного принца, принимает участие в сражении при Денневице у деревни Дебрихау, за которое представлен В.А. Пренделем к награде³. В составе этой бригады А.Н. Чеченский участвует в знаменитой «Битве народов» 5—7 октября при Лейпциге. За отличие в бою 5 октября 1813 года он переведён тем же чином в лейб-гвардии Гусарский полк. Эта награда свидетельствовала о высочайшем признании его подвигов: А.Н. Чеченский причислялся к одному из престижнейших полков русской армии, сразу перешагнув разницу в два чина между армейскими и гвардейским званиями. До конца войны, числясь в гвардейском Гусарском полку, он продолжал командовать 1-м Бугским казачьим полком.

2 ноября 1813 года А.Н. Чеченский с 1-м Бугским полком поступает в летучий отряд генерала А.Х. Бенкендорфа, будущего шефа жандармов, с которым до 22 декабря находится в экспедиции в Голландии. Здесь он

---

¹ См.: Там же. С. 335—345.

² РГВИА. Ф. 103, оп. 208, св. 2, д. 7, ч. 5.

³ Там же. Св. 3, д. 20.

участвовал во взятии 30 ноября крепости Бреда. 1 декабря А.Х. Бенкендорф назначил А.Н. Чеченского командовать отрядом, составленным из двух казачьих полков 1-го Бугского, с которым тот с ходу захватил Виллемстад, заставив французский гарнизон эвакуировать крепость. Уже в третий раз за время войны, после Гродно и Дрездена, А.Н. Чеченский без боя берёт неприятельскую крепость. Захват порта Виллемстада позволил начать высадку в Северную Европу английских войск. За поход в Голландию, бои около крепости Бреда и взятие Виллемстада А.Н. Чеченский был награждён орденом св. Владимира 3-й степени¹. После освобождения Голландии отряд А.Х. Бенкендорфа получил приказ двигаться во Францию на соединение с корпусом Ф.Ф. Винцингероде, а с ним начал поход и 1-й Бугский полк во главе с А.Н. Чеченским.

Во время кампании во Франции А.Н. Чеченский участвует во всех знаменитых сражениях зимы/весны 1814 года: 2 февраля при захвате города Суассон; 23 февраля в сражении при Краоне; 25—26 февраля у города Лаон; 8—9 марта при городе Арси-сюр-Об. За сражения у Краона и Лаона А.Н. Чеченский награждён орденом св. Анны 2-го класса². Наконец, 18 марта 1814 года он с полком принимает участие во взятии Парижа, за что ему было пожаловано звание полковника лейб-гвардии Гусарского полка, в штате которого он также не числился³.

По возвращении из Франции в октябре 1814 года его полк разместили на постоянные квартиры в Царском Селе под Петербургом. По утверждению М.А. Вахидовой, именно здесь могло состояться знакомство Александра Чеченского и лицеиста Александра Пушкина⁴.

Высочайшее пожалование переводом в гвардию тем же чином и затем званием гвардейского полковника позволили А.Н. Чеченскому успешно продолжить военную карьеру и после окончания войны. 1 января 1816 года он назначен командовать Литовским уланским полком. Это было особое монаршее благоволение к А.Н. Чеченскому, поскольку должность командира кавалерийского полка являлась исключительно креатурой императора и возлагала на плечи её обладателя огромную административную и финансовую ответственность за сложный военный механизм. Это и образцовое материальное содержание людей и

---

¹ РГВИА. Ф. 29, оп. 1/153^a, св. 571, д. 393, л. 1—2.

² Там же.

³ Месяцеслов с росписью чиновных особ или Общий Штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1815. Ч. 1. СПб., 1815. С. 97—103.

⁴ http://gelancha.com/index.php?option=com_content&task=view&id=9&Itemid=31

лошадей, и правильное финансирование полковых нужд, и поддержание морального и боевого духа у подчинённых, их поддержка в нужную минуту, поддержание должной дисциплины, и, конечно, обучение солдат и офицеров. С командованием регулярным кавалерийским полком в мирное время А.Н. Чеченский справился с не меньшей честью, нежели с командованием полком казаков на поле боя. Об этом говорят приведённые документы, связанные с его новым назначением и службой в 1816—1819 годах. Особый интерес среди них представляет переписка по поводу обвинений А.Н. Чеченского и его полка властями Смоленской губернии в злоупотреблениях и побоях в 1818 году (см. приложение). Полковник проявил себя не только хорошим кавалеристом, но и грамотным, уравновешенным, профессиональным военачальником и мудрым человеком и дал на воздвигнутые против него обвинения полный достоинства ответ.

20 августа 1822 года А.Н. Чеченскому было присвоено звание генерал-майора по кавалерии. Прослужив ещё два года, он вынужден был уволиться в связи с подорванным здоровьем и отправился к «Карлсбадским минеральным водам до излечения болезни с производством жалования и с отчислением по кавалерии».

Впоследствии, до 1827 года, отставной генерал, вероятно, проживал в имении Савкино Новоржевского уезда Псковской губернии (в 54 километрах к юго-западу от посёлка Бежаницы и в 11 километрах к юго-востоку от посёлка Кудеверь), ранее принадлежавшем Бычковым, породнившись с которыми А.Н. Чеченский дал начало новому дворянскому роду на Псковщине. О семейной жизни генерала Чеченского известно пока немного. В Формулярном Списке о Службе и Достоинстве Состоящего по Кавалерии Генерал-майора Чеченского говорится, что в декабре 1816 года он брал отпуск на 28 дней в Петербург. Дочери его Софье на момент составления списка (1828 год) было 11 лет. То есть родилась она в 1817 году. Значит, Чеченский мог жениться на Екатерине Ивановне Бычковой, находясь в отпуске.

Здесь стоит сказать, что отец Екатерины Ивановны, тесть Чеченского И.М. Бычков, не был дворянином. Он получил дворянство только в 1800 году, после чего, по-видимому, начал скупать земли в Псковской губернии, причём отдельными деревнями в разных уездах. К примеру, изучив Дело о выкупе крестьян у вдовы А.Н. Чеченского¹, выясняем,

---

¹ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 577, оп. 31, д. 637—638, 823, 2616.

что в 1863—1867 годах Чеченским принадлежали деревни Опочецкого уезда (Зеленцы, Нефёдено, Николаево, Стружки, Сукрено, Тарасино), Новоржевского уезда (Савкино, Климово, село Медница), Холмского уезда (Большое Романово).

Согласно Формулярному Списку, сам отставной генерал в собственности недвижимого имущества до женитьбы не имел, а за его женой, по состоянию на 1828 год, числилось 111 крестьянских душ. Таким образом, А.Н. Чеченский стал новоржевским помещиком, оказавшись при жене примаком. Усадьба Чеченских располагалась у озера Савкино на высоком живописном холме, с которого открываются красивые виды на широкие просторы в соседстве с холмистым ландшафтом Бежаницкой возвышенности. От бывшего поместья ничего не сохранилось, а на его месте сейчас находится небольшая деревенька Савкино. Правда, в густых зарослях высокой травы и кустарника у деревенской дороги прослеживаются остатки старинных фундаментов довольно больших размеров. Возможно, это следы бывших усадебных построек.

Чеченские имели семерых детей: шесть дочерей (Александру, Екатерину, Софью, Веру, Надежду, Любовь) и сына Николая. В 2009 году жительница посёлка Кудеверь Валентина Ровенская под фундаментом собственного дома обнаружила гранитный постамент с могилы дочери А.Н. Чеченского Любви Александровны с надписью: «Дочь известного партизана 1812 г. Генерала А.А. Чеченского Чеченская Любовь Александровна, умерла 18 октября 1905 г.».

О последних годах жизни отставного генерала на сегодняшний день известно, что с 1827 года он служил в Слуцком попечительном комитете о бедных¹, сменив службу военную на гражданскую. С 1833 года² А.Н. Чеченский, скорее всего, находился в отпуске по болезни. Скончался он в 1834 году в Дрездене, о чём свидетельствует Дело о разрешении Опочецкого духовного правления на вывоз тела Чеченского его вдовой для погребения на погосте Кудеверь³. В метрической книге Георгиевской церкви погоста Кудеверь Новоржевского уезда Псковской губернии имеется запись о смерти 7 мая 1834 года помещика сельца Савкино, генерал-майора Александра Николаевича Чеченского, 55 лет⁴.

¹ Месяцеслов... на лето от Рождества Христова 1828. Ч. 1. СПб., 1828. С. 942.

² Месяцеслов... на лето от Рождества Христова 1833. СПб., 1833. С. 770.

³ ГАПО. Ф. 369, оп. 1, д. 4321.

⁴ Тамже. Д. 4340, л. 896 об.

В настоящее время изучение места бывшей усадьбы и биографии славного сына Отечества продолжают. В храме Христа Спасителя, воздвигнутом при Александре III в честь спасения Отечества в 1812 году, на стене № 16 в числе имён других героев высечено имя ротмистра А.Н. Чеченского как удостоенного ордена Святого Георгия IV степени. 27 июля 2012 года в посёлке Бежаницы на улице Комсомольской в торжественной обстановке состоялось открытие памятника герою Отечественной войны 1812 года. В церемонии, как сообщил портал государственных органов Псковской области, приняли участие председатель государственного комитета Псковской области по культуре А.И. Гольшев, исполняющий обязанности председателя Псковского областного Собрания депутатов В.В. Антонов, председатель Центра чеченской культуры «Барт» С.А. Дукаев, специалисты Псковского государственного университета, представители музейного сообщества, жители Бежаницкого района. Кроме того, на торжество прибыли председатель парламента Чеченской Республики Д.Б. Абдурахманов, заместитель президента Ассоциации чеченских обществ и культурных объединений России Р.Р. Магомаев. Из Санкт-Петербурга и Москвы почтить память героя Отечественной войны прибыли представители органов исполнительной власти, чеченской диаспоры, общественных организаций и бизнеса, а также меценаты, по чьей инициативе был воздвигнут памятник. Право открыть монумент было предоставлено меценату С. Юсупову и его супруге М.А. Вахидовой, главе Бежаницкого района А.Я. Трофимову, главе администрации Бежаниц Г.П. Андрееву и меценату — генеральному директору фирмы «Казбек» И.Г. Абуезидову.

Инициаторами установки монумента явились М.А. Вахидова и преподаватель Грозненского университета Ш.З. Окунчаев. Монумент был изготовлен в Дагестане. Скульпторы вложили в него символический смысл: на четырёхметровой монолитной железобетонной стеле, облицованной полированным гранитом, размещён барельеф Александра Чеченского и его золотой сабли. На вершине — орёл¹. Памятник славному герою Отечественной войны 1812 года стал символом единства и героизма всех народов России.

---

¹ <http://www.pskov.ru/novosti/26.07.12/26144>;
<http://www.pskov.ru/novosti/27.07.12/26190>.

Приложение

Дело по обвинению Смоленского губернского правления о обидах и поступках сделанных во время ночлега Литовского уланского полка в селениях тамошней губернии в Рославльском уезде командиром онаго полковником Чеченским равно и нижними чинами того полка. 22 ноября 1818. Решено 30 ноября.

В Инспекторский департамент Главного штаба Его Императорского Величества от Смоленского губернского правления:

Губернское правление слушав рапорт Рославльского земского суда, коим прописывая что прошедшего июня месяца 18 числа присланных в тот суд дворянский суда того заседатель Козловский 1^н уведомлением [изъявленным?] во исполнение предложения Его Превосходительства г. Смоленского гражданского губернатора и кавалера барона Каземира Ивановича Аша от 31 мая за № 4332 для встречи и препровождения следующего из города Бежецка в город Слуцк Литовского уланского полка отправлялся он и 15 числа оной полк на границе Рославльской прилегающей к Смоленскому и Ельнинскому уездам встретил, по вступлении же того полка в селении же тамошнего уезда для ночлега пребывавший г. полковник Чачинской в село Черепово и расположась по отводу его заседателя квартирой // в доме господ Малышевых спрашивал у него о справочных на овес и сено ценах на что когда от него Козловского при соблюдении должной вежливости объявлено было ему г. полковнику что по Рославльскому уезду цены овса четверть 7.20 [рублей] сена пуд 60 копеек и такового фуража у госпожи Малышевой в означенном селе Черепове имеется в довольном количестве вдруг осердясь он г. полковник говорил ему заседателю сердитым видом как же мала цена я тебя то есть: его заседателя возму и пошлю с унтер офицерами к г. губернатору и зачем ты с такою справкою приехал между же тем хотя потребное число овса и сена было у госпожи Малышевой с платежом овса за четверть 7 рублей сена пуд по 40 копеек и травы за воз по 50 копеек искуплено но и затем во время ночлега деланы были от воинских чинов обывателям разные обиды с причинением побоев и о протчаго за забранные ж натурою под своз 438 обывательских лошадей прогонных денег равно и за продовольствие нижних чинов никакой платы не последовало о чем поданныя к нему заседанию объявление и рапорты [переданы?] и уведомление что от него означенного полку в проследовании онаго // чрез тамошний уезд квитанции за вышепрописанными происшествиями в обиду обывателей не дано отнеса суду на рассмотрение а Земский суд с приложениями с представленных от заседателя Козловского объявлений и рапортов по ним представил на рассмотрение сему правлению почему в оном определено о вышеописанном предоставить учинить рассмотрение Инспекторскому департаменту Главного штаба Его Императорского Величества о чем в оной с предложением бумаг отнесясь с требованием о последующем уведомлении.

Октября 29 дня 818. Подписи

От Его Императорского Высочества Цесаревича начальнику Главного штаба Его Императорского Величества г. генерал-адъютанту генералу от инфантерии и кавалеру князю Волконскому:

По содержанию препровожденного ко мне при отношении дежурного генерала главного штаба Его Императорского величества генерал-адъютанта Закревского, от 30го ноября прошлого 1818го года за № 7224^м такового же отношения Смоленского губернского правления, с изложением в оном донесения Рославльского земского суда заседателя Козловского, о поступках и обидах, во время ночлега Литовского уланского полка в селениях того уезда; как командиром оного, так и нижними чинами, с причинением семи последними побоев обывателям, и незделании за забранные обывательские лошади и за продовольствие нижних чинов заплаты, я предписывал обстоятельство сие в подробности исследовать и удовлетворить обывателей всем следующим, буде жалоба окажется справедливою, и мне донести о поступках на рассмотрение.//

Теперь начальник штаба Литовского отдельного корпуса генерал-майор Грессер представляя мне препровожденный к нему от командира Литовской уланской дивизии генерал-лейтенанта графа Орурка рапорт полковника Чеченского и копию с квитанции, выданной Смоленским гражданским губернатором в благополучном проходе чрез вверенную ему губернию и небрании ничего безденежно, доносит мне что генерал-лейтенант граф Орурк не находит никакого ясного доказательства ни на понесения жителями Рославльского уезда обиды, ни на неуплату прогонных и за продовольствие нижних чинов денег, а замечает, что жалоба сочинена одним заседателем Козловским, который желал затмить жалобу, внесенную на него губернатору полковником Чеченским, о учиненных ему в пьяном виде грубостях, упросил помещицу Зборомирскую, дворянина Станкевича и соцких Алексеева и Семенова, из коих первая и Станкевич выдали полку квитанции, следовательно всем случае без других видов // командира полка и нижних чинов совершенно винить не может.

Утверждая о сем Ваше Сиятельство, имею честь предложить у сего на рассмотрение ваше и помянутую в копии квитанцию, данную от Смоленского гражданского губернатора, вместе с рапортом командира Литовского уланского полка полковника Чеченского.

Варшава Марта 21 дня 1819 года № 1382

Генерал-инспектор всей кавалерии *подпись*

Командующему Литовской уланской дивизии командиру I^ю бригады г. генерал-майору и кавалеру Влодеку командиру Литовского уланского полка полковника Чеченского рапорт:

В исполнение Вашего Превосходительства о доставлении квитанциев за добротпорядочное квартирование во время перехода вверенного мне полка из прежнего квартирного расположения в настоящее, равно и донесения с обвинением действительно ли показанная жалоба от крестьян Рославльского уезда о неупла-

те прогонов за взятые подводы и причиняемых нижними чинами крестьянам побоев как донес заседатель Козловский Смоленскому губернскому правлению есть справедлива, честь имею донести что по прибытии моем Рославльского уезда в назначенное по маршруту село Черепово встречен я был каким то заседателем которого заметив что был в пьяном виде и начал делать разные грубости но я оному приказал оставя меня явиться тогда, когда будет в приличном виде своему званию; после чего он неизвестно куда отлучился и более я уже его не видел, о чем доносил Смоленскому г. гражданскому губернатору // представляя квитанции от коево получил валовую что и есть доказательство о фальшивом донесении заседателя Козловского. Квитанции же кроме Бежецкого уезда ибо таковая в месте с местными оног ж уезда представлена командиру 1^й Уланской дивизии г. генерал майору Васильчикову прочие как от городов так и от уездов на 24^х листах Вашему Превосходительству честь имею представить.

№ 60 Генваря 17 дня 1819 года Полковник Чеченский¹.

---

¹ РГВИА. Ф. 395, оп. 65/320, д. 848, л. 1—7 об.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА — СЕМЕЙНЫЙ ПРАЗДНИК В ДОМЕ ПУШКИНА

200 лет назад, в памятный для всей России 1812 год, родилась Наталья Гончарова, будущая жена первого поэта России. Дед новорождённой Афанасий Николаевич Гончаров отметил в своей записной книжке:

«1812-го Года 27-го Августа в Тамбовской Губернии Села Кареяна Родилась 5-м дочь Наталья в 3 часа утра Крестины 8-го сентября восприемники Загряжской и матушка Ка; Ан: —

Имянины ее 26 Августа»¹.

Так подробнейшим образом, с указанием даже часа её появления на свет, он зафиксировал себе на память рождение внучки Натальи. Отмечено всё: и дата, и место, и время, и то, что она пятый ребёнок, и когда крестили, и кто крестил её: один из хозяев Кариан Александр Иванович Загряжский и Екатерина Андреевна Гончарова, во втором браке Новосильцева, мать Афанасия Николаевича, то есть дядя и прабабка крещаемой. Особой строчкой отметил дед и день именин внучки, пришедшийся на канун её рождения. Сделана запись, конечно же, позднее, ибо он находился тогда за сотни вёрст от помянутого места. Афанасий Николаевич путешествовал по Европе и в сентябре 1812 года возвращался в Россию, охваченную войной с Францией.

Если бы не война, то родилась бы Наталья Гончарова в родовом гончаровском имении Полотняный Завод, но оно располагалось слишком близко к театру военных действий, а потому её отец Николай Афанасьевич решил отправить семью к родственникам в Тамбовскую губернию. В конце августа он написал неизвестному:

«Несчастливый переворот политических дел Европы и загоревшаяся неожиданная война в отечестве возвели наконец бедствия домашних устройств наших до той степени, которой кажется уже никакие удары судьбы превзойти не в силах. Вам известны они будут в полной мере, когда, думая найти в прародительском доме семейство Ваше, с ужасом застаёте лишь стены собственности прежней, сделавшейся жертвой вероломных хищников и варваров, столь нагло нарушивших священный

¹ Центральный Государственный архив древних актов (далее ЦГАДА). Ф. 1265.

союз с Россией! Сии надвинувшиеся громовые тучи на любезный край наш и предчувствия вящих нещастий решили меня, между страхом и надеждою за своих колеблющегося, спасти жену, в то время на сносе беременною и невинных изнемогающих болезнию младенцов от когтей Тигров, соорудивших погибель вселенной.

Итак, для всякой осторожности назначил я дорогим сердцу моему мирным убежищем деревню шурина моего Загрязского, село Кареян, где они теперь все находятся с 19-го числа августа. Служба моя при Гражданском губернаторе в Калуге, требуя меня налицо, заставила против воли бросить все заведения наши, ибо естлиб не был при нём, то по понуждению дворянства идти на ратное поле конечно б и я не миновал участи протчих. Должностным невозможно было в таких смутных положениях получить отпуски, ибо строго запрещалось оставлять город, но выезжать лишь тогда, когда приказано будет губернатору и всей его канцелярии в случае неизбежной опасности и лишь тогда выбираться вместе с присутственными местами. Меня ж, к щастию, по особенному препоручению, освободили выездом прежде, и теперь соединился я уже с моим семейством там же в Кареяне, где ожидаем гибель или спасение. Бога ради, дайте себя видеть и удостовериться нам, что имеем ещё близкого сердцу нашему и истинного друга в числе живых. Все те, которые решились принять меры осторожности, отправились в Тамбовскую губернию или в самый город Тамбов; в числе последних выслал туда же сам губернатор Каверин, своих детей, так как в край отдалённой от центра России, где и до сих пор все жители спокойны.

Маршрут: из Калуги на Тулу, на г. Богородицк, на г. Козлов, на г. Амбур и в Тамбов, откудова всякой рассказать может дорогу в Село Знаменское, Кареян тож.

Искренной друг по гроб Н. Гончаров»¹.

Издадека, когда подъезжаешь к селу Знаменка, расположенному в 35 верстах от Тамбова, видна доминирующая над ним трёхъярусная колокольня. Она как бы знаменует собою, что здесь родилась в 1812 году и была крещена Наталья Николаевна Гончарова.

В тот год предвещием Отечественной войны явилась комета, описанная Толстым в романе «Война и мир»: «При въезде на Арбатскую площадь огромное пространство звёздного, тёмного неба открылось

---

¹ Из архива Гончаровых. Публикация и комментарии Д. Благого и Т. Волковой // Летописи Государственного литературного музея. Пушкин. Книга первая. М., 1936. С. 396—397.

глазам Пьера. Почти в середине этого неба над Пречистенским бульваром, окружённая, обсыпанная со всех сторон звёздами, но отличаясь от всех близостью к земле, белым светом и длинным, поднятым кверху хвостом, стояла огромная яркая комета 1812-го года, та самая комета, которая предвещала, как говорили, всякие ужасы и конец света»¹.

Эта комета дважды поминается и Пушкиным. В первой главе «Онегина» ей уподоблен ток шампанского: «Вина кометы брызнул ток» (VI, 11), — имеется в виду шампанское урожая 1812 года. И в послании к Я.Н. Толстому «Горишь ли ты, лампада наша», вспоминая собрания «Зелёной лампы», Пушкин поминает «вино кометы»:

Вновь слышу, верные поэты,
Ваш очарованный язык...
Налейте мне вина кометы,
Желай мне здравия, калмык!
(II, 264)

Эта комета лучше всего была видна к началу 1812 года, хотя правильнее было бы называть её кометой 1811 года. Астрономы, указывая год кометы, имеют в виду не время её видимости, а год наибольшего сближения с Солнцем. А эта комета миновала перигелий ещё 12 сентября 1811 года. В России её задним числом стали считать пророчицей Отечественной войны 1812 года. Эту комету обнаружил весной 1811 года «звездолов» — француз Оноре Флержер. 26 марта, проведя очередное «прочёсывание» неба, он заметил светящееся дискообразное пятнышко со сгущением к центру и без хвоста. К третьему вечеру пятно заметно сместилось, и стало ясно, что открыта новая комета — далёкая и медленная. Летом, по мере приближения к Солнцу, у неё начал отрастать хвост. Особенно роскошным он стал к зиме 1811/12 года. Не очень длинный, чуть больше Ковша Большой Медведицы, он был необыкновенно красив. Но комета уже уходила от Солнца и Земли, хвост сокращался, и она таяла в пространстве. Напоследок её видели бесхвостой туманностью уже далеко летом 1812 года, всего за неделю до Бородинского сражения. Год этой знаменательной кометы, отметившей противостояние России и Франции, повторим, стал годом рождения Натальи

---

¹ Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. : В 100 т. Редакции и варианты художественных прозведений : В 17 т. Т. 8 (25). Кн. 1. М., 2003. С. 587.

Гончаровой в России и Жоржа Дантеса во Франции. Должно пройти двадцать четыре года, прежде чем они встретятся.

История полна самых неожиданных совпадений. «Бывают странные сближенья» (XI, 188), — писал Пушкин. Одно из них касается Натальи Николаевны: по православному календарю в Натальин день — 26 августа 1812 года по старому стилю или 8 сентября по-новому — состоялась грандиозная битва под Бородиным, завершившаяся в ночь на 27-е, в день её рождения. Кутузов писал: «Сражение было общее и продолжалось до самой ночи...»

Пушкин в лицейском стихотворении «Воспоминания в Царском Селе», прочтённом им на публичном экзамене в присутствии Державина, воспел эти дни:

Ретивы кони бранью пышут,
Усеян ратниками дол,
За строем строй течёт, все мезью, славой дышут,
Восторг во грудь их перешёл.

(I, 81)

Была традиция на Руси — в память одержанных побед и на поминовение «на поле брани убиенных» ставить храмы, освящаемые именами тех святых, в день которых состоялись сражения. В Петербурге такими были Сампсониевская церковь в честь Полтавской победы, Пантелеймоновская в честь Гангута и Гренгама, Иоанно-Предтеченская в честь Чесмы. В Петербурге же, а точнее под Петербургом, рядом с Лигово, в Старо-Панове, на даче графа Буксгевдена была некогда церковь во имя Адриана и Натальи — в память участия основателя храма в Бородинском сражении и по имени его жены. Это был единственный в Петербурге храм во имя Натальи, к тому же расположенный при большой дороге, которой не однажды проезжал и Пушкин с Натальей Николаевной. Теперь и на поле Бородинской битвы поставлена часовня в память Адриана и Натальи.

В объявлении генерал-губернатора Москвы графа Ф.В. Ростопчина от 27 августа о Бородинском сражении для сведения москвичей перелagались известия, доставленные курьерами от Кутузова с поля боя: «Вчерашний день 26-го, было весьма жаркое и кровопролитное сражение. С помощью Божию Русское войско не уступило в нём ни шагу. Хотя неприятель с отчаянием действовал против его. Завтра надеюсь я, возла-

гая мое упование на Бога и на Московскую Святыню, с новыми силами с ним сразиться»¹.

Однако той же ночью, 27 августа, противник, пользуясь темнотой, отошёл на исходные позиции. Русская армия также отходит от Бородина в сторону Москвы. Новое генеральное сражение так и не состоялось. А в это время, в ту же ночь, за пятьсот вёрст от Бородина в селе Карианы Тамбовской губернии у Николая Афанасьевича и Натальи Ивановны Гончаровых родилась дочь, которой суждено было спустя 19 лет стать женою Пушкина.

На следующий день после рождения Натальи Гончаровой, 28 августа 1812 года, Калужская губерния была по приказу М.И. Голенщца-Кутузова объявлена на военном положении. Губернатор Павел Никитич Каверин, при котором и состоял Н.А. Гончаров, вступил в управление Калужской губернией 19 января 1811 года. Ещё в начале августа он предписал вооружить жителей и организовать в уездах губернии кордоны для защиты от неприятельских фуражиров и мародёров, а также от беглых русских солдат. С августа по октябрь руководимыми им кордонами было убито и взято в плен свыше трёх с половиной тысяч человек. Он же руководил и эвакуацией присутственных мест и казённого имущества, а также доставкой продовольствия в действующую армию, организацией госпиталей для раненых и доставкой военнопленных. Н.А. Гончарову как раз и было поручено сопровождать казённое имущество в Тамбовскую губернию. Туда же были эвакуированы и дети губернатора. Старший сын губернатора, будущий приятель Пушкина Пётр Павлович Каверин, сам был в действующей армии, вернувшись в Россию из-за границы, прервав обучение в Геттингенском университете. Именно его помянет Пушкин в первой главе «Евгения Онегина»:

*К Talon помчался он: уверен,
Что там уж ждёт его Каверин.*

(VI, 11)

Село Кариан, или Кореян, «Знаменка тож», расположено среди просторов степей к югу от Тамбова при впадении реки Кариан в реку Цну. Каменный дом, в котором родилась Наталья Гончарова, и каменная же, давшая второе название селу Знаменская церковь, в которой её крести-

---

¹ Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование : В 4 т. Т. III. СПб., 1905. С 120—121.

ли, были построены при прадеде Натальи Николаевны Александре Артемьевиче Загряжском в 1743—1745 годах. Наталья Ивановна с детьми прожила здесь до августа 1813 года, когда новорождённой исполнился год. Больше, насколько известно, Наталья Николаевна никогда не была на своей случайной родине.

Если заглянуть в Святцы, то можно убедиться, что 26 августа празднуется икона Пресвятой Богородицы Владимирской, называемая Пирогощая по имени привезшего её в Киев купеческого гостя. Икона считается написанной святым апостолом и евангелистом Лукою и из Иерусалима была привезена в Царьград в 450 году. В 1160 году князь Андрей Боголюбский перенёс икону во Владимир, а в правление великого князя Василия Дмитриевича, при нашествии Тамерлана в 1395 году, она была принесена в Москву, где торжественно с крестным ходом была встречена, и 26 августа чудесно спасла город.

В тот же день, 26 августа, отмечается день Святых Адриана и Натальи и с ними ещё 23 мучеников. Они жили в IV веке в Никомидии, где прибывший император Максимилиан повелел отыскать христиан и, когда к нему были приведены 23 христианина, предал их пыткам. Начальник воинского отряда Адриан, присутствовавший при этом, был поражён их мужеством и объявил себя христианином. Разгневанный император и его велел мучить вместе с остальными. Жена Адриана Наталия, оказавшаяся тайной христианкой, ухаживала за мучениками в темнице, а по их кончине перевезла мощи Адриана в Византию, где мирно и почила. И Пушкин, и Наталья Николаевна, конечно же, знали о житии Натальи, хотя бы в том кратком варианте, в каком оно представлено в Четьях-Минях и поминается в день их почитания в церкви. Не случайно Пушкин, отзываясь на выход «Словаря о Святых», заметил не без иронии, что «есть люди, не имеющие никакого понятия о житии того св. угодника, чьё имя носят от купели до могилы, и чью память празднуют ежегодно». И добавил: «Не дозволяя себе никакой укоризны, не можем, по крайней мере, не дивиться крайнему их нелюбопытству» (XII, 102—103).

Крестины состоялись по старому стилю 8 сентября 1812 года, на 13-й день по рождении, то есть в тот же Натальин день, но по новому стилю. Вместе с тем по старому стилю тогда, в пушкинское время, это был день празднования Рождества Пресвятой Богородицы. Такой выбор для дня крещения Натальи Гончаровой представляется отнюдь не случайным. Он, скорее всего, принадлежал весьма набожной матери,

носившей также имя Наталья и чей день рождения приходился на канун Натальина дня, то есть на 25 августа старого стиля. Ей, полуфранцуженке, тем более хорошо было известно, что в католичестве Натальин день празднуется в один день с Рождеством Богородицы и, собственно, от него произведен, так как *Natalius* и означает *рождённая* или *природная*. В православии Натальин день ныне отмечается 8 сентября по новому стилю.

Само имя Наталья, которым окрестили будущую жену Пушкина, для поэта было дорого уже с лицейских лет. Одно из первых известных его стихотворений написано летом 1813 года и названо «К Наталье». В ту пору, когда в Кариане Наталья Гончарова делала первые робкие шаги, Пушкин испытал первую любовь:

Сердце страстное пленилось;
Признаюсь — и я влюблён!
(I, 5)

Стихотворение обращено к крепостной графа Варфоломея Васильевича Толстого, актрисе его царскосельского театра, посещавшегося лицеистами. Этот театр просуществовал до 1815 года, и, по рассказу историка Лицея Виктора Павловича Гаевского, лицеисты «засматривались на первую любовницу доморощенной труппы Наталью, которая, однако же, была плохой актрисой»¹. Она становится объектом первого любовного признания Пушкина:

Так, Наталья! признаюсь,
Я тобою полонён.
В первый раз ещё, стыжуся,
В женски прелести влюблён.
(I, 5—6)

К той же актрисе Наталье обращены стихи в первой и третьей песнях поэмы «Монах», написанной тоже в 1813 году.

С нею же связывается и стихотворение «К молодой актрисе», написанное два года спустя, летом 1815 года. Выражения первых любовных чувств рядятся у юного поэта в привычные образы французской поэзии.

¹ Современник. 1863. № 7. С. 139. Цит. по: http://az.lib.ru/s/shegolew_p_e/text_0240.shtml

Эти образы по-своему освещают лицейскую комнату Пушкина, представляющуюся ему монастырской кельей, а сам он себе монахом:

Знай, Наталья! — я... монах!

(I, 8)

В перечне тех, кого бы Наталья могла представить себе в качестве своего воздыхателя, «нежного Селадона», первыми выступают «арап» и «турок» — кровным отголоском далекого африканского предка, выкраденного из константинопольского сераля. Однако если эти и все последующие воздыхатели представлены по национальному признаку, когда «владельцев Сераля» сменяют попеременно «учтивый китаец», «грубый американец», наконец, «немчура» с привычными атрибутами — «С колпаком на волосах, / С кружкой, пивом налитой, / И с цыгаркою в зубах» (I, 7), то принадлежащим к совершенно другому ассоциативному ряду оказывается вдруг кавалергард:

Не представь кавалергарда,
В каске, с длинным палашом.

(I, 7)

Своеобразным предупреждением, неким пророчеством звучат эти строки, обращённые уже как бы и не к актрисе толстовского театра и даже не к отвлечённой Наталье, созданной поэтическим воображением, а к той, которая таким образом уже давала о себе знать. Так впервые и ещё не однажды в том же роде проговорится Пушкин, прежде чем на горизонте его жизни замаячит француз Жорж Дантес, облачённый в русский кавалергардский мундир.

Ровесник Натальи Гончаровой Шарль-Георг Дантес родился 5 февраля по новому стилю того же 1812 года в далеком эльзасском городке Сульце, на границе Эльзаса и Лотарингии. В истории семей Дантесов и Гончаровых оказывается довольно много общего. Отец Дантеса Жозеф-Конрад получил титул барона при Наполеоне I, но тем не менее был верным легитимистом, вынужденным выйти в отставку после революции 1830 года. Он принадлежал к новому дворянству: его прапрадед Жан-Генрих Дантес (1670—1733), крупный промышленник, владелец серебряных рудников и доменных печей, производитель жести и основатель фабрики холодного оружия, только в 1731 году, на закате жизни,

был возведён во дворянство. Это дало ему возможность купить имение в Сульце, где в будущем родится Жорж Дантес. Его прадед, дед и отец посредством браков породнились с древнейшими фамилиями Германии и Франции¹. Сестра его бабушки по материнской линии, графиня Шарлотта-Амалия-Изабелла Вартенслебен (1759—1835), в 1788 году вышла замуж за русского дипломата графа Алексея Семёновича Мусина-Пушкина, бывшего посланником в Стокгольме и дослужившегося до чина действительного тайного советника. Поселившись в России, она звалась Елизаветой Фёдоровной; став кавалерственной дамой, закончила свои дни в Москве 27 августа 1835 года, в день рождения Натальи Николаевны². Таким образом, Дантес оказался в родстве с фамилией, кровь которой текла в жилах Натальи Николаевны и у которой были общие предки с Пушкиным.

В память об увлечении Пушкина-лицеиста другой Натальей, горничной княжны Волконской, останется ещё одно стихотворение, написанное в 1814 году, — «К Наташе» («Вянет, вянет лето красно»). Все эти стихотворения при жизни Пушкина не печатались и сохранились в лицейских сборниках. Несомненно, что одна из этих двух Натальей помянута в лирическом отступлении в черновиках поэмы «Руслан и Людмила» («Моей Наташи сон лукавый»). В окончательном варианте это реальное имя будет заменено на нейтрально-отвлечённое Лида: «Я помню Лиды сон лукавый...» (IV, 66).

Ещё одна Наталья, по словам лицейского товарища Пушкина Модеста Корфа, была «предметом первой любви поэта». Это — графиня Наталья Викторовна Кочубей, жившая с родителями летом в Царском Селе на даче в 1813—1815 годах. Она была на полтора года младше Пушкина. К ней относится стихотворение «Измены». Это стихотворение напечатано в феврале 1816 года в «Российском Музеуме» (последнем номере 1815 года, вышедшем с опозданием). Стихотворение носит отпечаток французской любовной поэзии, но весь накал выраженных в нём страстей вызван реальными переживаниями. Его автор мог бы сказать о себе словами своего лирического героя:

---

¹ Самая подробная биография Дантеса была составлена его внуком Луи Метманом по просьбе П.Е. Щёголева. См.: *Щёголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина*. М.; Л., 1928. С. 15—21.

² *Ferrand, Jacques. Histoire et Genealogie des nobles ey comtes Moussine-Pouchkine*. Paris, 1994. P. 93.

В юности страстной
Был я прекрасной
В сеть увлечен.

(I, 108)

С именем Натальи Кочубей связал в своё время П.К. Губер «утаённую любовь» поэта, утверждая в полемике с Л.П. Гроссманом, что в поэме «Полтава» нашла отражение не Мария Раевская, а Наталья Кочубей. Можно оспаривать и его, и Гроссмана, но нельзя не согласиться с рассуждением Губера: «Но уже то обстоятельство, что в черновиках поэмы «Полтава» Мария Кочубей первоначально называлась Натальей, должно заставить нас призадуматься. «Я люблю это нежное имя», — гласит английский эпитаф, заменённый в печатном издании цитатой из байроновского «Мазепы». Какое имя? Наталья или Мария? Весы как будто колеблются»¹. Действительно, и в плане будущей поэмы, и в черновиках имя героини первоначально обозначено как Наталья:

И подлинно в Украине нет
Красавицы Нат<алье> равной...

(V, 186)

И далее:

И жертвой пламенных <страстей>
Судьба Нат<алье> назначала...

(V, 188)

А также:

Он горд Натальей молодой
Своею дочерью меньшей

(V, 186)

Но уже в наброске плана последующих стихов было обозначено окончательное имя героини поэмы: «Гетман сватает Марию» (V, 188).

Вышедшая в сентябре 1820 года за генерала графа Александра Григорьевича Строганова, троюродного брата Натальи Николаевны, графи-

---

¹ Губер П.К. Дон-Жуанский список Пушкина. Петербург, МСМХХІІІ. С. 264.

ня Наталья Кочубей, по собственному признанию Пушкина П.А. Плетнёву, была им выведена в VIII главе «Евгения Онегина»:

К хозяйке дама приближалась.
За нею важный генерал...
(VI, 171)

Генерал был действительно «важный», хотя вовсе и не старый, каковым он представляется порой читателю благодаря опере Чайковского. В романе он — хороший знакомый Онегина, а значит, не должен быть много его старше. Граф Александр Григорьевич родился в 1795 году, так что и Пушкин моложе его всего на четыре года. В ранней юности Строганов с отличием принял участие в войне 1812 года, но генералом стал значительно позднее, как раз ко времени создания Пушкиным VIII главы. Впрочем, таковы уж законы собирательного образа, что на Татьяну восьмой главы «претендовали» и другие дамы, прежде всего ровесницы Натальи Кочубей — Анна Петровна Полторацкая, 16-ти лет выданная за 52-летнего генерала Е.Ф. Керна, а также Екатерина Александровна Буткевич, ставшая в 18 лет женой 72-летнего графа В.В. Стройновского, статского, впрочем, генерала.

То же самое можно сказать и в отношении так называемого «Дон-Жуанского списка», в котором первое из отмеченных в нём имя Наталья I обыкновенно связывают с графиней Натальей Кочубей, хотя им могла быть означена с таким же правом и актриса Наталья, и горничная Наталья. Как бы то ни было, но именно имя Наталья открывает собою список тех, в кого некогда влюблён был Пушкин.

Вообще, в российской словесности за именем Наталья тянется шлейф литературной традиции, начатой Карамзиным повестью «Наталья, боярская дочь». Действие повести приурочено ко времени царя Алексея Михайловича. Дочь боярина Матвея, влюбившаяся в боярского же опального сына Алексея Любославского и бежавшая с ним из родного дома, послушная велению сердца, — по сути, первый в русской литературе образ привлекательной русской девушки, натуры глубокой и непосредственной, предтечи пушкинской Татьяны. Разговор Натальи с верной няней как будто предваряет знаменитую сцену «Евгения Онегина». Весёлая беззаботность жизни прерывается появлением Алексея, тоскою сердца, которое сказало ей: «Вот он!» Сходным представляется и ощущение Татьяны Лариной:

Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого-нибудь,

И дождалась... Открылись очи;
Она сказала: это он!

(VI, 54)

Пушкин как будто отсылает своего читателя к карамзинской повести: «Много цветов в поле, в рощах и на лугах зелёных, но нет подобного розе; роза всех прекраснее; много было красавиц в Москве белокаменной, ибо царство русское искони почиталось жилищем красоты и приятностей, но никакая красавица не могла сравняться с Натальею — Наталья была всех прелестнее»¹. Данное Карамзиным описание внешности боярской дочери в свою очередь отзывается в известных описаниях красоты Натальи Гончаровой, которую единодушно назовут первой московской красавицей.

Позднее Пушкин в стихотворении «Жених», написанном в Михайловском, даёт имя Наталья своей героине, принадлежавшей к купеческому сословию, с уточнением в первых его строках, отсылающим всё к той же карамзинской боярышне:

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала...

(II, 409)

В основе стихотворения, выдержанного в духе баллады, лежит русская народная сказка о девушке и разбойниках, записанная Пушкиным в 1824 году со слов няни Арины Родионовны. Сказка о безымянной царевне была переосмыслена и введена в сон купеческой дочери, имя которой даёт сам Пушкин.

Мотивы сватовства и женитьбы связываются с именем Наталья у Пушкина несколько раз. В следующий раз у Пушкина невеста получает имя Наталья в романе «Арап Петра Великого». Она вновь боярышня, дочь боярина Ржевского, просватанная царём Петром за своего чёрного крестника Ибрагима. В этом сюжете отзывается как повесть Карамзина, так и реалии биографии Ганнибалов, предков автора. Имя Наталья

¹ Карамзин Н.М. Наталья, боярская дочь // Карамзин Н.М. Избранные произведения : В 2 т. Т. 1. М. ; Л., 1964. С. 625.

поначалу предназначалось и героине «Евгения Онегина». Впервые это имя встречается в черновике XXI строфы первой главы романа в сцене появления Онегина в театре. Варианты десятого стиха «В большом рас-сеяньи взглянул» читаются так:

Наташ знакомых
(VI, 230)

или

Своих Анют, Наташ, Анет <?>
(VI, 230)

В следующий раз имя Наташа появится в черновиках XXIV строфы главы второй для того, чтобы тут же навсегда исчезнуть со страниц романа:

Её сестра звалась... Наташа.
(VI, 289)

Имя Татьяна больше подошло Пушкину. Заменяв в романе Наталью на Татьяну, Пушкин воспользовался «отставленным» именем в Михайловском, когда параллельно с деревенскими главами «Онегина», порою в иронической переключке с романом, пишется поэма «Граф Нулин».

К несчастью, героиня наша...
(Ах! я забыл ей имя дать.
Муж просто звал её: Наташа,
Но мы — мы будем называть:
Наталья Павловна)...
(V, 4)

В тексте романа Пушкин рассуждает на тему выбора имён, которые давались в России при крещении:

Всегда признаться мы должны
Что вкуса очень очень мало
У нас и в платьях и в домах
И на крестинах и в стихах
(VI, 289—290)

Именины в России традиционно отмечались более торжественно, чем день рождения: он был скорее семейным домашним праздником, а день ангела помнили все — для того достаточно было заглянуть в календарь. В шутовском именинном стихотворении, обращённом к Анне Николаевне Вульф, Пушкин, отмечая популярные имена, первым называет имя Наталья: «...стишки на именины / Натальи, Софьи, Катерины...» (II, 446). Два из трёх упомянутых здесь имён в переводе с греческого означают: Софья — «премудрость», а Екатерина — «всегда чистая». Имя Наталья — «природная» — по смыслу устраивало Пушкина, в частности, и по отношению к выросшей в деревне героине «Евгения Онегина». Однако в русской традиции пушкинского времени имя это почиталась простонародным и им редко называли дочерей в дворянских семьях, хотя так звали и одну из дочерей Петра I, а также его мать и первую жену. Именами тишайшего царя Алексея Михайловича и его супруги, боярской дочери Натальи Кирилловны, Карамзин назвал героев своей повести, дав новую жизнь имени Наталья. Но в семье, к которой принадлежала Наталья Гончарова, оно было задолго до Карамзина освящено фамильной традицией. Мать новорождённой, Наталью Ивановну, назвали в честь её тетки Натальи Кирилловны Загряжской (та, конечно же, была названа с учётом имени царицы). Гончаровы окрестили свою младшую дочь в честь все той же Натальи Кирилловны Загряжской. В то памятное лето 1812 года Наталья Кирилловна также, покинув Москву и свои подмосковные имения, приехала в Кареан.

Пушкин, всю войну 1812 года переживший в Царском Селе, в Натальин день 26 августа участвует в репетиции пьесы «Роза без шипов», которую сочинил Алексей Николаевич Иконников, лицейский гувернёр, по отзыву поэта, «чудака», «странный человек», «беден, горд и дерзок» (XII, 301). Сюжет пьесы был связан с событиями Отечественной войны, и лицеисты в вывороченных шинелях представляли ополченцев. Спектакль был представлен 30 августа, в день именин императора Александра I, венценосного тёзки Пушкина. В этот же день в Александро-Невской Лавре военный министр князь А.И. Горчаков читает донесение Кутузова от 27 августа в присутствии императорской четы. Лицеисты прочтут его напечатанным в газете «Северная пчела» 31 августа, узнав, таким образом, о происшествии, случившихся в Натальин день.

Самое название пьесы Иконникова обыгрывало «Сказку о царевиче Хлоре», сочинённую некогда Екатериной II для своего внука Алек-

сандра, будущего императора. Именно императрица дала в своё время импульс для державинской Фелицы, названной по имени дочери хана, киргиз-кайсаатской царевны из августейшего сочинения, той самой царевны, которая помогает царевичу Хлору найти путь к розе без шипов. Пушкину ещё предстояло найти свою «розу без шипов». В сказке юноша, встреченный царевичем, разъясняет: «Слышал я, сказал юноша, толкование розы без шипов, которая не колется, от нашего учителя; сей цветок не что иное значит, как добродетель...»¹.

Лицейсты в вывороченных шинелях представляют ополченцев, а через два дня, 3 сентября, провожают проходящие через Царское Село войска — шесть дружин петербургского ополчения и два эскадрона гродненских гусар и Польского уланского полка. Как писал Пушкин,

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались...
(III, 432)

Каждому из лицейстов предстояло пройти свой путь служения Отечеству, путь Пушкина ясно обозначился в тот памятный для России год. Война 1812 года, всколыхнув Россию, вызвала невиданный патриотический подъём, способствовал тем самым рождению национальной русской литературы. Пушкин, сын своих родителей, родился в Москве; Пушкин-поэт родился в Царском Селе. Как писала, оценивая ситуацию в России, посетившая её в 1812 году гонимая Наполеоном французская писательница Жермена де Сталь, «Россия ещё не имеет оригинальной литературы, но необычайные происшествия нашего времени обещают появление в России необычайного гения». Таким образом, она предсказала появление в русской литературе Пушкина.

Фамилия первого национального русского поэта могла быть иной, но он должен был явиться, и им стал Пушкин. Одновременно в далёкой русской провинции родилась та, которой суждено было стать его женою. Её фамилия могла быть иной, но ею стала Гончарова. Ей должно было исполниться 17 лет, чтобы, подобно своей тёзке, героине Карамзина, почувствовать, что «семнадцатая весна её жизни наступила»: «С небесного лазоревого свода, а может быть, откуда-нибудь и повыше, слетела, как маленькая птичка колибри, порхала, порхала по чистому весеннему

¹ *Екатерина II. Сочинения.* М., 1990. С. 126.

воздуху и влетела в Натальино нежное сердце — *потребность любить, любить, любить!!!*¹.

В своё время П.К. Губер, комментируя Дон-Жуанский список Пушкина, задаётся вопросом, почему вторая из Натальей, то есть Наталья Гончарова, замыкающая собою первую половину списка, не была обозначена литерой «И», как это сделано в том же списке по отношению к имени Екатерина вплоть до Екатерины IV. Он находит ответ в том, что под знаком «N», следующим в списке уже после Екатерины II, сокрыта Наталья Кочубей, а потому Наталью Гончарову поэт оставил без всякого номера. Представляется, что всё значительно проще и с тем вместе значительнее. Думается, что даже если бы в этом списке вовсе не было загадочной N, то Пушкин всё равно бы оставил Наталью Гончарову без номера. Как то влюблённому поэту тогда представлялось, Наталья Гончарова не могла иметь номера, ни второго, ни третьего, никакого, она была вне всяческих сравнений, выбивалась из ряда, будучи единственной в своём роде. Мечта, идеал не может иметь порядкового номера, как и «роза без шипов».

«Натальин день» и день Бородинской битвы для Пушкина стал семейным праздником. Именины Натальи празднуются один раз в году. Для него и Натальи Николаевны эти праздники слились и с днём её рождения, следуя один за другим. Пушкин неизменно отмечал эти дни, поздравлял жену в письмах, когда её не было с ним рядом. Шесть раз суждено было поэту отмечать эти даты. В первый год семейной жизни он встретил праздник в Царском Селе на даче Китаевой, где закончил «Евгения Онегина» вставным письмом Онегина к Татьяне, навеянным тем чувством, которое сам Пушкин испытал в начале семейной жизни. Тогда же было написано стихотворение «Бородинская годовщина». В тот год день Бородина, он же день именин жены, совпал со взятием Варшавы в ходе подавления польского восстания, что и дало импульс к созданию стихотворения. Пушкин помнит, что в 1612 году поляки были в Москве, что в 1812 году они воевали на стороне Франции. Но «мы не сожжём Варшавы их...» (III, 274), — пишет Пушкин.

В 1832 году «Натальин день» Пушкины праздновали в Петербурге на Фурштадтской улице в доме Алымовой. На следующий, 1833 год поэт был с женою в те дни в разлуке. Накануне её именин, 25 августа, закончив путешествие в Оренбургскую и Нижегородскую губернии, Пушкин

¹ Карамзин Н.М. Наталья, боярская дочь. С. 630.

прибыл в московский дом Гончаровых на Большой Никитской. Первым делом он отправляется к Нащокину, от которого узнаёт, что деньги, взятые по его просьбе у ростовщика Юрьева, отосланы Наталье Николаевне. «Теперь я спокоен», — пишет он ей с облегчением на другой день, начиная с поздравления: «Поздравляю тебя со днём твоего ангела, мой ангел, целую тебя заочно в очи — и [начинаю даль<нейшее>?] пишу тебе продолжение моих походов — из антресолей вашего Никитского дома...» (XV, 73).

Днём Пушкин посещает Погодина и Чаадаева, о чём также сообщает Наталье Николаевне. В тот же день он с Соболевским и Шевырёвым обедает у братьев Киреевских в Трёхсвятском тупике у Красных ворот, поднимая бокалы за «имянинницу» Наталию Николаевну. На другой день пишет ей: «Вчера были твои именины, сегодня твоё рождение. Поздравляю тебя и себя, мой ангел. Вчера пил я твоё здоровье у Киреевского с Шевырёвым и Соболевским; сегодня буду пить у Суденки» (XV, 75).

В день рождения жены 27 августа Пушкин обедает у Суденко, о чём сообщает Наталье Николаевне: «Обедал у Суденки, моего приятеля, товарища холостой жизни моей. Теперь он женат, и он сделал двух ребят, и он перестал играть — но у него 125,000 дохода, а у нас, мой ангел, это впереди. Жена его тихая, скромная, не-красавица. Мы отобедали втроём и я, без церемонии, предложил здоровье моей имянинницы, и выпили мы все не морщась по бокалу шампанского» (XV, 77).

Вечер закончился у Нащокина и вновь — «праздновали имянинницу» и вновь пили её здоровье: «Вечер у Нащокина, да какой вечер! шампанское, лафит, зазжённый пунш с ананасами — и всё за твоё здоровье, красота моя» (XV, 77). Здоровье, как знал Пушкин, было тем, чего ей, прежде всего, в ту пору не хватало. Вяземский, приехавший на дачу к Пушкиной 26 августа поздравить её с днём рождения и именинами, заметил, что она «всё ещё довольно худо оправляется»¹. Наконец, ещё после нескольких встреч и прощального вечера у Нащокина Пушкин 29 августа пустился в путь, о чём и написал жене: «Нащокин провожал меня шампанским, жёнкой и молитвами» (XV, 76), «...он задал мне прощальный обед со стерлядями... усадили меня в коляску, и я выехал на большую дорогу» (XV, 77).

В 1834 году к Натальину дню поэт приехал к жене из Петербурга в Полотняный Завод. Он поселился с семьёй в Красном доме в центре

---

¹ Пушкин в письмах П.А. Вяземского к жене (1830—1838) // Лит. наследство. Т. 16/18 [Александр Пушкин]. М., 1934. С. 807.

села. Это был одноэтажный деревянный дом с антресолями, выкрашенный в красный цвет, с высокими окнами парадного этажа с белыми колоннами, обтянутыми полотном, в 12 комнат. К ним примыкала пристройка с залом, освещаемым тремя люстрами. Возле дома был разбит цветник и фруктовый сад с беседками в китайском стиле. Сад выходил к крутому обрыву над П-образным прудом, за которым тянулись еловые аллеи в сторону фабрики. Пушкин по давней деревенской привычке вставал рано и уходил к беседке над обрывом. Вспоминалось писанное в июне: «О скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические — семья, любовь etc...» (III, 941).

В 1835 году дни именин и рождения Натальи Николаевны они отметили на даче под Петербургом в Новой Деревне. С 27 августа 1835 года Пушкин получает отпуск на четыре месяца, после чего отправляется в Михайловское.

На следующий 1836 год они встретили эти дни на Каменном острове. 26 августа, в Натальин день, Пушкин проводит вечер с женой-именинницей и свояченицами у Натальи Кирилловны Загряжской, чему сохранилось свидетельство А.Н. Карамзина в его письме брату за границу от 31 августа: «Кстати, о Пушкине. Я с Вошкой и Аркадием после долгих собраний отправились вечером Натальина дня en partie de plaisir¹ к Пушкиным на дачу. Проезжая мимо иллюминированной дачи Загряжской, мы вспомнили, что у неё фурц и что Пушкины, верно, будут там»².

Семья Пушкиных в то лето пополнилась ещё одной Натальей — младшей их дочерью.

На другой день рождение Натальи Николаевны отмечали в домашнем кругу. В этот день у виноторговца Рауля отмечено, что Пушкиным 26 августа куплено три бутылки шампанского марки «Креман» и «Лифит» на 32 рубля. Так Пушкин с женой в последний раз при его жизни отметили дни её именин и рождения.

До 25-летия Бородинской битвы и 25-летия жены Пушкину не дано было дожить. Наталья Николаевна встретила эту дату вдовою в Полотняном Заводе.

---

¹ В увеселительную прогулку (*франц.*).

² Пушкин в воспоминаниях современников : В 2 т. Т. 2. СПб., 1998. С. 359.

*Анатолий Будко,
Надежда Бринюк*

АРЕНДТ — ПУШКИН: 1812—1837

1812 год — «великий год России» — стал важной вехой в жизни и мировоззрении многих русских людей. Особый отпечаток трагические и славные для страны события оставили в сердцах и умах выдающихся сынов нашей Родины, предвещая весь предстоящий им жизненный путь, спустя много лет отзываясь в их судьбах и памяти.

В 1812 году ни 13-летний мальчик, будущий великий русский поэт Александр Пушкин, ни военный врач Николай Арендт, пока известный лишь в армейских кругах, конечно, не знали о существовании друг друга. Каждый из них шёл своей дорогой и не мог предположить, что через четверть века их пути пересекутся. В то время как юный Пушкин «в садах Лицея» всей душой следил за ходом Отечественной войны, молодой хирург Арендт разделял вместе с русской армией все её многовёрстные походы и кровопролитные сражения.

Николай Фёдорович Арендт (1785—1859) был внуком обрусевшего немца-ремесленника и сыном московского врача. Родился он в Казани, детские годы провёл в Москве. Медицинское образование Н.Ф. Арендт получил в Медико-хирургической академии. Первые четыре года его учёбы прошли в Московском отделении академии, а по закрытии его в 1804 году юноша был переведён в Санкт-Петербургскую МХА, где одним из его учителей стал выдающийся хирург Иван Фёдорович Буш — наставник целой плеяды деятелей российской медицины первой половины XIX века.

После успешного окончания Медико-хирургической академии в 1805 году (выпускник был награждён серебряным карманным набором хирургических инструментов, что соответствовало учреждённой позднее золотой медали академии, а его имя было занесено на почётную мраморную доску), Н.Ф. Арендт был отправлен на стажировку в Петербургский военно-сухопутный генеральный госпиталь, где сразу же получил звание лекаря.

Прослужить в госпитале ему довелось недолго. В начале XIX столетия Российская империя вела беспрестанные войны, и русская армия остро нуждалась в медиках. В 1806 году наша страна в союзе с Пруссией

ей вступила в войну с Наполеоном. Н.Ф. Арендт был назначен лекарем в Навагинский мушкетёрский полк и отправился в поход в прусские земли. Так началась военная карьера молодого врача.

В 1806—1807 годах Н.Ф. Арендт участвовал в сражениях с наполеоновской армией в рядах Навагинского мушкетёрского полка, а вскоре после заключения Россией и Францией Тильзитского мирного договора попал на фронт другой войны — Русско-Шведской. Эту войну Н.Ф. Арендт также прошёл от начала до конца. Он продолжил свою деятельность в Финляндии. «Длинный ряд кровопролитных сражений, в которых, в качестве врача, участвовал Арендт, доставил ему обширнейшую хирургическую практику, благодаря которой из него выработался необычайно искусный оператор»¹.

Профессиональные достижения Н.Ф. Арендта стали причиной его назначения на должность главного врача военного госпиталя в Гаммель-Питео в Швеции. В 1809 году, не заслужив ещё никакого чина, он удостоился особой милости императора Александра I: молодому хирургу был высочайше пожалован бриллиантовый перстень.

К началу Отечественной войны 1812 года Н.Ф. Арендт приобрёл серьёзный опыт и знания по военно-полевой хирургии. Во время военных действий он последовательно был утверждён старшим лекарем 1-го класса (27 декабря 1812 года), дивизионным врачом 13-й пехотной дивизии (9 сентября 1813 года), затем исполнял должность штаб-доктора 1-го пехотного корпуса². Н.Ф. Арендт принял участие во многих сражениях этой войны. В 1812 году он оказывал помощь раненым в битвах при Клястицах, Полоцке, Чашниках. После изгнания Наполеона из России, в 1813—1814 годах, участвовал в заграничном походе и находился в войсках в дни сражений под Баутценом, Лейпцигом и другими городами Европы. Современники писали о его неутомимой энергии, горячей заботе о судьбах раненых и необычайно успешной врачебной деятельности. «В эти годы он сделал столько разного рода операций, что одно исчисление их по справедливости удивляло современных хирургов, тоже не остававшихся без дела среди наполеоновских войн»³.

---

¹ Русский биографический словарь : В 25 т. Т. 2. СПб., 1900. С. 277.

² *Шабунин А.В.* Арендт Н. Рукопись. Фонды Военно-медицинского музея.

³ Николай Фёдорович Арендт (некролог) // Протоколы заседаний Общества русских врачей в Санкт-Петербурге. 1859—1860 (двадцать шестой год). СПб., 1860. С. 149.

Вместе с русской армией вступил Н.Ф. Арендт в побеждённый Париж. Это время для молодых российских врачей, интересовавшихся медицинской наукой, оказалось периодом активных и плодотворных научных занятий. Многие из них посещали лекции в Парижской академии, учились у видных хирургов Франции. Н.Ф. Арендт также не упускал случаев совершенствовать свои знания. В период пребывания в Париже он имел возможность познакомиться с выдающимися деятелями медицины, работавшими в столице Франции или прибывшими в составе противоборствовавших армий со всех концов Европы. С некоторыми из них позднее он состоял в дружеской переписке.

Через несколько месяцев основные силы армии начали возвращение на родину. Н.Ф. Арендт 5 сентября 1814 года был назначен главным врачом русских войск, временно расквартированных во Франции. «Организовав русские госпитали и умело руководя их деятельностью, он проявил себя как незаурядный организатор и опытный администратор»¹. Свидетельства о той работе, которую Н.Ф. Арендт, фактически являвшийся главным хирургом армии, вёл в Париже, сохранились до наших дней.

В одном из французских журналов («Archives Générales») в 1842 году была опубликована речь выдающегося французского хирурга и анатома, профессора Парижской академии доктора Ж.Ф. Мальгенья. В ней были приведены сведения о смертности в 1814—1815 годах в парижских госпиталях, устроенных как для солдат и офицеров союзных войск, так и для побеждённых французов. Доктор Ж.Ф. Мальгенья писал, что смертность среди французов составляла 13,5%, среди пруссаков — 10,9%, среди австрийцев — 8,5%, а среди русских раненых и больных — всего лишь 3,7%! Эти данные подтвердил сам бывший главный врач парижских госпиталей Н.Ф. Арендт, подчеркнув, что «для сравнения успеха лечения 1814 год представляет самый удобный случай, ибо раненые и больные, находившиеся в сем году в Париже, все были одинакового пола, возраста, имели одинаковые ранения и болезни и равномерное помещение в больницах; разница была только в диете и лечении, которые совершенно отличались от других»².

Низкая для того времени смертность в русских госпиталях (достаточно вспомнить, что в учреждениях выдающегося хирурга и орга-

---

¹ *Мирский М.Б.* Николай Фёдорович Арендт (К 200-летию со дня рождения) // Военно-медицинский журнал. 1986. № 11. С. 76.

² *Никитин А.* Обзор хирургических операций, произведённых лейб-медиком Арендтом. СПб., 1851. С. 3.

низатора Х.И. Лодера в месяцы Отечественной войны она составляла 7%), была обусловлена, несомненно, передовым характером российской медицины и отличной профессиональной подготовкой российских врачей. Осуществлявший руководство работой в госпиталях русской армии Н.Ф. Арендт обладал не только блестящим оперативным мастерством, но и особой системой методов послеоперационного лечения. Как сообщал о собственном опыте в применении этих методов доктор Ж.Ф. Мальгень, «он сам гораздо успешнее лечит оперированных им больных с тех пор, как начал следовать этой методе»¹. Не подлежит сомнению, что успехи определялись и благоприятными условиями содержания больных.

В чём же состояла методика Н.Ф. Арендта? Необходимо отметить, что он был вдумчивым и внимательным диагностом. Обладая «даром наблюдательности и усвоения всего виденного и слышанного»², он тщательно подбирал лекарственные средства, придерживался стройной и логичной системы лечебных мероприятий. «Последовательное лечение озабочивало его столько же, сколько самое производство операций, и это слитие хирургии с терапией служило основанием всех практических его успехов»³. По свидетельству современников, уже в то время Н.Ф. Арендт применял средства антисептики, получившей признание научного мира лишь во второй половине XIX века, и придавал им самое серьёзное значение. Большую роль в эффективности лечения играл и щадящий режим, создаваемый им для больного.

Именно во время своего пребывания в Париже, среди светил французской медицины, Н.Ф. Арендт начал проводить смелые и рискованные операции, вносящие новаторские тенденции в развитие мировой хирургии. Одной из первых была операция частичной ампутации стопы при огнестрельном ранении. О ней Н.Ф. Арендт лично сообщил главному по армии медицинскому инспектору Я.В. Виллие, всесильному вершителю судеб российских медиков, в письме, сохранившемся в фондах Военно-медицинского музея: «В прошлом месяце я имел случай сделать операцию частичного удаления стопы в сочленении костей таранной и пяточной, ладьевидной и кубовидной, в присутствии многочисленных английских и французских хирургов по методу, описанному Шапаром,

---

¹ Никитин А. Обзор хирургических операций, произведённых лейб-медиком Арендтом. С. 4.

² Николай Фёдорович Арендт (некролог). С. 148.

³ Там же. С. 149.

с некоторыми изменениями, которые я нашёл необходимыми добавить...»¹. По свидетельству самого хирурга, выздоровление раненого шло успешно.

Операция вызвала благожелательный отзыв наблюдавшего за её ходом Б.А. Ришерана, — выдающегося французского учёного, физиолога и хирурга, одного из организаторов во Франции Академии медицины. Этот отзыв был доведён им до главного медицинского инспектора русской армии. Б.А. Ришеран писал об Н.Ф. Арендте: «Этот молодой человек поддерживает честь Вашей новой школы...»².

Наиболее лестными для Н.Ф. Арендта следует считать отзывы и аттестаты о его мастерстве «блистательного французского хирурга», сподвижника Наполеона и главного хирурга Великой армии — Жана Доминика Ларрея (1766—1842), данные им в разное время. «Последний открыто высказал своё изумление по поводу необычайно успешно исполненных операций с ничтожным процентом смертности среди оперированных Арендтом, сравнительно с результатами оперативной деятельности других выдававшихся (так в тексте. — *Авт.*) хирургов того времени»³.

В фондах Военно-медицинского музея хранится уникальный документ — аттестат, данный Ж.Д. Ларреем Н.Ф. Арендту по окончании пребывания российского врача в столице Франции. В этом документе отмечается, что деятельность Н.Ф. Арендта вызвала «уважение и привязанность наиболее знатных людей искусства в столице; что он сделал много серьёзных и трудных операций, из которых большая часть проведена очень удачно; что он заслужил наше уважение не только по своему положению, но и за личные моральные качества...»⁴. Чтобы оценить лестность характеристики, данной Н.Ф. Арендту Ж.Д. Ларреем, необходимо отметить, что в начале XIX века французские хирурги стояли на недостижимой профессиональной высоте, а Париж считался, пожалуй, столицей хирургии.

Достойную оценку хирургическому мастерству Н.Ф. Арендта давали и другие европейские светила. По некоторым свидетельствам, «высо-

¹ Письмо Н.Ф. Арендта в адрес Я.В. Виллие. Париж, 2/14 дек. 1815 г. Пер. с франц. Фонды Военно-медицинского музея.

² Письмо Б.А. Ришерана в адрес Я.В. Виллие. Париж, 28 нояб./10 дек. 1815 г. Пер. с франц. Фонды Военно-медицинского музея.

³ Русский биографический словарь. С. 278.

⁴ Аттестат, выданный Н.Ф. Арендту Ж.Д. Ларреем. Париж, 20 апр. 1815 г. Пер. с франц. Фонды Военно-медицинского музея.

ким процентом счастливых исходов его смелых операций»¹ был изумлён известнейший французский хирург, акушер и гинеколог Ж. Лисфранк де Сен-Мартен. Подчёркивал выдающееся хирургическое дарование Н.Ф. Арендта и английский врач А.Б. Гранвилл.

После возвращения в Россию в 1815 году Н.Ф. Арендт был назначен дивизионным врачом 12-й дивизии и состоял в этой должности до 1819 года, когда был переведён в гвардию, а затем получил назначение главным врачом артиллерийского госпиталя в Санкт-Петербурге. Деятельность его в области хирургии продолжалась и сопровождалась убедительными успехами, благодаря чему в 1821 году он, впервые в России без экзамена и защиты диссертации, был утверждён в звании доктора медицины и хирургии, а в 1829-м стал придворным лейб-медиком Николая I. Н.Ф. Арендт неоднократно и успешно лечил императора и пользовался его глубоким доверием.

Работоспособность Н.Ф. Арендта была достойной уважения. За время военной службы, на которой он пробыл более двадцати лет, выдающийся хирург сделал около 800 сложных операций. Он неоднократно удостоивался наград за то, что после многих из них «большая часть неспособных инвалидов поступила на действительную службу»². Операции, сделанные Н.Ф. Арендтом, вносили заметный вклад в развитие хирургии — не только в российском масштабе, но и по мировым стандартам. В 1821 году впервые в Европе им была осуществлена успешная операция перевязки подвздошной наружной артерии (в том же году подобная операция была сделана в Нью-Йорке американским хирургом Постом). Несколько экзартикуляций (вычленений) конечностей и перевязок крупных кровеносных сосудов «в первый раз в России произведены были лейб-медиком Н.Ф. Арендтом...»³ и стали широко известными в научных кругах как в нашей стране, так и за рубежом. «Летальность при операциях экзартикуляции верхней конечности составляла 16,7%, а при ампутациях конечностей — около 11%. В то время это были уникальные результаты»⁴.

---

¹ *Шабунин А.В.* Он лечил смертельно раненного поэта (рассказ о докторе Н.Ф. Арендте) // *Мединформ.* 1995. № 4 (17), февр. С. 7.

² *Русский биографический словарь.* С. 278.

³ *Никитин А.* Обзор хирургических операций, произведённых лейб-медиком Арендтом. С. 11.

⁴ *Хрупкин В.И., Кошелев В.П.* Русский военный врач Николай Фёдорович Арендт // *Военно-медицинский журнал.* 2006. № 11. С. 74.

Н.Ф. Арендт имел обширную медицинскую практику: период расцвета своего мастерства и сил он «прожил, почти не выходя из коляски»¹. Он лечил не только представителей знатных и богатых кругов общества, но не чуждался оказывать помощь и городским низам. Даже в десятилетие, когда Н.Ф. Арендт был лейб-медиком императора Николая I (1829—1839 годы) и по роду служебных обязанностей должен был сопровождать государя в поездках, а также ежедневно являться во дворец, — он старался не прекращать своих консультаций в Обуховской больнице и продолжал заниматься частной практикой. По свидетельству современников, «он работал неутомимо с утра до вечера, посещая больных, в огромном большинстве настолько бедных, что ему приходилось на свой счёт приобретать необходимые лекарства»².

Достигший профессиональных высот маститый врач не переставал совершенствоваться в медицине до конца жизни. Он не стеснялся учиться у талантливых молодых учёных, например, посещал публичные лекции своего младшего современника, великого Николая Ивановича Пирогова, присутствовал на вскрытиях и операциях, хотя сам блестяще владел хирургическим мастерством. Скупой на похвалы Н.И. Пирогов писал, что Николай Фёдорович «прокладывал сам себе дорогу на военно-медицинском поприще, во времена Наполеоновских войн в России 1812—1814 гг. В молодости и средних летах он был предприимчивым и смелым хирургом...»³. В годы зрелости Н.И. Пирогова «это был очень занятый практик, действовавший на лету и любимый за доброту души»⁴.

Таким образом, мастерство Н.Ф. Арендта выросло и окрепло в годы кровопролитных войн наполеоновской эпохи. Пройдя суровую школу, он выработал собственную оперативную технику и особую методику лечения ран и болезней. На тот день, когда его вызвали в квартиру раненого А.С. Пушкина, Н.Ф. Арендт имел богатый опыт лечения раненых, полученный в годы наполеоновских войн, и был одним из лучших российских врачей.

Н.Ф. Арендт принимал участие в лечении А.С. Пушкина вместе с другими известными докторами того времени: К.К. Задером, И.Т. Спасским, Х.Х. Саломоном, И.В. Буяльским, В.И. Далем. Среди

---

¹ Николай Фёдорович Арендт (некролог). С. 149.

² Русский биографический словарь. С. 279.

³ *Пирогов Н.И.* Вопросы жизни. Дневник старого врача. Русская старина, 1884. Т. XLIII, сент. С. 51.

⁴ Там же.

них он являлся наиболее опытным и авторитетным специалистом. Кроме того, повторим, исполняя обязанности личного врача Николая I, он пользовался уважением и доверием императора. «Не случайно именно его поспешил оповестить о случившемся доктор В.Б. Шольц, первым из медиков оказавшийся в квартире на Мойке после рокового выстрела Дантеса»¹. Н.Ф. Арендт осуществлял общее руководство лечебными мероприятиями, отвечая за успех лечения персонально перед царём. Остальные медики согласовывали свои действия с его предписаниями.

В лечении Н.Ф. Арендт использовал опыт, полученный им во время службы в войсках, накопленный в сражениях и походах, а затем и в годы обширнейшей частной практики. Поставив диагноз А.С. Пушкину, он отказался от оперативного вмешательства не случайно. Искренне преданный хирургии, Н.Ф. Арендт «любил и ценил искусство для искусства, но ещё больше любил и уважал человека». Существуют свидетельства о том, что при выборе методов лечения больного он «считал недопустимым низводить его на степень дешёвого снаряда для своих экспериментальных целей»². Иными словами, при возможности избежать операции или ввиду явной бесполезности этой меры Н.Ф. Арендт ограничивался интенсивной терапией. Надо предполагать, что в случае с А.С. Пушкиным он руководствовался именно этими соображениями.

Не признав возможным совершить хирургическое вмешательство и почти не имея надежды на выздоровление А.С. Пушкина, он избрал щадящие методы лечения. Н.Ф. Арендт использовал максимум средств, которые могли бы облегчить страдания умирающего пациента при тяжёлом ранении в живот. «Он начал его лечить по всем правилам тогдашней науки; сперва он сделал перевязку, чтобы остановить кровь, а когда появились воспалительные процессы, стал давать ему каломель, лавро-вишневые капли, опий, предложил ставить ему компрессы на живот и делать промывание. Эти меры не могли помочь Пушкину»³, — такое мнение высказал через сто лет после смерти поэта хирург академик Н.Н. Бурденко. К сожалению, ничего более эффективного при подобных ранениях медицина пока не знала.

---

¹ *Шабунин А.В.* Он лечил смертельно раненного поэта. С. 7.

² Николай Фёдорович Арендт (некролог). С. 148.

³ Доклад академика Н.Н. Бурденко в АН СССР 4 февраля 1937 г. Фонды Военно-медицинского музея.

В распространённом в списках письме неизвестного лица, присутствовавшего в эти скорбные дни в квартире поэта, рассказывалось, что Н.Ф. Арендт был потрясён мужеством и страданиями умирающего. По словам очевидца, врач «отходил со слезами на глазах от постели его и говорил, что он никогда не видал ничего подобного, такого терпения при таких страданиях»¹. Такую же фразу, исходящую из уст Н.Ф. Арендта, повторил и В.А. Жуковский в письме к отцу поэта. Вскоре, по мнению врачей, прогнозы стали совершенно неутешительными. «Полдень. Арендт сейчас был. Надежды нету, хотя есть облегчение страданиям... Арендт думает, что это не протянется до вечера, а ему должно верить: он видел смерть в 34 битвах»², — писал А.И. Турганев 28 января 1837 года.

На вторые сутки после ранения А.С. Пушкин скончался. Долгое время в отечественной науке не утихали споры о том, правильно ли был поставлен диагноз, соответствовали ли ему принятые меры и какую роль сыграли они в судьбе поэта.

Чрезвычайно интенсивная врачебная деятельность Н.Ф. Арендта в годы войн начала XIX века сделала его хирургом высшей квалификации и широчайшего признания. Он был облечён всеобщей известностью и доверием императора, которого не раз вылечивал от болезней и серьёзных травм. Лечение А.С. Пушкина хирург основывал на применении всех достижений медицины того времени. Необходимо отметить, что смертельный исход поэта был весьма редкой неудачей в медицинской практике Н.Ф. Арендта, от которого «надеялись спасения ещё тогда, когда все медики произносили неумолимый приговор»³. По свидетельству современников, «сколько тысяч людей в России, бедных и богатых, военных и статских — обязаны жизнью и счастьем его искусству и редкому сочувствию к страданиям ближних...»⁴.

Александр Сергеевич Пушкин был ранен в эпоху, когда уровень развития абдоминальной хирургии был весьма примитивным, врачи не знали средств асептики и антисептики, антибиотиков и сульфани-

---

¹ Александр Сергеевич Пушкин. Письмо очевидца о его кончине. 5 февраля 1837 г. // Русская старина. 1875. Т. XIV. С. 93.

² Цит. по: Хрупкин В.И., Кошелев В.П. Русский военный врач Николай Фёдорович Арендт. С. 75.

³ Федорченко В. Императорский дом. Выдающиеся сановники : Энциклопедия биографий : В 2 т. Т. 1. Красноярск, 2001. С. 78.

⁴ Никитин А. Обзор хирургических операций, произведённых лейб-медиком Арендтом. С. 12.

ламидов, — в доантисептический период медицины операция в области живота почти не имела шансов на успех. Это прекрасно осознал Н.Ф. Арендт — один из известнейших, первоклассных хирургов России, постаравшийся применить полный комплекс терапевтических лечебных средств и мероприятий, которыми располагала медицина того времени, а также своё блестящее мастерство и талант. Не по его вине не удалось спасти великого русского поэта. Судьба раненого была предрешена. Причиной безвременной гибели А.С. Пушкина стали не действия медиков, а ограниченные возможности современной им медицинской науки.

**КНИГИ О НАПОЛЕОНЕ
В БИБЛИОТЕКЕ КНЯЗЕЙ ГОЛИЦЫНЫХ
ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ «АРХАНГЕЛЬСКОЕ»**

В 1814 году Д.Г. Байрон в «Оде к Наполеону» писал: «Свершилось. Вчера ещё твой лоб украшала корона, твоя рука наводила ужас на всех королей: сегодня ты для них только объект презрения; а между тем ты ещё дышишь! Как этот человек, владелец тысячи тронов, усеивающий землю трупами своих врагов, смог пережить своё падение? Начиная с Люцифера, никакой смертный, никакой ангел не мог упасть с такой высоты...»¹.

В 1821 году А.С. Пушкина интересовал такой же вопрос:

Давно ль орлы твои летали
Над обесславленной землёй?
Давно ли царства упали
При громах силы роковой;
Послушны воле своенравной,
Бедой шумели знамена,
И налагал ярем державный
Ты на земные племена?

(II, 213)

Гений великого полководца не только поражал умы его современников, но и спустя столетия продолжает притягивать к себе внимание множества людей, зачастую с совершенно противоречивыми чувствами — от восхищения до ненависти.

Усадьба Архангельское — «живая» свидетельница событий 1812 года, на её территории останавливались французские войска. Стены дворцов и лиственницы-долгожители до сих пор помнят те печальные дни... К 200-летию начала Отечественной войны мы решили выяснить,

Автор благодарит И.В. Никифорову за консультации при переводе французских текстов.

¹ Oeuvres de Lord Byron, traduites de l'anglais. Т. 8. Paris, 1820. С. 73 // Государственный музей-усадьба «Архангельское» (далее ГМУА), инв. № РК 6826.

как представлена в Голицынском книжном собрании, хранящемся в настоящее время в Отделе редких книг, рукописей и фотофондов Государственного музея-усадьбы «Архангельское», наполеоновская эпоха.

Сегодня в Архангельском книги, связанные с именем Наполеона, составляют чуть более 1% (из 858 единиц хранения — лишь 9). По времени издания — 1804—1806, 1812, 1816, 1820 годы — большинство из них могло попасть в библиотеку ещё в то время, когда Архангельское принадлежало семье князей Голицыных. На книгах не содержится никаких владельческих помет. Поскольку в послереволюционные годы библиотеки разных представителей рода Голицыных соединились в Музее дворянского быта в Никольском-Урюпине, а после были распределены по разным хранениям, то трудно сказать точно, кому конкретно они раньше принадлежали. Среди переданных в Архангельское оказались: четыре тома с гравюрами «Памятников античного искусства в музее Наполеона»¹, альбом «Избранных гравюр с подлинных произведений живописи и изделий из мрамора Галереи Люсьена Бонапарта»², два тома «Исторических документов о правлении в Голландии Луи Бонапарта»³ и два тома адвоката Леопольда «Описаний Парижа во время Революции, до и после реставрации»⁴.

Особое внимание из перечисленных книг заслуживают «Памятники античного искусства в музее Наполеона» в четырёх томах, которые были напечатаны в Париже в 1804 году. Благодаря этому изданию можно представить объём и качественный состав античной коллекции музея Наполеона в лучшие дни его существования, когда экспонировались шедевры из разных частей Европы: Фландрии, Нидерландов, Австрии, Пруссии, Тосканы и, конечно, самой Франции. С конца XVIII века Париж наблюдал невиданный приток произведений искусства. Вывоз этих художественных сокровищ осуществлялся из всех стран, куда вторгались наполеоновские армии. Многого лишились в те дни галереи Рима, Флоренции, Венеции, Пармы, Болоньи, Модены, Милана и Турина. Ди-

¹ Les Monumens antiques du Musee Napoleon, graves par Tomas Piroli, avec M-r Louis Petit Radel, avec une explication par J.G. Schweighaeuser, Publies par F. et P. Piranesi, frères. Paris, 1804—1806 // ГМУА, инв. № РК 16383—16386.

² Choix de gravures a l'eau forte, d'après les peintures originales et les marbres de la Galerie de Lucien Bonaparte. — Londres, 1812. // ГМУА, инв. № РК 16409.

³ Documens historiques et reflexions sur le Gouvernement de la Hollande. Par Louis Bonaparte. T. 2—3. Paris, 1820. // ГМУА, инв. № РК 15074—15075.

⁴ Paris pendant le cours de la Revolution, avant et après la restauration. Par M. Leopold. T. 1—2. Paris, 1816. // ГМУА, инв. № РК 14911—14912.

ректором Лувра ещё в 1802 году был назначен барон Виван-Денон, организатор научно-художественной экспедиции во время Египетских походов Бонапарта 1798—1799 годов¹. Уже тогда он стал собирать предметы для отдела древностей музея. Виван-Денон и другие сотрудники этого музея хотели сделать Лувр (с 1803 года «Музей Наполеона») всемирным хранилищем шедевров, доступным народам всей Европы и заключающим в себе интеллектуальное художественное богатство многих столетий. Однако музей Наполеона просуществовал недолго, после поражения Бонапарта большая часть трофейных экспонатов была возвращена их законным владельцам.

Целью издания было не только удовлетворить запросы любителей изящных искусств, но и подготовить наглядный материал для изучения античности, для обучения антикваров и художников. Братья Франческо и Пьетро Пиранези, сыновья известного итальянского архитектора и гравёра Джованни Пиранези², выступили в роли издателей. Гравюры с экспонатов музея выполнял Томас Пироли³, объяснения к ним подготовили И.Г. Швейггейзер⁴ и Л. Пети-Радель⁵. Свою работу создатели аль-

¹ Виван-Денон, Доминик (1747—1825), французский гравёр, рисовальщик, дипломат, писатель, член Академии Живописи в Париже, главный директор императорских музеев при Наполеоне, заведовал отбором для Лувра художественных произведений из числа привезённых в Париж, следил за работой по сооружению Вандомской колонны, управлял Севрским фарфоровым заводом.

² Пиранези, Джованни-Батиста (1720—1778), итальянский гравёр и архитектор. Автор офортов с изображениями архитектурных памятников, реальных и воображаемых видов (серии «Римские древности», «Темницы», другие), замечательных исключительным богатством творческой фантазии, смелыми художественными эффектами. Франческо Пиранези (1756—1810), сын Джованни Пиранези, ученик отца, вместе со своим братом Пьетро содержал некоторое время в Париже художественную школу и фабрику терракоты, а также торговал произведениями отца.

³ Пироли, Томас/Томмазо (1752—1824), итальянский гравёр, ученик Д.Б. Пиранези, долгое время работал в римской мастерской своего учителя, иллюстрировал «Илиаду».

⁴ Швейггейзер, Готфрид (1776—1844), сын профессора греческого и восточных языков Иоганна Швейггейзера, преподавателя Страсбургского университета. В начале революции отец и сын бежали из Страсбурга. Оба занимались изучением античного мира. Иоганн Швейггейзер — автор многих теоретических работ; Готфрид издал в 1828 году «Antiquites de l'Alsace» в Мюльге и Париже.

⁵ Пети-Радель, Луи-Франсуа (1739—1818), французский архитектор, обучался в Королевской академии архитектуры, получил «Римскую премию» за проект Триумфальной Арки (1763), проектировал «Музей Карнавале», регулярно выставлялся в Салоне с 1793 по 1806 год, имел прозвище «Французский Пиранези», при Империи занимал пост генерального директора Гражданских зданий.

бомов посвятили Ж.-А. Шаптало, управляющему делами министерства в вопросах древних памятников, размещённых в музее Наполеона¹.

Серия изображений, выгравированных с точностью и аккуратностью, даёт общее представление об объёме коллекции древних памятников разных стилей, среди них — скульптура, барельефы, вазы, кресла, канделябры, надгробия. Причём авторами принята последовательность не по хронологии создания памятников, а в историческом порядке событий, послуживших сюжетами произведений. Различные воспроизведения одной и той же темы располагаются рядом, раскрываются параллельно и гораздо ярче обнаруживают свои достоинства. Например, в первом томе находятся четыре изображения Мельпомены. Скульптуры привезены из разных мест, позы муз схожи, выражения лиц трагичны. Все они в одеяниях отличающихся фасонов, с уложенными у каждой по-своему волосами и различаются по высоте: 92, 162, 220 и 390 см. Самой крупной и наиболее привлекательной в художественном отношении является статуя «Melpomene Colossale». «Застывшая от горя женская фигура» с печальным выражением лица, которое могло быть придано голове подобного размера только очень искусным мастером, выполнена из пентеликийского мрамора. Мельпомена облачена в хламиду, затянутую поясом с изящным узлом, туника прикрывает руки целиком, в руке — маска Геркулеса.

В одном и том же сюжете как коллекционеры античности, так и художники могут найти характерные черты и портреты греческих и римских богов и героев, отличительные обстоятельства происшествий и костюмы разных эпох. Памятник рассматривается с точки зрения его значимости для истории искусства, приводятся замечания друга и главного вдохновителя непосредственных составителей текстов этих альбомов — Э.-К. Висконти².

¹ Шапталь, Жан-Антуан-Клод (1756—1832), французский химик и государственный деятель, член Национального института Франции, меценат. Окончил медицинский факультет университета в Монпелье (1780), работал там же в звании профессора химии, занимался медицинской практикой. В 1793 году был приглашён в Париж на должность директора порохового завода, но в 1794 году вернулся в Монпелье. С 1798 года работал в Центральной школе искусств в Париже. В 1800—1804 годах — министр внутренних дел Франции, с 1819-го — член Палаты пэров. С 1820 года — иностранный почётный член Петербургской Академии наук.

² Висконти, Эннио-Квирино (1751—1818), сын итальянского археолога, друга Винкельмана (см. ниже), с детства обладал блестящими способностями к словесности и древним языкам. Библиотекарь Ватикана (1771), хранитель Ка-

Первый том начинается с памятников, относящихся к мифологии. Божества систематизируются по своей значимости, далее следуют мифологические герои. Каждый предмет изображается на отдельной гравюре, рядом приводятся довольно подробные описания на французском языке с указанием настоящего или предполагаемого автора, размера, материала, места поступления и места расположения в музее, отмечается, оригинал это или копия.

Во втором и третьем томах помещены различные скульптурные изображения древних философов, ораторов, писателей, учёных, первых императоров: Homere, Euripide, Socrate, Diogene, Epicure, Demosthene, Hippocrate, Alexandre, Auguste, L. Junius Brutus, Caligula, Neron и другие. Привлекает внимание герма с двойным портретом Эпикура и Метродора. Мыслители смотрят в противоположные стороны и соединены между собой по линии спины. Выражения их лиц строгие, даже суровые, что кажется немного странным для ценивших в жизни удовольствия Эпикура и его ученика Метродора. Известно, что учитель посвятил ученику несколько сочинений, составил завещание в пользу его сына, дал приданое его дочери и рекомендовал другим своим ученикам вспоминать себя и Метродора, умершего ещё при жизни Эпикура. По-видимому, дружба их была настолько впечатляющей, что художник решил соединить их навсегда. Герма выполнена из пентеликийского мрамора, её высота — 59 см, в музее Наполеона она находилась в зале Муз.

В последнем, четвёртом томе приведены изображения барельефов, надгробий, небольших скульптур для парков и дворцов, предметов быта: часов, канделябров, кресел, ваз. В пояснениях указывается, где эти музейные вещи могли ранее использоваться. К примеру, «Siege de bain» (банное сиденье; высота 81 см, длина 62 см, глубина 68 см) в средние века использовали в качестве епископского кресла во время богослужений. Сидение выполнено из дорогого красного мрамора, имеет полукруглый вырез в верхней плите, боковые стороны украшены орнаментами с пальметтами, на передней части опор видны листья тростника, которые, следуя языку аллегорий, должны создавать ощущение влажности. Непривычным в наши дни может показаться циферблат

питолийского музея (1784), в 1798 году — министр внутренних дел Римской республики. Бежал во Францию в 1799 году, при Бонапарте возглавил Музей древностей и картин, устроенный в Лувре, работал на кафедре археологии в Парижском университете, член Французского института, автор многих сочинений по классической археологии.

солнечных часов на небольшом барельефе «Genies et Cadran solaire» (32 см x 24 см). По мнению авторов описания, форма часов похожа на все те, которые находили среди древних памятников, особенно она соответствует «Мозаике 185» из «Неизданных памятников» Винкельмана¹. Два Гения с крыльями, подобно ангелам, заняты тем, что крепят табличку с надписью рядом с часами; тут же изображена палица Геркулеса. На фресках Геркуланума драма всегда изображалась в виде фигуры, держащей в левой руке трагическую маску Геркулеса, а в правой — его палицу. Подобный сюжет позднее часто использовали в объявлениях театральных пьес, особенно трагедий.

Издание заканчивается подборкой элементов декора, украшений, мелких деталей, не вошедших в предыдущие разделы. Они поделены в соответствии с характером и значимостью представляемых сюжетов. В заключительной части перечислены предметы, отсутствующие в музее Наполеона, но «желательные для приобретения», и приводится их классификация в таком же порядке, в каком были систематизированы уже хранящиеся предметы искусства.

«Памятники античности в музее Наполеона» не обнаружены нами в электронном каталоге Национальной библиотеки Франции, нет подобных альбомов и в фондах РГБ в Москве и РНБ в Петербурге. В настоящее время в отделе редких книг музея библиотека князей Голицыных прекрасно соседствует с библиотекой князей Юсуповых, которая известна своим огромным объёмом и тем, что сохранилась там же, где и собиралась при жизни владельцев. Однако и в так называемой Юсуповской библиотеке рассмотренное издание гравюр не выявлено ни в фонде, ни на страницах рукописных владельческих каталогов.

Библиотека князей Голицыных попала в музей-усадьбу «Архангельское» далеко не случайно. Семья Голицыных владела этой усадьбой с 1703 по 1810 год. Сын последнего владельца подмосковной усадьбы Михаил Николаевич Голицын (1796—1863) принимал участие в войне 1812 года. Ему не исполнилось ещё 16 лет, когда он

---

¹ Винкельман, Иоганн-Иоахим (1717—1768), учёный, историк-археолог, учился в университете в Галле, оказавшись в Риме в 1754 году, стал изучать антики, побывал в Неаполе, Геркулануме, Помпеях, в 1764—1767 годах издал «Историю античного искусства», а позднее и другие основополагающие труды по истории античности. В собрании князей Юсуповых музея-усадьбы «Архангельское» хранятся его «Неизданные памятники» и гравюра с упоминаемой мозаикой (ГМУА. Инв. № РК 9794—9795).

сражался на Бородинском поле. После сражения он был произведён в прапорщики лейб-гвардейского Преображенского полка, участвовал в заграничных походах, дошёл до Парижа. Не успев жениться, погиб на войне его старший брат Дмитрий (1787—1812).

Испытав на себе все тяготы военной жизни, подобно большинству его соотечественников, князь гордился своим боевым прошлым. Он ещё в молодости стал собирать документы о жизни и деятельности французского императора. В архиве музея хранится рукописный «Каталог Малой библиотеки князя Михаила Голицына 1818 года»¹, насчитывающий 964 тома в большинстве французских произведений (совсем редко встречаются итальянские). На страницах каталога так называемой «Малой библиотеки», находившейся сначала в Петербурге, указаны следующие издания: Франсуа-Ксавье Паже, «История консульства Бонапарта»²; Жан-Генри-Фердинанд Ламартельер «Заговор Бонапарта против Людовика XVIII, короля Франции»³; Дю Сольшуа де Бержемон, «История коронавания, или Описание религиозных, политических и воинских церемоний, которые совершались во время незабываемых дней празднования коронации Наполеона I»⁴; Филипп де Сегюр, «История Наполеона и его великой армии на протяжении 1812 года»⁵; Фредерик Люлен де Шатоввё, «Рукопись с острова Свя-

---

¹ Catalogue de la petite bibliotheque de St.Petersbourg du Prince Michel Galitzine. 1818. // АГЮ, инв. № 393. Подробнее см.: *Боленко К.Г., Дозорова Н.И.* Каталоги библиотек князей Голицыных — владельцев Никольского-Урюпина // *Хозяева и гости усадьбы Вязёмы : Материалы XIV Голицынских чтений.* Б. Вязёмы, 2007. С. 439—442.

² Histoire du Consulat de Bonaparte contenant tous les evenemens politiques et militaires de l'an VIII jusqu'en l'an XI et particulierement la revolution du 18 brumaire. Par S.M.Y. [F.-X. Pages], T 2. Paris, 1803 // АГЮ, инв. № 392. Л. 73 об.

³ Conspiration de Buonaparte contre Louis XVIII, Roi de France et de Navarre, ou relation succincte de ce qui s'est passé depuis la capitulation de Paris du 30 mars 1814, jusqu'au 22 juin 1815... Par Jean-Henri-Ferdinand Lamarteliere T. 1 // АГЮ, инв. № 392. Л. 4 об.

⁴ Histoire du couronnement, ou Relation des ceremonies religieuses, politiques et militaries qui ont eu lieu pendant les jours memorables consacres a celebrer le couronnement, et le sacre de S.M.I. Napoleon I-er, par J.-F.-N. du Saulchoy de Bergemont. Paris, 1805. // АГЮ, инв. № 392. Л. 74.

⁵ Histoire de Napoleon et de la grande armee pendant l'annee 1812; par M. le general, comte Ph. De Segur. 3 ed. T. 1—2. Paris, 1825 // АГЮ, инв. № 392. Л. 12.

той Елены»¹; Луи Пюибуск, «Письма о войне из России в 1812 году»²; «Размышления о войне 1812 года»³ и Пьер Жан Батист Нугаре, «Шесть побегов Бонапарта»⁴. Перечисленные названия составляют 2% от всех включённых в каталог. Из записанных в каталог 317 книг — 45 (то есть около 14%) по истории, включая и наполеоновский период.

Ни одной из обозначенных в каталоге книг в фонде ГМУ «Архангельское» сейчас не оказалось. Вероятно, после революции они попали в другие библиотеки или музеи. Возможно, князь оставил их в Петербурге, перебираясь на жительство в Москву. Однако другой, более поздний, датируемый второй половиной XIX века, сохранившийся в составе рукописного собрания музея «Алфавитный каталог Никольской библиотеки»⁵ ставит под сомнение гипотезу о несостоявшемся перевозе книг из Петербурга. Здесь указано точно такое же издание Филиппа де Сегюра⁶, состоящее из двух томов. Значит, частично, но книги из Петербурга были доставлены в Никольское-Урюпино. В каталог Никольской библиотеки записаны ещё три произведения, не внесённые в предыдущий каталог, они также имеют отношение к эпохе Наполеона: «Мемуары о Египте, публикуемые во время компаний генерала Бонапарта»⁷, «Наблюдения за экспедицией генерала Бонапарта в Леванте»⁸ и собрание сочинений Батиста Капефига «Европа во время консульства и империи Наполеона» в 20 томах⁹. Эти издания, судя по времени их выхода в свет, вполне могли принадлежать князю М.Н. Голицыну, но могли не попасть в его рукописный каталог из-за того, что были куплены уже по-

¹ Manuscrit venu de St. Helene d'une maniere inconnue. J.-F. Lullin de Chateauevieux // АГЮ, инв. № 392. Л. 17 об.

² Lettres sur la guerre de Russie en 1812, sur la ville de Saint-Petersbourg, les moeurs et les usages des habitans de la Russie et de la Pologne, par L.-G. Puybusque // АГЮ, инв. № 392. Л. 16.

³ Reflexions sur la Guerre 1812 // АГЮ, инв. № 392. Л. 25.

⁴ Les six fuites de Bonaparte, y compris la derniere qui sauva la France. Par P.-J.-B. Nougaret. T. 1. S.l., 1815 // АГЮ, инв. № 392. Л. 8 об.

⁵ Алфавитный каталог Никольской библиотеки // АГЮ, инв. № 392.

⁶ Histoire de Napoleon et de la grande armee pendant L'annee 1812; par Ph. De Segur. T. 1—2. Paris, 1825 // АГЮ, инв. № 392. Л. 171 (см. выше ссылку 5 на с. 275).

⁷ Memoires sur l'Egypte publiees pendant les campagnes du General Bonaparte. Paris, 1800, 1805—1806. IV vol. // АГЮ, инв. № 392. Л. 115.

⁸ Observations sur l'expeditions du General Buonaparte dans le Levant... Paris, s.a. // АГЮ, инв. № 392. Л. 131.

⁹ L'Europe pendant le Consulat et l'Empire de Napoleon, par B. Capefigue. Bruxelles, 1840. 20 vol. // АГЮ, инв. № 392. Л. 21 об.

сле того, когда каталог был составлен или после переезда князя в Москву. Сказать более определённо, кем из Голицыных и когда они были приобретены, довольно сложно, так как сведений о них никаких нет, а в собрании музея в Архангельском они сейчас отсутствуют.

В отделе редких книг, что также касается и книг по другим темам, хранятся далеко не все произведения, перечисленные в «Каталоге Малой библиотеки 1818 года», причём на многих из них выполнена надпись: «Prince Michel Galitzin de la petite bibliotheque». Количество указанных томов иногда совпадает с тем, что находится сейчас в фонде, иногда их бывает больше, а в некоторых случаях меньше. Более 20 экземпляров (все указаны в «Каталоге Малой библиотеки») на верхнем форзаце имеют гербовый экслибрис князя, который представляет собой белый лист размером 3,5 x 2,9 см с гравированным гербом, увенчанным княжеской короной и надписью полукругом снизу: «Prince Michel Galitzin»¹. Остальные книги — с записями М.Н. Голицына на русском языке: «Князь Михайла Голицын», одна из них — с его экслибрисом², но в каталоге 1818 года они не отражены. К ним относятся сочинения Г.Р. Державина, русские и французские периодические издания. Думаем, ничего удивительного в этом нет. Даже в XIX веке менялись владельцы, что-то могло быть подарено, взято в другой дом в Москву, в Петербург, а уж в веке XX и тем более многие книги переместились в различные библиотеки и музеи страны.

Уточним результаты подсчётов книг по наполеоновской эпохе в разные периоды существования Голицынской библиотеки, опираясь на сохранившиеся каталоги — как бывшие владельческие, так и существующий музейный. В «Каталоге Малой библиотеки князя Голицына» из 964 томов насчитывается 9 таких книг, в «Алфавитном каталоге Никольской библиотеки» из 4300 томов — 24 тома, из 858 единиц хранения Голицынского собрания, находящихся в фонде сейчас, — 9 экземпляров. Вывод очевиден: самые серьёзные приобретения литературы по истории Европы в годы Отечественной войны 1812 года, а также в довоенный и послевоенный периоды — о судьбах армий, биографиях главных действующих лиц тех лет — были сделаны в начале и в первой половине XIX века Михаилом Николаевичем Голицыным. В дальнейшем имеющиеся издания передавались в семье князей Голицыных по наследству от од-

---

¹ См.: *Богомолов С.И.* Российский книжный знак 1700—1918. М., 2004. С. 216.

² *Hastfer, Fr.* W. Instruction sur la maniere d'elever et de perfectionner les bestes a laine... P. I. Paris, Dijon, 1756 // ГМУА, инв. № РК 14992.

ного поколения другому, что-то покупалось вновь, что-то терялось. Все они вместе — и присутствующие книги, и все существовавшие ранее, о которых мы узнаём благодаря каталогам, — могли бы составить значительный раздел исторической, эпистолярной и искусствоведческой литературы отдельно взятого периода времени. Возможно, работа в архивах принесёт со временем желаемый результат и нам удастся увидеть виртуальную модель семейной библиотеки князей Голицыных в полном объёме и в разные отрезки времени её бытования.

Вероятно, что это было не самое большое собрание по рассматриваемой теме среди других усадебных библиотек того времени и что подобный подбор литературы был типичен для многих образованных людей и многих дворянских семей. Однако сложно не согласиться, что Голицынская библиотека содержала богатый материал, интересный не только простому читателю, но могла быть важна и нужна как самому очевидцу описанных событий, так и внимательному ученику и даже учёному-исследователю.

Лучше поэта сказать сложно: «Прощай, Земля, которая была колыбелью моей славы и откуда сияние моего имени осветит всю вселенную. Мы навсегда расстаёмся с тобой сегодня, но самые яркие и самые печальные страницы твоей истории будут переполнены моим именем»¹. Таким представлялось Байрону прощание Наполеона с Францией в 1815 году. Именем французского полководца-императора заполнены страницы всемирной и особенно нашей русской истории. И чем дальше в прошлое уходят былые трагедии и славные подвиги, тем чаще возникает потребность возвращаться к минувшим событиям вновь и вновь. Недаром А.С. Пушкин, размышляя о судьбе великого полководца, заметил:

Да будет омрачён позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!
Хвала! он русскому народу
Высокий жребий указал,
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

(II, 216)

---

¹ Adieux de Napoleon a la France. Oeuvres de Lord Byron, traduites de l'anglais. T. VIII. Paris, 1820. С. 95. // ГМУА, инв. № РК 6826.

Елена Белоусова

ГЕРОИКА ЭПОХИ «МИЛОРАДОВИЧЕЙ, ДАВЫДОВЫХ, ПУШКИНЫХ» ПОД ПЕРОМ ТОЛСТОГО

Век назад столетие памяти Отечественной войны вызвало волну размышлений о её причинах, итогах и героях. Прекрасный цикл стихов «Генералам 1812 года» юбилею посвятила и Марина Цветаева. Она с восхищением говорила им:

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, —
Цари на каждом бранном поле
И на балу.
<...>
Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острее
И весело переходили
В небытие¹.

Но в угоду рифме «острие-небытие» был снижен духовный смысл их подвига. Как для любой души человеческой нет небытия, так тем более для тех, кто положил на алтарь спасения не только России, но и мира свои судьбы и жизни. Замечательные слова об их героизме сказал Кутузов: «Подвиги сии... велики, многочисленны и восхитительны»². Если бы они канули в небытие, то Толстой не назвал бы первую четверть XIX века временами Милорадовичей, Давыдовых, присоединив к ним и Пушкина.

В начале 1850-х годов Толстой обстоятельно изучал труды по истории наполеоновских войн. В дневнике того времени он записал: «Составить истинную правдивую Историю Европы нынешнего века. Вот цель на всю жизнь»³.

Первый шаг к поставленной цели писатель делает весной 1856 года: во время пребывания в Петербурге он создал повесть «Два гусара». Под

¹ *Цветаева М.* Стихотворения. Казань, 1983. С. 10.

² М.И. Кутузов. Сборник документов : В 5 т. Т. IV. М., 1954. С. 203.

³ *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. : В 90 т. М., 1928—1958. Т. 46. М., 1953. С. 141—142.

впечатлением от недавно перечитанных «Повестей Белкина», среди которых писатель особенно ценил «Метель», он показал ещё одну офицерскую судьбу. Бесшабашный поступок Бурмина, попавшего по пути в свой полк на чужое венчание, дан Пушкиным как яркий эскиз нравов бурного военного времени. Фёдор Турбин из «Двух гусар» сильно напоминает пушкинского гусара: «Картёжник, дуэлист, соблазнитель; но гусар — душа, уж истинно душа. <...> Коли бы понимал кто-нибудь, что такое значит гусар истинный. Ах, времечко было!»¹. Весьма вероятно, что литературным прототипом Турбина был Бурмин. Это предположение отнюдь не противоречит тому факту, что образ Турбина во многом автор «списал» со своего двоюродного дяди Фёдора Ивановича Толстого — «Американца», которого хорошо знал и Пушкин.

Помимо похожего поведения и образа жизни двух гусар, Турбина и Бурмина, эти фамилии несут в себе ещё характеризующие и синонимические функции; сопоставление корневых значений их фамилий помогает лучше увидеть их внутреннее родство: Бурмин — буря; Турбин — турба, что в некоторых русских и украинских диалектах означает беспокойство, тревогу.

Пролог повести Толстого «Два гусара», занимающий несколько десятков строк, хронологически абстрактен и необычайно оригинален зашифрованными в нём реминисценциями из «Евгения Онегина» и переписки Пушкина. «В 1800-х годах, в те времена, когда не было ещё ни железных, ни шоссейных дорог, ...ни разочарованных юношей со стёклышками, ...когда из Москвы, выезжая в Петербург в повозке или карете, ...ехали восемь суток ...и верили в пожарские котлеты, в валдайские колокольчики и бублики»². Точно так же и этим же маршрутом путешествовал Пушкин осенью 1826 года и 9 ноября свою поездку описал С.А. Соболевскому в письме, снабдив его стихотворным путеводителем, который начинается широко известными строками:

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке...
(III, 34)

Завершается пролог повести так: «Во времена Милорадовичей, Давыдовых, Пушкиных в губернском городе К. был съезд помещиков и

¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 145.

² Там же.

кончались дворянские выборы»¹. Этот эскиз в «Войне и мире» будет преобразован в широкое эпическое полотно; и фамилии, игравшие в «Двух гусарах» прецедентную, типически-собирательную роль, в романе облекутся в реальные образы.

Шесть из пятнадцати редакций романа носили название «История из 1812 года».

На завершающем этапе работы, в марте 1867-го, писатель дал роману окончательное заглавие «Война и мир» (мир — в смысле весь народ, вся вселенная). Строились разные предположения по поводу заглавия, одно из них указывает на заимствование из «Бориса Годунова»:

Описывай не мудрствуя лукаво
Всё то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей,
Угодников святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны...
(VII, 23)

Толстой позаимствовал у Пушкина не только основную идею заглавия; проблемы соотношения свободной воли и исторической необходимости, влияние на ход истории личного поведения людей, затронутые Пушкиным в «Борисе Годунове», волновали и Толстого. Свидетельством того, что писатель сверял свои размышления об историческом процессе с выводами поэта, являются многочисленные пометы Толстого в тексте «Бориса Годунова». Он изучал его по изданию сочинений Пушкина в редакции П.В. Анненкова, которое и сейчас находится в его личной библиотеке в Ясной Поляне. Когда роман уже будет завершён, Толстой скажет о влиянии Пушкина на свой творческий почерк: «Многому я учусь у Пушкина, он мой отец, и у него надо учиться»².

Во время работы над «Войной и миром» писатель изучил 74 книги по истории. Среди них и роман М. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году». Однако гораздо большее созвучие с некоторыми страницами «Войны и мира» имеет незаконченная повесть Пушкина «Рославлев», задуманная им как полемика с романом Загоскина. Тем не менее в списке первоисточников эпопеи она не значится.

---

¹ Там же.

² Толстая С.А. Дневники : В 2 т. Т. 1. М., 1978. С. 500.

Своё творческое кредо Пушкин-прозаик определял так: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы» (XI, 19). В частности, сделанные Пушкиным в «Рославле» описания настроений общества накануне войны занимают несколько строк, но несмотря на незавершённость произведения, панорама того времени представлена достаточно колоритно. В «Войне и мире» автор, мастер глубокого психологического анализа, насыщает сюжетную линию размышлениями о внутреннем мире своих героев и развёртывает пушкинскую краткость до многих десятков страниц.

«Все говорили о близкой войне... довольно легкомысленно» (VIII, 152) — так у Пушкина. «С приближением неприятеля к Москве взгляд москвичей на своё положение не только не делался серьёзное, но напротив, ещё легкомысленнее»¹, — перекидается с ним Толстой.

«Любовь к отечеству казалась педантством. Тогдашние умники превозносили Наполеона с фанатическим подобострастием и шутили над нашими неудачами. <...> Гостиные превратились в палаты прений» (VIII, 152, 154) — это замечание Пушкина и его резюме: «Общество было довольно гадко» (VIII, 153). С ним полностью согласен Толстой и показывает два великосветских салона: «У Элен... точно так же как в 1808, так и 1812 году с восторгом говорили о великой нации и великом человеке, и с сожалением смотрели на разрыв с Францией. <...> Опровергались слухи о жестокости врага и войны и обсуживались все попытки Наполеона к примирению. <...> В кружок Анны Павловны принимались из французов только закоренелые легитимисты, и здесь выражалась патриотическая мысль о том, что не надо ездить во французский театр»².

Поэт находит меткую метафору наполеоновскому нашествию: гроза двенадцатого года (III, 432).

Каким образом Россия выстояла? — размышлял Пушкин в «Евгении Онегине»:

...кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Б<арклай>, зима иль р<усский> б<ог>

И он нашёл единственный точный ответ:

---

¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 174.

² Там же. С. 126—127.

Но бог помог — стал ропот ниже
И скоро силою вещей
Мы очутились в П<ариже>...
(VI, 522)

«Перемешав все концепции, Пушкин в конце концов признал единственную — «силу вещей». Формула эта... встречается и у Н.М. Карамзина в его «Записке о новой и древней истории России», где он считает, что именно сила вещей необратимо направила Наполеона на Россию»¹. В трактовке Пушкина формула «сила вещей» перестаёт быть философской категорией и приобретает роль промысла Божия, направленного на спасение.

В «Войне и мире» писатель много размышлял о «силе вещей», называя её предопределением, действие которого в зримых очертаниях выглядело так: «Продолжало совершаться то страшное дело, которое совершается не по воле людей, а по воле Того, Кто руководит людьми и мирами»².

Упование на помощь Божию стало реальной силой, и, по словам Толстого, «победа нравственная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своём бессилии, была одержана русскими под Бородиным»³. «Повествование о Бородине воспринимается как центральная, вершинная часть романа... и описанию этого сражения в романе посвящена 21 глава»⁴.

Более двухсот исторических лиц действуют в «Войне и мире» наряду с вымышленными героями. Оригинальный приём соединения прототипа и его повторения встречается в 4-м томе романа: в партизанском отряде Дениса Давыдова сражается его литературный двойник Василий Денисов.

Вопреки мнению большинства историков, умалявших роль народной войны, Толстой размышлял иначе и считал так: «Денис Давыдов своим русским чутьём первый понял значение этого страшного орудия, которое, не спрашивая правил военного искусства, уничтожало францу-

¹ Макаров А.А. Отечественная война 1812 года в творчестве и мировоззрении А.С. Пушкина // Отечественная война 1812 года и русская литература XIX века. М., 1998. С. 246.

² Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 261.

³ Там же. С. 263.

⁴ Ломунов К.Н. 1812-й год в «Войне и мире» Л. Н. Толстого // Отечественная война 1812 года и русская литература XIX века. М., 1998. С. 339.

зов, и ему принадлежит слава первого шага для узаконения этого приёма войны»¹.

При изучении исторических трудов писатель отдавал предпочтение тем из них, которые отвечали такому его требованию: «Каждый исторический факт необходимо объяснять человечески и избегать рутинных исторических выражений»². Достоверный показ высокого героизма и повседневности Толстой нашёл в воспоминаниях Дениса Давыдова и кавалерист-девицы Надежды Дуровой. Сравнивая сочинения Давыдова с трудами Михайловского-Данилевского и Богдановича, Толстой пришёл к выводу: «Давыдов первый дал тон правды»³.

У поэта-партизана он позаимствовал эпиграф к «Двум гусарам»:

Жомини да Жомини,
А об водке ни полслова...

Эти строки из «Песни старого гусара» адресованы поколению, не участвовавшему в войне, но стремившемуся быть похожими на отцов-героев. В повести Толстого таковым является младший Турбин. Пушкин предвидел разницу отцов и детей и в стихотворении «Александр» («На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году») писал о последних:

И юные сыны воинственных славян
Спокойной праздности с досадой предадутся...
(I, 147)

Швейцарец Антуан Анри Жомини, барон и генерал французской и русской армий, обобщил опыт наполеоновских войн, написав восемь томов под названием «Рассуждения о великих военных действиях, или Критическое и сравнительное описание походов Фридриха и Наполеона...». Этот труд надолго стал модной темой бесед в светских и военных кругах. И Евгений Онегин любил блеснуть в гостиных умным разговором

---

¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 12. С. С. 123—124.

² Там же. Т. 46. С. 212.

³ Там же. Т. 15. С. 240.

О карбонарах, о Парни,
Об генерале Жомини.
(VI, 545)

Последний том труда Жомини вышел в свет в 1817 году, и тогда же Денис Давыдов написал «Песню старого гусара». Только что закончилась война, а поэт-партизан уже сокрушался:

А теперь что вижу? — Страх!
И гусары в модном свете,
В вицмундирах, в башмаках,
Вальсируют на паркетe!

Говорят, умней они...
Но что слышим от любова?
Жомини да Жомини!
А об водке ни полслова!¹

Для молодого поколения, не знавшего запаха пороха, светская жизнь была привычной средой. Но после войны поменять образ жизни пришлось и боевым генералам.

Такая печальная участь ожидала генерала Михаила Андреевича Милорадовича. В прошлом ученик и боевой сподвижник Суворова, ставший генералом в 27 лет, в 1812 году он был правой рукой Кутузова, который поручал ему самые ответственные, требовавшие особой отваги батальные операции. Имя Милорадовича не сходило со страниц официальной и частной переписки. Состоявший при штабе Кутузова английский генерал Роберт Вильсон писал о нём: «Он такого же благородного и неустрашимого свойства, как и... друг его Багратион»².

В конце 1812 года губернатор Литвы А.М. Римский-Корсаков свидетельствовал: «Все тщеславятся торжеством над неприятелем. <...> Светлейший превыше всех превозносим ими. За ним Милорадович, коему графиня Орлова-Чесменская прислала меч, богато осыпанный бриллиантами»³. В 1818 году Милорадович стал генерал-губернатором

---

¹ Давыдов Д. Сочинения. М., 1985. С. 70.

² Отечественная война в письмах современников... (1812—1815). М., 2006. С. 155.

³ Там же. С. 376.

Петербурга. Пушкин был вызван к нему весной 1820-го для объяснений по поводу вольнолюбивых стихов и едких эпиграмм на царя. Поэту грозила самая суровая ссылка. Не имея полномочий решать судьбу Пушкина, губернатор тем не менее объявил ему от имени императора, что он прощён. Узнав об этом, царь уже не решился быть жёстким и выслал поэта его всего лишь на юг.

Милорадович был убит на Сенатской площади Каховским. Свидетель последних минут жизни декабристов вспоминал: «Когда Пестель, Муравьёв-Апостол, Бестужев-Рюмин и Рылеев были выведены на казнь, они расцеловались, как братья; но когда последним вышел из ворот Каховский, ему никто не протянул даже руки. ...причиной этого было убийство графа Милорадовича, учинённое Каховским, чего никто из преступников не мог простить ему и перед смертью»¹.

Одна из творческих особенностей Толстого была такова: «Фигуры исторических лиц, постепенно оживая в сознании автора, часто получали толкование прямо противоположное тому, какое несут источники, которыми он пользовался во время работы»². Красноречивым примером тому служит трактовка действий некоторых военачальников, в том числе и Милорадовича. Читатель встречается с ним впервые на военном совете перед Аустерлицким сражением: «Прямо против Вейротера, устремив на него свои блестящие открытые глаза, в воинственной позе, ...сидел румяный Милорадович с приподнятыми усами и плечами»³. Писатель показывает его рассеянным и не участвующим в общем споре о расстановке войск. Имя Милорадовича неоднократно упоминается при описании Бородинского сражения, и везде — с самой нелицеприятной оценкой его действий. Вот один из примеров: «И Коновницын, и Дохтуров только как бы из приличия внесены в список так называемых героев 12-го года: Барклаев, Ермоловых, Раевских, Милорадовичей, Платовых»⁴.

«Гений — парадоксов друг». Точнее Пушкина, пожалуй, никто не дал определения подобным несоответствиям, которых немало в произведениях Толстого.

После изгнания французов император Александр адресовал победителям такие слова: «Кто мог сие сделать? Не отнимая достойной славы

---

¹ Эйдельман Н. Апостол Сергей. М., 1975. С. 347.

² Фортунатов Н. Творческая лаборатория Толстого. М., 1983. С. 104.

³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 320.

⁴ Там же. Т. 15. С. 79.

ни у Главнокомандующего, ...ни от других искусных и мужественных вождей и военачальников, ...ни вообще у всего храброго нашего воинства, можем сказать, что содеянное ими есть превыше сил человеческих. Итак да познаем в великом деле сем промысл Божий!»¹.

Высочайшее мнение полностью совпадало с народным в том, что Господь сохранил оплот Православия — Россию. В нашествии «двунадесяти языков» народ видел козни антихриста, с которым отождествлял Наполеона. От сотворения мира существует противостояние тьмы и света. Мир — и земной, и надмирный — охраняет Архистратиг Михаил во главе воинства Небесного. В 1812 году «сила вещей» расположила земные, батальные позиции так, что на борьбу с антихристовым племенем во главе русской армии вступили полководцы, небесным покровителем которых был Архангел Михаил: это три Михаила — Кутузов, Барклай де Толли и Милорадович. При помощи сил Небесных воинство земное спасло Россию и дало возможность их потомкам, в том числе и нам, с чувствами восхищения и благодарности размышлять о причинах и следствиях героики той славной эпохи.

---

¹ *Вильсон Р.Б.* Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 году. М., 2008. С. 287—288.

**«МЕТЕЛЬНЫЙ» КОД А.С. ПУШКИНА
В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»**

Эпохой рождения «метельного» текста русской литературы являются первые три десятилетия XIX века. Начинаясь в «Светлане» и в других стихотворениях В.А. Жуковского, он продолжается стихами П.А. Вяземского, А.С. Пушкина и почти одновременно развивается в прозе, усваивая накопленный в поэзии семантический и образный потенциал: в конце 1820-х — в первой половине 1830-х годов появляются «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» Н.М. Загоскина, «Ночь перед Рождеством» Н.В. Гоголя, «Метель» и «Капитанская дочка» А.С. Пушкина, «Буран» С.Т. Аксакова.

В лирике П.А. Вяземского зима предстаёт в двух ипостасях: в виде «волшебницы», застилающей долины белой «скатертью», и в виде демонической, тёмной силы, кружением снега смешивающей небеса и землю, переиначивающей свет во тьму, что в дальнейшем будет характерно для русской литературы вообще. В образе метели поэт обнаруживает потенции философской и литературной универсалии, и его стихотворение «Метель» даёт первоначальный вариант развития метельного сюжета. Это inferнальный вариант: путник, замкнутый в степи вьюгой, не просто оказывается во власти природной стихии. Он обращается в игрушку бесовских сил и, не имея ни малейшей возможности защитить себя, движется к гибели. В стихотворении Вяземского содержится весь комплекс значений inferнального варианта сюжета метели: поглощение света тьмой, бесовское кружение («Снег сверху бьёт, / Снег веет снизу, / Нет воздуха, небес, земли; / На землю облака сошли, / На день насунув ночи ризу»); потеря ориентации в пространстве («Чутьё заглохло и застыло / И в ямщике и в лошадях»); разгул нечистой силы («Тут выскочит проказник леший, / Ему раздолье в кутерьме»); угроза реальной опасности: («Тут к лошадям косматый враг / Кувыркнется с поклоном в ноги, / И в полночь самую с дороги / Кибитка на бок — и в овраг»¹). Финал путешествия в метель у Вяземского трагичен и ироничен одновременно: похоже, это прямой путь в снежную могилу, имеющий однако некоторые преимущества перед перспективой провести ночь на постоялом дворе: «Ночлег и тихий и с

¹ *Вяземский П.А.* Соч. : В 2 т. Т. 1. М., 1982. С. 178—179.

простором: / Тут тараканам не залезть, / И разве волк ночным дозором / Придёт проведать — кто тут есть?»¹.

Особенно активно в немногочисленных стихотворениях поэта, упоминающих метель или вьюгу, подчёркивается ночная природа этого явления. В элегии «Первый снег» сам процесс преобразования природы, её «убеления», остаётся «за кадром» — о нём свидетельствует лишь упоминание о «свисте вьюг и рёве непогоды», к которому привычно ухо обитателя «полуночной страны». Однако уже в этом стихотворении, описывающем утренний «праздник зимы», вьюга соседствует с тьмой: «Сын пасмурных небес полуночной страны, / Обвыкший к свисту вьюг и рёву непогоды, / Приветствую душой и песнью первый снег»². Соединение вьюги с тьмой отчётливо звучит в стихотворении «Метель»: «День светит; вдруг не видно зги...»³. В послании «К моим друзьям Жуковскому, Батюшкову и Северину» и стихотворении «Зима» взаимодействие двух начал продолжается: «И, может быть, в сей самый час, / Как ночи сон тревожит вьюга...»; «Но вот уж мрак сошёл с полей, / И вьюга с ночью удалились»⁴; «И вьюга ночная тоскует, / И веет под снежным одром»⁵.

Этот комплекс «метельных» значений частично поддерживается в зимней лирике В.А. Жуковского, Н.М. Языкова и М.Ю. Лермонтова. Разрушительный, противный всему живому характер метели выходит на первый план в зимних текстах В.А. Жуковского, связанных с вьюгой, тоже немногочисленных. Вьюга демонстрирует злую ипостась природы, что связано с традиционным осмыслением бури или другого природного катаклизма как Божьей кары за человеческие прегрешения, явленным в Ветхом завете. В стихотворении «Гимн» зима, а с ней вьюга как раз демонстрируют грозный лик божества: «И в зиму, гневный Бог, на бурных облаках, / Во ужас облечен, с грозой опустошенья, / Паришь, погибельный... как дольний гонишь прах, / И вьюгу, и метель, и вихорь пред Собою; / В развалинах земля; природы страшен вид; / И мир, оцепенев пред Сильного рукою, / Хвалебным трепетом Творца благовестит»⁶. Мотив зимы как тяжёлого испытания, квинтэссенцией которого является метель/вьюга, продолжает развиваться в стихотво-

¹ Там же. С. 179.

² Там же. С. 101.

³ Там же. С. 179.

⁴ Там же. С. 144.

⁵ Там же. С. 247.

⁶ Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем : В 20 т. Т. 1. М., 1999. С. 122.

рении «Овсяный кисель»: «Ждёт и малюточку тяжкое время: тёмные тучи / День и ночь на небе стоят, и прячется солнце; / Снег и метель на горах, и град с гололедицей в поле. / Ах! Мой бедный зародышек, как же он зябнет, как ноет!»¹ В балладе «Светлана» образно-смысловой ряд метель/тьма/испытание расширяется за счёт мотивов смерти/могилы и потери пути. В балладе, как и в «Метели» Вяземского, выюга обрушивается на путника, в данном случае Светлану, «вдруг», неожиданно, что является одной из закономерностей развития inferнального варианта сюжета метели: «Вдруг метелица кругом; / Снег валит клоками; / Чёрный вран, свистя крылом, / Вьётся над санями; / Ворон каркает: печаль! / <...> Одинокая, впотьмах, / Брошена от друга, / В страшных девица местах; / Вкруг метель и выюга. / Возвратиться – следу нету»².

В зимних стихах Пушкина продолжает своё развитие inferнальный вариант сюжета метели, введённый в литературу Вяземским. Однако инаположность стихии человеку, воплощённая Вяземским в образах лешего и зверя — волка («Тут выскочит проказник леший, / Ему раздолье в кутерьме», «Тут к лошадям косматый враг / Кувыркнется с поклоном в ноги»³), у Пушкина получает иное токование. Бесы проявляют враждебность по отношению к человеку: «Посмотри: вон, вон играет, / Дует, плюет на меня; / Вон — теперь в овраг толкает / Одиного коня...» (III, 226), но сами оказываются существами страдальческими. Они гонимы, подобно осенним листьям — игрушке ветра, вой их похож на плач: «Сколько их! Куда их гонят? / Что так жалобно поют? / <...> Мчатся бесы рой за роем / В беспредельной вышине, / Визгом жалобным и воем / Надрывая сердце мне...» (III, 227). У Пушкина «стихия выступает разом как насильница и страдальца, — пишет М. Эпштейн. — В ней совмещаются черты зверя и дитяти, она мучит и жалуется, то есть страдает от собственного буйства, бездумия, непросвещённости. <...> ...природа — и палач, и жертва, и именно поэтому она выступает как «двузначная» стихия, уничтожающая самоё себя...»⁴. Inferнальный вариант сюжета метели, явленный в стихотворениях Вяземского и Пушкина, оставляет финал открытым: в «Метели» он, повторим, иронично-трагичен, а в «Бесах» завершающая строфа обращает к началу, означая бесконечность вихревого кружения.

¹ Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. М., 2000. С. 34.

² Там же. Т. 3. М., 2008. С. 31.

³ Вяземский П.А. Соч. С. 178.

⁴ Эпштейн М. Стихи и стихии. Природа в русской поэзии XVIII—XX веков. Самара, 2007. С. 194.

Схожий метельно-бесовский пейзаж возникает у Н.В. Гоголя в «Ночи перед Рождеством» почти одновременно с Пушкиным. М. Эпштейн обнаруживает «почти дословное совпадение» в описании бесовской ночи у двух авторов: «Мчатся бесы рой за роем в беспредельной вышине» – «...вихрем пронёсся... колдун, клубился в стороне облаком целый рой духов...»¹. У Гоголя метель связана с проделками чёрта: желая вернуть домой Чуба, тот начинает «разрывать со всех сторон кучи замёрзшего снега». В результате «поднялась метель. В воздухе забелело. Снег метался взад и вперёд сетью и угрожал залепить глаза, рот и уши пешеходам»². Метель, имеющая бесовское происхождение, приводит к череде комических случайностей, в результате которых больше всех страдает сам же чёрт. Она является кратким эпизодом в «Ночи перед Рождеством»: как только месяц, вылетев из кармана похитителя, возвращается на небо, «метели как не бывало»³. Таким образом, «то, что у Пушкина отдает жутью, у Гоголя пока ещё овеею духом фольклорной забавы»⁴.

В «Метели» и «Капитанской дочке», как и в «Бесах», человек теряет верное направление пути, но итог развития метельного сюжета в этих произведениях принципиально иной. Метель представляет здесь стихию «умную», по словам Гершензона, «мудрейшую самого человека»⁵.

Начиная с Пушкина, образ метели-судьбы прочно займёт своё место в русской литературе. С этим образом тесно связана проблема соотношения случайного и закономерного, воплощённая в двух вариантах поведения персонажей. Одни следуют зову судьбы, другие идут наперекор предзнаменованиям, пытаясь собственными усилиями достичь желаемого. В повести «Метель» Марья Гавриловна и Владимир пытаются утвердить себя, противопоставляя свои чувства и действия сложившемуся укладу, а Бурмин совершает неожиданные поступки, как будто повинуюсь воле Провидения. Судьбой «природного дворянина» связан Гринёв в «Капитанской дочке», а Пугачёв активно противодействует своему жизненному уделу, беря на себя роль самозванца. Проблема случайного/закономерного, воплощённая в двух типах поведения персонажей метельного сюжета, поднимается Пушкиным на уровень исторических

---

¹ Эпштейн М. Слово и молчание : Метафизика русской литературы. М., 2006. С. 116.

² Гоголь Н.В. Собр. соч. : В 6 т. Т. 1. М., 1959. С. 117.

³ Там же. С. 119.

⁴ Эпштейн М. Слово и молчание. С. 117.

⁵ Гершензон М.О. Мудрость Пушкина. Томск, 1997. С. 103.

закономерностей. Практически всеми исследователями отмечено, что сюжет бури/метели позволяет писателю связать судьбы персонажей с ходом истории. Осмысление хода истории как проявления воли Провидения сближает Пушкина с Толстым — «Войну и мир» с «Капитанской дочкой».

Здесь Толстой явно следует пушкинской традиции: неожиданно разгулявшаяся за окнами Лысогорского дома метель демонстрирует волю судьбы-провидения. Сцены родов в творчестве Л. Толстого — роды маленькой княгини, Анны Карениной, Кити — призваны показать, как тонка реальная ткань бытия, как близко человек стоит к тайне, к бездне, скрытой за миром материальный вещей. Эта бездна у Толстого амбивалентна. Физические страдания обнажают близость женской души, как сказал бы Мережковский, «ночной» душе зверя — мотив трансформации женского в страдающее «зверское» характерен для всех выше перечисленных сцен. Однако со «зверским» соседствует детское, уязвимое, также просыпающееся в женщине с родовыми муками. Это «детское» («детски-испуганное» и «взволнованное» в облике княгини Лизы) — знак божественного, чьё присутствие осознают у Толстого все участники происходящего таинства: «...таинство, торжественнейшее в мире, продолжало совершаться. Прошёл вечер, наступила ночь. И чувство ожидания и смягчения сердечного перед непостижимым не падало, а возвышалось. Никто не спал»¹. Символизирует эту «двойную» бездну метель, также амбивалентная по своей природе. В толстовской метели прочитывается пушкинская — зверь и дитя.

Княгиня Лиза полностью созвучна метельной стихии, отдана в её власть, она безропотно следует за своей судьбой, как будто всем существом осознавая бессмысленность сопротивления, но не понимая жестокости воли Провидения. Она тоже зверь и дитя: «Блестящие глаза, смотревшие детски-испуганно и взволнованно, остановились на нём (князе Андрее. — *К.Н.*), не изменяя выражения. «Я вас всех люблю, я никому зла не делала, за что я страдаю? Помогите мне», — говорило её выражение» (5, 44). «Жалкие, беспомощно-животные стоны слышались из-за двери. <...> Вдруг страшный крик — не её крик, она не могла так кричать — раздался в соседней комнате» (5, 45). Женщина, как природа у Пушкина, «и палач, и жертва... «двузначная» стихия, уничтожающая самоё себя,

---

¹ Толстой Л.Н. Собр. соч. : в 22 т. М., 1978—1985. Т. 5. С. 42. Далее в настоящей публикации ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы арабскими цифрами.

рвущая на части собственное тело, болящая от ран, себе наносимых»¹. С одной стороны, именно поэтому нет ответа на немой вопрос Лизы, но, с другой стороны, он есть, и князь Андрей хорошо знает этот ответ: его жена и есть та жертва, которую он решил принести в погоне за «славой, любовью людской» (4, 334).

У Толстого, как и Пушкина, в метельном сюжете обнаруживаются персонажи с двумя «типами поведения — детерминированного и недетерминированного»². Стремление изменить свою судьбу волевым усилием роднит князя Андрея с Пугачёвым. «А разве нет удачи удалому?» — вопрошает тот Гринёва. — «Разве в старину Гришка Отрепьев не царствовал?» (VIII, 332). В ответ Гринёв напоминает своему «вожатому» о печальной участи его героя. Князь Андрей сам осознаёт ничтожность кумира, увидев его «маленькость» на фоне вечного неба Аустерлица, а вместе с тем и ложность направления собственного бытийного движения: «Тихая жизнь и семейное счастье в Лысых Горах представлялись ему. Он уже наслаждался этим счастьем, когда вдруг являлся Наполеон с своим безучастным, ограниченным и счастливым от несчастья других взглядом. И начинались сомнения, муки, и только небо обещало успокоение» (4, 370).

В сцене родов княгини Болконский, как и Пугачёв, появляется из метели. Пугачёв видится Гринёву как «незнакомый предмет», по словам ямщика, это «воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волк или человек» (VIII, 288). Князя Андрея принимают за доктора, приезд которого ожидается с минуты на минуту: «— Княжна, матушка, едут по прешпекту кто-то!» — говорит старая няня. — «С фонариком; должно дохтур...» (5, 43). Появление Андрея в эту минуту «слишком необыкновенно» (5, 44), и эти «необыкновенные» «сцепления» судьбы как раз воплощает метель.

Соотношение «Болконский — Наполеон» продолжает ещё одну линию «буранного» сюжета, заявленную Пушкиным в «Капитанской дочке». Во сне Гринёв видит Пугачёва в роли «посажённого» отца, «Пугачёв — праотец Гринёва»³. В горячечном бреду, замещающем сон, Болконскому грезились картины семейного счастья в Лысых Горах, как

---

¹ Эпитетин М. Стихи и стихии. С. 194.

² Юртаева И.А. Мотив метели и проблема этического выбора в повести Л.Н. Толстого «Хозяин и работник» // Литературный текст: проблемы и методы исследования. М. ; Тверь, 2000. С. 19.

³ Иваницкий А. «Зимний путь» у Пушкина («национальная» природа — кухня истории как культуры) // Slavica tergestina. 1998. № 6. С. 19.

«вдруг являлся маленький Наполеон... и начинались сомнения, муки» (4, 370). Пугачёв — помощник героя, его «бесовский» «брат», воплощающий «зимнее, стихийно-предвечное первоначало природы». Он «помощник-искуситель: условием помощи выступает отказ от человеческого естества, возвращение в животное (бесовское состояние)»¹. Для Гринёва он и «спутник, партнёр по диалогу и объект сочувствия»². В какой-то мере Наполеон — «заместитель отца» и для Болконского. Французский полководец «был его героем» (4, 367), на него равнялся персонаж, культивируя в себе жажду «торжества над всеми» людьми (4, 334), мечтая о «своём Тулоне». Но если метель — стихия Пугачёва, «антагониста» Гринёва и одновременно его главного помощника, то Наполеону она, напротив, чужда. Через него не осуществляется воля Провидения, скорее, он препятствует ей. Князю Андрею необходимо освободиться от власти кумира, чтобы избрать нужный путь. Эту ситуацию и символизирует метель. Подобно пушкинской, она сопровождает переломный момент жизни персонажей, способствует этическому выбору, участвует в процессе самоопределения героев.

Необходимой составляющей семантического поля метели у Толстого является смерть: «Вдруг порыв ветра налёг на одну из выставленных рам комнаты (по воле князя всегда с жаворонками выставлялось по одной раме в каждой комнате) и, отбив плохо задвинутую задвижку, затрепал штофной гардиной, и, пахнув холодом, снегом, задул свечу. Княжна Марья вздрогнула; няня... стала ловить откинутую раму. Холодный ветер трепал концами её платка и седыми, выбивавшимися прядями волос» (5, 43). В происшедшем обращает на себя внимание одно странное обстоятельство. Несмотря на вьюжную, холодную погоду, в Лысогорском доме выставлены вторые рамы, что объясняется «волей» князя, упорно связывающего прилет «жаворонков» с наступлением весны. Старый Болконский, как и сын, руководствуется в жизни только собственной «волей», оттого его действия в отношении близких людей носят разрушительный характер. Как человек не имеет власти отменить зиму, которая «хочет взять своё и высыпает с отчаянной злобой свои последние снега и бураны» (5, 42), так и не властен он над собственной судьбой. Приподнятые над обычной жизнью, это осознают и сами персонажи. «— Какая судьба!» — говорит сестре князь Андрей.

---

¹ *Иваницкий А.* «Зимний путь» у Пушкина. С. 19.

² Там же. С. 28.

Ветер, задувший свечу, а в контексте сцены — жизнь маленькой княгини, заставляет няню подойти к окну и увидеть едущего по «прешпекту» мнимого покойника — князя Андрея. Обнаружение пропавшего жениха в круговерти метели и вьюги уже было изображено Жуковским: героиня баллады страшной ночью, окружённая неожиданно разгулявшейся метелью, находит суженого мёртвым, в гробу. Но этот сюжет имеет счастливый финал: «страшный сон» Светланы оборачивается возвращением жениха. «Балладный» контекст имеет и пушкинская «Метель», о чём свидетельствует эпитафия из «Светланы» Жуковского. Указывая на смещение, произошедшее в балладе Жуковского по отношению в первоисточку — балладе Г. Бюргера «Ленора», А. Иваницкий прослеживает дальнейшее смещение в «Метели»: «Страшный сон Марьи Гавриловны об утраченном и обречённом на действительную смерть Владимире оканчивается «пробуждением» и браком с другим, «подменным» женихом. Он и есть настоящий суженый, поскольку появляется в жизни героини не в результате «романного» домашнего воспитания (как Владимир), а реальным и необратимым жизненным ходом стихии/истории»¹. Балладная атмосфера повести поддерживается и мотивом «невинной вины»²: «В невестреche Маши с Владимиром и в странном браке повинна метель; в смерти Владимира... — война. <...>. Этим не только убавляется возможность самостоятельного нравственного выбора (и отсюда мера вины), но и подёргивается туманом для героини смысл произошедшего с нею», — заключает исследователь³.

Балладный контекст очевиден и в сцене родов/смерти княгини Болконской. Толстой продолжает смещение сюжета: метельной ночью воскресает жених, но умирает невеста. Приближение к балладной атмосфере поддерживает «ощущение прикосновения к субстанциональным тайнам бытия»⁴. Если Марья Гавриловна неповинна в смерти Владимира, которой оплачено счастье её и Бурмина, но испытывает укоры совести, то вина Болконского измеряется иначе. Формально герой не может отменить бытийных законов — смерти жены в родах, но в помыслах своих он допускал подобный вариант развития семейного сюжета: «Смерть,

¹ Там же. С. 8.

² См.: *Узин В.И.* О повестях Белкина. Из комментариев читателя. Пг., 1924. С. 52; *Айхенвальд Ю.И.* Пушкин. М., 1916. С. 148; *Иваницкий А.* «Зимний путь» у Пушкина. С. 7—8.

³ *Иваницкий А.* «Зимний путь» у Пушкина. С. 8.

⁴ *Маркович В.М.* Повести Белкина и литературный контекст // Пушкин : Материалы и исследования. Т. XIII. Л., 1989. С. 74.

раны, потеря семьи, ничто мне не страшно. И как ни дороги, ни милы мне многие люди — отец, сестра, жена... но, как ни страшно и ни естественно это кажется, я всех их отдам сейчас за минуту славы, торжества над людьми» (4, 334).

В пушкинской «Метели» стихия начинается вьюгой и продолжается войной, пролагая Бурмину «дорогу *службы* как *обретения* невесты»¹. У Толстого метель и война также являются вариантами проявления стихии. После неудачной для русских кампании 1805 года в метель князь Андрей теряет жену, а после Бородинского сражения, во время пожара Москвы, обретает невесту. Функции метели в сцене обретения невесты выполняет пожар: «Зарево расходилось и колыхалось дальше и дальше». Затем оно превратилось в «ужасное зарево», которому аккомпанировал «разгул пьяных в кабаке» (6, 393—394). В сцене метели герой находит умирающей свою жену, а в сцене пожара невеста находит умирающим его самого.

В «Анне Карениной» метельный сюжет вновь связан с темой обретения жениха: Алексей Вронский является перед Анной из вьюжной круговерти, подобно Андрею Болконскому. Семантика метели-судьбы сохраняется и в этой сцене, но в описании метели доминирует inferнальное начало. Это уже не просто сильный снегопад в марте, в начале весны, когда само время года предполагает позитивный характер развития судеб персонажей-участников метельной сцены — брата и сестры Болконских, это «страшная буря», которая «рвалась и свистала» на железнодорожной станции.

Тема «страшной бури» в «страшную ночь», начатая Вяземским, получившая многозначное блестящее развитие в творчестве Пушкина, в предельно концентрированном виде воплощённая Толстым, будет в первых десятилетиях XX века перевоссоздана А. Блоком, Б. Пастернаком, М. Булгаковым, В. Брюсовым, А. Белым и другими писателями с опорой на её универсальные смыслы.

---

¹ *Иваницкий А.* «Зимний путь» у Пушкина. С. 8. Курсив автора.

ПОЭТ НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ
«Пушкинско-наполеоновские» мотивы
в прозе М.А. Булгакова

Характерными чертами поэтики Булгакова являются высокая степень интертекстуальности и явная парадигматичность сюжетов: ситуации из современной писателю действительности обнаруживают типологическое сходство с эпизодами далёкого прошлого, «знаками» которых служат литературные аллюзии. Наряду с цитатами и реминисценциями из произведений В. Жуковского, М. Лермонтова, Н. Гоголя, Л. Толстого важнейшую роль в творчестве Булгакова играет пушкинский интертекст — с помощью которого, в частности, актуализируется топика Отечественной войны 1812 года¹.

Как известно, в поздний период деятельности писатель создал пьесу «Александр Пушкин» (1935), среди сценических персонажей которой самого Пушкина нет: его образ представляет собой «проекцию» точек зрения окружающих людей (вспомним пословицу «короля играет свита»). Речь идёт не просто о личности, но о явлении, называемом «Александр Пушкин», а его содержание отнюдь не сводится к характеру конкретного человека. Впрочем, предпосылки подобного подхода отчётливо заметны и в булгаковских произведениях начала 1920-х годов. Пушкин выступает здесь как «мифическое» существо, способное принимать различные облики, в том числе «сливаться» с одиозными литературными персонажами, оказываясь «соучастником» махинаций в амплитуде от хлестаковщины до чичиковщины. Так, в повести «Записки на манжетах» (1923) возникает фигура Пушкина-«Ноздрёва», который играет в судьбе героя-рассказчика зловещую роль:

«Всё было хорошо. Всё было отлично.

И вот пропал из-за Пушкина. Александра Сергеевича, царствие ему небесное» (1, 480²).

---

¹ Кстати, интерес к ней был обусловлен биографически: Первая киевская гимназия, которую окончил писатель, была основана при содействии генерал-губернаторов М. Кутузова и М. Милорадовича, а в год 100-летия Отечественной войны стала называться Императорской Александровской.

² Произведения Булгакова цитируются по: *Булгаков М.А. Собр. соч. : В 5 т. М., 1989—1990*, с указанием тома и страницы арабскими цифрами.

Причиной несчастий служит нарисованный местной художницей для пушкинского вечера портрет поэта:

«Из золотой рамы на меня глядел Ноздрёв. Он был изумительно хорош. Глаза наглые, выпуклые, и даже одна бакенбарда жижее другой. Иллюзия была так велика, что казалось, вот он громыхнёт хохотом и скажет:

— А я, брат, с ярмарки. Поздравь: продулся в пух!» (1, 485).

Этот двусмысленный «Пушкин», глядящий со сцены, приводит посвящённый ему вечер к краху и воздействует на аудиторию фантастически: «Когда в инсценировке Сальери отравил Моцарта — театр выразил своё удовольствие по этому поводу одобрительным хохотом и громовыми криками: «Bis!!!» (1, 486).

В фельетоне «Похождения Чичикова» (1922) воскресший в условиях нэпа гоголевский герой получает аванс для аренды некоего предприятия под названием «Пампуш на Твербуле» (2, 233), после чего благополучно скрывается; Пушкин в образе памятника выступает как бы сообщником изворотливого мошенника¹. Персонаж с чертами Чичикова появляется также в романе «Белая гвардия» (1924), причём носит имя и отчество гоголевского Собакевича. Длинный перечень ежедневных дел вездесущего Михаила Семёновича Шполянского завершается пунктом: «...на рассвете писал научный труд «Интуитивное у Гоголя» (1, 289). Вместе с тем одним из важнейших признаков Шполянского является близкое сходство с пушкинским героем: «Михаил Семёнович был чёрный и бритый, с бархатными баками, чрезвычайно похожий на Евгения Онегина. <...> Михаила Семёновича, одетого в дорогую шубу с бобровым воротником (тоже «онегинская» деталь. — *Е.Я.*) и цилиндр, провожал весь «Магнитный Триолет» <...> Михаил Семёныч действительно походил на Онегина под снегом, летящим в электрическом свете» (1, 289). Любовница Шполянского Юлия — «женщина... смятая поцелуями страстного Онегина» (1, 292) — в итоге «переходит» к главному герою «Белой гвардии» Алексею Турбину. Впервые глядя на неё, он видит «светлые завитки волос и очень чёрные глаза близко» (1, 349): здесь узнаётся мимолётный образ онегинской подруги — «белянки черноокой» (VI, 89).

---

¹ Таким же «инструментом» для ведения материальных дел предстаёт Пушкин в одном из эпизодов романа «Мастер и Маргарита»: «Никанор Иванович до своего сна совершенно не знал произведений поэта Пушкина, но самого его знал прекрасно и ежедневно по несколько раз произносил фразы вроде: «А за квартиру Пушкин платить будет?» или «Лампочку на лестнице, стало быть, Пушкин вывинтил?», «Нефть, стало быть, Пушкин покупать будет?» (5, 162).

Но в образной системе «Белой гвардии» пушкинский дискурс имеет куда более широкое значение. Автор предположил роману эпиграф из «Капитанской дочки» (1, 179); при этом образ бурана (VIII, 287), в котором путники теряют дорогу, ассоциируется и со стихотворением «Бесы» (II, 226) — погружающийся в хаос булгаковский Город предстаёт местом разгула нечистой силы. Утрируя идею Толстого о несущественности так называемых великих людей, от которых в истории остаются лишь имена-«ярлыки»¹, Булгаков проводит мысль о призрачности, «несуществовании» участников исторического процесса: «Миф Петлюра. Его не было вовсе. Это миф, столь же замечательный, как миф о никогда не существовавшем Наполеоне, но гораздо менее красивый» (1, 238). «Несуществующий» Петлюра приравнивается к Наполеону-«антихристу» (несомненны и чичиковские коннотации); вследствие сложного двойничества осаждаемый Петлюрой Город, прообразом которого является Киев, вместе с тем отождествляется с Москвой, захваченной Наполеоном (хотя в реальных условиях 1918 года большевистская Москва противостояла «самостийной» Украине). Соответственно, большевистский эмиссар Шполянский («Чичиков» и «Онегин» в одном лице), будучи московским агентом, устраивает в Городе диверсию (1, 293), обеспечивая скорейший приход Петлюры-«Наполеона» — но лишь для того, чтобы тот был скорее свергнут «третьей силой», явившейся «с севера» (1, 293); появлением московских «агтелов» (1, 415) роман и заканчивается.

Неоднозначное впечатление вызывает и такой устойчивый в произведении Булгакова образ, как памятник «культурному герою»: в «Белой гвардии» это «чугунный чёрный Владимир» (1, 266), в «Мастере и Маргарите» в виде «чугунного человека» (5, 73) будет представлен сам Пушкин². Статуя в пушкинском творчестве, как известно, ассоциируется с идолопоклонством, сатанинскими силами, колдовством³. Подобно «Пампушу» из фельетона «Похождения Чичикова», выступающий в роли патернального покровителя «чёрный человек» получает в «Белой гвардии» амбивалентную оценку. К тому же памятник крестителю Руси ассоциируется с «чугунной куклой» Наполеона из пушкинского романа — если в «Евгении Онегине» у императора руки «сжаты крестом» (VI, 147), то булгаковский князь Владимир «держит в руке... крест» (1, 219).

¹ *Лурье Я.С.* «Белая гвардия» // Булгаков М.А. Собр. соч. : В 5 т. Т. 1. М., 1989. С. 564.

² См. также: *Яблоков Е.А.* Нерегулируемые перекрестки : О Платонове, Булгакове и многих других. М., 2005. С. 71—83.

³ *Якобсон Р.О.* Работы по поэтике. М., 1987. С. 173.

Статуи явно похожи; получается, что в центре Города, «матери городов русских» (1, 191), уже «сто лет» (1, 266) — чуть ли не с самой Отечественной войны — фактически находится памятник Наполеону.

С учётом «игровых» литературных ассоциаций решающее сражение за Город предстаёт пародийной Бородинской битвой. Одним из центров бесполезного сопротивления оказывается Александровская гимназия, парадная лестница которой украшена сакральным по сути и неправдоподобным по сюжету портретом Александра I на Бородинском поле: «...Александр взмахивал палашом и остриём его указывал юнкерам на Бородинские полки» (1, 257). Но торжественно заявленная освободительная миссия оказывается невыполнимой: «новое Бородино» не состоялось, как не стало в своё время реальное Бородинское поле «новым Аустерлицем» для Наполеона.

Тема Отечественной войны связана, конечно, и с лермонтовским дискурсом (сцена в гимназии сопровождается строевой песней на слова стихотворения «Бородино»), однако события в булгаковском романе происходят не летом, а зимой, в сильный мороз. Это придаёт действию гротескный колорит в духе десятой главы «Евгения Онегина»:

Гроза 12 года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Б<арклай>, зима иль р<усский> б<ог>
(VI, 522)

Но дело в том, что «адресат» помощи со стороны «русского бога» в булгаковском романе неясен. Для обывателей Города (к числу которых, в сущности, принадлежат и главные герои) нет особой разницы между «местными» врагами (украинские мужики подобны ордам варваров) и иноземными оккупантами. Турбины и их близкие, с детства существовавшие в мифологизированном, полусказочном мире, плохо ориентируются в перипетиях реальности, и это вызывает авторскую иронию. Недаром одной из форм реакции героев на происходящее является поведение в духе «Пира во время чумы» — хотя без свойственного «Гимну чуме» трагического героизма. Лариосик фактически призывает «запереться от чумы» — провозглашает, что в турбинской квартире «тепло и уютно, в особенности замечательны кремовые шторы на всех окнах, благодаря чему чувствуешь себя оторванным от внешнего мира...» (1, 359). И

если пушкинский Председатель предлагал выпить в память умершего друга, «как будто б был он жив» (VII, 175), то в «Белой гвардии» звучит абсурдный тост «во здравие» заведомо покойного Николая II: «...Если император мёртв, да здравствует император! — Турбин крикнул и поднял стакан» (1, 212).

Несмотря на явные «личные» симпатии автора к Турбиным и их друзьям, объективное отношение к ним в романе двойственно. В конечном счёте непонятно, являются ли они для Города «своими» или «чужаками» и кого — нападающих или защищающихся — следует считать «захватчиками», ассоциируя с наполеоновским нашествием. Этому соответствует причудливая двойственность коллизий, созданная во многом за счёт разветвлённого литературного подтекста.

Строго говоря, гротескное соединение пушкинской и наполеоновской топик возникло в булгаковском творчестве ещё до «Белой гвардии». В повести «Дьяволиада» (1922) inferнально-двойственный Кальсонер сочетает свойства «Наполеона» и «Черномора». У братьев-близнецов Кальсонеров есть важная общая «деталь»: «...примечательнее всего была голова. <...> Лысой она была тоже как яйцо и настолько блестящей, что на темени у неизвестного, не угасая, горели электрические лампочки» (2, 11). Но один из них безбородый, второй — «с длинной ассирийско-гофрированной бородой, ниспадавшей на грудь» (2, 18). Вспомним эпизод «Руслана и Людмилы»:

...Арапов длинный ряд идёт
Попарно, чинно, сколь возможно,
И на подушках осторожно
Седую бороду несёт;
И входит с важностью за нею,
Подъяв величественно шею,
Горбатый карлик из дверей:
Его-то голове обритой,
Высоким колпаком покрытой,
Принадлежала борода.

(IV, 34)

Зато когда трактирный орган, случайно приведённый в действие Коротковым, начинает играть песню «Шумел-горел пожар московский», повествующую о событиях 1812 года, двуликий персонаж предстаёт в

наполеоновской (по-прежнему inferнальной) «ипостаси»: «...точас Кальсонер возвратился через главный вход — Кальсонер бритый, мстительный и грозный. В зловещем синеватом сиянии он плавно стал подниматься по лестнице» (2, 27).

Но в «Дьяволиаде» пожар связан с топикой Отечественной войны лишь ассоциативно. Зато в повести «Роковые яйца» (1924) данный мотив обретает важное сюжетообразующее значение. Один из её главных героев, Александр Семёнович Рокк (внешне отчасти похожий на Кальсонеров), предстает пародийным «Наполеоном»: «...что-то развязное было в коротких ногах с плоскими ступнями. Лицо иссиня-бритое» (2, 81). Ассоциации с Бонапартом вызывает каламбурная фамилия персонажа¹: «человек рока», «человек судьбы» — определение, данное Наполеону ещё при его жизни. Знаком аллюзии является и тот факт, что «идея, как при помощи луча Персикова возродить в течение месяца кур в республике», родилась у Рокка «в номерах на Тверской «Красный Париж» (2, 92).

Результатом смелого, но невежественного замысла явилась орда выведенных (пусть неволью) Рокком апокалиптических «гадов», которые движутся на Москву с запада явно «по образцу» наполеоновского нашествия². Соответственно, город готовится к обороне: «...воинские части останавливали панику сумасшедших, бегущих по стрелкам железных дорог из Смоленской губернии в Москву. <...> Все улицы были усеяны плакатами... <...> В них Москва объявлялась на военном положении. В них грозили за панику и сообщили, что в Смоленскую губернию часть за частью уже едут отряды Красной армии, вооружённые газами» (2, 109). Возникает и мотив inferнального пожара: «...Смоленск горит весь... <...> ...город загорелся во всех местах, где бросили

¹ Характерен диалог между Панкратом и Персиковым:

«Дверь мягко скрипнула, и вошёл Панкрат. Он сложил руки по швам и, бледнея от страха перед божеством, сказал так:

— Там до вас, господин профессор, Рокк пришёл.

Подобие улыбки показалось на щеках учёного. Он сузил глазки и молвил:

— Это интересно. Только я занят.

— Они говорят, что с казённой бумагой с Кремля.

— Рок с бумагой? Редкое сочетание, — вымолвил Персиков и добавил, — ну-ка, давай его сюда!» (2, 81).

² Сходство «полчищ» змей в «Роковых яйцах» с наполеоновским наступлением отмечалось ещё в рецензиях середины 1920-х годов (см., напр.: Шкловский В. «Закрытие сезона». Михаил Булгаков // Наша газета. 1926. 30 мая).

горящие печи и начали безнадежный повальный исход» (2, 111—112). А пожар зооинститута, где работал Персиков, выступает как метонимический знак «пожара Москвы»: «Институт пылал... и пожарные автомобили, насасывая воду из кранов, лили струи во все окна, из которых, гудя, длинно выбивалось пламя» (2, 114).

К счастью, адские враги оказываются повержены; причём, как и в былые времена, — вмешательством «русского бога»: «В ночь с 19-го на 20-е августа 1928 года упал неслыханный, никем из старожиллов никогда ещё не отмеченный мороз. Он пришёл и продержался двое суток, достигнув 18 градусов» (2, 114). Пушкинский мотив¹ цитируется в гротескном виде: «русский бог» доведён до степени *deus ex machina* — недаром последняя глава «Роковых яиц» каламбурно именуется «Морозный бог на машине» (2, 114).

В романе «Мастер и Маргарита» (1940) получили развитие практически все «традиционные» для Булгакова мотивы, связанные с наполеоновской топикой; среди них, в частности, образ пожара Москвы. Характерна сцена, когда Воланд, сидя на табурете на балюстраде Пашкова дома (в непосредственной близости от Кремля), разглядывает «дым на бульваре» (5, 349) — «параллель с Наполеоном здесь очевидна»². Если в окончательном варианте романа сгорает лишь несколько московских зданий (дом 302-бис, торгсин, Грибоедов), то в ранних редакциях в огне оказывался весь город³, причём поджигающая его компания Воланда⁴ комично ассоциируется с патриотами-защитниками Москвы 1812 года.

В контексте «пушкинско-наполеоновских» аллюзий важную роль в романе играет образ статуи. В частности, имеется в виду «столкновение» между халтурным поэтом-конформистом Рюхиным и пушкинским памятником — «металлическим человеком», который «безразлично смотрит на бульвар» (5, 73). Рюхин — пародийный двойник Пушкина: обоих зовут Александром, и фамилия булгаковского персонажа выгля-

---

¹ Кстати, с учётом содержащихся в «Роковых яйцах» разветвлённых политических аллегорий и ассоциаций можно предположить, что для Булгакова были немаловажны и иные фрагменты десятой главы «Евгения Онегина» — например, слова про «нечаянно пригретого славою» «слабого и лукавого властителя», к тому же «плешивого».

² *Гаспаров Б.М.* Литературные лейтмотивы. М., 1994. С. 49.

³ *Булгаков М.А.* Собр. соч. : В 8 т. Т. 4. СПб., 2002. С. 263—266.

⁴ Давно отмечено, что данный мотив у Булгакова непосредственно восходит к роману «Бесы» (для Ф. Достоевского наполеоновская топика тоже весьма актуальна).

дит как искажённое прочтение французского написания фамилии поэта. «Антидвойник» агрессивен и ведёт себя фактически как дуэлянт «Дантес»: буквально «поднимает руку» (5, 73) на Пушкина, нападая на памятник. Но в аспекте параллелей с кульминационной сценой «Медного всадника» Рюхин ассоциируется с «бедным Евгением»¹; притом булгаковские формулы «чугунный человек», «металлический человек» перекликаются с названием пушкинской поэмы.

Вместе с тем давно отмечено, что в данной сцене присутствуют аллюзии на В. Маяковского: ситуация намекает на его стихотворение «Юбилейное» (1924), в котором лирический герой ночью на равных беседует с памятником Пушкину (точнее, с самим поэтом), гуляя с ним по Москве. Вспоминая отмеченное типологическое сходство памятников в двух булгаковских романах, можем сказать, что образу крестителя Владимира из «Белой гвардии» соответствует в «Мастере и Маргарите» подразумеваемый образ «нового Владимира», претендующего стать «новым Пушкиным». Кстати, подобная логика реализована в стихотворении Маяковского «Киев» (1924), где есть образы трёх «тёзок»: первый — поэт, изображённый стоящим «на горке на Владимирской» (наподобие памятника Св. Владимиру) и оглядывающим днепровскую панораму; второй — тот, чьим именем названа «горка»: «Плеть креста сжимает каменный святой»; третий — «не святой уже — другой, земной Владимир», то есть Ленин, который «крестит... железом и огнём декретов»². Один из «Владимиров» оказывается воплощением мифа древнего, другой олицетворяет современный миф, третий (лирический герой) на их фоне словно бы примеряет роль легендарной фигуры будущего.

Подлинная сущность поэта для Рюхина непостижима; по его мнению, Пушкина обессмертила лишь скандальная история дуэли: «Стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...» (5, 73). Слова о «белогвардейце» Дантесе, по наблюдению Б. Гаспарова³, отсылают к строкам «Юбилейного»:

Сукин сын Дантес!
Великосветский шкода.
Мы б его спросили:
— А ваши *кто* родители?

---

¹ Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. С. 59.

² Маяковский В.В. Полн. собр. соч. : В 13 т. Т. 6. М., 1957. С. 9—11.

³ Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. С. 34—35.

Чем вы занимались
до 17-го года? —
Только этого Дантеса бы и видели¹.

В понимании Рюхина «творцом» пушкинской славы явился Дантес (с которым ассоциируется сам Рюхин); булгаковский персонаж обретает черты лирического героя Маяковского — правда, в «брутальной» ипостаси, напоминающей, скорее, об эпатажных выходках 1910-х годов и ранних футуристических стихах (в отличие от них, в «Юбилейном» намечено если не буквальное, портретное сходство, то во всяком случае духовное единство лирического героя с Пушкиным). К числу подобных произведений относится, например, стихотворение «Я и Наполеон» (1915), лирический герой которого намерен «убить солнце», чтобы предотвратить войну. Соляные ассоциации в связи с Пушкиным были актуализированы сразу после его смерти² (сам Маяковский в 1920 году использует их в стихотворении «Необычайное приключение...», обыгрывая метафору «солнце поэзии»). Соответственно, поэт-бунтарь, собирающийся «убить солнце», закономерно предстаёт «Дантесом», к тому же страдающим манией величия, — вспомним, например, заявление лирического героя Маяковского:

Сегодня я — Наполеон!
Я полководец и больше.
Сравните:
я и — он!³

Как видим, «маяковские» ассоциации образа Рюхина приводят к гротескному «синтезу» Пушкина и Наполеона как адресатов «поэтической агрессии». Углублённый анализ сложного подтекста потребовал бы гораздо больше места. Но даже предварительные наблюдения убеждают в том, что объединение пушкинских и наполеоновских аллюзий, которое было характерно для раннего творчества Булгакова, продолжает сохранять актуальность и в его «закатном романе».

---

¹ *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 55.

² Кстати, работа над «Мастером и Маргаритой» шла «на фоне» Пушкинского юбилея 1937 года (в связи с которым Булгаков написал пьесу «Александр Пушкин»).

³ *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 73.

ЯМБУРГСКИЕ ПОТОМКИ А.П. ГАННИБАЛА

Почтовая станция Ям. Это короткое, «стреляющее» название при Петре I обрело иной вид: Ямбург. Так из сращения татарского *ям* (остановка) и немецкого *бург* (город) образовалось название русского города. Немецкое, вообще прибалтийское окончание *бург* было естественным — здесь пролегал путь к границам Новгородских земель, дальше за морями лежали «земли великие», как назвал Н.К. Рерих на одном из своих полотен дальние дали.

Почему Ямбург поменял своё историей проверенное название в 20-е годы XX века на имя эстонского коммуниста Кингисеппа, ничего доброго для городка не сделавшего, — сказать трудно. Но сохраним, однако, нашу память, память великих мук и побед петровских, военных споров XX века — и вернём звучное: Ямбург. Так он назывался и при Пушкине. Стоит город на берегах реки Луги, устремлённой к морю, простору, так манившему Петра I. Земли Полужья, связанные водными путями, а зимой санными, составили некоторое единство — единство схожей судьбы. Здесь жили из столетия в столетие одни и те же роды служилых землевладельцев. Чем ближе к Новгороду, тем славнее был род, тем значительнее его вклад в русскую историю. С возникновением Петербурга, с начала XVIII века, центр притяжения изменил своё место, а роды всё более мельчали и теряли память. Три века на высоком берегу реки Оредежь, близ впадения её в реку Лугу, держалось поместье Перечицы, принадлежавшее старшей ветви рода Пушкиных, — но сначала не стало мужского потомства, потом для диковатых, в глухомани выросших барышень, не находилось женихов. К 1830-м годам в селе Перечицы числится одна владелица, а ещё через десять лет появляются вовсе новые имена. Этот процесс шёл и шёл. Он тревожил, заставлял обдумывать пути России «умнейшего человека России», как назвал его Николай I, — Александра Пушкина. Он не раз по дороге в своё Михайловское проезжал эти Перечицы, а за лавиной через Оредежь лежали земли Неёловых — другого старого рода, тоже с Пушкиными породнённого: две дочери А.П. Ганнибала стали жёнами владельцев Перечиц и Заплотья — Елизавета вышла замуж за Андрея Павловича Пушкина (так первый раз соединился род Пушкиных с родом Ганнибалов), а Анна — за Се-

мёна Степановича Неёлова. Оба зятя А.П. Ганнибала были военными инженерами, его подчинёнными.

Река Луга соединяет перечицкие земли с ямбургскими, где в 1797 году двумя указами, один вослед другому, Павел I подарил деловому и добросовестному своему служащему А.К. Роткирху¹ огромный кусок болотистой, требующей любви к труду земли вдоль левого берега реки Луги. С 1792 года Роткирх состоял главноуправляющим Павловска. Адольф-Рейнхольд (Адольф Карлович), сын Карла Роткирха, происходил из нарвских шведов, но по-русски назывался Адам Карпович. Род Роткихов был известен в Прибалтике с XIII века. С XVIII века многие его представители стали служить России. Центром подаренных земель стало поместье Ново-Пятницкое с недавно построенной Михайло-Архангельской церковью.

В 1779—1780 годах Адам Карпович присмотрел для себя невесту — Софию, младшую дочь почтенного генерал-аншефа Абрама Ганнибала. Матерью девицы была полушведка-полунемка, и это сближало Роткирха с семейством Ганнибала — африканца, крестника Петра I, владельца жалованных и купленных земель. Венчались Адам и София через полгода после смерти её отца и вскоре получили свою долю имущества, но землю Ганнибал делил только между сыновьями, дочери получали деньги. Судья Софийского уезда Роткирх, отличавшийся честностью и старательностью, помимо судейской службы взял на себя труд стать управителем земель брата жены Петра Абрамовича Ганнибала, по службе своей отсутствовавшего. Роткирх жил тогда в его имении Елицы, близ Гатчины. У супругов Роткирхов родились два сына и четыре дочери. В 1792 году П.А. Ганнибал продал все свои земли под Петербургом, перебравшись под Псков. В тот же год Роткирх, назначенный главноуправляющим Павловска, получил в нём казённый дом, где и поселился со своим семейством. Внезапная смерть Адама Карповича в декабре 1797 года заставила вдову и детей переехать из Павловска, где его похоронили, в поместье Ново-Пятницкое.

Ещё в Павловске Адамом Карповичем писалась так называемая «Немецкая биография» А.П. Ганнибала, которая затем хранилась в Ново-Пятницком.

Подаренные Павлом I земли поделены были между всеми шестью наследниками. Софья Абрамовна пережила мужа только на пять лет и погребена была в специально выстроенной часовне на

¹ 30 декабря 1746 — 1 декабря 1797.

краю парка, в непосредственной близости к возведённому около 1780 года храму Михаила Архангела, отчего имение называли Михайловской мызой. Однако чаще именовали его Ново-Пятницкое. Казалось бы, название происходит от какого-то храма Параскевы Пятницы, но храма, этой святой посвящённого, там не было. Существует предание, что на месте имения было некогда пять изб и называли поселение Пятица. По отношению к этому поселению поместье стало называться Ново-Пятницкое. В немецких источниках родословия Роткирхов селение называется Путница. Возможно, что расположение имения при большой дороге на Нарву отразилось в этом названии. Ново-Пятницкое стало майоратным именем старшего сына Роткирхов Ивана Адамовича (1783—1832). Второй сын, Александр (1784—1806), умер в чине поручика, 22-х лет. Три из сестёр Роткирх назывались: Надежда (1782—1856), Любовь (1785—1855), Вера (1786—1812). Они повторили евангельский сюжет: «Вера, Надежда, Любовь и мать их София». Лютеранские имена им не были приданы, они окрещены были в православие, однако старший брат их имел и лютеранское имя Ганс-Христиан, а младшая сестра называлась Елизавета (Фелициана-Юлиана, 1790—1868). Все они доводились двоюродными сёстрами и братьями Надежде Осиповне, матери Пушкина. Владения Роткирхов поделены были следующим образом: Надежда, в замужестве Шемиот, получила Кайболово и Мельницу на реке Суме. Ивану Роткирху и его жене Христине-Елизавете, урождённой Вессель, досталось Ново-Пятницкое. Александру — Александрова Гора, ныне Горка, от него она перешла к А.Ф. Веймарну, мужу дочери Шемиотов. Любви (в первом браке Бельгард, во втором — Бибиковой) — Падога, Молосковицы. Вере Траубенберг — Калматка, Юркино, Жабино (последняя деревня была переименована в Верино). Елизавете Бистром досталась деревня на берегу реки Луги — Луцк (от слова излучина) и Старая Пятница, то есть место пяти изб.

Относительно общения потомков Роткирха с Пушкиными известно немного. В 1835 году Ольга Сергеевна, сестра поэта, пишет мужу Н.И. Павлищеву, что виделась со своей сестрой Надеждой Траубенберг, а прежде «я видела её только два раза в жизни; в 1821 году — у дяди Ивана Адамовича»¹. Тогда, в 1821 году, Ольга была в Нарве, восхищалась в письме к брату Александру Нарвским водопадом и романтиче-

---

¹ Письма Ольги Сергеевны Павлищевой к мужу и отцу. 1831—1837. СПб., 1994. С. 137.

ской стариной. Пушкин в Нарве не бывал. Что касается Ревеля-Таллина, то он собирался туда в 1827 году, но его планы изменились.

Особенной достопримечательностью села была великолепная церковь Михаила Архангела, схожая с Екатерининской в центре Ямбурга. Известно, что на этом же месте стояла деревянная, облик которой нам неизвестен. На высоком, довольно резко спускающемся к речке Падожке краю плато, на котором располагалась Михайловская церковь, был построен и господский дом. Мы не знаем, кто был заказчиком церкви и почему так послушно она повторяет облик Екатерининского собора. Вероятнее всего, она устраивалась в качестве поклонной, как то водилось в древнерусских городах, и своим обликом предупреждала появление большого городского собора. В данном случае всё было рассчитано на направлявшихся со стороны лютеранских земель путешественников.

Существует предание, подкреплённое современными раскопками, о том, что на этом месте стоял некогда монастырь, а на территории поместья были захоронены участники войны 1812 года. Кто были первые погребённые близ Михайловской церкви, сказать трудно.

В 1832 году не стало Ивана Адамовича. Дом перешёл к его сыну Владимиру (1809—1869), троюродному брату Пушкина. Владимир Иванович в середине XIX века строит новый дом красного кирпича в псевдоготическом стиле. В год смерти он написал завещание, оставив Ново-Пятницкое сыну двоюродной сестры Надежды Петровны Лелонг коллежскому асессору Константину Людвиговичу Лелонгу (1827—1886). Константин Лелонг был юристом. Юристом же был и его сын Владимир Константинович (1857—1904). Последний был судебным следователем Ямбургского уезда, затем служил в Белоруссии. Практически поместьем занималась его сестра Мария Константиновна Лелонг, в замужестве Карпинская (1859—1896), с братьями Борисом (1866 — застрелился после 1904) и Сергеем (1877 — после 1946), из которых первый был офицером, а второй, как и отец, юристом. Именно Сергею пришлось пережить в 1917 году разгром имения. Сначала ему разрешили учительствовать в бывшем его доме, потом он был выслан. След его теряется в Минске в 1947 году.

Между тем пространство возле Михайловской церкви в течение более чем ста лет заполнялось захоронениями членов семьи Роткирхов, дальними и близкими родными Пушкина. Церковь была снесена, а все памятники поломаны и засыпаны землей. Бочка с водой для

поливки овощей стоит на гранитном блоке с надписью о полковнике П.А. Шемиоте, герое 1812 года, муже Надежды, старшей дочери Адама Роткирха.

Восстановить в полной мере красоту и величие церкви и памятников, конечно, невозможно. Но над местом погребения поставить обелиск, увенчанный крестом, с именами двадцати двух родственников Пушкина, отремонтировать погибающий прекрасный дом, в эркере которого помещался кабинет, где хранилась и рукопись А. Роткирха «Биография А.П. Ганнибала» и неведомые нам другие исторические материалы, — дело вполне реальное. Существует уже и проект памятника, выполненный по идее А.Н. Белобородова архитектором В.В. Николаевым. Это обелиск высотой три с половиною метра, выполненный из камня с металлическим крестом. Предполагается, что помимо родственников Пушкина им будет отмечена память захороненных здесь воинов-инвалидов войны 1812 года, церковного причта и местных крестьян.

Ежегодно с 2001 года в апреле сюда на специальные чтения собирались жители города, учителя и сотрудники местной администрации, учёные из Петербурга. Но долгое время не мог решиться главный вопрос — о передаче усадьбы в ведение муниципальной власти. Только в 2012 году об этом была наконец достигнута договорённость при поддержке нового губернатора Ленинградской области А.Ю. Дрозденко.

Приложение 1

Потомство А.П. Ганнибала по линии его младшей дочери С.А. Ганнибал¹

I

- 1. Абрам Петрович Ганнибал.
- Ж. Христина Матвеевна Шеберх.

II

- 2/1. Софья Абрамовна Роткирх, урождённая Ганнибал (24.01.1759—21.09.1803).
- М. Адольф-Рейнхольд (Адам Карпович) (30.12.1746—01.12.1797, Павловск).

---

¹Роспись, заключающая в себе пять поколений потомков А.П. Ганнибала по линии младшей его дочери Софьи Абрамовны, доведена до уровня современных Пушкину родственников.

III

3/2. Надежда Адамовна (17.10.1782—06.07.1856).

М. С 1798 — Павел Леонтьевич Шемиот (1769—1859), полковник лейб-гвардии Кирасирского полка, с 1811 г. служил по выборам дворянства, участвовал в ополчении 1812 г., предводитель дворянства Ямбургского уезда (1827—1833).

4/2. Иван Адамович (22.08.1783—08.08.1832), провинциальный секретарь, заседатель в Ямбургском уездном суде, кавалер ордена Св. Владимира 4 ст.

Ж. Христина Христиновна фон Вессель (24.01.1791—27.08.1840).

5/2. Александр Адамович (7.09.1784—18.06.1806, Старый Быхов), воспитанник 1-го кадетского корпуса, прапорщик (1803), подпоручик (1805), поручик (1806).

6/2. Любовь Адамовна (07.10.1785—11.02.1856).

М. 1. С 1 мая 1806 — Пётр Петрович Бельгард д'Антремон, отставной майор, помещик с. Молосковницы Ямбургского уезда.

2. С июня 1810 — Дмитрий Григорьевич Бибииков (1800 — до 1833), майор, коллежский советник.

7/2. Вера Адамовна (14.12.1786—08.07.1812).

М. С 1802 — Александр Иванович Траубенберг (1780—1842), штаб-ротмистр лейб-кирасирского полка, с 1801 служил по выборам дворянства, ямбургский уездный судья, надворный советник, вторым браком женат с 1813 на баронессе Анастасии Ивановне Корф.

8/2. Елизавета (Фелициана) Адамовна (11.12.1790—29.09.1868).

М. С июля 1806 — Роман Иванович Бистром (04.04.1778 — янв. 1821), майор в отставке, надворный советник.

IV

9/3. Софья Павловна Шемиот (12.12.1798—1827).

М. С 1822 г. — Александр Фёдорович Веймарн (06.07.1791—12.04.1882), действительный тайный советник, кавалер орденов вплоть до ордена Св. Андрея Первозванного, сенатор.

10/3. Ольга Павловна Шемиот (01.01.1802—19.01.1879).

М. С 1830 — Александр Фёдорович Веймарн.

11/3. Валериан Павлович Шемиот (ок. 1806 — ?), капитан в отставке, дворянский заседатель в Ямбургском уезде.

Ж. Сельма-София-Вильгельмина Гомонбегель, дочь отставного подполковника шведской службы.

12/4. Владимир Иванович Роткирх (13.05.1809—11.12.1869), окончил Царскосельский благородный пансион, в службу вступил прапорщиком в лейб-гвардии Гренадерский полк (1828), уволен поручиком (1833), служил по выборам дворянства Ямбургского уезда, коллежский советник. Бездетен.

Ж. Розалия Федоровна Ферсман (16.08.1809 — 06.11.1906).

13/4. Александра Ивановна Роткирх (9.08.1811—08.02.1864). Девица.

- 14/4. Елизавета Ивановна Роткирх (11.03.1813—04.08.1855). Девица.
- 15/4. Антонина Ивановна Роткирх (20.01.1816—04.03.1837). Девица.
- 16/4. Надежда Петровна Беллегард де Антремон (1806—1868-1869).
М. Людвиг Карлович Лелонг, полковник в отставке (1872).
- 17/6. Михаил Дмитриевич Бибиков (10.03.1811—01.04.1879). Окончил Главное инженерное училище. Полковник. Уволен для определения к статским делам с переименованием в коллежские советники.
Ж. Ольга Андреевна Бестужева (1829—22.07.1891), дочь действительного статского советника Андрея Васильевича Бестужева.
- 18/6. Мария Дмитриевна Бибикова (23.04.1812—08.01.1835).
М. Николай Фёдорович Ломен (8.09.1802—12.03.1870), сын адмирала Ф.Я. Ломена. Окончил Морской кадетский корпус. Участник кругосветного плавания под командой А.П. Лазарева на шлюпе «Ладога» (1822—1824). Дослужился до капитан-лейтенанта, в 1842 г. назначен командиром 6-го рабочего экипажа с переименованием в подполковники. В 1858 г. уволен от службы с производством в генерал-майоры. Вторым браком женат на англичанке Елене Вильсон, от неё двое детей: Николай и Лев. Третьим браком женат на Констанции Богдановне Вульф, дети: Фёдор, Елена и Изабелла.
- 19/6. Аполлинария Дмитриевна Бибикова (ок. 1813 — 10.12.1843).
М. Филипп Алексеевич Карр (1812 — после 1853). Вышел в отставку подполковником (1853). Вторым браком был женат на Паулине Александровне Икскуль, дети: Софья и Пелагея. Третьим браком был женат на Анне Васильевне Венюковой, от которой имел сына Сергея.
- 20/7. Надежда Александровна Траубенберг (ок. 1806 — ?).
М. 1. Пётр Васильевич Логинов (1791—1849), действительный статский советник и кавалер нескольких русских и иностранных орденов.
2. Кудомцев.
- 21/7. Дарья Александровна Траубенберг (28.07.1797—27.08.1851).
М. С 30.11.1831 — барон Егор Ермолаевич Врангель (1803 — 2.10.1868), штабс-капитан, участник русско-турецкой войны и польской кампании, в 1833 определён к статским делам, дослужившись до чина статского советника, предводитель дворянства Ямбургского уезда (1855—1864).
- 22/7. Аполлон Александрович Траубенберг (16.12.1808—30.07.1869), окончил Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, дослужился до чина подполковника, земский исправник по Ямбургскому уезду.
Ж. С 22.01.1847 — Софья Карловна Берхман (4.11.1824—16.11.1873).
- 23/7. Константин Александрович Траубенберг (15.08.1810 — ?), умер младенцем.
- 24/8. Николай Романович Бистром (25.05.1806—02.09.1873), гвардии штаб-ротмистр.
Ж. С 1840 — Каролина-Ванда Кройц.
- 25/8. Ардальон Романович Бистром (28.07.1808—12.06.1883), окончил Пажеский корпус, дослужился до чина полковника. Холост.

26/8. Вера Романовна Бистром (25.05.1817—07.03.1840).
М. С 1835 — Николай Алексеевич Аршеневский (21.11.1812—14.10.1855, убит в Крымской войне на Малаховом кургане под Севастополем), окончил Пажеский корпус, убит в чине полковника.

V

27/9. Павел Александрович Веймарн (7.06.1823—1897), надворный советник, помещик деревень Беседа, Присницы, Шуговцы, служил по выборам дворянства Ямбургского уезда.

Ж. Надежда Ивановна Железнова (9.06.1830 — ?), дочь тайного советника Ивана Григорьевича Железнова.

28/9. Фёдор Александрович Веймарн (22.06.1824—04.07.1859), окончил Училище правоведения, коллежский ассессор, камер-юнкер.

Ж. С 1851 — Павла Васильевна Зиновьева (10.12.1815 — ?), дочь тайного советника Василия Николаевича Зиновьева, окончила Смольный институт.

29/9. Надежда Александровна Веймарн (11.08.1825—1904).

М. С 06.02.1846 — Иван Фёдорович Блок (14.02.1814—07.11.1848), служил в гвардейской кавалерии, поручиком вышел в отставку.

30/9. Александр Александрович Веймарн (17.04.1827—1888), окончил Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, поручик.

Ж. С 1863 — Надежда Александровна Людерс (1838—1895).

31/10. Софья Александровна Веймарн (27.06.1830—20.03.1903), от второго брака отца.

М. С 15.01.1850 — Дмитрий Васильевич Зиновьев (26.07.1822—14.09.1904), ротмистр гвардейской кавалерии, надворный советник.

32/10. Ольга Александровна Веймарн (1831—1833).

33/10. Платон Александрович Веймарн (26.01.1834—18.05.1893), окончил Пажеский корпус, дослужился до чина генерал-лейтенанта.

Ж. Анисья Григорьевна Игнатъева (1832—14.04.1914).

34/10. Лидия Александровна Веймарн (1849—1918).

М. Князь Владимир Владимирович Оболенский.

35/16. Константин Людвигович Лелонг (ок. 1827 — 17.05.1886), коллежский ассессор, служил по выборам в Ямбургском уезде.

Ж. Екатерина Александровна Сутгоф.

36/16. Любовь Людвиговна Лелонг (1828 — ?).

М. С 03.07.1849 — Август Гаврилович Норден (ок. 1816 — ?), окончил Дерптский университет, дослужился до чина действит. статского советника.

37/16. Аполлинария Людвиговна Лелонг.

М. Парчевский.

38/16. Ардальон Людвигович Лелонг (ок. 1833).

Ж. Соловова Анна Кузминична.

39/17. Андрей Михайлович Бибиков (14.01.1852—07.03.1890), служил в армейской пехоте, дослужился до чина штабс-капитана. Холост.

- 40/17. Екатерина Михайловна Бибикина (08.02.1853—10.04.1910).
М. Граф Павел Артурович Келлер.
- 41/18. Дмитрий Николаевич Ломен (29.01.1833—29.06.1853), окончил Морской кадетский корпус. Мичман.
- 42/18. Василий Николаевич Ломен (08.01.1835—08.07.1835).
- 43/18. Фёдор Николаевич Ломен (08.01.1835—08.07.1842).
- 44/19. Аполлинария Филипповна Карр (06.12.1843 — ?).
- 45/19. Мария Филипповна Карр (06.12.1843 — ?).
- 46/20. Алевтина Петровна Логинова (ок. 1825 — ?).
М. Щербаков, подпоручик.
- 47/20. Надежда Петровна Логинова (25.08.1837 — ?).
- 48/20. Мария Петровна Логинова (ок. 1839 — ?).
- 49/20. Александр Петрович Логинов (01.08.1840 — ?).
Ж. Мария Эдуардовна Сутгоф.
- 50/20. Пётр Петрович Логинов (24.04.1842—06.02.1910), генерал-майор по пехоте.
Ж. Наталья Дмитриевна Блавацкая.
- 51/21. Александр Егорович Врангель (23.03.1833—12.09.1915), окончил Александровский Лицей, камергер, тайный советник, чрезвычайный посланник и полномочный министр в Саксонии.
Ж. Анна Николаевна Шауфгаузен Шенбург фон Шауфус.
- 52/21. Вера Егоровна Врангель (03.09.1835—20.04.1915), сестра милосердия.
- 53/21. Михаил Егорович Врангель (29.12.1836—02.10.1899), окончил Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, генерал-майор, помещик с. Торосово Ямбургского уезда.
Ж. С 06.05.1867 — баронесса Шарлота Павловна Корф (ум. 1919), фрейлина.
- 54/21. Анастасия Егоровна Врангель (18.03.1838 — ?).
М. Алексей Евгеньевич Мандерштерн (10.03.1834—1883), служил в гвардейской кавалерии до чина поручика, позднее действит. статский советник.
- 55/21. Георгий Егорович Врангель (03.09.1842 — ?), дослужился до лейб-гвардии ротмистра.
Ж. С 1872 — княжна Варвара Григорьевна Голицына.
- 56/21. Дарья Егоровна Врангель (02.04.1844—1914).
М. Пётр Михайлович Обухов (ум. 1886), отставной ротмистр.
- 57/21. Николай Егорович Врангель (08.07.1847—1923), доктор философии, промышленник, коллекционер произведений искусства. Отец искусствоведа Николая Николаевича Врангеля и генерала Петра Николаевича Врангеля.
Ж. С 02.07.1878 — Мария Дмитриевна Дементьева (1856—1944).
- 58/22. Леонид Аполлонович Траубенберг (29.12.1847—17.07.1872).
- 59/22. Константин Аполлонович Рауш фон Траубенберг (11.01.1849—1919), окончил юридический факультет Московского университета, действительный статский советник.

Ж. С 28.01.1877 — Александра-Екатерина фон Ралль.
60/22. Александра Аполлоновна Рауш фон Траубенберг (04.10.1851—
19.06.1904).
61/22. Михаил Аполлонович Рауш фон Траубенберг (1861—1905).
Ж. Екатерина Константиновна Жандр.
62/26. Роман Николаевич Аршеневский (04.04.1836 — ?), надворный совет-
ник, присяжный поверенный.
Ж. С 17.04.1860 — Екатерина Константиновна Гаттенберген.
63/26. Ольга Николаевна Аршеневская (1838 — ?).
М. Константин Александрович Охременко, статский советник.

Приложение 2

Список погребённых в Ново-Пятницком потомков А.П. Ганнибала

1. Софья Абрамовна Ганнибал (24.01.1759—21.09.1803).
2. Надежда Адамовна Шемиот, урождённая Роткирх.
3. Павел Леонтьевич Шемиот (1769—02.03.1859).
4. Иван Адамович Роткирх (22.08.1783—08.08.1832).
5. Христина Христиановна Роткирх, урождённая Вессель (24.01.1791—
27.08.1840).
6. Любовь Адамовна Бибикова, в первом браке Беллегард д'Антремон, уро-
ждённая Роткирх (07.10.1785—11.02.1855).
7. Дмитрий Григорьевич Бибиков (1780—1832).
8. Вера Адамовна Траубенберг, урождённая Роткирх (14.12.1786—
08.07.1812).
9. Елизавета (Фелициана) Адамовна Бистром, урождённая Роткирх
(11.12.1780—20.09.1868).
10. Владимир Иванович Роткирх (18.05.1809—11.12.1869).
11. Александра Ивановна Роткирх (09.08.1811—8.1864).
12. Елизавета Ивановна Роткирх (11.03.1813—04.1866).
13. Антонина Ивановна Роткирх (20.01.1816—04.03.1837).
14. Аполлон Александрович Траубенберг (16.12.1808—30.07.1869).
15. Софья Карловна Траубенберг, урождённая Берхман (04.11.1824—
16.11.1873), жена Аполлона Александровича Траубенберга.
16. Ардальон Романович Бистром (28.07.1808—12.07.1883).
17. Вера Романовна Бистром (25.05.1817—07.03.1840).
18. Александра Аполлоновна Рауш фон Траубенберг (04.10.1851—
13.06.1904).
19. Мария Константиновна Карпинская, урождённая Лелонг (1860—1896).
20. Владимир Константинович Лелонг (29.01.1857—02.09.1904).
21. Нина Константиновна Рауш фон Траубенберг (1862—1896).
22. Константин Августович Норден (04.08.1851—11.11.1858).

ЭФФЕКТ ИМЕННОГО КОЛЬЦЕВАНИЯ НЕКОТОРЫХ СЮЖЕТОВ А.С. ПУШКИНА

В.В. Розанов как-то обронил (по поводу создания Пушкинской Академии) свою оценку творчества Пушкина: «Циклос», «круг» его созданий сам по себе, без отношения к историческому народному движению, вполне способен насытить человека и дать ему прожить собою всю жизнь»¹.

В теории литературы существует термин, равноценный русскому слову «кольцо»: *prosapodosis*, то есть «повтор слова (или группы слов) в начале и конце одного и того же стиха или колона: «Мутно небо, ночь мутна» (А.С. Пушкин)»².

Примером может стать и пресловутое корыто в пушкинской «Сказке о рыбаке и рыбке». Думается, что нечто зеркально-кольцевое мы встречаем и в романе «Евгений Онегин»: письмо Татьяны и отказ, затем письмо Онегина и тоже отказ. Ведь прав был М.О. Гершензон, заметивший, что «Весь роман есть собственно история двух встреч Татьяны и Онегина — в саду и в гостиной»³.

В.Б. Шкловский это явление назвал параллелизмом и объяснил его пародийным влиянием Лоуренса Стерна: «Пушкин ясно осознавал основной сюжет своего романа и подчёркивал его схематичность симметрией. Татьяна пишет письмо Онегину, он приходит к ней и читает ей нотацию. Это первый момент. Второй момент — Онегин видит Татьяну и пишет ей письмо, приходит к ней, она читает ему нотацию:

Сегодня очередь моя.

Как в письмах Татьяны к Онегину и Онегина к Татьяне, так и в их речах друг к другу есть ряд параллельных моментов»⁴.

Ю.К. Олеша очень тонко заметил своеобразную игру звуков в именах у Пушкина:

«При одном счастливом прочтении строчек

---

¹ *Розанов В.В.* О Пушкинской Академии // А.С. Пушкин: pro et contra : В 2 т. Т. I. СПб., 2000. С. 362.

² Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 307.

³ *Гершензон М.О.* Мудрость Пушкина // А.С. Пушкин: pro et contra. С. 428.

⁴ *Шкловский В.Б.* «Евгений Онегин» (Пушкин и Стерн) // А.С. Пушкин: pro et contra. С. 497.

Там упоительный Россини
Европы баловень, Орфей!

я заметил, что слово «Орфей» есть в довольно сильной степени обратное чтение слова «Европы». В самом деле, «евро», прочитанное с конца, даст «орве», а ведь это почти «орфе»!

Таким образом, в строчку, начинающуюся со слова «Европы» и кончающуюся словом «Орфей», как бы вставлено зеркало!»¹. И уж если дать транскрипцию, то не совпадут только *в* и *ф*: jevro — orfej, так что это действительно повтор начала в конце, да ещё зеркальный!

Поэтому для Пушкина можно считать данный приём, казалось бы, обычным в его творчестве. Однако довольно необычно выглядит, на первый взгляд, композиция повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка» из цикла «Повести Белкина». И вовсе не с точки зрения архитектоники повести. Очень интересно здесь расставлены акценты имён персонажей. Например, имя Акулина начинает и завершает круг женских имён повести. Уже в самом начале повести автор говорит об адресе мнимой любви Алексея Берестова, списанном, видимо, «благородной» рукой очередного почтмейстера типа гоголевского Ивана Кузмича Шпекина с письма этого молодого человека (желанного жениха для уездных девиц!) и размноженном сонмом заинтересованных барышень: «*Акулине Петровне Курочкиной, в Москве, напротив Алексеевского монастыря, в доме медника Савельева, а вас покорнейше прошу доставить письмо сие А. Н. Р.*» (VIII, 110). Кто такая А. Н. Р. — в тексте так и не выясняется, однако Лиза Муромская (девица на выданьи!) берёт на вооружение имя (случайно ли?) Акулина: «Как тебя зовут, душа моя?» — «Акулиной», отвечала Лиза, стараясь освободить свои пальцы от руки Алексеевой» (VIII, 115). Лиза назвала, казалось бы, первое попавшее ей на ум имя, характерное для крестьянок. И действительно, имя это во времена Пушкина уже совсем стало крестьянским. Поэтому оно гармонично вошло в народные песни. Вот фрагмент такой песни:

Ехали ребята из Новагорода,
Красная девица на улице была...
Стал её молодец выпрашивать,
«Как тебя, девица, по имени зовут?»
«Дед крестил — Акулина имя дал».

---

¹ Олеша Ю.К. Книга прощания. М., 1999. С. 361.

«Акулина душечка! Ты радость, жизнь моя!
Я тебя люблю, за себя замуж возьму...»¹

И всё же по всему видно, что где-то в подсознании Лизы Муромской сидел уже тот самый злосчастный адресок. Но вот завершается повесть тем же именем, хотя, казалось бы, всё выяснилось. Вопреки всему Алексею Берестов, даже уже осознавший, что его Акулина — это Елизавета Муромская, всё же упорно продолжает называть её Акулиной: «Он бросился её удерживать. «Акулина, Акулина!..» Лиза старалась от него освободиться... «*Mais laissez-moi donc, monsieur; mais êtes-vous fou?*» — повторяла она, отворачиваясь. «Акулина! друг мой, Акулина!» — повторял он, цалуя её руки» (VIII, 124).

Этот же факт подметил ранее А. Слонимский, но дал ему собственную оценку: «Увидев потом Лизу в обычном наряде, он продолжает твердить милое для него имя Акулины. В этой сцене «узнавания» сказано пушкинское понимание человеческого сердца: когда мы любим, то нам дорого и мило самое имя. Имя прирастает к человеку, и можно быть уверенным, что в семейной жизни Лиза надолго останется Акулиной»².

Имя же Лиза тоже выбрано Пушкиным далеко не случайно — оно корреспондирует с «Бедной Лизой» Н.М. Карамзина. Кроме того, необходимо отметить, что двойное имя Лизы Муромской позволяет ей продвигаться в авантюре с подставным именем «по кольцу»: от крестьянки Акулины до Елизаветы (истинно королевское имя!) и в обратном направлении.

А в повести «Метель» из того же цикла уже не имя окольцовывает композицию, а само обручальное кольцо! Сюжет начинается с бракосочетания (то есть с обручального кольца) и заканчивается, хотя и не столь очевидным, но ожидаемым бракосочетанием. Будущий муж Марии Гавриловны, с которым она по ошибке обвенчалась, — раненый на войне 1812 года гусарский полковник Бурмин предлагает ей руку и сердце, обретая взаимность. Показательно, что у него в повести нет ни имени, ни отчества. Правда, находятся литературоведы, которые дают Бурмину имя настоящего жениха — Владимир. К сожалению, даже в юбилейном издании «Повестей Белкина», подготовленном ИМЛИ, обнаружилась публикация с характерной для литературоведов тенденцией — к собственной трактовке Пушкина, сильно отличающейся от пуш-

¹ Полный русский народный песенник. М., 1876. С. 7.

² Слонимский А. Мастерство Пушкина. М., 1963. С. 518.

кинской. Желая показать в очень недобром свете Марию Гавриловну, И.Л. Попова намеренно делает из этой чистой девушки хищницу, вышедшую на ловлю супруга: «В полутьме жадринской церкви, впервые взглянув на того, с кем была уже обвенчана, и вскричав: «Ай, не он! не он!» — она увидела рядом с собой вместо ожидаемого Владимира Николаевича другого своего соседа — Бурмина, которого, как нетрудно догадаться, тоже звали Владимиром, в противном случае обряд венчания Владимира и Марии, совершённый над ним и Марьей Гавриловной жадринским священником, попросту не имел бы силы»¹. А поскольку принимается таковая трактовка, то литературовед заранее готовит почву для свершения «злого замысла» Марьи Гавриловны, перевирая замысел Пушкина: «Отъезд из Ненарадова, казалось бы, навсегда разлучал её как с несчастным женихом, так и с неизвестным мужем. Впрочем, последнее обстоятельство, уже не раз отмеченное, нуждается в небольшом уточнении. Отъезд из Ненарадова лишил Марью Гавриловну последней надежды на встречу с мужем, только если бы муж, спустя годы, вознамерился отыскать в окрестностях Жадрина свою несчастную жену. Если же жена, не питая напрасных иллюзий, сама решила бы искать с ним встречи, то ей как раз следовало перебраться в *** имение, поближе к его поместьям. Марья Гавриловна так и поступила. И, как впоследствии выяснилось, была права — сам Бурмин, как следует из его признания, некогда бы её не нашёл»². Более того, облекая образ Марьи Гавриловны в жёсткие, по-бабьи прагматические одежды, литературовед, ничтоже сумняшеся, исходя из своего ничем не подкреплённого постулата о двух Владимирях, по-своему перекраивает семантику пушкинского текста: «Коль скоро обоих женихов звали одинаково (У Пушкина этого нет! — Г.К.), следует ещё раз перечитать ту часть повести, в которой говорится об обстоятельствах, предшествовавших переезду Марьи Гавриловны из Ненарадова в *** поместье: «Она никогда не упоминала о Владимире. Несколько месяцев уже спустя, нашёл имя его в числе отличившихся и тяжело раненных под Бородиным, она упала в обморок, и боялись, чтоб горячка её не возвратилась». Читая повесть впервые, то есть не подозревая ещё ни о роли Бурмина, ни о самом его существовании, совершенно ясно, что в числе отличившихся и тяжело раненных под Бородином Марья Гавриловна обнаружила имя своего жениха, бедного Владимира

¹ Попова И.Л. Смех и слёзы в «Повестях Белкина» // Пушкин А.С. Повести Белкина. М., 1999. С. 487.

² Там же. С. 486—487.

Николаевича, тем более дальше... уже после сообщения о переезде в *** поместье, говорится о смерти его «в Москве, накануне вступления французов». Однако появление, пусть и через три года, в *** поместье раненого гусарского полковника Бурмина с Георгием в петлице наводит на мысль, что в том списке Марья Гавриловна нашла не только Владимира Николаевича, но и Владимира же Бурмина»¹. А далее совершенно святотатственный по отношению к пушкинской героине вывод: «По-видимому, только беспокойство о муже могло заставить её переехать в *** губернию столь поспешно, не дожидаясь известия о судьбе несчастного жениха, память о котором впоследствии, как казалось, была для неё священна»². Напрашиваются вопросы: почему это И.Л. Попова предполагает, что и Владимир, и Бурмин были оба ранены под Бородино? Ведь Бурмин приехал раненым лишь через три года после смерти Владимира! И как увязать то, что, согласно И.Л. Поповой, Марья Гавриловна уже знала своего соседа «Владимира» Бурмина до венчания, но не узнала его ни в момент венчания, ни после? Вот так, с помощью натяжек, в академическом издании были опубликованы не научно обоснованные выводы, а обычные пересуды.

В черновых вариантах фамилия Бурмина, взбурлившего сюжет повести, выглядела как Бурлин. С чем же тогда связана фамилия Бурмин? Литературовед В. Шмид рассуждал по этому поводу следующим образом: «Во-первых, Бурмин, в имени которого скрывается слово «буря», кажется орудием судьбы, олицетворённой в зимней стихии»³. И поясняет: «Дело здесь, разумеется, не в этимологической связи. Показательно, что герой в рукописном варианте при первом своём появлении носит фамилию Бурлин, происходящую от слова «бурлить», которое является, в конечном счёте, производным от слова «буря»⁴. Конечно же, А.С. Пушкин сначала нашёл фамилию, говорящую о молодом, ещё бурлящем характере персонажа, но дальше ему потребовалось уйти от этой характеристичности. Может быть, фамилия Бурмин связана со словом «бурма», обозначающим, по В.И. Далю, самый дешёвый сорт табака? А может быть, прав Ю.А. Карпенко, дающий своё толкование: «Бурминским зерном» в старину называли крупную жемчужину правильной формы. Возможно, имелась в виду долгожданная награда, полученная

¹ Попова И.Л. Смех и слёзы в «Повестях Белкина». С. 487.

² Там же. С. 487—488.

³ Шмид В. Проза как поэзия : Пушкин. Достоевский. Чехов. Авангард. СПб., 1998. С. 74.

⁴ Там же.

долготерпеливой Марьей Гавриловной»¹. В словаре Н.М. Тупикова мы находим близкое имя: «Якуш Бурма, крестьянин Болчинского пог. 1539»². Кроме того, в Рязанской области есть и село Бурмино.

Однако мы полагаем, что фамилия эта возникла в творческом ономастиконе Пушкина совсем не случайно. Она «продиктована» пребыванием поэта в Молдавии. Именно здесь, в Кишинёве, поэт общался с Ф.И. Недобой, секретарём российского представительства в Сербии во время Первого сербского восстания, познакомился с представителями сербской диаспоры, в частности с семьёй вождя сербского восстания (1813) Карагеоргия. Сам Карагеоргий был убит в 1817 году, но в Кишинёве жила его вдова, три дочери и два сына. У них Пушкин жадно выпрашивал о фольклоре и об истории сербского народа, чтобы создать якобы перевод сборника сербских песен «Гузла» («La Guzla», 1827), изданный на французском языке в Париже Проспером Мериме.

Известный сербский писатель Милорад Павич, как нам кажется, абсолютно верно описал круг сербов, общение с которыми могло дать толчок к созданию знаменитых пушкинских «Песен западных славян». Это, кроме семьи Карагеоргия, его воеводы И. Рашкович и Цинцар-Янко. Это сербский литератор Стефан Живкович, с которым Пушкин встречался в доме И.П. Липранди. От Живковича уже идёт линия к Вуку Караджичу, приехавшему в 1819 году в Петербург³. С. Живкович распространял его книги, возможно, сборник В. Караджича, который сохранился в библиотеке Пушкина, был получен именно от Живковича. В библиотеке поэта имелись словарь сербского языка, составленный Караджичем (1818), три тома его собрания народных песен издания 1823—1824 годов⁴. Скорее всего, из всех этих источников и появилась фамилия Бурмин⁵. Она, очевидно, образована от сербского слова «бурма», которое для сюжета повести несёт главное значение: по-сербски «бурма» — не

¹ Карпенко Ю.А. Пушкинский ономастикон. «Повести Белкина» // Русское языкознание. Киев, 1981. № 2. С. 85.

² Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903. Репринт: М., 2005. С. 71.

³ См.: Павић М. Пушкинове «Српске песме» // Срби у Руској империји. Београд, 1995.

⁴ Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина. СПб., 1910. С. 261, 343.

⁵ Подробнее см.: Ковалёв Г.Ф. О возможности сербского происхождения фамилии Бурмин в «Метели» А.С. Пушкина // Сборник Матице Српске за славистику. Нови Сад, 2009. Св. 72, с. 119—120.

просто кольцо («колут»), а именно обручальное кольцо¹. Причём значение это перешло и в македонский язык², а устаревшее значение этого слова сохранилось как основное в болгарском языке: «бурма» — винт, шуруп, гайка, то есть символ прочного соединения³. Слово это происходит от турецкого глагола «бурмак» — заворачивать, вертеть по кругу⁴.

Откуда же у Пушкина такая страсть к кольцу? Ну, во-первых, африканское происхождение тяготело над поэтом: он любил носить перстни и кольца, почти так как любят это женщины. Но получилось, что на его руку выпал особый перстень — загадочный перстень, который подарила ему супруга новороссийского генерал-губернатора, князя М.С. Воронцова, красавица Елизавета Ксаверьевна, предмет его страсти в одесский период. Пушкин верил в чудодейственную силу камня и называл этот перстень своим талисманом.

Вполне возможно, что ассоциации с этим перстнем повлияли на творческие нюансы в ряде произведений А.С. Пушкина

---

¹ Толстой И.И. Сербско-хорватский словарь. М., 1976. С. 43.

² Мургоски З. Толковен речник на македонски јазик. Скопје, 2004. С. 64.

³ Бернштейн С.Б. Болгарско-русский словарь. М., 1975. С. 49.

⁴ Корча М. Македонско-турски, турско-македонски речник. Скопје, 2005. С. 280.

ПУШКИНСКИЙ «ТЕКСТ РУКОДЕЛИЯ»: СУДЬБА — ТВОРЧЕСТВО — ИСТОРИЯ

Человек за рукоделием — модель, достаточно распространённая в мифологии, фольклоре и авторских текстах.

Согласно одному из апокрифов, Дева Мария выткала завесу из пурпура для Иерусалимского храма. Сидя за прялкой, Дева Мария увидела ангела, который принёс ей *благовест*.

Ткала покрывало Пенелопа, вышивала рушники Марья-искусница, Царевна-лягушка «руководила» изготовлением «мамками-няньками» ковра для царя.

Рукоделием занимались и царственные персоны более поздних авторских художественных произведений. Например, вышивала скрибовская «уступчивая» британская королева Анна («Стакан воды, или Следствия и причины»). Пряла гётевская Гретхен в «Фаусте (по крайней мере сидела «за прялкой»).

В «Анне Карениной» Л.Н. Толстого героини неоднократно прибегают к рукоделию. В «тяжёлые минуты» бралась «за одеяло» (за изготовление одеяла) Долли, «недружелюбным взглядом» смотрела на своё вязание Анна Каренина, «решительно» вяжет перед родами Кити. Часто возвращается к образу рукоделия Ф.М. Достоевский в романе «Бедные люди», где героиня готовится к свадьбе, и приготовления к этому нерадостному для неё событию представлены в том числе и через детали, относящиеся к изготовлению наряда невесты.

Очевидно, что во всех приведённых примерах (их список, разумеется, далеко не полон) раскрывается характер персонажей, их состояние в определённый момент жизни, а также прогнозируется их судьба и, соответственно, очередной сюжетный «шаг».

Таким образом, рукоделие является *знаком* (наряду с другими знаками, например, бальной мазуркой), указывающим на ключевые моменты в развитии характера и конфликта произведения.

А.С. Пушкин также довольно часто вводит в ткань своих произведений образ «рукоделия», «ручной работы».

Начнём с того, что Пушкин не раз обращается к образу Парки (на самом деле, их, как известно, три: Клото прядёт нить жизни, Лахесис проводит её через препоны судьбы, Антропос — неотвратимая — об-

рывает нить жизни). Впервые — в 1814 году в «Опытности»: «И покамест жизни нить / Старой Паркой там прядётся...» (I, 52); в 1827 году — в наброске «Если звание любителя отечественной литературы...»: «...надеясь быть полезен любезным моим соотечественникам, пока неумолимые Парки прядут ещё нить жизни, как говорит г. Ф.<илимонов> в одн<ом> трогат<ельном> газетном объявлении о поступившей в продажу книжке своего сочинения» (XI, 63); затем в «Стихах, сочинённых ночью во время бессонницы» (1830): «Парки бабье лепетанье, / Спящей ночи трепетанье, / Жизни мышья беготня... / Что тревожишь ты меня?» (III, 250). Наконец, в 1835 году в «Оде» LVI («Из Анакреона»): «Сладкой жизни мне немного / Провожать осталось дней: / Парка счёт ведёт им строго, / Тартар тени ждёт моей...» (III, 374).

Приведённые строки подчёркивают актуальность образа Парки для Пушкина.

Можно привести ещё ряд примеров, когда Пушкин вводит образ «рукоделия» при изображении бега времени. Так, прядёт пушкинская няня в стихотворении «Зимний вечер»: «Или дремлешь под жужжаньем / Своего веретена» (II, 439). Эта же героиня в стихотворении «Няне» вяжет: «И медлят поминутно спицы / В твоих наморщенных руках...» (III, 33).

Иногда пушкинские героини готовят для себя новую одежду, что предсказывает скорые перемены в их судьбе. Шьёт себе платье Дуня перед приездом Минского: «...однажды, в зимний вечер, когда смотритель разлинёвывал новую книгу, а дочь его за перегородкой шила себе платье, тройка подъехала...» (VIII, 100). Л.В. Гайворонская отмечает, что «героиня повести «шила себе платье» в канун пятницы, когда приехал гусар. Свою работу Дуня не бросает и на следующий день (в пятницу!), как будто торопясь во что бы то ни стало закончить новое платье (может статься, для новой жизни) и невольно приготавливая этим действием своё превращение из простой бедной девушки в «прекрасную барыню»¹.

Параскева Пятница, как известно, — чтимая святая, покровительница женщин, помогающая им вести домашние дела: шить, вязать и так далее. Л.В. Гайворонская видит сходство Дуни и Параша («Домик в Коломне»), так как последняя умела «шить и плестъ» (в отличие от

---

¹ Гайворонская Л.В. Ещё раз о фольклорных и евангельских мотивах в «Станционном смотрителе» А.С. Пушкина // Филологические записки. Вып. 23. Воронеж, 2005. С. 263.

Мавры, которая (который) «шить сядет – не умеет взять иголку»). Параша (ср. её имя с именем Параскевы Пятницы) из «Домика в Коломне» не только умела «плести» в прямом смысле слова. Она также была мастерица «плести интриги» (что актуально и для семантики «судьбы», и для сюжета поэмы, любовная интрига в котором занимает центральное место)¹. Мать Параша связывает возможное воровство Мавруши, по известной причине отказавшейся идти в церковь, с новостью, с «обновкой»: «Не вздумала ль она нас обокрасть / Да улизнуть? Вот будем мы с обновкой / Для праздника! Ахти, какая страсть!» (V, 92). «Старушка обмирает от мнимой возможности лишиться сокровищ — нарядов»², и опять повороты судьбы у Пушкина связаны с обновлением гардероба, хотя в данном случае иносказательно.

«Вся девичья» шьёт Лизе («Барышня-крестьянка») рубашку и сарафан, а пастух Трофим плетёт ей лапти перед встречей с Алексеем: «На другой же день приступила она к исполнению своего плана, послала купить на базаре толстого полотна, синей китайки и медных пуговиц, с помощью Насти скроила себе рубашку и сарафан... <...> Трофим, проходя перед Настей, отдал ей маленькие пёстрые лапти и получил от неё полтину в награждение» (VIII, 113).

В «Пиковой даме» Лизавета Ивановна работает «в пальцах» (и об этом говорится неоднократно, что указывает на важность этого действия) перед тем, как в её жизни произойдёт важное событие, а в произведении завершится завязка сюжета. «У окошка сидела за пальцами барышня...» (VIII, 231); «Вскоре на одной стороне улицы из-за угольного дома показался молодой офицер. Румянец покрыл её щёки: она принялась опять за работу, и наклонила голову над самой канвою. <...> Лизанька встала из-за пальцев и стала убирать свою работу» (VIII, 232); «...однажды Лизавета Ивановна, сидя под окошком за пальцами, нечаянно взглянула на улицу и увидела молодого инженера, стоящего неподвижно и устремившего глаза к её окошку. <...> Она встала, начала убирать свои пальцы, и, взглянув нечаянно на улицу, опять увидела офицера» (VIII, 234); «Сидя на своём месте за работой, она чувствовала его приближение, — подымала голову, смотрела на него с каждым днём более и более» (VIII, 235); «На другой день, увидя идущего Германна, Лизавета Ивановна встала из-за пальцев, вышла в залу, отворила форточку и бросила письмо на улицу...» (VIII, 238). Создаётся впечатление,

¹ Там же.

² Там же. С. 264.

что пальцы служат до определённого момента защитой, границей, отделявшей Лизавету Ивановну от роковых обстоятельств. Они в данном случае — залог покоя (статичности), знак вынужденного, но «безопасного» времяпрепровождения бедной воспитанницы.

В «Сказке о царе Салтане...» героини прядут: «Три девицы под окном / Пряли поздно вечерком...», а одна из них готова наткать полотна «на весь... мир» (III, 506).

В пушкинском «Рославле» «текст рукоделия» представлен в отрицательном контексте. Героиня (Полина) на замечание подруги («женщины на войну не ходят») с возмущением говорит: «Стыдись... разве женщины не имеют отечества? разве нет у них отцов, братьев, мужёв? Разве кровь русская для нас чужда? Или ты полагаешь, что мы рождены для того только, что б нас на бале вертели в экосезах, а дома заставляли вышивать по канве собачек?» (VIII, 153).

Вышивает в пальцах Марья Кириловна Троекурова («Дубровский»), но «она не путалась шелками, подобно любовнице Конрада, которая в любовной рассеянности вышила розу зелёным шёлком. Под её иглой канва повторяла безошибочно узоры подлинника, несмотря на то её мысли не следовали за работой, они были далеко» (VIII, 210).

В данном случае интересны интертекстуальные отношения, которые отчасти проясняют чувства пушкинской героини (в сравнении с персонажем А. Мицкевича из поэмы «Конрад Валленрод», где любовница Конрада действительно вышила розу зелёным, а листья красным шёлком). Марья Кириловна не «путалась шелками» и не вышла замуж за Дубровского, более того, у несчастной Марьи Кириловны Дубровский хотя и оказался на «первом месте», но после некоторых колебаний: «Нет, нет, — повторяла она в отчаянии, — лучше умереть, лучше в монастырь, лучше пойду за Дубровского» (VIII, 211). Таковы законы реалистического искусства, предполагающие неоднозначное изображение чувств: их «текучесть», изменчивость и непредсказуемость.

В «отрицательном» варианте «модуса сотворения» (Р. Якобсон) — несвершения — находится и «молодая калмычка, собою очень недурная», которая «шила, куря табак» («Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года»). Шила она, как известно, «портка... <...> себя» (для себя). Автор бежал от «степной Цирцеи» («Калмыкское кокетство испугало меня...»), а «чай с бараньим жиром и солью», которым она его угостила, напомнил о чародейке и, по некоторым сведениям, отравительнице Цирцее. Налицо ряд чужеродных признаков, исключających

общение и симпатию: молодая женщина шьёт «портка» (портки), да ещё и для себя! Угощение представляет собой чай с бараньим жиром и солью, и эта «народная кухня» была настолько чужда европейцу, что показалась ему гадкой. Заесть пришлось кусочком «сушёной кобылятины», что также не удовлетворяло гастрономических потребностей гостя из Петербурга, хотя он «был и тому рад» (VIII, 447). Как видно, текст «рукоделия» интерферирует с текстом «приготовления пищи»¹.

Иногда изображение работы за пальцами — знак прилежания, женского обаятельного образа, вызывающего восхищение и любовь: «Когда за пальцами прилежно / Сидите вы, склонясь небрежно, / Глаза и кудри опустя, — / Я в умиленьи, молча, нежно / Любуюсь вами, как дитя!..» (III, 28). Однако порой отсутствие интереса к рукоделию — знак исключительности, нетривиальности, так как рукоделие — типичное женское занятие, как игра на фортепиано или пение (вне зависимости от способностей это делать). Посему *незанятие* Татьяны Лариной рукоделием — это её характеристика как личности, непохожей на других: «Её изнеженные пальцы / Не знали игл; склонясь на пальцы, / Узором шёлковым она / Не оживляла полотна» (VI, 43).

Приведённые примеры подтверждают, что рукоделие — *знак* того, что героини сами творят свою судьбу, а их характеры (решительные/нерешительные, покорные/непокорные) делают проекцию на их будущее.

Не будем забывать, что существует пушкинское обобщение — в знаменитом эпитафии к «Капитанской дочке»: «Береги честь смолоду», представляющее собой часть народной поговорки, где упоминается и платье. Данное обобщение (поговорка) актуально «в целом для творческого сознания Пушкина»².

Пушкин жил в эпоху производства штучных товаров: мастера вручную медленно делали мебель, мастерицы изготавливали и расшивали ткани, поэты пером писали свои произведения. Отсюда — представление о том, что рукоделие и творчество неразрывно связаны, творчество, в определённом смысле, и есть *рукоделие*: «И пальцы просятся к перу, перо — к бумаге...» (III, 321).

Словосочетание «в пальцах» по отношению к творчеству в пушкинское время означало также — «в работе», «в черновике». Например,

---

¹ См. об этом: *Фаустов А.А.* Герменевтика личности в творчестве А.С. Пушкина (две главы). Воронеж, 2003. С. 90—91.

² *Гайворонская Л.В.* Ещё раз о фольклорных и евангельских мотивах... С. 264.

Пушкин в 1825 году пишет А.А. Дельвигу следующее: «...что делает Жуковский? — Передай мне его мнение о 2-ой главе *Онег.* <ина> да о том, что у меня в пальцах» (XIII, 182). «В пальцах» в это время был «Борис Годунов».

В «Монахе» Пушкин прямо сравнивает творчество — писание стихов — с рукоделием: «Чернилами я не марал бы пальцы, / Не засорил бумагою чердак, / И за бюро, как девица за пальцы, / Стихи писать не сел бы я никак» (I, 17). Интересно, что рисование (о котором герой мечтает): «Ах, отчего мне дивная природа / Корреджио искусства не дала? / Тогда б в число Парнасского народа / Лихая страсть меня не занесла») не рассматривается как работа «за пальцами», только писание стихов! Эта мысль подтверждается и развивается далее в том же русле: рифмовать — значит «плести»: «Но Рубенсом на свет я не родился, / Не рисовать, я рифмы плесть пустился» (I, 18).

Отметим, что образ «рукотворного» («рукодельного») процесса возникновения произведения отчасти входит в пушкинской лирической системе в противоречие с «нерукотворным» («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»). В данном случае, видимо, можно разделить «нерукотворное» (признание в веках) как итоговое в творческой деятельности художника, его «качественный» исход, и «рукотворное» как сам процесс подготовки (работа «в пальцах») к великому исходу — нетленному духовному наследию, которое гений оставляет потомкам.

В стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне?» Пушкин соединяет «рукоделие»:

Иду в гостиную; там слышу разговор
О близких выборах, о сахарном заводе;
Хозяйка хмурится в подобие погоде,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червонного гадаёт короля
(III, 181—182), —

и «рукотворное» создание произведения — «слишком» рукотворное, так как не осенённое Музой и поэтому, по жалобе поэта — лирического героя, неудачное:

По капле, медленно глотаю скуки яд.
Читать хочу; глаза над буквами скользят,

А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сижусь; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдёт... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор...

(III, 181)

Однако после слов о гадании, о «червонном короле» всё устраивается наилучшим образом: видимо, после вмешательства каких-то неведомых сил (явно из области «нерукотворного», хотя карты всё же находятся в руках человека, который прикасается к таинственному) судьба вдруг дарит счастливые встречи с девами — северными розами, поцелуи на морозе и прочее.

А.А. Фаустов отмечает: «Пушкин, как известно, верил в «заячью» примету, и в нескольких его произведениях она разрастается в особый текст... за-травить его — то же, что завоевать друга или вообще счастье, протравить же — их упустить»¹.

Упомянутые в тексте рассматриваемого стихотворения «протравленные» зайцы («Кружимся, рыскаем и поздней уж порой, / Двух зайцев протравив, являемся домой») являются знаком того, что герой всё ещё находится в «негативном» локусе своей жизни. Однако изображённая смена различных пластов бытия (что создаёт образы времени и пространства этого лирического произведения) даёт предпосылки к выходу героя в локус «позитивный» — «жизнь налаживается».

Не только *творческий* процесс, но и *исторический* в пушкинскую эпоху и в пушкинском художественном сознании воспринимался как нечто, творимое человеком, его энергией, волей, мужеством. Пушкин и его современники, безусловно, отдавали должное «фортунам», «божественному провидению», поэтому в одном ряду рассматривается «высшее» участие и дела конкретных личностей: Барклай, зима и русский бог (см.: «Евгений Онегин»; VI, 522)...

В иносказательной (и в ироничной) форме это «ручное» сотворение истории представлено в метафоре («Когда не наши повара / Орла дву-

¹ Фаустов А.А. Авторское поведение Пушкина. Очерки. Воронеж, 2000. С. 197.

главого щипали / У Бонапартова шатра...» (VI, 522), соединяющей «Тильзитские переговоры», которые «велись в палатке, разбитой на плоту на середине Немана, между враждующими армиями», и «образ ощипывания символа русской императорской власти у шатра Наполеона»¹. Ощипывание птицы — тоже *ручная* работа.

Как видно, в творческом сознании художника прочно укоренено диалектическое противопоставление/сопоставление «нерукотворного» (божественного) и «ручного», «штучного», творимого «своими руками». Интерферируя, рукотворное и нерукотворное переплетаются в человеческой судьбе, в творчестве, в истории.

---

¹ Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителей. Л., 1980. С. 399—400.

КОСТЮМ И ЛЮБОВЬ: КОСТЮМНЫЕ СИЛУЭТЫ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ А.С. И Н.Н. ПУШКИНЫХ

Пушкину стоило большого труда добиться брака с Натальей Гончаровой. Однако его выбор был вызван не только пылкими чувствами к семнадцатилетней московской барышне. Не имея возможности получить желанную свободу вне пределов отечества, поэт стремился найти столь необходимый ему для творчества душевный покой у семейного очага, видя в нём спасение от духовной неволи. Эта драматическая линия судьбы поэта нашла своё отражение и в костюмных сюжетах его повседневной жизни.

Путешествие поэта в Арзрум в 1829 году, ставшее последней главой поэтической молодости Пушкина, знаменито, помимо прочего, и теми ассоциациями, которыми в его сознании связались воедино два сюжета того периода. Первый — взятие русскими войсками турецкой крепости Карс. Второй — испытания искусом, которым подвергла поэта «маменька Карса». Карсом Пушкин называл свою новую любовь — Наталью Гончарову, которая казалась поэту столь же неприступной, как турецкая крепость. А «маменькой Карса», соответственно, называлась её мать, Наталья Ивановна Гончарова. По возвращении с Кавказа в Москву Пушкин тотчас же направляется с визитом к Гончаровым. Брат Натальи Гончаровой, С.Н. Гончаров, по записи П.А. Бартенева, так вспоминал появление поэта в их московском доме на Никитской улице.

«Было утро; мать ещё спала, а дети сидели в столовой за чаем. Вдруг стук на крыльце, и вслед за тем в самую столовую влетает из прихожей калоша. Это Пушкин, торопливо раздевавшийся. Войдя, он тотчас спрашивает про Наталью Николаевну. За нею пошли, но она не смела выйти, не спросившись матери, которую разбудили. Будущая тёща приняла Пушкина в постели»¹.

Женитьба не изменила костюмных привычек Пушкина. Друзья и знакомые поэта, навещавшие его летом 1831 года в Царском Селе, где молодые жили в ту пору, вспоминают: «Пушкина кабинет был наверху... <...> В этой простой комнате, без гардин, была невыносимая жара;

¹ *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни: систематический свод подлинных свидетельств современников : В 2 т. Т. 2. М., 2001. С. 4.

но он это любил, сидел в сюртуке, без галстуха»¹. Однажды один из посетителей, зайдя к нему, застал его чуть не в прародительском костюме. «Ну, уж извините, — засмеялся поэт, пожимая ему руку, — жара стоит африканская, а у нас там, в Африке, ходят в таких костюмах»².

Современники оставили множество упоминаний о нарядах и вкусах Натальи Николаевны. Последние не всегда были в её пользу. Так, одесский знакомый Пушкина, В.И. Туманский, писал своей двоюродной сестре (С.Г. Туманской): «Не воображайте однако же, чтоб это было что-нибудь необыкновенное. <...> ...московщина отражается на ней довольно заметно. Что у ней нет вкуса, это было видно по безобразному её наряду...»³.

А.О. Смирнова-Россет вспоминала, как летом 1831 года многие ходили нарочно смотреть на Пушкина, как он гулял под руку с женою по Екатерининскому парку Царского Села «обыкновенно около озера»: «Она бывала в белом платье, в белой круглой шляпе, и на плечах свитая по-тогдашнему красная шаль»⁴.

Бальные наряды Натальи Николаевны произвели впечатление на высочайшем уровне. Н.О. Пушкина — О.С. Павлицевой, 16 марта 1833 года: «...на балу в Уделах она явилась в костюме жрицы солнца и имела большой успех. Император и императрица подошли к ней и сделали ей комплимент по поводу её костюма, а император объявил её царицей бала»⁵.

Анна Петровна Керн вспоминала, как она встретила Пушкина с женою в доме его родителей, незадолго до смерти его матери, которая уже не вставала с постели: «...они сидели рядом на маленьком диване у стены, и Надежда Осиповна смотрела на них ласково, с любовью, а Александр Сергеевич держал в руке конец боа своей жены и тихонько гладил его, как будто тем выражая ласку к жене и ласку к матери. Он при этом ничего не говорил. Наталья Николаевна была в папильотках: это было перед балом»⁶.

Подробности гардероба Натальи Николаевны отметил и профессиональный взгляд художника И.К. Айвазовского, наблюдавших чету Пуш-

---

¹ *Смирнова-Россет А.О.* Из «Воспоминаний о Жуковском и Пушкине» // Пушкин в воспоминаниях современников : В 2 т. Т. 2. СПб., 1998. С. 149.

² *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни... С. 90.

³ Там же. С. 74.

⁴ *Россет А.О., Россет К.О.* Из рассказов про Пушкина, записанных П.И. Баргневным // Пушкин в воспоминаниях современников. С. 346.

⁵ *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни... С. 130—131.

⁶ Там же. С. 248.

киных на осенней выставке картин 1836 года в Академии художеств: «Помню, в чём была красавица жена. На ней было изящное белое платье, бархатный чёрный корсаж с переплетёнными чёрными тесёмками, а на голове большая палевая соломенная шляпа. На руках у неё были большие белые перчатки»¹.

В письмах Пушкина есть упоминания об украшениях, которыми он одаривал свою жену. «Бог знает, кончу ли здесь мои дела, но к празднику к тебе приеду. Голкондских алмазов дожидаться не намерен, и в новый год выведу тебя в бусах» (XIV, 249), — обещает поэт жене в преддверии Рождественских праздников в письме от 16 декабря 1831 года, отправленном из Москвы в Петербург. Из письма Пушкина П.В. Нащокину, отосланного 27 мая 1836 года из Петербурга в Москву, узнаём, что поэт вознаграждал жену, родившую ему за несколько часов до его возвращения из Москвы дочь Наталью, ожерельем, переданным для неё любезным Павлом Воиновичем, и что она была от него «в восхищении» (XVI, 121).

Нередко Пушкин наставляет своего ангела на предмет этикетного поведения в обществе вдали от мужа, непременно смягчая свои уроки приятными для женского нрава похвалами и комплиментами. 30 октября 1833 года из Болдино в Петербург: «Гуляй, жёнка; только не загуливайся, и меня не забывай. Мочи нет, хочется мне увидеть тебя причёсанную а la Ninon²; ты должна быть чудо как мила. Как ты прежде об этой старой к---- не подумала и не переняла у ней её причёску? Опиши мне своё появление на балах, которые, как ты пишешь, вероятно, уже открылись. Да, ангел мой, пожалуйста, не кокетничай» (XV, 89).

6 ноября 1833 года из Болдина в Петербург: «Радоваться своими победами тебе нечего. К---, у которой переняла ты причёску (NB: ты очень должна быть хороша в этой причёске; я об этом думал сегодня ночью), Ninon говорила: *P est escrit sur le coeur de tout homme: a la plus facile*³. После этого, изволь гордиться похищением мужских сердец. Подумай об этом хорошенько и не беспокой меня напрасно» (XV, 93).

---

¹ Там же. С. 285.

² Ninon — Нинон де Ланкло (1620—1705), известная парижская куртизанка. Волосы она носила разделёнными прямым пробором на две стороны и завитыми длинными локонами, спускавшимися до плеч.

³ Курсив в публикации письма. Перевод французской фразы: «На сердце всякого мужчины написано: наиболее доступной». Этот афоризм Пушкин мог почерпнуть или из Вольтера, или из подложных мемуаров Ninon de Lenclos. См.: Модзалевский Л.Б. Примечания // Пушкин А.С. Письма : В 3 т. Т. 3. Письма, 1831—1833. М. ; Л., 1935. С. 655.

Однако для самого Пушкина вся эта «ветошь маскарада» имела самые неожиданные последствия — высочайшее пожалование первому поэту России звания камер-юнкера, обязывающего его появляться на великосветских балах вместе со своею супругою в соответствующем его официальному статусу мундире. 1 января 1834 года Пушкин записал в своём дневнике: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры — (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Н.<аталья> Н.<иколаевна> танцевала в Аничкове» (XII, 318). Из письма Н.О. Пушкиной баронессе Е.Н. Вревской от 4 января 1834 года: «Александр назначен камер-юнкером. Натали в восторге, потому что это открывает ей доступ ко двору; в ожидании этого она танцует повсюду каждый день»¹.

Близкий знакомый Пушкина В.А. Соллогуб вспоминал: «Певец свободы, наряженный в придворный мундир, для сопутствования жене красавице, играл роль жалкую, едва ли не смешную. <...> Это он чувствовал глубоко. К тому же светская жизнь требовала значительных издержек, на которые у Пушкина часто не доставало средств»².

Переписка Пушкина и его дневниковые записи дают представление о переживаниях поэта, связанных с обрётённым им поневоле придворным статусом. 26 января 1834 года Пушкин описал в дневнике подробности одного из своих костюмных казусов:

«В прошедший вторник зван я был в Аничков. Приехал в мундире. Мне сказали, что гости во фраках. — Я уехал, оставя Н.<аталью> Н.<иколаевну>, и, переодевшись, отправился на вечер к С.В. С.<алтыкову>. Гос.<ударь> был недоволен...: «Он мог бы потрудиться сходить надеть фрак и вернуться. Попеньяйте ему.

В четверг бал у кн. Тр.<убецкого>... <...> Государь приехал неожиданно. <...> Сказал жене: — «Из-за сапог или из-за пуговиц ваш муж не явился последний раз?» (Мундирные пуговицы. Старуха гр. Бобр.<инская> извиняла меня тем, что у меня не были они нашиты)» (XII, 329, перевод с фр. — 486).

Из писем А.С. Пушкин жене из Петербурга в Полотняный Завод (май — июнь 1834 года): «В свете не бываю; от фрака отвык; в клобе провожу вечера. <...> Хлопоты по имению меня бесят; с твоего позволения, надобно будет, кажется, выдти мне в отставку и со вздохом сложить камер-юнкерский мундир, который так приятно льстил моему честолюбию и в котором, к сожалению, не успел я пощеголять» (XV,

¹ Вересаев В.В. Пушкин в жизни... С. 172.

² Соллогуб В.А. Из «Воспоминаний» // Пушкин в воспоминаниях современников. С. 332—333.

153). «В прошлое воскресенье представлялся я к вел.<икой> княгине. Я поехал к её выс.<очеству> на Кам.<енный> Остров в том приятном расположении духа, в котором ты меня привыкла видеть, когда надеваю свой великолепный мундир» (XV, 155).

Случалось, что Пушкину приходилось одалживать детали своего выходного туалета, дабы соответствовать светским правилам, о чём свидетельствует дневниковая запись от 18 декабря 1834 года: «Третьего дня был я наконец в А.<ничковом>. <...> На лестнице встретил я старую г.<рафиню> Бобр.<инскую>... Она заметила, что у меня треугольная шляпа с плюмажем... <...> Г.<граф> Бобр.<инский>... велел принести мне круглую. Мне дали одну, такую засаленную помадой, что перчатки у меня промокли и пожелтели» (XII, 333—334).

Тем временем повседневно самой Натальи Николаевны являло собой один большой нескончаемый бал. «Натали много выезжает, танцует ежедневно. <...> Только и слышишь разговору, что о праздниках, балах и спектаклях», — писала Надежда Осиповна Пушкина баронессе Е.Н. Вревской 26 декабря 1834 года из Петербурга¹.

Костюмное поведение Натальи Николаевны стало эталоном изящного вкуса и для маленькой дочери Пушкиных Марии. Н.О. Пушкина — О.С. Павлицевой 4 января 1835 года: «Натали... привезла ко мне однажды Машу... которая настолько привыкла видеть только изящно одетых, что, увидев меня, начала громко кричать; её спросили, почему она не хотела поцеловать бабушку; она ответила, что у меня скверный чепчик и скверное платье»².

Нередко Наталья Николаевна досаждала мужу упрёками на предмет его времяпровождения в период её отсутствия в столице, побуждая его сочинять приличествующие на сей счёт оправдания и отвлекать жену от подозрений новостями светской жизни. Пушкин около (не позднее) 3 октября 1832 года из Москвы в Петербург: «По пунктам отвечаю на твои обвинения. 1) Русской человек в дороге не переодевается и, доехав до места свинья свиньёю, идёт в баню, которая вторая наша мать. Ты разве не крещёная, что всего этого не знаешь?» (XV, 34).

11 июня 1834 года из Петербурга в Полотняный Завод. «Нашла за что браниться!.. за Летний сад и за Соболевского. Да ведь Летний сад мой огород. Я вставши от сна иду туда в халате и туфлях. <...> Я в нём дома. А Соболевский? Соболевский сам по себе, а я сам по себе. Он спе-

¹ Вересаев В.В. Пушкин в жизни... С. 210.

² Там же.

куляции творит свои, а я свои. Моя спекуляция удрать к тебе в деревню» (XV, 157).

Около (не позднее) 27 июня 1834 года из Петербурга в Полотняный Завод: «Эх, жёнка! почта мешает, а то бы я наврал тебе с три короба. Я писал тебе, что я от фрака отвык, а ты меня ловишь во лжи как в *petite misere ouverte*¹, доказывая, что я видел и того и другого, следственно в свете бываю; это ничего не доказывает» (XV, 166).

Ко всему прочему Наталья Николаевна задумала привезти своих сестёр Екатерину и Александру в Петербург и хлопотать о дальнейшей их судьбе вблизи двора. Переезд сестёр в Петербург неминуемо грозил нарушить и без того зыбкий семейный покой поэта. Пытаясь охладить энтузиазм жены, Пушкин пишет ей 11 июня 1834 года из Петербурга в Полотняный Завод: «Ты слишком хороша, мой ангел, чтоб пускаться в просительницы. Погоди, овдовеешь, постареешь — тогда, пожалуй, будь салопницей и титулярной советницей. Мой совет тебе и сёстрам быть подале от двора; в нём толку мало. Вы же не богаты. <...> Но вы, бабы, не понимаете счастья независимости и готовы закабалить себя навеки, чтобы только сказали про вас: *Hier Madame une telle etait decidee-ment la plus belle et ia mieux mise du bal*»² (XV, 158—159).

Но против дамских «спекуляций» мужская логика оказалась бес- сильна. «Все вы, дамы, на один покрой» (XV, 181), с горечью заключает Пушкин в письме к жене от 14 июля 1834 года, как видно, в ответ на её откровения в отношении каких-то пустых сплетен, которыми развлекали себя сёстры Гончаровы в Полотняном Заводе.

А впереди всё явственнее вырисовывались костюмные силуэты грядущей трагедии. А.С. Пушкин — С.Л. Пушкину в конце декабря 1836 года из Петербурга в Москву: «Моя свояченица Катерина выходит за барона Геккерена, племянника и приёмного сына посланника короля голландского. <...> Шитьё приданного сильно занимает и забавляет мою жену и её сестру, но приводит меня в бешенство. Ибо мой дом имеет вид модной бельевой мастерской» (XVI, 405 — перевод, оригинал по франц.).

Близкие друзья Пушкина отмечали, что Пушкин безгранично доверял своей жене, боготворил её, не допуская даже мысли оскорбить её своим подозрением. «Надо было видеть, — вспоминала В.А. Нащокина, — радость и счастье поэта, когда он получал письма от жены. Он весь

---

¹ Как в карточном мизере (*франц.*); термин карточной игры в бостон.

² Вчера госпожа такая-то была решительно красивее и была одета лучше всех (*франц.*).

сиял и осыпал их поцелуями»¹. Но однажды, подобно дурному предзнаменованию, в одном из писем Натальи Николаевны каким-то образом оказалась булавка. Удивившись такому посланию, Пушкин «воткнул эту булавку в отворот своего сюртука»². По записи П.И. Бартенева, Пушкин за несколько дней до своей кончины пришёл к Вл. Далю и, указывая на свой только что сшитый сюртук, сказал: «эту *вытолзину* я теперь не скоро сброшу. <...> Он, действительно, не снял этого сюртука, а его спорили с него 27 января 1837 года, чтобы облегчить смертельную муку от раны»³. По свидетельству А.И. Тургенева, уважение к памяти поэта со стороны огромного числа людей, бывших на его отпевании в Конюшенной церкви, было столь велико, что все полы сюртука Пушкина были разорваны в лоскутки⁴. В.А. Жуковский и П.А. Вяземский положили в гроб Пушкина по одной из своих перчаток⁵. После кончины поэта многие костюмные аксессуары пушкинского гардероба как знаки памяти разошлись по друзьям и знакомым поэта⁶. «Мне достался от вдовы Пушкина дорогой подарок: перстень с изумрудом, который он всегда носил последнее время и называл... талисманом; досталась от Жуковского последняя одежда Пушкина, после которой одели его, только чтобы положить в гроб. Это чёрный сюртук с небольшою, в ноготок, дырочкою против правого паха⁷, — вспоминал В.И. Даль.

Этим печальным свидетельствам скорби и памяти о русском поэте противостоят нелепые костюмные радости сестры Натальи Николаевны, Екатерины, недалёкий ум которой уготовил ей трагикомическую роль в любовном треугольнике: быть запасным игроком для прикрытия неблагоприятных деяний предмета её обожания и виновника гибели национального гения России. Из письма Е.Н. Дантес-Геккерен Жоржу Дантесу: «Одна горничная (русская) восторгается твоим умом и всей твоей особой, что тебе равного она не встречала во всю свою жизнь, и что никогда не забудет, как ты пришёл ей похвастаться своей фигурой в сюртуке»⁸.

---

¹ Вересаев В.В. Пушкин в жизни... С. 263.

² Там же.

³ Там же. С. 351.

⁴ Там же. С. 439.

⁵ Там же. С. 447.

⁶ Февчук Л.П. Портреты и судьбы. Из ленинградской пушкинианы. Л., 1984. С. 202—208.

⁷ Даль В.И. Воспоминания о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников. С. 260—261.

⁸ Вересаев В.В. Пушкин в жизни... С. 458.

После двух лет пребывания в доме своего брата в Полотняном Заводе вдова поэта благополучно вернулась в Петербург. Дочь Натальи Николаевны от второго брака, А.П. Арапова¹, утверждала, что по желанию императора её мать «по-прежнему служила одним из лучших украшений его царских приёмов», а «одно из её появлений при дворе обратилось в настоящий триумф». Так, в залах Аничковского дворца состоялся костюмированный бал «в самом тесном кругу», на который Наталья Николаевна явилась в «чудном одеянии в древнееврейском стиле», подаренном ей Екатериной Ивановной Загряжской: «Длинный фиолетовый бархатный кафтан, почти закрывая широкие палевые шальвары, плотно облегал стройный стан, а лёгкое из белой шерсти покрывало, спускаясь с затылка, мягкими складками обрамляло лицо и ниспадало на плечи»².

Современники звали Наталью Николаевну *âme de dentelles* — «кружевная душа»³. Весьма примечательное «звание» для спутницы жизни русского гения, побуждающее к многообразному и многообразному толкованию поэтики её поведения, и не только костюмного. «Кружевная душа» — неискренняя, извилистая, запутанная. Но возможен и более мягкий вариант прочтения этой метафоры: лёгкая, воздушная, беспечная, доверчивая...

Если из всей коллекции костюмных текстов в жизни Пушкина выбрать тексты биографического жанра, то такими, безусловно, будут *халат* Пушкина — как вещный «приют спокойствия, трудов и вдохновенья» и *камер-юнкерский мундир* — символ тяжких моральных оков, от плена которых поэта освободила только смерть. Однако есть в костюмной жизни Пушкина ещё один неприметный с виду аксессуар, семантическая сила которого, преодолевая притяжение линии жизни поэта, вырастает до символа противостояния двух мировоззрений, двух культур. Этим символом становится *пуговица Пушкина*. Именно так назвала свою книгу итальянская исследовательница истории дуэли и смерти русского гения Серена Витале⁴. Название книги восходит к одному известному по мемуарным источ-

---

¹ Арапова Александра Петровна — автор беллетризованного исследования о своей матери «Наталья Николаевна Пушкина-Ланская» (Иллюстрированное приложение к газете «Новое время». 1907 — начало 1908). Мнения пушкинистов о достоверности фактов, изложенных в этом сочинении, расходятся. Подробнее см.: Сафонов М.М. Пресловутое randevu // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. Вып. 29. СПб., 2004. С. 284—314.

² Вересаев В.В. Пушкин в жизни... С. 474.

³ Там же. С. 478.

⁴ Витале С. Пуговица Пушкина. Калининград, 2001.

никам костюмному казусу из повседневья Пушкина последних лет его жизни: «(1834—1836). В числе гулявшей по Невскому публики почасту можно было приметить и А.С. Пушкина, но он... привлекая на себя взоры всех и каждого, не поражал своим костюмом, напротив, шляпа его далеко не отличалась новизною, а длинная бекешь его тоже старенькая. Я не погрешу перед потомством, если скажу, что на его бекешу сзади на талии недоставало одной пуговицы. Отсутствие этой пуговицы меня каждый раз смущало, когда я встречал А. С-ча и видел это. Ясно, что около него не было ухода. <...> Н.М. Колмаков»¹.

И хотя в заглавии книги С. Витале фигурирует одна пуговица — Пушкина, в тексте присутствует и вторая — пуговица Дантеса, спасшая, как утверждают мемуаристы, его жизнь во время дуэли с поэтом. И очевидно, по мысли автора, две эти пуговицы должны символизировать в читательском восприятии «две линии жизни, две судьбы»².

В сознании массового читателя костюмный облик поэта прочно связан с двумя самыми известными его портретами 1827 года — кисти О. Кипренского (Третьяковская галерея, Москва) и В. Тропинина (Все-российский музей А.С. Пушкина, Санкт-Петербург). Портрет О. Кипренского — художника петербургской школы живописи — являет зрителю поэта-денди, столичного жителя, любимца муз и женщин: чёрный сюртук, кашне из ткани экосез, накинутое на правое плечо, чёрный галстук, белый воротник рубашки, тщательно отполированные ногти. «В портрете работы Кипренского, — отмечает И.Е. Данилова, — изображён не столько сам Пушкин, сколько Пушкин в облике Онегина или, может быть, наоборот — Онегин в образе Пушкина»³. Художник невольно или сознательно отразил в образе Пушкина сложившееся не без влияния литературных образцов представление читателя о герое своего времени — молодом человеке, отказавшемся от принятых в обществе атрибутов светскости. Не случайна и избранная художником позиция Пушкина — отстранённый взгляд на чистом ампирном фоне, руки, сложенные крестом. В такой же характерной для поэта позе он запечатлён в акварели П.Ф. Соколова 1836 года, на картине неизвестного художника «Субботнее собрание у Жуковского», а также на гравюре Е. Гейтмана с рисунка

¹ Вересаев В.В. Пушкин в жизни... С. 234.

² Лунин А. Послесловие к русскому изданию книги Серены Витале «Пуговица Пушкина» // Витале С. Пуговица Пушкина. С. 409.

³ Данилова И.Е. Портрет и натюрморт: человек и вещь // Данилова И.Е. «Исполнилась полнота времён...». Размышления об искусстве : Статьи, этюды, заметки. М., 2004. С. 111.

А. Нотбека, где Пушкин и Онегин изображены стоящими на набережной Невы против Петропавловской крепости. Гравюра, в свою очередь, восходит к известному наброску, сделанному рукой самого Пушкина.

В. Тропинин — художник московской школы — живописует повседневного Пушкина: цветистый архалук, расстёгнутый ворот рубашки с большим белым воротником, небрежно повязанный галстук. Образ Пушкина в приватной позе творческого вдохновения на портрете Тропинина прочитывается как антитеза его же образа, но в позиции публичного одиночества, на портрете Кипренского.

Однако есть в пушкинской иконографии ещё один примечательный портрет, в определённой мере воплощающий оба лика Пушкина. Речь идёт о наброске портрета поэта, выполненном осенью 1836 года тогда шестнадцатилетним князем П.П. Вяземским — сыном друга Пушкина, князя П.А. Вяземского, — в его ученической тетради. Этот рисунок, не давая портретного сходства в той мере, в какой дают работы профессиональных художников, является тем не менее уникальным биографическим свидетельством о домашней одежде поэта во всех её приватных деталях и подробностях, которые молодой Вяземский мог наблюдать лично. В описании рисунка, сделанном А.В. Корниловой, «...одежда поэта состоит из старого, поношенного сюртука с расширенными манжетами, согласно моде 1830-х годов. Два ряда пуговиц вдоль бортов отпороты. Вместо них вверху, на груди, сделана одна специальная лямка-застёжка, при помощи которой сюртук легко запахивается. ...бархатный отложной воротник высоко поднят и плотно обхватывает тёмный завязанный узлом шейный платок. Штаны... домашние, широкие, а не зауженные со штрипками, какие полагалось носить с сюртуком»¹. Примечательно, что на рисунке Вяземского, как и на портрете кисти Кипренского, Пушкин изображён «с руками, сжатыми крестом» (VI, 147). Такая позиция поэта вкупе с домашним его одеянием придаёт его образу дополнительный штрих, акцентируя внимание на то ускользающее от вербализации единство противоположных деталей и подробностей, которое и являет собой личность Пушкина — гения и «человека повседневного». Костюмные лики поэта в повседневной жизни и в живописных портретах столь же многообразны и неоднозначны, как и лики его души — его стиля мышления, чувствования, поведения.

---

¹ *Корнилова А.В.* Пушкин в рисунке П.П. Вяземского // *Временник Пушкинской комиссии*, 1966. Л., 1969. С. 34.

**Н.Н. ГОНЧАРОВА И А.С. ПУШКИН:
ВСТРЕЧА, ПРЕДОПРЕДЕЛЁННАЯ СУДЬБОЙ
(по страницам казахстанской пушкинианы)**

Интерес к творчеству А.С. Пушкина в Казахстане велик. Как известно, А.С. Пушкин посетил Оренбург. Поэт записал поразивший его фольклорный шедевр «Козы Корпеш — Баян Сулу». В Казахстане произведения А.С. Пушкина переводились и переводятся на казахский язык. Великий гуманист и просветитель Абай первым обратил свой взор к творчеству Пушкина, к роману «Евгений Онегин». Шакарим переводил его прозаические произведения поэтическим языком. Произведения Пушкина на казахский язык переводили И. Жансугуров, М. Дулатов, Ж. Аймауытов, А. Байтурсинов, А. Найманбаев, К. Шангитбаев, Т. Жароков, А. Тажибаев, К. Тогызаков, М. Даулетбаев, К. Тайшанов, К. Сагындыков, К. Салыков и другие казахские поэты и прозаики. По мотивам романа «Евгений Онегин» казахские поэмы создали А. Найманбаев, Шарипов, К. Терибаев, Е. Кунанбаев, С. Алимбетов, Ж. Кольдеев, А. Танирбергенов.

Среди многочисленных пушкинистов мира особое место принадлежит казахстанским. В русской литературе Казахстана в последней четверти XX века появились серьёзные научные труды, посвящённые необъятной теме «Пушкин».

Последние, самые плодотворные годы яркой, насыщенной разнообразными событиями жизни провёл в Алма-Ате Николай Раевский. Здесь увидели свет его книги «Когда заговорят портреты» и «Портреты заговорили». По стилю книги Н.А. Раевского — научные исследования, хотя отдельные очерки содержат «литературные портреты» Пушкина, Долли Фикельмон, Натальи Гончаровой.

Книга «Когда заговорят портреты» увидела свет в 1965 году. Это было предварительное сообщение о пушкиноведческих поисках и находках в дореволюционной Чехословакии. Вышедшая в Алма-Ате в 1974 году стотысячным тиражом книга «Портреты заговорили» разошлась в одно мгновение, став бестселлером, и многие годы считалась рекордсменом читательского спроса.

Поначалу будущая книга называлась «Новое о Пушкине». Параллельно Раевский работал над книгой «Пушкин и война». В книге-исследовании «Портреты заговорили» передана не только работа мысли учёного-исследователя, захватывающие перипетии поиска, радость долгожданных открытий или боль разочарований. Время — один из «героев» повествования Раевского. Современность врывается в неторопливое течение научных поисков. В результате поездки в Бродзяны (у Раевского — Бродяны) было точно установлено место погребения Александры Николаевны Фогель фон Фризенгоф, урождённой Гончаровой: семейный склеп в окрестностях замка. Что касается Бродянского архива, то его обнаружение кажется автору книги маловероятным. Отлично сохранился альбом Александры Николаевны с портретами членов семей Пушкиных и Ланских, писателя Ксавье де Местра, князя П.А. Вяземского, князя Н.А. Орлова, графини Ю.П. Строгановой, близкой приятельницы Н.Н. Пушкиной, и других. Сравнивая портреты, акварели и фотографии Натальи Николаевны, Н. Раевский подробно описывает дагерротип, на котором сёстры запечатлены в окружении детей. «Прекрасные, тонкие, удивительно правильные черты лица. Милое, приветливое лицо — любящая мать, гордая своими детьми. Невольно вспоминаются задушевные пушкинские письма к жене. На известных до сих пор изображениях Натальи Николаевны, как мне кажется, нигде не передан по-настоящему этот немудрёный, но живой и ласковый взгляд»¹.

Прошлое и настоящее причудливо переплетаются. Ужин при свечах, богемский хрусталь, массивное серебро, монограмма «А.Г.» на вешах, портреты Дантеса, Жуковского. «Вот здесь, в этой комнате, в этих самых креслах три четверти века тому назад сживали две стареющие женщины — генеральша Ланская и её сестра. О чём они говорили, о чём думали? Опустила ли Наталья Николаевна глаза, увидев портрет Дантеса? Или его убрали на время перед приездом Ланской? Бегут воспоминания о прочитанном, встают один за другим вопросы, а говорю я всё не о том, о чём думаю»². Николай Раевский опровергает мнения о том, что в замке Фризенгофов состоялась встреча Натальи Николаевны с Дантесом.

В очерке «Д.Ф. Фикельмон в жизни и творчестве Пушкина» Н.А. Раевский мастерски объединяет в повествовании письма поэта и графини, а также друзей и знакомых Пушкина, цитирует дневниковые

¹ Раевский Н. Портреты заговорили. Алма-Ата, 1977. С. 29.

² Там же. С. 39

записи героини. Дневник сам по себе представляет ценность, поскольку в нём описаны события текущей жизни и нет той ретроспекции, которая характерна для мемуаров. Раевский, анализируя стиль писем, сравнивает французский подлинник и русский перевод, подчёркивая при этом, что русский перевод подчас выглядит бледнее, не передаёт всей гаммы чувств и оттенков.

Н.А. Раевский вносит ясность в щекотливый вопрос о том, каким образом в замке появился портрет Дантеса. Его Екатерина Николаевна подарила первой жене Фризенгофа Наталье Ивановне Ксавье де Местр. Всё-таки «Александре Николаевне приходилось постоянно видеть перед собой портрет убийцы когда-то любимого ею поэта, и можно только представить, какие сложные чувства владели ею при виде этого портрета»¹. Хотя прошло 15 лет после смерти Пушкина, когда Александра Николаевна стала хозяйкой замка и «встретилась» с портретом Дантеса, — автор допускает, что «её чувства, возможно, утратили свою остроту».

В феврале 1946 года из Львовской тюрьмы Н.А. Раевский пишет директору Пушкинского Дома: не зная, что ждёт его впереди, «на всякий случай» сообщает «некоторые дополнительные сведения о дневниках Фикельмон и письме Пушкина», прекрасно понимая особую значимость своего открытия. «Дневник графини представляет собою ряд записей, предназначенных скорее для потомства, чем для неё самой. Такова, по крайней мере, запись о дуэли и смерти поэта от 29 января 1837 года. Графиня с присущим ей блеском и ясностью изложила вкратце весь ход дуэльной истории. Горячая симпатия к только что умершему Пушкину несомненная, но личный элемент совершенно отсутствует»².

Главная ценность дневниковой записи, по мнению Н.А. Раевского, — превосходный анализ «взаимоотношений Пушкина, Натальи Николаевны и Дантеса во время развития драмы — графиня здесь непосредственная наблюдательница». Ценность эскизного портрета Н.Н. Гончаровой в том, что она запечатлена на нём спустя несколько месяцев после замужества, большинство её «портретов», как известно, относится ко времени её вдовства или второго замужества. Так, в дневниковой записи от 21 мая 1831 года появляется отсылка к Мадонне; возможно, цитата из самого Пушкина: «...это очень молодая и очень красивая особа, тонкая,

---

¹ Там же. С. 56.

² Цит. по: *Варшавская Л.* Пушкин, и ничего кроме Пушкина // Русские Казахстана. Алма-Ата, 2007. С. 510.

стройная, высокая — лицо Мадонны, чрезвычайно бледное, с кротким, застенчивым и меланхолическим выражением, глаза зеленовато-карие, светлые и прозрачные, взгляд не то чтобы косящий, но неопределённый, тонкие черты, красивые чёрные волосы. Он очень в неё влюблён, рядом с ней его уродливость ещё более поразительна, но, когда он говорит, забываешь о том, чего ему не достаёт, чтобы быть красивым, — он так хорошо говорит, его разговор так интересен, сверкающий умом без всякого педантизма»¹.

Но через четыре дня в письме к Вяземскому от 25 мая графиня Фикельмон обнаруживает свой дар предвидения: «Жена его прекрасное создание: но это меланхолическое и тихое выражение похоже на предчувствие... несчастья у такой молодой особы. Физиономии мужа и жены не предсказывают ни спокойствия, ни тихой радости в будущем»². Продолжение этого в записи от 12 ноября 1831 года, после бала у председателя Государственного Совета Кочубея: «Поэтическая красота г-жи Пушкиной проникает до самого моего сердца. Есть что-то воздушное и трогательное во всём её облике — эта женщина не будет счастлива, я в этом уверена! Она носит на челе печать страдания!..» И замыкает всё это фраза, оброненная в письме опять-таки к Вяземскому от 12 декабря: «Пушкин у вас в Москве, жена его хороша, хороша, хороша! Но страдальческое выражение её лба заставляет меня трепетать за её будущность»³.

Задумавшись над обликом Натальи Николаевны, о её роли в судьбе поэта, Н.А. Раевский основательно прочитывает и анализирует всю литературу о ней. Пытаясь высветить подлинный духовный облик горячо любимой Пушкиным женщины, автор книги подробно останавливается на её родословной. Он обращает внимание на чисто внешние черты, о которых пишет в своих «Воспоминаниях» Еропкина, — необыкновенно выразительные глаза, очаровательная улыбка и притягивающая простота в обращении; цитирует письма поэта. Он изучает источники и письма сестёр Гончаровых к брату Дмитрию и приходит к выводу, что сёстры были мало подготовлены к вступлению в большой петербургский свет. Нелегко приходилось Наталье Николаевне в роли жены первого поэта России, «который для одних был гордостью страны, а для других весьма неприятным, неуживчивым человеком, обладавшим острым и язвитель-

---

¹ Раевский Н. Портреты заговорили. С. 235.

² Там же. С. 237.

³ Там же. С. 239.

ным языком». Зависть рождала злословие. Блистательная красавица жила в тягостной атмосфере напряжённого и не всегда благожелательного внимания.

Н.А. Раевский не соглашается с трактовкой характера Н.Н. Гончаровой как обычной представительницы своего круга, развенчивает «ложные представления о скудости её ума и духовного облика». Сопоставляя многочисленные источники, разрозненные факты из свидетельств современников, писем Пушкина к жене, писем самой Натальи Николаевны к брату Дмитрию, Раевский с уверенностью утверждает, что эфемерный образ Пушкиной, «блистательной и легкомысленной красавицы, сущность которой проявлялась единственно в её страсти к светским развлечениям», распадается. Это была очень деловая женщина, чрезвычайно деликатная в отношениях с людьми, хорошая хозяйка, заботливая жена, мать и сестра, справляющаяся со всеми заботами по дому и воспитанию детей. В мае 1836 года Наталья Николаевна фактически исполняла обязанности секретаря редакции «Современник».

В то же время автор книги категорически против идеализации Н.Н. Гончаровой. Она была живым человеком, со своими достоинствами и недостатками и «всё же оставалась на земле. Оторваться от неё, приблизиться к тем духовным вершинам, где царил её гениальный муж» ей было трудно. Раевский не прощает трагическую ошибку Натальи Николаевны — согласие на роковое свидание с Дантесом. «Не могла она не понимать, скажем, вернее, не имела права не понимать, к каким последствиям может привести это свидание при столь крайне напряжённых и непримиримых отношениях её мужа и её поклонника»¹, — звучит взволнованный голос писателя.

Композиция последнего очерка книги «Д.Ф. Фикельмон о дуэли и смерти Пушкина» строится таким образом, что его автор от довольно подробного и обстоятельного рассказа о Дантесе переходит к комментированию записи о его романе с Н.Н. Пушкиной, подробно воспроизведённом на страницах дневника Фикельмон. Действующие лица разведувшейся впоследствии драмы познакомились не позже осени 1834 года. Н. Раевский, ещё не приступив к комментированию дневниковой записи графини, предварительно сам воссоздаёт историю развития отношений Пушкина и Геккерн. Он пытается проследить временной промежуток от рокового 4 ноября 1836 года до дня дуэли, 29 января 1837 года. 4 ноября, как известно, сам Пушкин и его друзья получили

¹ Там же. С. 259.

по почте анонимный диплом-пасквиль. Но первый вызов на дуэль, последовавший в тот же день, сначала по просьбе посланника Геккерна, был отложен на 24 часа, а затем и вовсе был объявлен самим поэтом как «не имевший места». Причина такого решения — объявление 17 ноября на балу у С.В. Салтыкова о свадьбе Дантеса и Екатерины Николаевны Гончаровой, которая состоялась 10 января 1837 года.

Н.А. Раевский отмечает, что возобновившиеся после свадьбы Дантеса ухаживания за Натальей Николаевной описаны Д.Ф. Фикельмон «достоверно и точно» и верно указан непосредственный повод к поединку. Далее события развивались стремительно: 25 января Пушкин отправляет посланнику «предельно грубое и оскорбительное» письмо, 26 января передан вызов Дантеса, 27 января — дуэль. Такова хронологическая канва. В дневнике Д.Ф. Фикельмон текст записи о дуэли и смерти поэта занимает 11 страниц второй тетради. Сопоставляя русский и французский варианты записи, Раевский вносит изменения и дополнения, которые являлись совершенно необходимыми, и приводит в книге «Портреты заговорили» эту запись в более полном виде. Датирована запись 29 января 1837 года. Обращает на себя внимание первое предложение, содержащее личностную оценку трагической катастрофы: «Сегодня Россия потеряла своего дорогого, горячо любимого поэта Пушкина, этот прекрасный талант, полный творческого духа и силы!»

И далее приём контраста: «прекрасный, сияющий светоч» и «поэтическая внешность, но заурядный ум и характер» Н.Н. Пушкиной. Д.Ф. Фикельмон — одна из тех, кто непосредственно наблюдал за разворачивающейся драмой («Все мы видели, как росла и усиливалась эта гибельная гроза!»). Строго осуждая Наталью Николаевну, которая «совершенно потеряла способность обуздывать этого человека», автор дневника в то же время строго судит и Пушкина, совершившего «большую ошибку, разрешая своей молодой и очень красивой жене выезжать в свет без него». И строго судит свет! Ни одна из дам света не могла осудить госпожу Пушкину, потому что «все мы, — размышляет горестно Д. Фикельмон, — находим удовольствие в том, чтобы нами восхищались и нас любили, — все мы слишком часто бываем неосторожны и играем сердцами в эту ужасную и безрасчётную игру! Мы видели, как эта роковая история начиналась среди нас, подобно стольким другим кокетствам, мы видели, как она росла, увеличивалась, становилась мрачнее, делалась такой горестной, — она должна была стать большим и сильным уроком несчастий, к которым могут привести непоследова-

тельность, легкомыслие, светские толки и неосторожные поступки друзей, но кто бы воспользовался этим уроком? Никогда, напротив, петербургский свет не был так кокетлив, так легкомыслен, так неосторожен в гостиных, как в эту зиму!»¹.

Вероятнее всего, по мнению Н.А. Раевского, 29 января дневник был только начат. Гладкие, литературные фразы, ровный и чёткий почерк, тщательно выписанные слова, практическое отсутствие помарок — всё это свидетельствует о том, что текст обработан очень тщательно. Раевский отмечает чрезвычайно сдержанный общий тон записи, ничего личного, никаких следов личных переживаний: «Её мать могла войти в кабинет Пушкина и при всех опуститься на колени перед умирающим гением. Жене австрийского посла пришлось остаться дома...» (несмотря на семь с лишним лет знакомства, долгую дружбу и короткое, но всё же увлечение гениальным человеком).

Раевский подчеркивает взволнованное и искреннее начало записи о дуэли и смерти поэта, именно оно было написано сразу же по получении трагического известия. Основную часть повествования исследователь характеризует как памятную записку о дуэли и смерти Пушкина, предназначенную для потомства, для истории. Он пишет об особой ценности слов Д. Фикельмон, близко знавшей всех участников драмы. Графиня избирает «исторический стиль повествования», но при этом искреннее сочувствие к поэту ощущается на протяжении всей записи, что не мешает ей видеть его житейские ошибки, самая большая из которых — женитьба. Она разделяла мнение матери, П. Вяземского и других друзей поэта о том, что Пушкину не следовало жениться вообще.

Автор книги «Портреты заговорили» не согласен с мнением Д.Ф. Фикельмон о Н.Н. Пушкиной, считая его несправедливым. Он придерживается иной точки зрения: «Наталья Николаевна была очень мягка в обращении с людьми, но эта мягкость сочеталась у неё с весьма настойчивым и энергичным характером». В то же время мемуаристка не упоминает вообще об Александре Николаевне Гончаровой, хотя не могла не видеть, что эти отношения в последние преддуэльные месяцы приняли явно не родственный характер.

На основе дневниковых записей, писем, воспоминаний современников и самого поэта Раевский реконструирует пушкинское время. В «Послесловии» он пишет об этом так: «В работе над повестью я использовал материалы из разных источников и письма самого Александр-

---

¹ Раевский Н. Портреты заговорили. С. 357.

ра Пушкина, известные для ограниченного круга учёных-пушкинистов. Я это сделал специально, чтобы включённые в повествование записи поэта, в которых отражены его мысли, чувства, переживания, сами рассказывали о Пушкине. Чтобы, читая его подлинные строки, вы сами смогли почувствовать, как бьётся его сердце, получить впечатление о насыщенной литературной и личной жизни творца. Ибо кто может лучше рассказать об Александре Пушкине, как не сам Александр Пушкин».

Простота и безыскусность. Именно эти черты отмечали современники и современницы в облике Натальи Гончаровой. В повести «Здравствуй, Пушкин» Максим Кузин использует понравившийся ему приём: воспоминания поэта о прошлом, самом значительном и важном, и цитаты из его «Дневников», комментариев, писем, записей. Получается живо, свежо и главное — соответствует стилю XIX века, а иначе нельзя, ведь Пушкин сам обращается к прошлому и раскрывает свои мысли и чувства перед читателями XXI века.

«Тонкая, стройная, высокая — лицо Мадонны, чрезвычайно бледное, с кротким, застенчивым и меланхолическим выражением. Тонкие черты лица, красивые чёрные волосы. А глаза? Эти глаза — зеленоватокarie, светлые и прозрачные, как тающий лёд. У неё был взгляд не то что косящий, но неопределённый... Казалось, сама судьба смотрит её глазами прямо в душу, и терял под девичьим взором свои листья лавровый венок поэта» (фраза замечательная сама по себе и очень глубокая. — С.А.). «Вот это равнодушие его к лаврам, — читаем далее, — впрочем, как и к терновому венцу, и распяляло поэта раз за разом всё более, побуждало произвести на неё впечатление, но каждый раз тщетными оказывались его попытки»¹.

Исключительная роль Натальи Гончаровой в судьбе поэта раскрыта в следующих словах: «Только она знала, что ему было необходимо — покой и стабильность. Юная красавица пленила искусного творца своим спокойствием, она терпеливо воспринимала все проявления его страстной натуры: не осуждала, но не подстёгивала на безумства, напевая дифирамбы, как многие друзья и приятели. Только с ней поэт чувствовал себя уютно и спокойно, своим присутствием она умиротворяла быт и дарила ему так не хватавшее ощущение полноты бытия. С её появлением жизнь поэта наполнилась другим смыслом, наконец-то у него появилось существо, о котором нужно было заботиться, и эти заботы, в отличие от всех

¹ Кузин М. Здравствуй, Пушкин // Amanat. 2007. № 3. С. 95.

других, были приятны поэту. С её приходом воплотились в жизнь все его юношеские грёзы: все мечтания о святой и чистой любви»¹.

Но как же тогда встраиваются в это понятие о счастье слова поэта, отнюдь не радостные и счастливые: «...я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчёты. Всякая радость будет мне неожиданностью» (XIV, 151).

Голос рассказчика предваряет это грустное признание, подытоживая предыдущие воспоминания и картины светлого будущего: «Но это было после, а тогда, когда Пушкин понял, как с женьбой круто изменится его жизнь, почему-то грустно он воспринял грядущие перемены». И в подтверждение этого — цитата из Пушкина: «Вообще несчастье жизни семейственной есть отличительная черта во нравах русского народа» (XI, 255).

Тема Музы — только так, с заглавной буквы, у Валентина Непомнящего! — имеет свойство переплетаться с темой Дома, любви-семьи, темой для него, повторяю, священной — во всех своих значениях. Дом — это и собственное твоё место на этой земле, где ты исполняешь своё призвание, где царит благодать простого, повседневного, жизненно необходимого быта с его, порой чёрной, но трезвящей дух и единящей тебя со всем живым, работой; крошечное тёплое подобие мироздания, область осмысленности и неодионочества существования. Пространство свободы и защищённости, где в «медленных трудах» рождаются плоды твоего призвания и растут дети — плоды любви. Святыня, защищая честь которой вместе с честью женщины, и погиб поэт Пушкин. Честь Отечества он защищал, как свою личную (известный его ответ на вопрос, по какому ведомству он числится, — «Я числюсь по России»). Погиб, как «человек военный»². Неразрывны, по мнению В. Непомнящего, темы Музы, дома, семьи, счастья, благодати, чести и Родины в наследии Пушкина. Пушкин и война — тема неслучайная. Напомним, что так называлась первая книга Н. Раевского. Русь — «иной масштаб своего Дома, и тема светится образом Музы»³.

Главный герой повести Максима Кузина вновь и вновь возвращается к радостным минутам сватовства, к тем минутам, «когда он в бук-

---

¹ Кузин М. Здравствуй, Пушкин. С. 73.

² Непомнящий В.С. Муза, страсть и политика. Из жизни Пушкина. М., 2008. С. 23.

³ Там же. С. 24.

вальном смысле сходил с ума в ожидании решения своей судьбы», к хлопотам по приготовлению к свадьбе. От воспоминаний о мальчишнике и церковной церемонии «ум опять вернулся к цели путешествия». Не так легко было заполучить документы по делу Пугачёва, нельзя было и открыто заявить об интересе к временам царствования императрицы Екатерины: «Учитывая недавние события, включая восстание декабристов, Николай I предпочитал держать все документы российской истории под семью замками. Узнав, что Пушкин заинтересовался документами августейшей бабки, государь сначала ответил решительным отказом. Пушкину даже передали слова императора: «На что ему эти бумаги? Даже я их не читал. Пушкин может обойтись и без них. Не пожелает ли он извлечь отсюда скандальный материал в параллель песне «Дон Жуана», в которой Байрон обесчестил память моей бабки? Пришлось идти на хитрость — объявить, что-де собрался писать о графе Суворове»¹. Повествовательская манера в повести Кузина стилизована под манеру писателей XIX века. В этом — её очарование, аромат эпохи.

У Максима Кузина действие разворачивается в дороге и в избе ямщика. После путешествия по степному краю, после долгих раздумий и заключений о чертах русского характера «только сейчас предстал перед Пушкиным его Пугачёв, во всём своём дерзостном великолепии, озарённый верой народной в высшую справедливость, помазанный на царствие постоянной христианской надеждой на скорое возвращение Христа и освобождение от унылого существования. Только сейчас Пушкин понял значение весёлой наглости бунтовщика, его куражливости и необыкновенной способности вести за собой тысячи людей».

Увлекательно обрисован сам процесс творчества. Завязка будущего произведения: тулуп от героя-недоросля за спасение из снежного плена. Пугачёва надо списать с Григория. «И тут же, — размышляет далее главный герой повести, — между недорослем и бунтовщиком завязываются отношения, которые в будущем немного изменятся, но будут цементировать сюжет. К этому же надо прибавить любовь двух сердец, ввести штатную должность подлеца, слова и поступки которого будут легко узнаваемыми, даром что такого добра у нас в государстве предостаточно. А в дальнейшем можно будет завязать интригу, а может — и не одну». От сюжета будущей «Капитанской дочки» и весёлых заключений о будущем Григория, который никогда и не узнает, что стал прообразом великого бунтовщика, поэт переключается на таинство литературского

¹ Кузин М. Здравствуй, Пушкин. С. 77.

труда: «поговоришь минут пять с каким-то ничем не примечательным субъектом, а потом с изумлением читаешь сочинение, где персонаж говорит твоим языком, используя твои любимые словечки и обороты».

Кажется, что лики святых со стен избы смотрят с состраданием. Осталась лишь незначительная часть работы — изложить родившееся на бумаге. На поэта наваливается тяжесть кропотливого многомесячного труда по подготовке материалов для описания Пугачёвского бунта. Сон сморил уставшего Пушкина.

Так из желания узнать об оренбургском периоде жизни великого русского поэта родилась эта повесть. В «Послесловии» Кузин пишет, что он увидел другого Пушкина и полюбил его, искреннего, каждая строка которого написана сердцем. Автор повести выражает надежду на то, что читатели поймут, «что Пушкин, впрочем, как все мы, жил и творил не *потому что*, а — *вопреки*».

В интересной и содержательной книге Ю. Сапожкова «На просторах слова»¹ читаем: «Мы все вышли из Пушкина, как бы кто себя ни называл: реалистом, романтиком, символистом, модернистом, постмодернистом или постконцептуалистом. Пушкин способен примирить самых непримиримых поэтов, самые различные литературные направления свести к одному, в основе которого лежат такие принципы искусства, как ясность изображения, красота, мысль. А в первую очередь — жизнь». В стихотворении «Наталье Гончаровой» Ю. Сапожков призывает:

Не суесловьте о жене поэта:
Он вас не может вызвать на дуэль.

Поэтический текст А.С. Пушкина в контексте казахско-русских литературных связей получает новые нюансы. Произведения русского поэта не просто получают новую жизнь в переводах на казахский. Они служат источником, творческим посылом создания самобытных версий. Осмыслить пушкинское наследие в ряду крупнейших явлений мировой культуры — задача современной Пушкинианы.

«Хорошо написанная книга неоднократно раскрывает нам навстречу свои страницы». Эти крылатые слова директора Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» Г.Н. Василевича сопровождают и читателей казахстанской пушкинианы, разножанровой, разнохарактерной, безусловно, обогащающей мировую науку о Пушкине.

---

¹ Сапожков Ю. На просторах слова. Минск, 2008.

Борис Ганнибал

ТРИГОРСКИЕ «ЗЕРКАЛА» В ИХ РАСТИТЕЛЬНОЙ ОПРАВЕ О прудах усадебного парка

В стране, где Сороть голубая,
Подруга зеркальных озёр,
Разнообразно между гор
Свои изгибы расстилая,
Водами ясными поит
Поля, украшенные нивой —
Там, у раздолья, горделиво
Гора трихолмная стоит...

Н.М. Языков. Тригорское

Тригорский парк — парк пейзажный, как сказали бы раньше, или ландшафтный, как называют его сегодня. Этим он принципиально отличается от других парков «Пушкинского уголка», и именно об этом отличии писал К.Г. Паустовский: «Тригорский парк пропитан солнцем. Такое впечатление остаётся от него почему-то даже в пасмурные дни. Свет лежит золотыми полянами на весёлой траве, зелени лип, обрывах над Соротью и на скамье Евгения Онегина. От этих солнечных пятен глубина парка, погружённая в летний дым, кажется таинственной и нереальной. Этот парк как будто создан для семейных праздников, дружеских бесед, для танцев при свечах под чёрными шатрами листьев, девичьего смеха и шуточных признаний. Он полон Пушкиным и Языковым»¹. И ни слова о прудах... Почему? Ведь в значительной мере именно они, эти водные пространства, эти зеркальные поверхности создают тот светлый образ парка, формируют его горизонтальную и даже вертикальную структуру, служат притягательными метками для посетителей. Ответа от нашего замечательного писателя мы уже не получим, но разобраться попытаемся. Ведь не только он один как будто не замечал водоёмов, этих удивительных глаз, смотрящих из парковых кущей в небо. И ведь пейзажный парк просто немислим без воды.

Кстати, а сколько вообще здесь этих самых прудов? — может задать вопрос проницательный и вездливый читатель. И получит из разных источников разные ответы.

¹ Паустовский К. Михайловские рощи // Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. С. 164.

В одном из старых описаний Тригорского находим, что «в парке два пруда и несколько аллей»¹. В другой, уже современной нам заметке (в Интернете) о Тригорском читаем: «сохранился парк (2-я пол. 18 в.), на террасе «скамья Онегина», банька, «зелёная танцевальная зала», «солнечные часы», «дуб уединенный», липовая аллея, верх. и нижн. пруды»². Тоже получается два. «Интересные» сведения черпаем ещё с одного сайта: «Живописный парк Тригорского был разбит М.Д. Вындомским, первым владельцем имения, и является образцом русского садово-паркового искусства. Его площадь, вместе с прилегающими лугами, составляет 37 гектаров. На его территории — три пруда, фруктовый сад, множество аллей...»³. Итак, три пруда. Оставив на время вопрос к автору о приоритете в создании парка, хочется спросить его и всех пишущих о парке: кто больше? И тут же в сетях мировой паутины находим текст гражданина, который прежде сам задает себе вопрос: «Что любопытного содержит в себе Тригорский парк?» И тут же отвечает: «Во-первых, он содержит в себе дух Татьяны и Евгения — дух прогуливается по тропкам в ухоженной, а особенно в неухоженной части парка, присаживается отдохнуть на «скамью Онегина», его отражение видно в десятке небольших прудов, по краям которых растут белые лилии, он сбегает по горбатым мостикам к танцевальной площадке, окружённой стройными красавцами-тополями»⁴. Итак, единый на двоих дух увидел множество водоёмов. Да ещё деревья, которые стройными в наших широтах увидишь редко, потому что не тополя там растут вовсе, а липы. Что же касается лилий (кувшинок белых), то обитают они далеко не во всех из ныне существующих четырёх прудах. Именно столько их в парке, если не считать заполненную водой «воронку» при входе на территорию усадьбы со стороны автобусной стоянки. Один пруд, называемый Фабричным (иногда Большим), находится в южной части парка рядом с бывшим зданием Полотняной фабрики. Остальные три представляют собой каскад в центральной части парка, заполняя террасированную в три уровня балку, которая имеет выход непосредственно к реке Сороти.

¹ *Софийский Л.И.* Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414—1914 гг.). Псков, 1912. С. 205.

² Портал «Электронная Земля» в рамках проекта «Электронная Земля: научные информационные ресурсы и информационно-коммуникационные технологии» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН. <http://www.webgeo.ru/rusnames.php?r=126&id=4485>

³ <http://ru.wikipedia.org/wiki/Тригорское>

⁴ <http://travel.imhonet.ru/little-bee/reports/6766/>

Вернёмся к вопросу о том, кто и когда создавал парк и пруды в нём. Одни называют парк Тригорского образцом русского садово-паркового искусства XVIII века, кто-то — памятником садово-паркового искусства XVIII—XIX веков. Чтобы понять хотя бы то, к какому веку, а значит, и типу относится это ландшафтное произведение, обратимся к истории создания парка. Можно было бы предположить, что первый хозяин усадьбы в Егорьевской губе, получивший её милостью государыни Екатерины II в 1762 году, был приверженцем нового в середине XVIII века «английского» стиля в садовом искусстве. Однако очень сомнительно, что Максим Дмитриевич Вындомский, несмотря на родовитое происхождение и возможности, которые давала почётная, но и опасная для карьеры служба присмотрщика за сосланными претендентами на царский престол, имел доступ к свежей литературе о новых веяниях в европейском садовом искусстве. Хотя, конечно, Холмогоры были в то время одним из культурных центров России, а Шлисельбург располагался в относительной близости от Петербурга. Но даже самый известный гимн садам Жака Делиля, «Les jardins», который и сейчас называют стихо-творным учебником по ландшафтному дизайну, был напечатан в Европе позднее (в 1782 году). Кроме того, если даже генерал-майор и был подготовлен к воплощению в жизнь новейших парковых идей, то вряд ли ему хватило бы сил и средств за полтора десятка лет жизни здесь их реализовать. Благо и то, что ему удалось построить дом и Георгиевскую церковь на Ворониче. В 1778 году первый хозяин усадьбы умирает и его сменяет сын — Александр Максимович Вындомский. Парк, как считают многие, создаётся на протяжении последующих 25 лет уже этим, как видно, активным и разумным человеком.

Сам выбор места для барского дома на высоком берегу Сороти, у её излучины, мог послужить поводом для мыслей о пейзажном парке. Глубокие овраги, прорезавшие территорию усадьбы, определяли сложный её рельеф, послуживший названию имения — Тригорское. Отчасти это связано с чётким разделением берега балками на три крупные части, одна из которых с давних пор служила крепостью для защиты Отечества и именовалась городищем Воронич. На второй сейчас находится, как и в прошлом, жилой одноимённый посёлок, а на третьей — сама усадьба. Кроме того, название Тригорское часто связывают с тем, что в пределах самой усадьбы два, хотя и менее выраженных, оврага разделяют её территорию на три составляющих — условно на три горы. Эти

ландшафтные особенности сами «напрашивались» на их оформление в парк пейзажный. А существовавшие овражные системы требовали определённых мер по предотвращению дальнейшего размыва территории усадьбы. Мысль о запрудах была вполне естественной и понятной и в конце концов реализовалась: в одном случае появился самый крупный искусственный водоём, названный впоследствии Фабричным, в другом — целый каскад из трёх прудов.

Ни одного из этих рукотворных озёр ещё нет на первом известном межевом плане 1784 года¹. Нет там ещё и парка, а на месте будущего Большого (Фабричного) пруда располагаются постройки. Сам же пруд появился немного позже в связи с хозяйственными запросами. Ведь ещё в 1780 году Псковская казённая палата построила здесь здание полотняной фабрики, а технологии производства полотна и холста требовали иметь в наличии емкости с водой. Вероятно, небольшие мочила (копанки) для получения льняной или конопляной тресты существовали до появления пруда. Когда же производство стало расти (число работников увеличилось до полусотни), этих ямок диаметром в пять и глубиной в полтора метра стало недостаточно или же они были слишком далеко (быть может, внизу у реки), и встал вопрос о создании крупного водоёма. Но Большой пруд вырыли, как считается, только после 1788 года. Тогда же фабрика была передана в аренду А.М. Вындомскому с условием: через 10 лет все затраты государства вернуть казне. Так и случилось, в результате чего в 1803-м фабрика полностью перешла во владение хозяев усадьбы² и успешно работала, чему, надо думать, способствовал большой фабричный пруд.

Однако хозяйственные функции выполнять этому пруду пришлось ещё только десять лет. В 1813 году полковник А.М. Вындомский умирает. На фабрике в это время не хватает работников (многие ещё находятся в составе действующей армии), в связи с войной подорожало сырьё, потом приходит новая напасть — «французская» болезнь. Дохода нет, и новая хозяйка П.А. Осипова (1781—1859), потерявшая в том же году мужа, переехав жить в Тригорское, возбуждает, как сейчас сказали бы, дело о банкротстве. В 1816 году Опочецкий земский суд наконец постановляет ликвидировать фабрику, а Прасковья Александровна, освобождённая от забот производственных, переключает свою энергию на

---

¹ РГАДА. Ф. 1354, оп. 394, ед. хр. Е-39 «к».

² См.: Пушкинская энциклопедия «Михайловское» : В 3 т. Т. 1. М. ; Михайловское, 2003.

близких и на саму усадьбу и вскоре переселяется со всем семейством из старого дома в перестроенное здание теперь уже бывшей полотняной фабрики. Пруд с этого момента окончательно расстаётся со своим фабричным прошлым, сохраняя его лишь в названии, и становится полноценным компонентом паркового ландшафта в этой парадной южной части усадьбы. Живший здесь всё лето 1826 года поэт Николай Языков (1803—1846) так описал вид на неё:

На той горе, среди лощины,
Перед лазоревым прудом,
Белеется весёлый дом
И сада тёмные картины...

«Лазоревым» пруд может быть, если только он расположен на открытом месте, если в его воде отражается небо. Именно об этом водоёме посетивший Тригорское в 1866 году краевед и редактор журнала «Русская старина» М.И. Семевский (1837—1892), писал: «Близ дома в Тригорском, вдоль его фасада находится очень чистый и длинный пруд. За прудом, на громадном пространстве, раскинут великолепный сад, в последние годы несколько уже запущенный»¹. Михаил Иванович отмечает протяжённость (почти 200 метров) и чистоту пруда. Последнее может означать как отсутствие зарослей кустарника по берегам, так и прозрачность воды и свободную от растений его поверхность (гладь). Вспомним, что те же качества ценил и певец ландшафтного творчества Жак Делиль:

В озёрах хороши их гладь и протяжённость;
Но утомительна любая монотонность,
И, чтоб могли глаза немного отдохнуть,
Они должны вдали увидеть что-нибудь.
Прекрасно, если есть над берегом строенье,
Что тихо смотрится в своё же отраженье;
Сам берег следует повисить кое-где:
Там пусть песчаный склон спускается к воде

---

¹ *Семевский М.И.* Прогулка в Тригорское // Любовный быт пушкинской эпохи : В 2 томах. Т. 1. М., 1994. http://az.lib.ru/s/semewskij_m_i/text_1866_poezdka_v_trigorskoye.shtml

И пусть колышется над ним лесок высокий,
Где низок берег — там пусть заросли осоки
В укромной бухточке с кувшинками растут —
Сей уголок тенист и в нём царит уют...¹

Кстати, кувшинки (в данном случае кувшинка снежно-белая — *Nymphaea candida*) хотя и не были нами замечены в последние годы (после реконструкции), но отмечались в этом пруду в довоенные годы². Сейчас здесь доминирует рдест плавающий, или водяная капуста (*Potamogeton natans*), покрывая в летнее время до двух третей водного пространства. Осенью его листья стареют и разрушаются, а побеги опускаются на дно, и гладь пруда до июня следующего года опять выглядит чистой. В воде же на некоторой глубине заметен роголистник темно-зелёный, или погружённый, а также встречаются небольшие заросли стрелолиста обыкновенного, у которого развиваются листья трёх типов в зависимости от среды, в которой находятся, — на глубине, на поверхности воды или в воздухе. Растёт здесь вдоль берега местами и тростник, черед трёхраздельная, камыш лесной, частуха подорожниковая, манники, а по самой кромке воды выделяется узкая полоска осок. Чуть выше их сменяет травяной покров из стелющихся растений — полевницы побегоносной и вербейника монетчатого. Окружающие пруд злаково-разнотравные луга, периодически косимые, в разное время расцветиваются то жёлтым (одуванчики, позже иногда чина луговая), то белым (купырь, а затем сныть), красным или лиловым (клевер и герань), или шелковисто-желтоватым (трищетинник). На самом берегу деревьев практически нет, и лишь отдельные кустики шиповника и небольшие куртины ив нарушают это благолепие. Правда, в юго-западной части пруда был оставлен или посажен специально куст ивы ломкой, который имеет перспективу стать крупным деревом с многокупольной округлой кроной, украсив одну из торцовых частей водоёма. В целом, как и в прежние годы, этот пруд воспринимается обособленно от остальной части парка, видится элементом обширного партера возле главного усадебного здания.

Три пруда, образующие каскад, располагаются в центральной части парка среди древесных посадок и естественных зарослей, в той самой

---

¹ Делиль Жак. Сады, или Искусство украшать сельские виды. М., 1816. Цит. по: <http://www.pavlovsk-spb.ru/o-sadax/139-zhak-delil-sady.html?start=2>

² Архив ГМЗ А.С. Пушкина. Инвентарная книга для учёта имущества № 29 за 1934—1941 гг.

ландшафтной зоне, которая придавала раньше особую прелесть всему Тригорскому и которая составляет вместе со всеми включёнными в неё затеями, объектами разного характера и назначения, своеобразие, определённую притягательность и даже славу усадьбы. Не имея собственных названий, подобно «Скамье Онегина» или «Аллее Татьяны», пруды занимают своё место в общей картине. Менее заметные, по сравнению с Фабричным прудом, они чаще не воспринимаются отдельно от ландшафта, не так хорошо известна их история. Мы не знаем точно, когда и в связи с чем их создавали, чего в этом было больше — практического смысла или творческой фантазии.

На «Геометрическом плане Псковской губернии Опочецкого уезда, дачи под названием села Георгиевского, Тригорское тож... которая размежевана в 1847 г.»¹ все три каскадных пруда изображены. Начиная с 1920-х годов и вплоть до реконструкции в годы подготовки к 200-летию А.С. Пушкина на схематических планах Тригорского парка нижний пруд отсутствует.

Как известно, после смерти П.А. Осиповой в 1859 году хозяином усадьбы стал её сын от первого брака Алексей Николаевич Вульф (1805—1881). По мнению С.С. Гейченко, парк начал деградировать уже при нём². Возможно, тогда же это коснулось и прудов. Хотя потом последовали такие события (революции и войны), которые во много раз перекрыли следы той невинной бесхозяйственности.

Тригорское, и прежде всего усадебный дом, открыли для посетителей в 1962 году, ровно 50 лет назад. Парк, вероятно, тоже приводили в относительный порядок, но берега Верхнего пруда, при сравнении их изображения на чёрно-белой фотографии 1958 года (из Центрального государственного архива кинофотофонодокументов) и на цветной картинке на почтовой марке выпуска 1974 года, практически не изменились и оставались заросшими густым высоким лесом. Естественно и понятно, что в те годы на восстановление всего каскада прудов не было ни средств, ни сил. Однако, просматривая статьи и выступления директора заповедника, нам не удалось найти даже мыслей и планов о восстановлении каскада. При этом Семён Степанович высказывает в это время не совсем ясную мысль о садово-парковом ансамбле в целом, упоминая и пруды: «Вместо подражательного воспроизведения природы (хозяином

---

¹РГАДА. Ф. 1354, оп. 394/2, Г-172, ед. хр. Е-39.

² См.: Гейченко С.С. В садах Тригорского // Статьи, интервью, очерки С.С. Гейченко (1945—1993). Пушкинские Горы ; М., 2004. С. 205—208.

парка. — *Б.Г.*) создавалось нечто вроде театральной декорации. Тут и там блестели серебром зеркала прудов, играли запруженные ручьи»¹. Возможно, Гейченко плохо относился ко всему искусственному в почти природном парке Тригорского или у него были какие-то свои «счёты» с водными объектами, так как, говоря далее о предстоящей научной реставрации, он даже не упоминает их в своём определении парка как совокупности «архитектуры и ботаники, живописи и скульптуры, истории и сегодняшнего дня»².

Надо сказать, что вопросы очистки озёр и прудов ставились ещё в довоенное время, комиссии гидрологов приезжали в заповедник в 1936 году и перед началом войны. В 1953 году водоёмы, правда только в районе Михайловского, обследовала группа специалистов из Ленинградского университета. Более обширные исследования и практические работы гидрологи проводили в 1970-е годы, но также исключительно в отношении озер Кучане и Маленец. Пруды тригорского каскада в течение длительного периода оставались малоизученными и малоизвестными и лишь трудами реставраторов во главе с В.А. Агальцовой в 1999 году были восстановлены в историческом виде. Валентина Александровна считала, что в парке важны все детали, что парк в прежние времена был визитной карточкой помещика, а «Тригорское – вообще уникальное произведение искусства»³.

В произведениях ландшафтного искусства вода всегда играла важнейшую эстетическую роль. Фонтаны, каналы, садовые водоёмы, каскады, пруды свободных очертаний — эти великолепные сооружения создавали, чтобы показать красоту воды. Уже в середине XVIII века декоративные водоёмы и пруды стали населять растениями и рыбами. Мы не знаем точно, разводили ли в прудах Тригорского рыб в пушкинские времена и ранее, но рыбы, а точнее рыба (в самом утилитарном смысле этого слова) здесь была. Во всяком случае, есть документы, которые свидетельствуют о том, что арендаторы этой территории имели право на 50% всей рыбы⁴. Вероятно, было за что бороться.

В ландшафтном дизайне существует множество способов, позволяющих безупречно вписать пруд, водопад или каскад в тот или иной пей-

---

¹ Там же. С. 205.

² Там же. С. 206.

³ Русский сад Валентины Агальцовой // Девичник. 2006. № 3. <http://www.devichnick.ru/034russkiysad.htm>

⁴ Архив ГМЗ А.С. Пушкина. Акт обследования заповедника № 49, декабрь 1926 г.

заж. Кроме возможности обогатить ландшафт водной гладью и особыми прибрежными растительными группировками, в этом случае достигаются и иные эффекты. Подобно зеркалам в дворцовых залах, пруды и озёра зрительно расширяют пространство, придают ему воздушность, а при желании автора – зонировать и структурируют его. Возможности архитекторов в создании водяных «окон» в парках в этом смысле безграничны. Опять можно вспомнить слова Жака Делиля из третьей песни его «Садов»:

Хотите, чтобы сад пленял и привлекал?
Все водоёмы суть подобия зеркал.
В них отражается игра лучей и тени,
Сияние небес, ветвей переплетенье,
Склонивших кружево над чешуёй волны,
Заката зарево и бледный свет луны...
В любой сезон и час, днём пасмурным и ясным
Пруд, озеро, река вид делают прекрасным.
Используйте же их! Они обогатят
Гармонией, душой, поэзией ваш сад!¹

Сейчас все три пруда представляют связанную между собой композицию. Верхний (иногда именуемый Большим), длиной 155 и шириной 25 метров², освобождённый от густых прибрежных зарослей, в определённой степени похож на Фабричный и находится с противоположной стороны яблоневого сада. На его поверхности так же много рдеста плавающего, но присутствует, в отличие от того, и рдест пронзённолистный, а также белые кувшинки. Хотя парковый лес здесь ближе к воде, а отдельные крупные дубы и берёзы располагаются почти на берегу, но глянец поверхности этого пруда теперь отражает всё-таки небо, а не склонившиеся к нему заросли, как было прежде. Сохранились здесь и небольшие куртины кустарников — черёмухи, очень декоративной ивы корзиночной, появились кусты лоха серебристого, бузины красной и кизильника блестящего. Его высотный уровень (78 метров над уровнем моря) на 2,5 метра ниже поверхности пруда Фабричного, но выше уреза

---

¹ Делиль Жак. Сады... <http://www.pavlovsk-spb.ru/o-sadax/139-zhak-delil-sady.html?start=2>

² Архив ГМЗ А.С. Пушкина. Проект восстановления и реконструкции парка музея-усадьбы «Тригорское». Пояснительная записка. М., 1996.

Сороти, в которую стекают его воды, на 16 метров. Такой значительный перепад высот в пределах небольшого пространства свидетельствует о выразительности рельефа и о потенциальной мощи дождевых потоков, которые так или иначе требовалось укрощать.

Средний пруд ещё более лесной и более тёмный, однако и он не выглядит «диким». Крутые берега выкашиваются. Ближайшее древесное окружение представлено дубами, липами и ясенями. По краю воды растёт много хвоща приречного (топяного), а на поверхности плавают крупные листья кувшинки чисто-белой и другие листья такой же формы, но гораздо мельче — водокраса обыкновенного (лягушечника). Есть тут и скопления совсем мелких листочков ряски.

Нижний пруд — самый малый (не более 20 метров в длину) и самый тёмный из всех. Он как бы погружён в облесённые береговые склоны и может отражать только окружающие его деревья, в основном липы и расположенные ниже пруда ели. На относительно крутых берегах растёт в обилии сныть обыкновенная (тоже периодически скашивается), встречаются здесь мать-и-мачеха, лютики, незабудки, копытень европейский, неперменный одуванчик, развит плотный моховой покров. Приводная и водная растительность отличается бедностью, что обусловлено, вероятно, нехваткой света под кронами деревьев и/или недавней чистой водоёма, скорее всего от ряски трёхдольной. Этот пруд — есть тому свидетельства — служил хозяевам усадьбы источником воды для расположенной почти рядом бани. Отсюда в просветы между деревьями уже хорошо видна голубая Сороть. Река с её блеском, особенно в хорошую погоду, дополняет впечатление о красоте и разнообразии водоёмов в этой пейзажной части парка. Ранней весной и поздней осенью, когда река разливается, а почти все пруды с некоторых точек можно видеть одновременно, это впечатление усиливается, и наблюдатель с полным правом может говорить о Тригорском парке как о царстве воды.

Возвратимся к вопросу, заданному в начале статьи. Объяснить частое невнимание к прудам можно несколькими причинами. Большинство посетителей бывают в Тригорском летом, когда густая зелень скрывает эти замечательные объекты от их глаз. Кроме того, редкий из гостей проходит последовательно вдоль всего каскада, и далеко не всякий после прогулки по парку может сказать, сколько прудов он видел. Фабричный пруд, как уже отмечалось, при этом не воспринимается как собственно парковый, находясь в открытой партерной («ухоженной»),

как говорят некоторые) части усадьбы. Тем не менее все водоёмы парка, включая Сороть — важнейшие элементы композиции парка, требующие к себе постоянного внимания и заботы.

И закончить разговор о прудах этого светлого и романтического — имея в виду всю связанную с именами Пушкина и его друзей историю и поэзию — парка можно словами Юлии Друниной:

Есть в России
Святые места.
Если друг
Тебя в горе кинет,
Если вдруг
На душе пустота,
Ты пойдёшь,
Приложишься к святыне.
Поброди
Вдоль Тригорских прудов,
По Михайловским
Ласковым рощам —
Как бы ни был
Наш век суров,
Там всё сложное
Станет проще.
И над Соротью голубой
Вдруг обратно
Помчится время,
Ты свою
Позабудешь боль,
Обретёшь ты
Второе зренье...¹

---

¹ Друнина Ю. «Есть в России святые места...» // Друнина Ю. Избранное : В 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 86.

**ИЛЛЮСТРАЦИИ В.В. ГЕЛЬМЕРСЕНА
К РОМАНУ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»
К 75-летию смерти художника**

Василий Васильевич Гельмерсен, автор впервые экспонируемых иллюстраций к «Евгению Онегину», родился в Петербурге 23 августа 1873 года. Он представитель старинного дворянского рода прибалтийского происхождения. Его предок Пауль Гельмерсен в начале XVII века выехал из Брауншвейга в Лифляндию, поселившись в Риге.

В.В. Гельмерсен окончил гимназию при лютеранской церкви Св. Анны и юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1899 году он определился в канцелярию министерства двора, где служил помощником бухгалтера, а затем бухгалтером в отделе контроля. В 1908 году он уже контролёр, надворный советник и камер-юнкер двора. Интересно, что человек, именем которого стали называть то искусство, к которому с детства пристрастился Гельмерсен, — маркиз Этьен де Силуэтт, — также служил контролёром, правда, генеральным, при дворе герцога Филиппа Орлеанского.

Скучная служба сменилась для Гельмерсена интересной в 1914 году, когда он был назначен старшим помощником заведующего Собственной библиотекой Его Величества, то есть Эрмитажной библиотекой. К этому времени Гельмерсен был уже известен в художественных кругах столицы — его силуэты экспонировали на выставках Академии художеств, «Мира искусства». Гельмерсен иллюстрировал «Войну и мир» Толстого, «Мёртвые души» Гоголя, «Героя нашего времени» Лермонтова, но особое место в его творчестве занимали произведения Пушкина, и прежде всего «Евгений Онегин». В жанре силуэта Гельмерсен выполнял и экслибрисы, которые также экспонировались на отечественных выставках, например, на выставке «Художественный экслибрис. 1917—1927» в залах Государственной публичной библиотеки в Ленинг-

---

В рамках научно-музейных Михайловских Пушкинских чтений «Пушкин и 1812 год» прошла презентация выставки «Иллюстрации В.В. Гельмерсена к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». К 75-летию смерти художника». Организаторы выставки — Государственный литературный музей (представленные на выставке работы являются собственностью музея), издательство ВИТА НОВА и Пушкинский Заповедник.

раде в 1928 году. В том же году его работы попали и на Международную выставку экслибриса в Лос-Анжелес.

У истоков русского силуэтного искусства стоял граф Фёдор Петрович Толстой, которого Пушкин мечтал увидеть иллюстратором «Евгения Онегина», однако этого не произошло. Пройдёт сто лет, и наконец появится иллюстратор пушкинского романа, который, как представляется, вполне бы удовлетворил его автора. Но сам Гельмерсен при жизни увидел напечатанной только одну им исполненную иллюстрацию — «Ленский представляет Лариным Онегина», — опубликованную в третьем томе брокгаузовского собрания сочинений Пушкина в 1909 году. Шестифигурная композиция включает в себя изображения стоящих слева направо Онегина, Ленского, Прасковьи Лариной, Ольги, няни Филипьевны и Татьяны. Все они легко узнаваемы, потому что именно такими их представил Пушкин. Их словесные портреты тактично, со вкусом и любовью переведены художником в зрительный ряд. Гельмерсен как будто следует за Пушкиным буквально, не привнося в силуэты ничего от себя, кроме своего искусства, которым нельзя не восхищаться. Выделявшаяся на фоне слабых, а порою и просто пошлых иллюстраций других авторов, помещённых в брокгаузовском издании «Евгения Онегина», работа Гельмерсена стала настоящим украшением книги и не могла не привлечь к себе внимания самых искушённых ценителей пушкинского творчества.

Первым, кто обратил пристальное внимание на онегинские силуэты Василия Васильевича Гельмерсена, стал выдающийся пушкинист Николай Осипович Лернер. Он участвовал в комментировании брокгаузовского Пушкина, и, скорее всего, именно он и предложил редактору С.А. Венгеру включить в издание иллюстрацию Гельмерсена. Вскоре у Лернера родилась идея отдельного издания пушкинского романа с иллюстрациями Гельмерсена. Художник передал уже существовавшие работы Лернеру и даже по просьбе учёного исполнил ряд новых. Изданию помешала грянувшая война, а затем и революция. Так что для современников Гельмерсен остался автором только одной чудесной иллюстрации к «Онегину».

1917 год Гельмерсен встретил всё так же камер-юнкером и старшим помощником заведующего собственной библиотекой Николая II, но уже в чине коллежского советника, равного полковнику по петровской «Табели о рангах». Этого было вполне достаточно, чтобы предположить исход жизни Гельмерсена, не пожелавшего эмигрировать.

В Эрмитажной библиотеке Гельмерсен проработал до 1921 года, когда вынужден был стать сотрудником сметно-финансового подотдела Петроградского губземуправления, вернувшись, таким образом, к бухгалтерским занятиям. Ему повезло: Академия художеств отметила его заслуги художника, и в 1923 году он был назначен научным сотрудником Русского музея. Ещё в 1920 году Э. Голлербах, для которого Гельмерсен выполнил экслибрис, обратил внимание на его иллюстрации к «Онегину», напечатав о них очерк в газете «Жизнь искусства» под рубрикой «По мастерским художников» (мастерской Гельмерсена была его квартира под № 24 на Моховой улице, дом 39). В Русском музее Гельмерсен прослужил недолго — уже в 1925 году его пригласили на должность помощника управляющего делами Академии наук. На этот раз пригодилось его великолепное владение шестью европейскими языками. В обязанности Гельмерсена входила переписка с заграницей и общение с иностранными учёными, гостями Академии наук. Н.О. Лернер всё ещё не терял надежды на издание «Евгения Онегина» с иллюстрациями Гельмерсена, однако на этот раз подготовку издания превали репрессии в отношении Академии наук, коснувшиеся в полной мере и художника.

Летом 1929 года при проверке академии так называемой «комиссией Фигнатера» Гельмерсен был «вычищен» из неё по первой категории, то есть без права на поступление в любое государственное учреждение и даже на получение паспорта. А через полгода, 12 января 1930 года, он был арестован по делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России». Приговор Гельмерсену вынесли 10 мая 1931 года: он был осуждён на десять лет лагерей. Срок отбывал на Соловках и в Медвежьей Горе (Белбалтлаг). Сохранились воспоминания о встречах с Гельмерсеном в Медвежьей Горе, в том числе художника Владимира Александровича Свительского, которого Василий Васильевич приобрёл к искусству силуэта. Свительский в лагере исполнил силуэтный портрет своего учителя. Это единственное известное нам изображение Гельмерсена. С ножницами в руках и листом бумаги, в очках, поднятых на лоб, — таким, за любимым делом, он оказался запечатлённым для потомства.

В лагерях художник читал своим братьям по судьбе отрывки из «Евгения Онегина», которого знал наизусть, и раздаривал им силуэты к пушкинскому роману, которые постоянно вырезал. Актёр Вацлав Янович Дворжецкий, встретившийся с Гельмерсеном в Медвежьей

Горе в 1933 году, вспоминая о круге заключённых — философах, литераторах, художниках, сотрудниках лагерной газеты «Перековка», пишет: «Особенно запомнился художник Гельмерсен Василий Васильевич — бывший библиотекарь царя, маленький, худенький старичок лет 90, всегда улыбающийся, приветливый, остроумный, энергичный. Он когда-то был почётным членом разных заграничных академий, магистр, доктор-филолог, свободно владел многими иностранными языками, потрясающе знал историю всех времён и народов, мог часами наизусть цитировать главы из Библии, декламировал Державина, Пушкина, Блока...»

Молодому тогда актёру 66-летний Гельмерсен запомнился 90-летним стариком. Не был Гельмерсен ни «доктором-филологом», ни даже «магистром» и не состоял членом заграничных академий. Но обаяние его личности, обширность его познаний сделали своё дело — мемуарист сам производит его в доктора наук и почётные члены иностранных академий. Но главное, что Дворжецкому врезалось в память, — это то, как Гельмерсен «вырезал ножницами из чёрной бумаги стилизованные силуэты из «Евгения Онегина»: Татьяна, Ольга, Ленский... С закрытыми глазами!»¹.

Какие-то из силуэтов Гельмерсена, расхоронившиеся по рукам, впоследствии, выйдя за пределы лагерей, дошли до нашего времени. Однако основной корпус иллюстраций сохранил Н.О. Лернер, вдова которого в 1934 году, сразу же после смерти мужа, передала директору Государственного Литературного музея В.Д. Бонч-Бруевичу 102 силуэта к «Евгению Онегину» работы Гельмерсена. В 1937 году часть их экспонировали на Всесоюзной Пушкинской выставке, приуроченной к 100-летию со дня смерти поэта. В очередной раз они обратили на себя внимание общественности. В силуэтах Гельмерсена пленяло прежде всего то, как бережно относится художник к тексту Пушкина, насколько адекватно ему удаётся передать пушкинские образы. Знаменитый исследователь рисунков Пушкина А. Эфрос, посетивший выставку 1937 года, вскоре написал статью «Силуэты В. Гельмерсена», которая тогда не смогла увидеть свет.

В это время автор иллюстраций, по-прежнему содержащийся в лагере, был вторично осуждён и приговорён к расстрелу. Приговор был приведён в исполнение 20 ноября 1937 года. Реабилитировали Гельмерсена только 29 апреля 1989 года.

¹ См.: *Дворжецкий В.Я.* Пути больших этапов : Записки актёра. М., 1994.

Однако в 1940 году Гослитмузеем была предпринята ещё одна попытка издать «Евгения Онегина» с иллюстрациями Гельмерсена. Известный искусствовед А. Сидоров написал для готовившегося издания специальную статью. Дело дошло даже до вёрстки, которая была подписана в печать 5 июня 1941 года. Начавшаяся война не позволила продолжить подготовку книги. После войны работа над изданием продолжена не была.

В 1948 году иллюстрации Гельмерсена к роману Пушкина были описаны в «Каталогах» Государственного литературного музея. Эти иллюстрации входят в общий список иллюстраций к «Онегину», тогда принадлежавших музею, с указанием номеров, размеров и строф, к которым они относятся. Однако в каталоге числится не 102, поступившие от Н.О. Лернера, а только 92 иллюстрации (с № 87 по № 178). При этом ряд иллюстраций, указанных в каталоге, в настоящее время в фондах музея отсутствует. Кроме того, в каталоге есть явно неправильные атрибуции силуэтов.

Интересно отметить и тот факт, что в вёрстке готовившегося издания 1940 года есть иллюстрации, отсутствующие в этом каталоге. Их как раз около десяти. Скорее всего, это и есть те недостающие силуэты, которые были переданы в музей вдовой Лернера, но не попали в каталог: вероятно, они были извлечены из коллекции для подготовки к печати «Евгения Онегина» и были возвращены в её состав, когда подготовка книги была внезапно сорвана начавшейся войной.

«Евгений Онегин» с иллюстрациями Гельмерсена, принадлежащими Гослитмузею, был выпущен в 1993 году издательством «Московский рабочий». К сожалению, в это, отпечатанное на плохой бумаге, издание оказались включены не все силуэты, те же, которые вошли, оторваны от текста и частично даны с ошибочными атрибукциями. Только теперь, спустя столетие после первой публикации одной иллюстрации В.В. Гельмерсена к «Евгению Онегину», читатели имеют возможность по достоинству и в полном объёме оценить уникальную работу художника, о которой многие знали, но которую очень немногие видели.

**Краткие сведения об авторах сборника
«Михайловская пушкиниана»**

Ананьева Светлана Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая отделом мировой литературы и международных связей Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова Министерства образования и науки Республики Казахстан, член Союза писателей Казахстана.

Белоусова Елена Викторовна — старший научный сотрудник Музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» (Тульская область).

Боленко Константин Григорьевич — кандидат исторических наук, заведующий отделом редких книг, рукописей и фотофондов Государственного музея-усадьбы «Архангельское» (Москва).

Бринюк Надежда Юрьевна — научный сотрудник Военно-медицинского музея Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова (Санкт-Петербург).

Будко Анатолий Андреевич — доктор медицинских наук, профессор, директор Военно-медицинского музея Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова (Санкт-Петербург).

Вершинина Наталья Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы Псковского государственного университета.

Вольперт Лариса Ильинична — профессор кафедры русской литературы Тартуского университета.

Востриков Алексей Викторович — заведующий сектором, хранитель библиотеки Бестужевских курсов научной библиотеки имени М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Ганнибал Борис Константинович — кандидат биологических наук, доцент, старший научный сотрудник Ботанического института имени В.Л. Комарова РАН (Санкт-Петербург).

Дмитриева Екатерина Евгеньевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела русской классической литературы Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН (Москва).

Дозорова Надежда Ивановна — старший научный сотрудник отдела редких книг, рукописей и фотофондов Государственного музея-усадьбы «Архангельское» (Москва).

Жучков Константин Борисович — кандидат исторических наук, старший преподаватель Псковского государственного университета.

Заварзина Елена Юрьевна — аспирант Воронежского государственного педагогического университета.

Заварзина Любовь Эллиевна — кандидат педагогических наук, доцент Воронежского государственного педагогического университета.

Ивлева Валентина Ивановна — заведующая сектором книжных фондов, старший научный сотрудник Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина «Захарово — Большие Вязёмы» (Московская область).

Ковалёв Геннадий Филиппович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой славянской филологии Воронежского государственного университета.

Козаровецкий Владимир Абович — автор, редактор, издатель (Москва).

Козмин Александр Борисович — научный сотрудник музея-усадьбы «Петровское» (Пушкинские Горы, Псковская область).

Колбасин Вадим Николаевич — старший преподаватель Московского городского педагогического университета.

Колыбина Зинаида Петровна — заведующая экспозиционным отделом Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина «Захарово — Большие Вязёмы» (Московская область).

Кузнецова Наталия Владимировна — заведующая учебным отделом, старший преподаватель Петербургского института иудаики (Санкт-Петербург).

Кулик Анастасия Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы гуманитарного факультета Воронежского государственного педагогического университета.

Манкевич Ирина Анатольевна — доктор культурологии, доцент кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения.

Мельцин Максим Олегович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного института печати Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна (Санкт-Петербург).

Морозов Максим Анатольевич — кандидат исторических наук, главный библиотекарь научной библиотеки имени М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Нагина Ксения Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Воронежского государственного университета.

Панченко Елена Залковна — главный библиограф отдела Библиотеки РАН при Санкт-Петербургском институте истории.

Ружицкая Ирина Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва).

Сахаров Александр Александрович — доцент Московского городского психолого-педагогического университета, член Союза писателей России, лауреат премии «Герой нашего времени» имени М.Ю. Лермонтова (Москва).

Симонова Вера Михайловна — кандидат филологических наук, учёный секретарь Юсуповского дворца на Мойке (Санкт-Петербург).

Старк Вадим Петрович — доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургской художественно-промышленной академии имени А.Л. Штиглица (Санкт-Петербург).

Сухова Надежда Владимировна — старший преподаватель Московского физико-технического института.

Таборисская Евгения Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры книгоиздания Северо-Западного института печати Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна (Санкт-Петербург).

Телетова Наталья Константиновна — кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург).

Узенёв Эдуард Александрович — методист Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы, Псковская область).

Хмелевских Ирина Васильевна — кандидат искусствоведения, научный сотрудник научно-исследовательского отдела редкой книги Библиотеки РАН (Санкт-Петербург).

Шпилевая Галина Александровна — доктор философских наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического университета.

Яблоков Евгений Александрович — доктор филологических наук, профессор Московского института открытого образования.

Содержание

I. Материалы

научно-практической конференции «ЗОЛОТОЙ ВЕК ФРАНЦУЗСКОЙ КНИГИ В РОССИИ»

- Константин Жучков.** КОЛЛЕКЦИЯ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННЫХ КНИГ ИЗ ФОНДОВ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА: К ПОСТАНОВКЕ ГИПОТЕЗЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ..... 5
- Ирина Ружицкая.** ФРАНЦУЗСКИЕ ИЗДАНИЯ В ДНЕВНИКЕ М.А. КОРФА..... 15
- Валентина Ивлева, Зинаида Колыбина.** БИБЛИОТЕКА КНЯЗЕЙ ГОЛИЦЫНЫХ ИЗ УСАДЬБЫ ВЯЗЁМЫ. ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ..... 28
- Константин Жучков.** СМЕНА ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАРАДИГМЫ: ОТ ПРУССКОГО ВЛИЯНИЯ К ФРАНЦУЗСКОМУ (Французский кавалерийский устав из библиотеки Д.В. Голицына)..... 37
- Алексей Востриков, Максим Морозов.** КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ А.Д. САЛТЫКОВА В СОСТАВЕ БИБЛИОТЕКИ БЕСТУЖЕВСКИХ КУРСОВ..... 47
- Константин Боленко.** ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ФРАНЦИИ В БИБЛИОТЕКЕ НИКОЛАЯ БОРИСОВИЧА ЮСУПОВА (предварительные заметки)..... 63
- Вера Симонова.** «ОТРАДА СВЕТЛАЯ ДЛЯ СЕРДЦА И УМА». З.И. Юсупова и брошюра «L'Empereur Napoleon III et l'Angleterre» (Paris, 1858) из её коллекции 72
- Елена Панченко.** ДВА ПАМФЛЕТА ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВОРОНЦОВЫХ 84
- Ирина Хмелевских.** СБОРНИК «L'ARCHITECTURE FRANÇOISE...» ИЗ БИБЛИОТЕКИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО..... 91
- Екатерина Дмитриева.** РОМАНЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЛИБЕРТИНАЖА, ИХ ЧИТАТЕЛИ И ПЕРЕВОДЧИКИ..... 99

Наталья Вершинина. 1812 ГОД И ФИЛОСОФИЯ ВРЕМЕНИ
В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «РОСЛАВЛЕВ»..... 117

**II. Материалы Михайловских Пушкинских чтений
«ПУШКИН И 1812 ГОД»**

Вадим Колбасин. РУССКИЙ ПАРИЖСКИЙ МИФ
И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА..... 124

Любовь Заварзина, Елена Заварзина. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА 1812 ГОДА В ЖИЗНИ ПУШКИНА-ЛИЦЕИСТА..... 135

Александр Сахаров, Надежда Сухова. «ВОЕННАЯ ГАЛЕРЕЯ»
А.С. ПУШКИНА 146

Евгения Таборисская. РОЛЬ ЭКФРАСИСОВ В СТИХОТВОРЕНИИ
А.С. ПУШКИНА «ПОЛКОВОДЕЦ»..... 158

Анастасия Кулик. А.С. ПУШКИН И Д.В. ДАВЫДОВ:
К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ..... 172

Наталья Кузнецова, Максим Мельцин. АНТИКУТУЗОВСКИЕ
НАСТРОЕНИЯ В ПОЭЗИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА:
неопубликованная сатира князя И.М. Долгорукова
«Побаска пьяного мужика под Москвою после француза»..... 177

Ирина Ружицкая. ГЕНЕРАЛЫ 1812 ГОДА В ПУШКИНСКИХ
ТЕКСТАХ И В РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ: М.С. ВОРОНЦОВ 186

Владимир Козаровецкий. ПУШКИН И БЕНКЕНДОРФ.
Герой войны 1812 года как «духовный наставник» Пушкина 201

Александр Козмин. ГАННИБАЛЫ — УЧАСТНИКИ ОТЕЧЕСТ-
ВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА В МЕМУАРНО-ЭПИСТО-
ЛЯРНЫХ, НАУЧНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКАХ.... 210

Константин Жучков. СЛУЖБА П.И. ГАННИБАЛА
«ПО ВЫБОРАМ» В 1812 ГОДУ 219

Константин Жучков. МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ГЕРОЙ ОТЕЧЕСТ-
ВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА ИЗ УСАДЬБЫ ЛАДИНО..... 225

Константин Жучков, Эдуард Узенёв. НОВОРЖЕВСКИЙ
ПОМЕЩИК А.Н. ЧЕЧЕНСКИЙ — УЧАСТНИК
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА..... 229

Вадим Старк. БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА —
СЕМЕЙНЫЙ ПРАЗДНИК В ДОМЕ ПУШКИНА..... 241

Анатолий Будко, Надежда Бринюк. АРЕНДТ — ПУШКИН: 1812—1837.....	259
Надежда Дозорова. КНИГИ О НАПОЛЕОНЕ В БИБЛИОТЕКЕ КНЯЗЕЙ ГОЛИЦЫНЫХ ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ «АРХАНГЕЛЬСКОЕ»	269
Елена Белоусова. ГЕРОИКА ЭПОХИ «МИЛОРАДОВИЧЕЙ, ДАВЫДОВЫХ, ПУШКИНЫХ» ПОД ПЕРОМ ТОЛСТОГО	279
Ксения Нагина. «МЕТЕЛЬНЫЙ» КОД А.С. ПУШКИНА В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР».....	288
Евгений Яблоков. ПОЭТ НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ «Пушкинско-наполеоновские» мотивы в прозе М.А. Булгакова	297
Наталья Телетова. ЯМБУРГСКИЕ ПОТОМКИ А.П. ГАННИБАЛА	306
Геннадий Ковалёв. ЭФФЕКТ ИМЕННОГО КОЛЬЦЕВАНИЯ НЕКОТОРЫХ СЮЖЕТОВ А.С. ПУШКИНА.....	316
Галина Шпилева. ПУШКИНСКИЙ «ТЕКСТ РУКОДЕЛИЯ»: СУДЬБА — ТВОРЧЕСТВО — ИСТОРИЯ.....	323
Ирина Манкевич. КОСТЮМ И ЛЮБОВЬ: КОСТЮМНЫЕ СИЛУЭТЫ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ А.С. И Н.Н. ПУШКИНЫХ.....	331
Светлана Ананьева. Н.Н. ГОНЧАРОВА И А.С. ПУШКИН: ВСТРЕЧА, ПРЕДОПРЕДЕЛЁННАЯ СУДЬБОЙ (по страницам казахстанской пушкинианы)	341
Борис Ганнибал. ТРИГОРСКИЕ «ЗЕРКАЛА» В ИХ РАСТИТЕЛЬНОЙ ОПРАВЕ. О прудах усадебного парка	352
Вадим Старк. ИЛЛЮСТРАЦИИ В.В. ГЕЛЬМЕРСЕНА К РОМАНУ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» К 75-летию смерти художника.....	363
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СБОРНИКА «МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА».....	368

Научно-популярное издание
МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА
Выпуск 58

МАТЕРИАЛЫ
научно-практической конференции
«Золотой век французской книги в России»
(4—8 апреля 2012 года)

и Михайловских Пушкинских чтений «Пушкин и 1812 год»
(15—19 августа 2012 года)

Руководитель издательских проектов
Пушкинского Заповедника Н.Б. Василевич

Редактор Л.А. Токарева
Технический редактор С.П. Кустова
Корректор Т.П. Николаева
Компьютерная верстка: И.Г. Александрова

Фото на первой странице обложки:
Н. Алексеев. Съёмки фильма «Василиса Кожина»
в Тригорском

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)
181370, Псковская область, пос. Пушкинские Горы, селцо Михайловское.

Распространяется бесплатно

Подписано в печать 20.03.2013. Формат 60x88 ¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Объем 23,5 печ. л.
Заказ № 250. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ГППО «Псковская областная типография».
180004, Псков, ул. Ротная, 34